АКТУАЛЬНАЯ

ТЕМА

КОТЁЛ С НЕПРИЯТНОСТЯМИ

Ближний Восток для «чайников»

Евгений
САТАНОВСКИЙ

Президент Института Ближнего Востока, ведущий эксперт в области политики Израиля, стран Ближнего и Среднего Востока

СРЕДИЗЕМНОЕ
МОРЕ
ЛИВАН
СИРИЯ
ГАЛИЛЕЯ
САМАРИЯ
ИУДЕЯ
НЕГЕВ
ИОРДАНИЯ
ОБЪЕДИНЕННАЯ АРАБСКАЯ РЕСПУБЛИКА
Мертвое море
Тивериадское озеро
Хайфа
Акка
Сафед
Назарет
Тиверия
Эль-Аффула
Зихрон-Яаков
Хадера
Натанья
Кефар-Сава
Херцлия
Петах-Тиква
ТЕЛЬ-АВИВ
Рамат-Ган
Ришон-ле-Цион
Реховот
Лидда
Рамле
Ашдод
Мигдал-Гад
Газа
Хан-Юнис
Рафа
Шейх-Зувейд
Дженин
Тулькарм
Наблус
Рамаллах
Иерихо
Иерусалим
Бейт-Лахм (Вифлеем)
Эль-Халиль (Хеврон)
Беэр-Шева
Седом
Эс-Сальт
Мадеба
Эль-Керак
Петра
Маан
Эль-Кусейма
Эль-Кунтилла
Эльат

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ
ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН
АРАВИЙСКОЕ МОРЕ
Аденский залив
Оманский залив
СОМАЛИ
ЭФИОПИЯ
ЙЕМЕН
СИРИЯ
ТЕГЕРАН
БАГДАД
ДАМАСК
БЕЙРУТ
ТЕЛЬ-АВИВ
ЕРИВАН
ТЕБРИЗ
Красноводск
Мосул
Хамадан
Исфахан
Кашан
Шираз
Бушир
Манама
Доха
Мекка
Джидда
Таиф
Сана
Аден
Мукалла
Салала
Джибути
Бербера
Асмара
Порт-Судан
Кассала
Гондар
АДДИС-АБЕБА
Харар
Сокотра
Кардафуй
НУБИЙСКАЯ ПУСТЫНЯ
РУБ-ЭЛЬ-ХАЛИ
НЕДЖД
ХАДРАМАУТ
ОМАН
БОЛЬШОЙ НЕФУД

АКТУАЛЬНАЯ

ТЕМА

Читайте также в серии

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

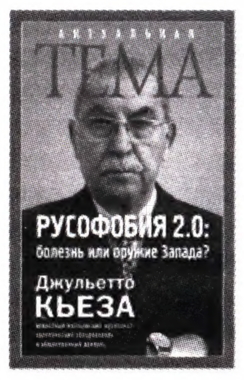

Узнавайте о новинках в нашей группе «Время легенд» в Facebook:
https://www.facebook.com/Время-легенд-456864947853689/

Евгений
САТАНОВСКИЙ

КОТЁЛ С НЕПРИЯТНОСТЯМИ

Ближний Восток для «чайников»

Москва
2016

УДК 94
ББК 63.3(0)
С21

Художественное оформление *Р. Фахрутдинова*

Фото автора на переплете *С. Синцова*

Согласно решениям Верховного Суда РФ организации, перечисленные ниже, признаны террористическими или экстремистскими и их деятельность запрещена в Российской Федерации: «Аль-Гамаа аль-Исламия» («Исламская группа») — решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116; «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКИМ) — решением ВС РФ от 13 ноября 2008 г. № ГКПИ 08-1956; «Аль-Каида» («База») — решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116; «Ахрар аш-Шам» («Джунд аш-Шам», «Войско Великой Сирии») — решением ВС РФ от 2 июня 2006 г. № ГКПИ 06-531; «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун») — решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116; «Джабхат ан-Нусра» («Фронт победы», «Джабха аль-Нусра ли-Ахль аш-Шам» — «Фронт поддержки Великой Сирии») — решением ВС РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424С; «Джамаат-и-Ислами» («Исламская группа») — решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116; «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират») — решением ВС РФ от 8 февраля 2010 г. № ГКПИ 09-1715; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана») — решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116; «Исламское государство» («Исламское Государство Ирака и Сирии», «Исламское Государство Ирака и Леванта», «Исламское Государство Ирака и Шама») — решением ВС РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424С; «Лашкар-и-Тайба» — решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116; «Союз Исламского джихада» — решением ВС РФ от 2 июня 2006 г. № ГКПИ 06-531; «Талибан» («Движение Талибан») — решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116; «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения») — решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116

Сатановский, Евгений Янович.

С21 Котёл с неприятностями. Ближний Восток для «чайников» / Евгений Сатановский. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 576 с. — (Актуальная тема).

ISBN 978-5-699-89774-2

Это не энциклопедия, не справочник и не сборник путевых рассказов. Но в этой книге можно найти сведения о регионе, который является источником основных угроз для всего мира. Ближний и Средний Восток — это нефть и газ, всемирно известные курорты и крупнейшие на планете рынки вооружений и военной техники. Это колыбель современной цивилизации и родина иудаизма, христианства и ислама. Но это и источник терроризма и наркоторговли, опасный для Евросоюза, Соединённых Штатов, Китая, Индии и России — настоящий «котёл с неприятностями». Знать о нём всё невозможно, но понимать, что именно происходит на пространстве от североафриканского побережья Атлантики до границ Индии и от Сомали до российской границы, — полезно для выживания. Автор попытался дать читателю эту возможность. И только от самого читателя зависит, воспользуется ли он ею.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-699-89774-2

Оглавление

Часть II
Центры внешнего влияния и международное сотрудничество

Часть III
Конфликты и проблемы

Предисловие к изданию 2016 года

Задуманная автором книга о Ближнем и Среднем Востоке (БСВ), России и её контактах с этим регионом, бурлящим, как котёл с ведьминым варевом, более всего должна была напоминать энциклопедический кирпич. По крайней мере, во втором издании, которое читатель держит в руках. Расписанное в подробностях оглавление намекало именно на это. Год-полтора напряжённой работы, и можно было бы сдать этот продукт популяризации науки в издательство.

Однако, поскольку задание, полученное автором от редактора, твёрдо гласило: дописать к концу лета, то есть за полтора-два месяца (что естественным образом сорвала операция российских ВКС в Сирии и обострение отношений Москвы и Анкары после того, как Турция сбила российский СУ-24), большая книга о Ближнем Востоке будет расти сама по себе, естественным путём, а настоящее переиздание представит первую книгу, в своё время написанную для «Эксмо», освежённую и дополненную автором. Тоже хлеб. Благо эта книга издательством не переиздавалась, превратившись в раритет.

Время течёт быстро, и половина того, что соответствовало текущей ситуации на БСВ в 2011 году, когда

первый вариант «Котла» ушёл в печать, в настоящий момент нерелевантно. Ряд стран, упомянутых в книге, распался, их лидеры были свергнуты и бежали или были убиты. Террористические группировки, захватив территории, на которых живут миллионы людей, получили доступ к воде и нефти, заработали миллиарды и начали объявлять себя государствами.

«Международное сообщество» при этом, во всём его разнообразии, проявило себя в регионе абсолютно недееспособным по всем направлениям одновременно. Показательным примером стало его бессилие остановить поток нелегальных иммигрантов из Африки и БСВ, захлёстывающий европейское Средиземноморье, исламизация Европы и теракты, организованные исламистами в странах ЕС. При всех бонусах и бенефитах, извлечённых из описанной ситуации Турцией, которая во многом европейцам всё это безобразие и устроила.

Распад «восьмёрки», возвращение её в формат «семёрки» по инициативе США и обострение ситуации на Украине ознаменовал начало новой холодной войны. Возникновение газового альянса России и Китая, усиление БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества обозначили возникновение нового экономического миропорядка, создаваемого без западного мира. Точно так же неожиданное начало действий ВКС России в Сирии в союзе с армией её президента Башара Асада и иранцами поставило заслон беспрепятственному распространению радикального исламизма.

Участие в этом процессе Индии, Пакистана, Ирана, постсоветских республик Центральной Азии и Афганистана много значит для БСВ. При этом перспективы «Центральноазиатской весны», распространение за пределами ближневосточного региона исламистско-

го терроризма, перспективы перерастания «ядерной сделки» Ирана с «мировым сообществом» в региональную гонку ядерных вооружений и глобальный шиито-суннитский конфликт означают возникновение новых угроз, центром которых является БСВ.

Не замечать всего вышеописанного невозможно. Благо несколько тысяч статей и десятки книг, опубликованных Институтом Ближнего Востока за истекшие с момента выхода в свет «Котла с неприятностями» четыре года, дают возможность дополнить в этой книге всё, что необходимо дополнить, и пересмотреть всё, что необходимо пересмотреть. Единственное, в чём они помочь не могут, — исправить нрав ряда выдающихся особо сварливым характером, алчностью, склонностью к интриге, сутяжничеству и наушничеству престарелых членов академического сообщества, история жизни которых включает немало сомнительных страниц.

Автор склонен относиться к этой малой по численности, но мерзопакостной по сути генерации учёных и администраторов, среди которых выделяется ушедший по возрасту на пенсию, к счастью для всех его бывших подчинённых и коллег, директор профильного института, заработавший на своей профессии немалые деньги, от которых науке не досталось ровно ничего, как к неизбежному злу. Есть в этом мире и такое. Ну, что поделать. В академической среде свои интриги и свои правила гашения потенциальных конкурентов.

Упоминать этих персонажей не стоило бы вовсе, когда и если бы не появление на специализированном сайте статьи, обрушившейся, к изумлению автора, на *название* книги, которую читатель держит в руках. Формулировка, которая это обосновывала, была бес-

хитростной до изумления: оказание негативного влияния на высшее начальство, которое мешает привлечь многомиллиардные инвестиции из арабского мира в российскую экономику. То есть имела место классическая ситуация, при которой плохому танцору всегда мешают определённые части его, танцора, организма.

Но, как говорят на Ближнем Востоке, «собака лает, а караван идёт». Так что книга будет дописана, дополнена, очищена от устаревшего и выйдет именно под тем названием, под которым выйдет. Если же всё это кому-то по каким-то личным причинам встанет поперёк горла, личность эта может завернуться в свои ветхие академические заслуги, как кобра в капюшон, и уползти доживать отведённое ей время на помойку истории. Либо помереть там от собственного яда или злости. Тоже вариант…

От автора — с претензией на остроумие

Представленная вниманию читателя книга не имеет ничего общего с тем, как она изначально должна была бы выглядеть. Пытаясь оправдать это, позволим себе предположить, в рамках игры ума, что ни одна книга на свете не имеет ничего общего с тем, как она должна была выглядеть по мнению автора. То есть вообще ни одна. С большой буквы «О».

Не исключено, что изначальная версия «Отверженных» Виктора Гюго могла быть издана в формате покетбука, а «Война и мир» графа Льва Николаевича Толстого была задумана как святочный рассказ. Опять-таки, вполне возможно, что Шекспир и Голсуорси писали коротко — это издатели заставили мэтров безбожно раздуть сданные в печать произведения, накачав их лишней информацией, которую, включая имена персонажей, невозможно запомнить ни с первого, ни с двадцать первого, ни со сто двадцать первого раза.

Папа автора всю жизнь честно пытался прочитать «Сагу о Форсайтах». На пятидесятой странице он засыпал как убитый. Очередная сигарета падала, осыпая пеплом всё вокруг — курил он с семи лет, начав

с махорки, а после первого инфаркта перешёл с «Беломора» на более легкую «Яву». Потом папе приходилось приниматься за всё с самого начала: он забывал, кто из героев с кем в каких отношениях состоит.

Вполне возможно, что О. Генри в реальной жизни писал длинно и скучно. Это издатели обрезали его тексты до такого состояния, что многотомные романы превратились в короткие юмористические рассказы. Хорошо известно, что Льюис Кэрролл вообще не писал ничего, кроме трактатов по математике (это на самом деле так!), из чего со стопроцентной гарантией следует, что «Алиса в Зазеркалье» и «Охота на Снарка» изначально, до попадания в руки редакторов и переводчиков, содержали только уравнения и интегралы. Попробуйте найти полную библиографию Кэрролла — сами убедитесь. Британская королева тоже была разочарована.

Так вот, эта книга не имеет ничего общего… ну, впрочем, это уже было. Она задумывалась как серьёзное пособие для серьёзных студентов серьёзного вуза. В ней должно было содержаться пятнадцать глав по пять-десять разделов в каждой. Когда к исходу первого месяца работы автор расписал первую главу до состояния, которое его более или менее удовлетворило, в ней оказалось примерно сто страниц. Ну, может быть, девяносто шесть или девяносто восемь. Что не слишком облегчало дело.

Со скорбью глядя на дело рук своих и пытаясь понять, как уместить полтора десятка глав по сотне страниц в книгу, которая по предварительной договорённости с издательством должна была укладываться сотни в три, максимум три с небольшим, автор смутно заподозрил, что делает что-то не то. Но, следуя природному инстинкту, вроде того, что ведёт почтовых

голубей к родному дому, а черепах Индийского океана гонит откладывать яйца на песчаном побережье южнее Маската, продолжил писать вразбивку — раздел оттуда, раздел отсюда.

Заказанный объём был исчерпан, когда, по его подсчётам, была написана примерно четверть того, что имело смысл написать согласно исходным планам. Что ещё важнее, время, которое было отведено на книгу, кончилось. Причём не просто кончилось: ушло не только основное время, но и благородно предоставленные терпеливым редактором полтора месяца сверх срока, которые автор честно заработал тем, что, перед тем как засесть за книгу, с храбростью, граничащей с героизмом, заменил оба глаза.

Точнее — заменены были глазные хрусталики, которые надо было заменить давным-давно, поскольку многолетняя работа с горячим металлом в сортопрокатном цеху завода «Серп и молот» обеспечивала не только пенсией с пятидесяти лет для тех, кто до этих лет доживал, но и гарантированной катарактой. Снизив свои минус двенадцать до приемлемых минус трёх и получив уверения врачей, что не ослепнет в ближайшее время, автор написал всё, что успел, — пока не упёрся в объём и срок.

Ещё неделя помогла дописать мелочи, отрихтовать шероховатости, перелопатить материал и равномерно распихать его по главам и частям. После чего, в рамках чистовой редактуры, десяток глав был превращён в «информации к размышлению» в соответствии с бессмертными «Семнадцатью мгновениями весны» и разбросан между оставшимися в качестве вставок. Не суди писателя, читатель, да не судим будешь…

Книга должна была описать, что объединяет и разделяет Магриб, Машрик, Африканский Рог, Аравийский полуостров и Двуречье. В каких отношениях между собой и с арабским миром находятся бывшие-будущие империи — Иран и Турция, вечный «фронтир» Афганистан и ядерный колосс на глиняных ногах — Пакистан. Как сосуществуют с соседями Израиль и Кипр и какую роль играют на Западе ближневосточные диаспоры. Какие планы реализуют основные местные игроки на ближней периферии: Балканах, Закавказье, североафриканском Сахеле и в Центральной Азии, а также на периферии дальней — в Азии Южной и Юго-Восточной.

Однако всё описать так и не удалось — в том числе в настоящем, расширенном издании. Переплетённая стопка бумаги, покрытой типографской краской, которую читатель держит в руках, — треть изначально задуманного, и написана эта треть преимущественно по ночам и по выходным. Остальное время автор давал десятки и сотни интервью журналистам. Отвечал на вопросы, удивляясь общему количеству идиотов на планете и их равномерному распределению по странам мира. Консультировал дипломатов и политиков.

Плюс он вёл колонки в отечественных и зарубежных СМИ, еженедельную полосу в «Военно-промышленном курьере» и много что в других местах. А с октября 2015 года присутствовал по три часа три раза в неделю на «Вестях-FM» в качестве радиоведущего — бывают в мире странные предложения, на которые в качестве эксперимента интересно согласиться. Хотя успешен ли этот эксперимент, судить не ему. Радионачальство, впрочем, не жаловалось.

Правда, он ничего не вёл в блоге и твиттере, которых не имел, не имеет и надеется никогда не иметь —

чай не третий российский президент, некогда. Хотя с интересом и признательностью наблюдал за деятельностью фан-клуба, который за него и его не спросясь завёл от его имени и продолжает пополнять свежими интервью, размещаемыми от его имени, фейсбук, «В контакте» и ю-тюб, заблокированный после того, как после парижского теракта осенью 2015 года он, перефразируя Черчилля, в сердцах обозвал президента Франсуа Олланда «овцой в овечьей шкуре». Западная демократия — страшная сила.

Сверх обозначенных «три раза по три часа» еженедельно по утрам в четверг он общался с российскими радиослушателями вместе с Владимиром Соловьёвым и Анной Шафран, а вечером, опять-таки в четверг, портил настроение русско-язычным американским радиослушателям с Михаилом Бузукашвили. И, наконец, работал «говорящей головой» для радио и телевидения, если что-то случалось на Ближнем Востоке, где всё время что-нибудь случается.

Кроме того, автор носился по миру в соответствии с поговоркой «для бешеной собаки сорок вёрст — не крюк». Читал лекции студентам. Штудировал новые и перечитывал любимые книги — в особо большом количестве. Просматривал журналы и газеты. Прорабатывал аналитические материалы, которые эксперты его Института Ближнего Востока готовили с нарастающей скоростью. Писал статьи и следил за новостями. Проводил совещания и участвовал в совещаниях. Отвечал на вопросы. Следил за происходящим на финансовых рынках и в чёрной металлургии.

В свободное от всего этого время он переругивался с идейными и личными врагами, преимущественно сторонниками «бородатых зайцев» из саудовской и иранской резидентуры, а также идиотами — либе-

рально-оппозиционными, махрово-православными или патриотическими, делая это в телеэфире, радиоэфире и живьём, с интересом читая потом, что они пишут об этом в Интернете, где всякая мелкая болонка становится храброй, как тренированный питбуль. А также организовывал конференции и выступал на чужих конференциях, стараясь уложить всё, что хотел сообщить аудитории, в отводимые на каждый приличный доклад десять минут.

Обрати внимание, читатель! Именно десять, поскольку это максимально допустимое время, после которого слушатели начинают засыпать, если только выступающий не поёт, не играет на музыкальных инструментах и не исполняет стриптиз у шеста. Впрочем, двое из трёх засыпают и в последнем случае, особенно если шест изготовлен из нержавеющей стали зеркальной полировки (не «быстрореза» или 12Х18Н10Т, но тоже приличной), вращается на бесшумных подшипниках и оказывает гипнотический эффект.

Короче говоря, автор был занят — как всегда на протяжении последних сорока девяти лет, с тех пор как злая судьба и Закон о всеобщем среднем образовании привели его в первый класс 720-й школы. Доведя же себя до изнеможения работой, он общался с друзьями и семьёй — преимущественно по мобильному и скайпу — и пил чай в объёмах, которых с избытком хватило бы на год населению Шанхая. А также гладил по шелковистой шерсти двухкилограммового пекинеса Зулю — официально Гакусей-Зянь-Вэй (мир памяти этой обаятельной домашней зверушки, ушедшей в рай для маленьких собачек весной 2013 года).

Техническое образование, полученное в бывшем лучшем металлургическом вузе планеты, и многолет-

няя карьера в проектном институте и на заводе привили автору уважение к цифрам. Цифры надёжны. Дают ощущение точности и фундаментальности. Описывают мир таким, как он есть. Нет ничего поэтичнее цифр для того, кто в них по-настоящему разбирается. Статистика — поэзия востоковеда-практика, как вежливо называют в прессе отечественных разведчиков и вражеских шпионов. Хлеб дипломата и банкира. Проклятие студента МГИМО и ИСАА.

Дали бы автору волю, книга включала куда больше цифр, чем включает, — если, конечно, все они не будут выброшены в процессе редактуры. Цифры не идеальны: информация «протухает» со скоростью, которая заставляет постоянно переиздавать негламурные толстые справочники, которые так идут блондинкам в лёгких, намекающих на наличие интеллекта очках, облекающих стан в розовое, кобальт и нежно-голубое. Благо, Интернет позволяет обновлять информацию без уничтожения лесов, позволяя сохранить их для производства по-настоящему важной для этой категории человечества продукции: туалетной бумаги и салфеток в клеточку.

Однако цифры нравятся не всем. Есть те, кто не воспринимает их вообще. Есть те, кто не откроет книгу, если в ней много статистики. И кому тогда эта книга нужна? Уж точно не издательству, которое не хочет быть банкротом. Так что читатель держит в руках адаптированную версию. Кое-какие разделы в ней ради эксперимента и из лёгкого садизма сохранены в исходном виде и представляют собой «кашу с гвоздями», насыщенную цифровой информацией. Но, в конце концов, автор не Михаил Булгаков, не Михаил Веллер и не Михаил Жванецкий — чего ему и самому искренне жаль.

Однако, поскольку читатель тоже человек, книга представляет собой нечто вроде конской колбасы с рябчиком в пропорции один к одному: одна лошадь — один рябчик. В текст вкраплены лирические отступления. Это подлинные истории из жизни автора, каждое слово в которых — правда. Устав от лекторского тона, автор местами позволял себе сменить его на легкий стёб. Уместно ли это — судить издательству. Студентам нравится. Зрителям и слушателям нравится. Читателям — поглядим.

Используя собственный опыт, автор честно рекомендует, не комплексуя, пропускать разделы, которые покажутся читателю не заслуживающими его внимания или скучными. Автор не обидится по двум причинам. Во-первых, он никогда об этом не узнает. Во-вторых, он сам так делает. Не исключено, что пропущенная информация пригодится читателю зачем-нибудь потом. Или не пригодится никогда — данному конкретному человеку. Так пригодится другому. Третьему. Или сто двадцать третьему.

Книги вообще надо читать быстро — потом их можно перечитывать, если они того стоят. Во всяком случае, помянутый выше двухтомник Голсуорси, которым можно было бы убить средних размеров слона, просто уронив его на это ни в чём не повинное животное, двенадцатилетний в то время автор, вдохновлённый шедшим на телеэкранах страны британским сериалом, прочёл за три дня. Было очень интересно.

Предисловие
БСВ: «дуга нестабильности», или котёл с неприятностями

Что представляет собой с российской точки зрения регион, занимающий пространство от Марокко до Пакистана и от Сомали до российской границы? Территорию «Большой игры»? «Мягкое подбрюшье» России? Родину джихада? Потенциального союзника России в противостоянии с Западом и Китаем? Ресурс углеводородов для мировой экономики? Источник вдохновения для Збигнева Бжезинского, Владимира Жириновского и Александра Дугина?

Традиционно БСВ называют «мягким подбрюшьем» России. На самом деле, сколько бы мы ни готовились к противостоянию с блоком НАТО, какие бы спекуляции ни строились вокруг гипотетического конфликта с Китаем, как бы ни спорили с Японией по поводу Курильских островов, единственной реальной угрозой для России является угроза с юга.

Для джихадистов всего исламского мира Россия — часть «мира меча». Войну с нашей страной они ведут со времен советской оккупации Афганистана, искрен-

не полагают, что победили, и готовы добить в любой момент на нашей собственной территории после победы над Западом, временный альянс с которым позволил им добиться ухода из Афганистана СССР. Теракты на Северном Кавказе и в Москве, суицидальный террор и захват заложников отчетливо несут на себе ближневосточный почерк.

Проблема распространения ядерного оружия для России, при всей опасности ситуации в Северной Корее, — это проблема стабильности пакистанских ядерных арсеналов и приближения Ирана к ядерному статусу. Проблема наркотиков — бесконтрольное производство опиатов в Афганистане и их транспортировка в РФ через центральноазиатские республики.

Проблема религиозного экстремизма — распространение на территории России радикальных исламистских идей, происходящих из стран БСВ, и замена умеренного российского муфтията экстремистами из числа возвращающихся в её пределы радикалов, обучавшихся в медресе и исламских университетах региона или участвовавших в джихаде в Сирии, Ираке и Афганистане.

Проблема границ — претензии Ирана на перераспределение бассейна Каспийского моря. Так как военно-политический и экономический подъём Ирана и Турции сулит России в будущем ничуть не меньшие проблемы, чем соседство Китая. И столкновение российских интересов с турецкими в Сирии осенью 2015 года, когда решалось само существование этой страны — и перспективы стабильности на Ближнем Востоке как таковом, — это доказало.

МИД РФ, структура осторожная, консервативная и, в отличие от советских времен, лишённая идеологического давления Политбюро, вовлекавшего страну

в рискованные авантюры, высказывая мнение Москвы по тем или иным конфликтным ситуациям БСВ, делает это максимально сглаженно, стараясь не вставать ни на чью сторону. Однако полагать, что одинаково ровные отношения с арабским миром и Турцией, Ираном и Израилем, Афганистаном и Пакистаном можно будет сохранять вечно, было бы слишком наивно — и обойдётся слишком дорого.

Британская поговорка «араба нельзя купить, его можно только арендовать» чрезвычайно точно характеризует одну из основных традиций региона, однако сохранение прочных партнерских отношений со всеми без исключения силами, действующими на БСВ, существенно превышает объём наличности, циркулирующей в мировой финансовой системе. И уж тем более в финансовой системе российской.

Как и во все предшествующие эпохи, ближневосточные «центры силы» во втором десятилетии XXI-го века соперничают между собой. «Великие державы» в расширенном составе продолжают очередной раунд «Большой игры». Международные организации реализуют масштабные проекты, значительная часть которых направлена на обеспечение финансирования самих этих организаций, не имея никакого отношения к реальным проблемам БСВ. События же в регионе разворачиваются своим чередом.

В отличие от процессов, идущих в Африке южнее Сахары, которая пока более или менее варится в собственном котле, проблемы Ближнего и Среднего Востока касаются Европы и Соединённых Штатов, России и Китая, Индии и стран ЮВА напрямую. В том числе потому, что влияют на объём и ценовой баланс рынка углеводородов и состояние рынка вооружений, безо-

пасность мировых грузоперевозок и уровень террористической угрозы.

Однако сверх того они оказывают решающее влияние на эмиграцию из стран «третьего мира» в государства «золотого миллиарда» и экологию планеты, перспективы режима ядерного нераспространения и будущее наркоторговли. Именно этим объясняется внимание, которое мы уделяем событиям, происходящим на пространстве от Атлантического побережья Северной Африки до пределов Индостана, хотя казалось бы — кого они должны интересовать в Париже, Лондоне или Москве, не говоря уже о Риге или Киеве?

Политологи всего мира вслед за Збигневым Бжезинским называют эту территорию «дугой нестабильности», что более или менее соответствует действительности. Все попытки привнести в эту дугу стабильность, которые в своё время с энтузиазмом, достойным лучшего применения, предпринимал Советский Союз, распространяя на её просторах социализм, а сегодня — Соединённые Штаты сотоварищи, распространяя там же и с тем же успехом основы демократии, провалились и, позволим предположить, будут проваливаться впредь.

Причина этого в том, что регион, по глубокому убеждению автора, представляет собой настоящий котёл с неприятностями, а из ведьмина варева супа не сваришь, чего туда ни накроши. Известная поговорка про бочку мёда, которую портит ложка дёгтя, в применении к БСВ означает бочку дёгтя, которую так называемое мировое сообщество пытается исправить дозированными инъекциями мёда, искренне удивляясь, почему у него ничего не получается.

Отметим сразу: единого для всего мира подхода к тому, какая именно территория составляет Ближний

Восток, не существует в принципе. Каждая имперская столица имела своё видение мира, каждая академия унаследовала это видение от своей империи, а современные постмодернистские научные школы привнесли в это немало путаницы, причудливым образом кроя планету по живому, в меру того, насколько компьютерные технологии позволяют экспериментировать с географией.

В итоге наряду с классическими полушариями мы можем найти в Интернете мир, центром которого являются Австралия или Китай, Япония или Индия, Бразилия или Турция. Однако, отбросив экзотические варианты, мы обнаружим, что основные современные картографические школы планеты помещают на интересующем нас месте Ближний Восток и Большой Ближний Восток (английская школа) или Ближний и Средний Восток (русская). Что не есть одно и то же.

Было бы любопытно взглянуть на регион с точки зрения академических традиций Парижа, Берлина, Рима или Мадрида, однако французская и немецкая школы ближневосточных исследований (как и японская или китайская) при всей их значимости замкнуты в национальных границах, побеждены англоязычной и на протяжении десятилетий являются «вещью в себе». Что до итальянских и испанских материалов, интересы этих стран в регионе были слишком ограничены, чтобы всерьёз повлиять на мировую картографию.

Ближний Восток большинства современных англоязычных атласов и учебников — порождение британской колониальной системы. Он с запада и юго-запада ограничен Египтом, а с востока — Ираном. Бывших французских и итальянских колоний, территорий, вошедших в состав Российской империи, а также стран,

возникших на месте африканских колоний Великобритании и Британской Индии, на этих картах нет.

Есть Кипр, но никаких следов Магриба, Сахеля или Афганистана. Что понятно с точки зрения британской университетской школы, готовившей администраторов и дипломатов под конкретную задачу. Чужие колонии изучать бессмысленно, Судан и Африканский Рог — это Африка, Пакистан — Индия, а ими занимаются в другом департаменте. Ничего личного — только бизнес и сложившаяся система государственного управления, приспособленная для нужд собственной империи. А для чьих ещё?!

Ближний Восток послевоенной американской школы куда шире. В его состав входит Большой Магриб, Судан и побережье Африканского Рога — до границ Кении, Афганистан и, по крайней мере на некоторых картах, Пакистан, который окончательно «прописался» на Большом Ближнем Востоке в составе американского АфПака в 2000-х годах. Что называется, где воюем, то и рисуем. Логика понятная и с американской точки зрения полностью оправданная. Понимать надо.

Отметим, не для развития темы зловещего американского империализма, а понимания перспектив для, что с точки зрения США Большой Ближний Восток включает республики Центральной Азии и Закавказья, являющиеся северной периферией Турции, Ирана и Афганистана, и в этом качестве входящие в зону стратегических интересов Соединённых Штатов. У военных баз, путей тылового обеспечения и зон дислокации вооруженных сил своя география.

Российский Ближний и Средний Восток (традиционно характеризовавшийся в отечественной востоковедной школе как ТВД БСВ — театр военных дей-

ствий...) по понятным причинам не включает бывшие советские республики, с 1991 года существующие в качестве независимых государств, объединённых с Россией в рамках более или менее виртуальных межгосударственных соглашений и союзов. Или, напротив, максимально от неё дистанцирующиеся. Они, с точки зрения автора, имеют не большее отношение к региону, состояние дел в котором он предполагает описать, чем африканский Сахель, Балканы или Индия.

Общее историческое, цивилизационное, религиозное и культурное прошлое БСВ сближает его пограничные районы с примыкающими территориями транссахарской Африки, Юго-Восточной Европы, Закавказья, Центральной Азии, китайского Восточного Туркестана или Индостана. Кипр — такая же часть исторической Оттоманской Порты, как Балканы, но он ещё и Европа. Мавритания, Судан, Эритрея, Джибути и Сомали — не только Ближний Восток, но и Африка. Пакистан — часть исторической Большой Индии, а Афганистан — Центральной Азии.

Всё это не отменяет того простого факта, что «русское наследство» на «северных территориях» Турции и Ирана, вошедших в состав Российской империи в XIX-м веке и существовавших в составе СССР до конца XX-го столетия в качестве союзных республик, до настоящего момента вполне живо. Вашингтон, Пекин и Брюссель, не говоря уже о Тегеране или Анкаре, не вытеснили оттуда Москву и, несмотря на ослабление позиций России, вряд ли вытеснят её до конца. Поэтому, вопреки Госдепартаменту и Пентагону, мы будем говорить об этой территории как о периферии БСВ, но не его интегральной части.

Этот громадный по площади и чрезвычайно разнообразный по природным условиям регион — ближ-

ний сосед России и основной объект её территориальной экспансии в XVIII—XIX-м столетиях. Турецкая империя и Иран потеряли немало причерноморских и прикаспийских провинций в войнах с Россией, хотя часть ранее потерянных земель была возвращена ими после распада Российской империи. О чём сегодня можно сожалеть сколько угодно. И надеяться на их возвращение в рамках конструирования виртуальной Российской империи себе дороже. Пытаться, и то не стоит. Тут как есть. Аляска и Калифорния тоже были когда-то частью России.

В начале XX-го века большая часть БСВ была частью трёх империй: Британской, Французской и Российской. Ливия, Эритрея и Южное Сомали принадлежали Италии. Западная Сахара и находящиеся на территории Марокко города Сеута и Мелилья — Испании. Оттоманская Порта и Иран, казалось, доживали последние десятилетия самостоятельного государственного развития, а независимость Афганистана была обеспечена исключительно его ролью буферной территории, балансировавшей между Лондоном и Санкт-Петербургом.

Период между двумя мировыми войнами с мандатной системой Лиги Наций позволил урезать Турцию в пользу Франции и Великобритании. Современная конфигурация государственных границ БСВ — не более чем итог распада колониальной системы. Как следствие, неурегулированные претензии стран БСВ друг к другу на протяжении десятилетий стали причинами множества войн и пограничных конфликтов, в итоге которых некоторые из этих стран, продолжая иметь представительство в ООН и прочие формальные признаки государственности, превратились в территории, не управляемые из единого центра.

Межгосударственные конфликты и гражданские войны, терроризм и пиратство, преследования меньшинств и трайбализм, революции и перевороты, распространение оружия массового поражения и наркопроизводство, геноцид и джихад в его современном высокотехнологичном исполнении — отличительные черты современного БСВ. Не слишком привлекательное получается место под солнцем. Хотя чего-чего, а солнца там действительно много. Кабы не сплошное кладбище, отличный вышел бы мировой курорт.

Выйдя из-под контроля метрополий, бывшие колонии, за редкими исключениями, создали не стабильные общественные системы, а более или менее успешные имитации западных институтов. Регионом управляют монархии, авторитарные светские диктатуры, военные хунты или исламские властные институты — за исключением Кипра и Израиля, политические системы которых воспроизвели европейские модели, а не имитировали их.

Попытки найти в «Арабской весне» 2011 года признаки превращения этих режимов в «демократии современного типа», распространённые в европейских и американских политологических кругах, заставляют вспомнить о советском идеологическом «госзаказе». Как ни парадоксально, Збигнев Бжезинский удивительно мало по сути своей отличается от Александра Дугина, а Ричард Чейни от Владимира Жириновского. Что до Барака Обамы… как есть Григорий Явлинский — только добравшийся до власти. Не дай Б-г…

Бжезинский, шляхтич старого закала, не доверяющий русским в соответствии с заветами восстания Костюшко, а евреям просто потому, что какой же польский аристократ будет полагаться на евреев, даже после теракта 11 сентября 2001 года считал союз США

с исламским миром предпочтительнее антитеррористической коалиции с Россией, Индией и Израилем. Евразиец Дугин вопреки реальности первой и второй чеченских войн надеялся на то, что в борьбе с американской гегемонией и западным заговором Россия найдёт в исламском мире естественного союзника. Да и борцы с «жёлтой опасностью» и в США, и в России ищут в странах ислама противовес Китаю.

Вице-президент США Дик Чейни, республиканец и неоконсерватор, с началом военных кампаний в Афганистане и Ираке по сути реализовал призыв бессменного лидера ЛДПР Жириновского, либерал-демократа и патриота, «омыть сапоги в Индийском океане» (правда, американские, а не более близкие Владимиру Вольфовичу кирзовые отечественные). Воистину противоположности сходятся. Прав был Экклезиаст: «Что было, то и будет. Что делалось, то и делается. Вот придут некоторые и скажут «это — новое». Но все это уже было в мирах, бывших прежде нас».

Вне зависимости от уровня отношений России с США и ЕС, Китаем и Турцией, Ираном и Израилем «Большую игру» никто не отменял, хотя времена Киплинга прошли, состав игроков поменялся, некоторые из фигур на доске сами стали игроками, а мировая финансовая столица давно уже не Лондон, а Нью-Йорк. Хотя на горизонте превращение в равновеликие ему центры Гонконга, Сингапура и Шанхая. Ну так когда-то центрами мира были Рим, Аксум и Персеполис — что с того? Всё меняется под этими небесами, а других нет и не будет…

Что с того, что в число ближневосточных углеводородных ресурсов, питающих мировую экономику, вслед за нефтью вошёл газ, трубопроводы протянулись на тысячи километров, а танкеры превратились

в супертанкеры? Что «свободных портов» больше не существует, Суэцкий канал национализирован, а судоходство в проливах регламентировано международным правом? И дипломаты носят не тоги с пурпуром и полированные панцири, не шитые золотом халаты с тюрбанами и не фраки с цилиндрами, а партикулярные костюмы с галстуками?

Соперничество и борьба конкурентов на БСВ не прекращаются от того, что они являются партнёрами, и лишь обостряются, если они — противники. Союзников там не бывает — есть лишь борьба всех против всех и интересы, которые временами могут совпадать. «Террариум единомышленников» это называется, если кто не в курсе. В рамках которого все «друзья» мгновенно растворяются в пространстве до полной прозрачности, как только в них возникает реальная нужда. И российских друзей с союзниками это касается в полной мере. Проходили не раз.

К слову, интересы государств отнюдь не обязаны совпадать с интересами ведомств или корпораций, а интересы самих ведомств с личными интересами возглавляющих их бюрократов. Частные владельцы — иное дело, но много ли в мире корпораций, напрямую управляемых акционерами? Да и интересы той или иной страны в том виде, как их формулирует и реализует государственный аппарат, состоящий из конкретных людей с конкретными личными приоритетами, имеют мало общего с интересами населения, будь это западные налогоплательщики или отечественные избиратели.

Убыток от военно-технического сотрудничества, строительства за рубежом атомной станции, гидроузла или железной дороги государство спишет, утешившись политическими выгодами или имиджем страны.

Корпорация, осуществляя этот проект, заложит в него свою ренту вне зависимости от потерь. Аппарат сполна получит зарплату, командировочные и премиальные. Руководство проекта — бонусы и синекуру к пенсии. Ну а «народ»… народ в поле. В полном соответствии со своей исторической миссией и анекдотом брежневских времён, вне зависимости от того, живёт он в обществе демократическом, управляемо-демократическом или какого-нибудь другого типа.

Экономические и политические проекты СССР в Африке и на Ближнем и Среднем Востоке в 60–80-е годы стали кладбищем десятков и сотен миллиардов «тяжёлых» — «старых» долларов, покупательная способность которых несопоставима с сегодняшней валютой США. Именно этих денег не хватило Михаилу Горбачеву для того, чтобы Советский Союз не обанкротился, распавшись в 1991-м году. И страну, в отличие от КПСС со всеми её подразделениями, по-настоящему жалко.

Впрочем, учитывая растущую внешнеэкономическую и внешнеполитическую активность действующего руководства России, отечественную склонность к мегапроектам, волюнтаризм принимаемых решений, фаворитизм в управленческой политике, приводящий на вершину властной пирамиды несменяемых годами дилетантов, и размер «откатов» — кто сказал, что вся эта история закончилась с распадом СССР? Никто не сказал. Ну и ладушки. Спи спокойно, читатель. Всё равно ничего другого не остаётся…

Отступление первое
Мягкая-премягкая сила...

Начальство любит троечников. Двоечников оно тоже любит, но само по преимуществу состоит из них, цену им знает и особых надежд не питает, используя на определённых постах и в определённых пределах. Что до троечников, от них, может, особой пользы делу не будет, зато не будет и вреда. Звёзд с неба не хватают, но и не подсидят, а это важно. Исполнительны. Инициативны. Иногда слишком и по-дурацки, так ведь чего ещё от них ждать? Зато намерения самые лучшие: угадать, чего начальство хочет, и, забежав вперёд, выполнить, преданно глядя в глаза. Приятно.

Троечники вполне могут закончить престижный вуз на «хорошо» и «отлично». Да что там, совершенно спокойно могут получить красный диплом. Они не оттого троечники, что учатся средне. Всё, что нужно знать для того, чтобы сдать зачёты и экзамены, получить престижную работу и как сыр в масле кататься до конца жизни, у них есть. Причём у некоторых даже есть и совесть — в разумных пределах. Но строить жизнь они будут не по десяти заповедям, не по моральному кодексу строителя коммунизма и не по классической литературе, а так, чтобы карьера была успешной. Откуда и результаты.

Напрягаться они не любят и привыкли списывать. Отчего перестроенная ими система отечественного образования и перестраиваемая — науки загонит Россию «за Можай» куда эффективнее, чем все её враги. Но исключительно из добрых намерений. Поскольку люди с собственным мнением их раздражают по определению, а человек, которого в школе и тем более в институте научили учиться, представляет неизбежную опасность для системы. Да, он может изобрести всё, что стране надо, — как в своё время Сахаров. В том числе в оборонной сфере. Но возни с ним столько... Проще идти по тестам. А кто их придумывает и какие у него самого знания, дело десятое.

Важнейшее дело в карьерном росте — есть глазами начальство и создавать впечатление, что всё, что его волнует и заботит, для тебя первейшее дело. И если ты чего напортачил, то с добрыми намерениями и от излишнего усердия. Опять же, начальству хорошо, оно по природе своей гениально, а с нас, прочих дураков, какой спрос? Что производит хорошее впечатление и помогает оправдаться в какой угодно ситуации.

Тем более что повышают и награждают их в зависимости не от реальных успехов, а от впечатления высшего начальства. И его начальства. До самого верха вертикали... или, если угодно, «шампура власти». И побеждают в соревновании за благосклонность руководства не те, кто на самом деле лучше прочих, а у кого в голосе больше металла, глаза горят ярче и грудь выкачена круче. Орлы. И орлицы. У которых на самом деле с грудью всё в порядке.

Именно они осваивают государственные бюджеты, строят офисы для своих ведомств в зарубежных столицах, седлают фонды и направления работы и запарывают их тем более неотвратимо и последовательно, что самодовольны и самоуверенны на изумление. Но ничего им никогда за это не бывает. Да и быть не может, поскольку они

демонстративно преданы сильным мира сего и назначены по высочайшему соизволению.

Признать, что они никуда не годны и ни при каких обстоятельствах не могут быть назначены нигде ни на какую должность выше поста второго помощника старшего консьержа подъезда кооперативной пятиэтажки, нельзя. Это подрыв кадровой пирамиды — начальство, их назначившее, или высшее, которое это назначение согласовало, на самом деле, может быть, ни черта в кадрах и не понимает, но признавать это не готово и за своих назначенцев стоит вусмерть.

Отчего на ключевых постах в ключевые моменты сплошь и рядом оказывается чёрт-те кто, занимаются эти люди чёрт-те чем и выполняют свои обязанности из рук вон плохо. С поправкой на то, что если они вообще хоть что-то выполняют, кроме показушной имитации бурной деятельности, так и то хлеб. Ибо в их собственном понимании результат работы и есть их назначение на пост, с которым работа должна заканчиваться. После чего начинается синекура, дольче вита и большое воровство.

Главное — делиться с вышестоящими, ставить уже своих людей на ключевые посты в пределах компетенции и не умничать сверх меры. А также не дай Б-г не проявлять инициативу за рамками должностных инструкций — не так поймут, вылетишь. И даже если на деле ни на что сверх отпущенного руководством лимита полномочий на самом деле не покушался — поди докажи. Да и докажешь, кому от того лучше? Осадок-то останется...

Читатель, справедливо недоумевающий: какое, собственно, всё вышеописанное имеет отношение к теме книги, — может успокоиться. Имеет самое прямое. Как великолепный для своей эпохи, XII-го столетия, словарь Махмуда Кашгарского для современной тюркологии. Что будет явлено незамедлительно, и жаждущие славы и процветания

отечества от того омоются горькими слезами, как в своё время омылся ими автор. Был бы прок.

Ибо «мягкая сила», о которой много говорят политики всех рангов и курлычут вечно голодные и жадные до денег и признания политологи и политтехнологи, напрямую связана с тем, кто именно её на мировых просторах олицетворяет и проводит и как он это делает. И тут у России, в отличие от СССР, большой затык. Чтоб не сказать кирдык и полное несоответствие благостной в глазах начальства картины мира её реальному виду. Как было и перед Крымской войной. А также перед революциями 1917-го и 1991-го. Традиция такая, понимаешь…

Для тех, кто не силён в терминологии, поясним. «Мягкая сила» (словосочетание это мы далее будем писать без кавычек) отличается от прочих типов воздействия государства на окружающее пространство тем, что не требует для защиты этого самого государства государственных интересов применения авианосных группировок, штурмовой авиации, танков, рейдов спецназа, разведывательно-диверсионных операций, ракетных войск стратегического назначения и экономических санкций.

То есть не требует всего того, что применялось, применяется и будет применяться всеми без исключения странами в критических ситуациях. С той лишь немалой разницей, что сверхдержава на подъёме (или стагнирующая — как современные США) может себе позволить много больше, чем «великие державы» (величие которых, помимо имперского прошлого, состоит в их ядерных арсеналах), а те больше, чем все остальные государства на планете.

Влияние государства в этом мире не обязательно подчинено закону «большой дубинки». У него может быть привлекательная валюта — свободно конвертируемая, а то и мировая резервная (кому как повезло), значимое место в какой-то сфере в международном масштабе, силь-

ные позиции в мировом распределении труда (к примеру, у России — на рынке углеводородов), всемирно признанная культура и так далее и тому подобное. Балет там, опера. Или Парфенон с Колизеем.

Тогда с ним считаются, ему подражают, его язык становится средством общения и терминология на базе этого языка превращается в применяемую всем миром. Как нынче и обстоит дело с английским, до того с немецким, во времена Наполеона Бонапарта с французским, а ранее с голландским — при Петре Великом. Ибо страна вполне может быть великой, имея весьма скромные размеры. Поскольку достижения не от размеров территории зависят. И не от протяжённости границ.

Опять-таки, у государства может быть великая история и оно, как Италия, может иметь в своём составе город, являющийся столицей мировой религии (Ватикан формально не Италия, но паломники со всего света туда едут через итальянскую территорию, живут в итальянских гостиницах и едят в итальянских ресторанах). Или его музеи обязан посетить каждый уважающий себя культурный человек — поток туристов не меньшая составляющая часть мягкой силы, чем поток паломников. Или международные ярмарки и соревнования в этой стране такие, что она превращается в мировой перекрёсток — со всеми вытекающими отсюда преимуществами.

Или, да простят автора ревнители моральной чистоты милоно-мизулинского типа, девы её прекрасны, обаятельны, владеют иностранными языками и легки на контакт (что в отечественной культуре издревле обозначается как «слабы на передок»). Отчего туда в очередь выстраиваются альфа-самцы и прочие умученные политкорректностью и однополостью люди с Запада, да и со всего прочего мира (что есть одно из основных преимуществ современной Рос-

сии). Кому вертеп и поношение Отечества, кому немалая приятность и сплошной плезир.

Даёт всё сие, вышеперечисленное и поименованное, а также непоименованное, помимо непосредственной, хотя и немалой материальной выгоды, влияние. На первый взгляд незаметное, но зачастую куда более ценное, чем возможность победить кого угодно. Ну оккупировали США при некоем символическом участии международных коалиций Ирак и Афганистан — что толку? Разгромили Ливию, с учётом афгано-иракского опыта даже не попытавшись её оккупировать, и? Хорошо кому-нибудь стало?

Стало плохо. Бомбили, стреляли, разрушили что могли и ввели-таки демократию. В итоге партизаны, минно-диверсионная война, раскол и разброд, коррупция марионеточных правительств, наркопроизводство в мировых масштабах. Поток нелегальных мигрантов в Европу, радикальные исламисты, на глазах «цивилизованного человечества» создающие на месте бывших государств авторитарного типа средневековые квазигосударства, трайбализм, откровенная работорговля и всеобщее насилие и беззаконие. Одно разочарование.

То ли дело голливудские фильмы, которые смотрит вся планета. Музыка (джаз, блюз, рок, рэп — неважно какая, поклонники найдутся), которую слушает вся планета. Студенты со всего мира, штурмующие американские университеты, наиболее толковые из которых остаются в Америке, становясь американцами. Деньги, которые с готовностью принимают во всех банках планеты и в которых формируют национальные валютные резервы даже те, кто Америку на дух не переносят (кто не в курсе — это доллары Соединённых Штатов, они же «зелёные», они же «капуста»).

Плюс язык, на котором говорят миллиарды людей за пределами собственно Штатов (понятно, что родина английского — Великобритания, но символом англоязычного

мира на сегодняшний день являются именно США). Плюс стиль жизни: от джинсов, бейсболок, стриптиза и курения сигар до, напротив, отказа от курения, феминизма и прочей зауми в стиле загнивающей и мающейся дурью от безделья империи. Или популярных по всему миру коктейлей, три четверти которых с Восточного побережья или из Нового Орлеана. И прочее, и прочее, и прочее.

Всё это в совокупности позволяет дипломатам, торговцам, военным и туристам (в том числе пенсионерам) из Америки чувствовать себя хозяевами мира и вести себя как хозяева мира. И, откровенно говоря, во многих странах их так и воспринимают. Хотя в ничуть не меньшем числе государств американец — мишень террориста и добыча для любого уважающего себя гангстера. Издержки влияния. Та самая «другая сторона силы», о которой много говорится в американских «Звёздных войнах» — фильме с джедаями, а не военной программе времён президента Рейгана.

Поправка тут на то, что многие из тех, кто Америку и американцев терпеть не могут, попросту сами хотели бы оказаться на их месте. Ну, что называется, хотеть не вредно. Вот только создать свою Америку — с мощной экономикой, армией, способной на то, на что способна армия США (хотя справиться с партизанами, к примеру, она не может по определению), и чрезвычайной привлекательностью многого другого из того, что демонстрирует миру эта страна, пока ни у кого не получается.

У СССР мягкая сила была. Держалась она частично на военной мощи, частично на тех гигантских по мировым масштабам проектах, которые Москва реализовывала, разоряя свою экономику, но отвоёвывая рынок за рынком у «капиталистического мира» в Африке, Азии и, по мере сил, в Латинской Америке. Страны «социалистического лагеря», государства «соцориентации» и попутчики, решившие, разругавшись с Западом, поискать счастья в сотрудничестве

с Советским Союзом, были её форпостами и оплотами. Хотя куда что делось и кто во что с годами превратился…

Когда-то в их школах и университетах местное население учило русский язык. Их студенты и военные обучались в отечественных вузах. Они сотнями тысяч вступали в брак с девушками из Союза и создавали таким образом связь между своими странами и первым в мире государством победившего пролетариата (кому б она теперь была нужна, эта связь...) Хотя, как и в случае с Америкой, для многих из них Союз был просто очередной дойной коровой, многие у него учились и ему подражали.

Опять же, было чему подражать — особенно для тех, кто в отечественной провинции не жил и даже если обучался в СССР по сельскохозяйственной линии, практику проходил в передовых колхозах и совхозах. Победа в Отечественной войне. Космос и Гагарин. Армия и подводный флот (о флоте надводном умолчим). Атомная промышленность и ядерные арсеналы. Военно-промышленный комплекс. Столицы — обе абсолютно имперского типа, хотя Северная столица со времён революции сильно поношенная…

Музеи и театры, великая музыка и великий кинематограф, наука, спорт мирового уровня и детский спорт, школы и университеты — дореформенные, ещё не искалеченные «модернизацией», сохранившие дореволюционные русско-немецкие традиции. Всё было. И — великие идеи. Декларативный интернационализм по силе воздействия не менее силён, чем «несть ни эллина, ни иудея». Да и «от каждого по способностям, каждому по труду» — тоже, чем плохо? Как там у Жванецкого? «Какая была страна…»

Читатель в меру сил своих способен определить, что из описанного живо в России того года, когда в его руки попадёт настоящая книга и в какой мере всё оно способно влиять на мир, видевший не одну империю. Причём не то чтобы всё, что в стране было при старой власти, сплошь

было хорошо. Много было плохого и ничуть не меньше чудовищного, о котором с подачи партии и правительства просто не говорилось. И по сей день единства в народе в отношении всего этого не наблюдается. И потомки жертв и палачей, которые сами в свой черёд становились жертвами, одинаково к чужому мнению по этому поводу нетерпимы.

А впрочем, для желающих говорить и тем более писать не о том, о чём надо было говорить и писать, была огромная Сибирь, где можно было до морковкина заговения, по бессмертной «Формуле любви» Марка Захарова и Григория Горина, «убирать снег». При том что снегу там до сих пор куда как много. И царящий вокруг автора на момент написания данных строк отечественный вариант бонапартизма не даёт оснований совсем уж расслабиться — Сибирь осталась где была. Хотя по нынешним временам проще киллера нанять...

Опять же, далеко не всё, что возникло при новой власти, в России плохо. Государство, понятно, отнюдь не везде играет живительную роль. Где не надо, его откровенно много, а там, где оно на самом деле нужно, его днём с огнём не дозовёшься. Складывается впечатление, что старинный революционный принцип «грабь награбленное» в стране живее всех живых, а реализуют его в реальности именно «люди государевы», не забывая про себя, родственников, свойственников, ближнюю челядь и потомство, которого у них на удивление много.

Однако торговые центры, отели, рестораны и дома строятся, и неплохие. Дороги кое-где есть нормальные и аэропорты. Телевидение не без интересных программ. Опять же Олимпиада в Сочи, за которую было особенно боязно, прошла на ура. И с Крымом каким-то чудесным образом стратегические национальные интересы победили мелкое жлобство. Хотя потом всё, как всегда, подуспокоилось и на

местной поляне пошла в рост обычная для постсоветского пространства смесь быкующих братков, коррумпированных чиновников и представителей закона, по которым Мордовия плачет. Бывает.

Впрочем, на повестке дня второе издание холодной войны — не стоит обольщаться, не из-за Украины, — и надолго. Поскольку логика тут проста: Китай объявлен главной угрозой национальной безопасности США и в этом качестве присутствует в их соответствующей, пятой за последние 150 лет, программе нацбезопасности. Справиться со своим главным торговым партнёром и основным кредитором Штаты могут, только отрезав его от энергоносителей. А те идут в КНР в основном как? Морем. И поскольку у Пекина есть в качестве топливно-энергетической базы, не зависящей от морских путей, только Россия и Центральная Азия, они своё в обязательном порядке и получат. Элементарно, Ватсон!

Пока в России есть высокотехнологичные остатки прошлого, она «не сгинела» и «не вмерла». Технологии (с советских времён), ядерный и космический потенциал, частично наука и осколки образования, несмотря на внедрение «Болонской системы», воцарение над Академией наук непонятно кому и зачем, помимо Большого Воровства, нужно ФАНО и прочие изыски 90-х годов, расцветших в 2000-е и 2010-е, у Москвы пока есть. Сколько правительство ни тешится, пытаясь развить то и это, страна пока жива.

Отчего её позиционирование как нормальной, со своими интересами державы, способной эти самые интересы защищать, вызвало поток идеологизированных нападок, политико-экономические санкции и уход ведущих стран западного клуба в формат G-7. Что, если кто ещё не понял, похоронило надежды на партнёрство с ними, так как означало: холодная война не закончилась, в ходе перестройки Москва «ушла с фронта» противостояния с Запа-

дом в одиночку и впереди её ждут большие приключения. Хотя бы потому, что западные «партнёры» восприняли шаг навстречу и протянутую им руку как собственную победу и поражение России.

По результатам вышеописанного возник топливно-энергетический альянс России и Китая, продвинулись на глазах не ожидавшего этого Запада БРИКС и ШОС, продолжало развиваться ЕврАзЭС и вообще наметились контуры «мира без западных стран». И вот тут-то как раз мягкая сила стране бы и пригодилась. Когда и если бы наличествовала она, а не её имитация. Причём сконцентрированная в первую очередь на создании миражей для начальства.

Необходима эта картинка для того, чтобы начальство ставило правильных людей на нужные посты, не будоражило финансовыми проверками, не спрашивало о реальных результатах и не мешало работать с бюджетом. А то начни оно во всём копаться, такого можно было б накопать... И кому нужна такая правда? История сия стара как мир. И если б только на отечественных просторах она процвела после распада Советского Союза... Желающие могут присмотреться к Украине или той же Молдавии. О прочих бывших братских советских республиках умолчим.

Автор не входил и не входит в состав руководства Счётной палаты или Следственного комитета и, при всём понимании важности их работы для страны, не в состоянии поверить в то, что она когда-нибудь даст конкретные результаты. Мешает «прецедент Сердюкова» и прочие аналогичные кунштюки. Хотя объём денег, списанных на проекты, призванные продвинуть имидж России за рубежом, велик. Даже избыточно велик.

Опять же, с системой работы российских загранучреждений автор знаком исключительно в качестве внешнего наблюдателя. Но может констатировать катастрофическую деградацию этой системы в постсоветский период. При том

что после исчезновения немало мешавшего её нормальному функционированию партруководства привести её в порядок ничто не мешало. И, к слову говоря, до сих пор не мешает. Разве что отсутствие совести и мозгов в ответственных головах.

Повальное воровство, в том числе со стороны ответственных работников, и некомпетентность «блатных» успешно победили остатки профессионализма и мотивации, что сказалось на всём фронте работы, от Запада до Украины. Ориентация не на население и элиту страны пребывания, а на то, что должно понравиться собственному начальству, со всеми его бзиками и далёкими от реальности стереотипами вроде «православного» или «русского мира», естественная в условиях бюджетного волюнтаризма, влияния России не прибавила.

Ожидать улучшения обстоятельств в этой сфере, к сожалению, не приходится. Что имеем, то и носим, или, говоря проще, что потопаем, то и полопаем. Тем более что многие из назначаемых представлять Россию чиновников не просто люди чванливые и серые, но откровенно глупы. Приходилось встречаться. Воротит. Обсуждение этого — тема щекотливая и неприятная. Однако в одном конкретном аспекте проблемы автор напрямую столкнулся с тем, как обстоят в нашем отечестве дела с мягкой силой. И не сказать чтоб получил от этого удовольствие.

Поскольку этот прискорбный, но показательный инцидент касался Ближнего Востока напрямую, уделим ему время. А заодно рассмотрим частности того, как кадровая политика влияет на позиционирование страны, мягкая сила превращается в мя-агонькую, а ведомства появляются и исчезают, как Александр Абдулов в роли Ланселота в схватке с драконом в фильме Захарова и Горина по сказке Шварца. «Убить дракона» назывался этот фильм, который многое объясняет в жизни. И нашей. И вообще.

Стало быть, понравилась как-то начальству активно и демонстративно патриотическая журналистка из провинции, общавшаяся с ним в стиле «всех за Вас лично и за Родину порву, Ваше сиятельство». Начальству вообще такие нравятся — не только женского полу. Отмечено не раз. Талантов там особых не было и нет. Ну, глаза показательно большие. Фигура откормленная, или, как говорили классики, «вспоённая» щедрой природой юга страны. Нахрапистость — не отнять. Оттуда же, южного типа. Опять же человек из народа, не столичный бомонд. Без избыточной интеллигентности и ограничений, навеянных правилами хорошего тона. Есть кого повышать.

Дали неукротимой брюнетке фронт работы на телевидении. При этом опыт у неё был нулевой, начальником она была (и осталась) никаким, ближний круг соратников был ею подобран соответствующий, и если бы не «смотрящие» над её работой из профессионалов старой школы, так там была бы просто катастрофа. А так ничего, они для неё всё отстроили. Сначала возник телеканал на английском языке (учтём, что совпадения с реальностью отсутствуют, ситуация чисто гипотетическая). Потом на арабском и испанском (тоже без привязки к отечественной реальности — так, навеяло невесть откуда). И понеслась звезда по кочкам.

Довольно быстро она придушила традиционное иновещание и полюбилась начальству. Понятно почему: активная светская жизнь в современной России имеет большое значение для продвижения при дворе. А поскольку провинциальная дама, возглавив всё то, что оседлала, основные усилия предпринимала не в профессии, а в «тусовке», она там быстро прижилась и обзавелась полезными связями. Плюс научилась правильным подходам к финансовым потокам, что встроило её в систему в качестве ценного элемента перераспределения этих потоков оттуда,

куда они должны были течь, туда, куда они теоретически попасть были не должны — но почему-то всё время попадали.

Такая школьная задача по арифметике про бассейн с тремя трубами. Из одной течёт то, что нужно, куда нужно. Из другой идёт струйка направо. Из третьей поток налево. Вопрос: как делать дело, если хочется, чтобы вообще всё шло по третьей трубе, а до конца не получается? Перекроешь кран на второй — перестанет течь из первой. И не дай Б-г могут контрольные органы поинтересоваться — они в стране очень любопытные и их много: зачем так много налево утекает? И, главное, кому? Кто схему крышует — персонально? И есть ли у него на это разрешение с того уровня, который полномочен давать такие индульгенции, или нету такого разрешения?

Правильный ответ на этот вопрос: дело делаем на самых малых оборотах, имитируя результат. Пишем начальству красивые отчёты и пудрим ему и окружающим мозги, а остальное... Как говорят участники «Комеди клаба», бывшие КВНщики: «Куда оно пойдёт, кого волнует, Вася?» Однако вот ведь какая незадача: выстроенная система не одинока в геополитическом национальном пространстве. В стране есть параллельные структуры со старой историей и хорошей репутацией. Кадры там калиброванные, опытные. Много могут и тоже вхожи в верха. Хотя уже благодаря наличию биографии и профессионализма вызывают там смутное подозрение — не близки.

В высшей бюрократической тусовке начальство соперников, впрочем, тоже присутствует, хоть и не на таких оборотах: семьи, дети. Да и работать им надо, не всё же гулять. Эдакие муравьи из басни дедушки Крылова, проблему острой конкуренции с которыми вынуждена решать провинциальная стрекоза. Это у неё головная боль номер

раз. И внутренняя — номер два: у неё в своём собственном болоте завелись трудоголики, всерьёз принявшие поставленные задачи и начавшие решать их не по-детски. С высокой степенью эффективности и отдачей, но за те деньги, которые это на самом деле стоит. Поскольку чудес не бывает и хорошая работа стоит хороших денег. А денег так жалко!

Хорошо, когда арабский телевизионный канал вышел с приходом профессионального мидовца-арабиста на третью-четвёртую позицию в мировых масштабах после катарской «Аль-Джазиры» и саудовской «Аль-Арабийи»? Ну, ничего. Все смотрят, все цитируют, да и команда собралась — на удивление. Причём особенный интерес у арабов-зрителей вызывает присутствие в русском арабоязычном эфире израильтян. Не тех, у которых обычно берут интервью арабские журналисты — левых и ультралевых, с которыми и так всё ясно: кто им гранты на их миротворческие инициативы шлёт?

То есть кто надо, тот и шлёт, благо пока израильское законодательство это позволяет. Арабские фонды. Иран. Западные посольства подкармливают. Но слушать этих прикормленных израильтян неинтересно. Можно и своих послушать — говорить будут то же самое и даже более увлекательно. Тем более говорить будут на родном арабском языке. Но у русских говорят в телеэфире те, кто на самом деле командует Страной Израиля, и это для арабов важно. Поскольку там идёт не агитпроп, а ценная эксклюзивная информация. Арабы — народ торговый, опытный. Разницу между делом и болтовнёй понимают.

Важен ли для России такой инструмент воздействия на арабский и в целом исламский мир? Ясен перец! Тем более что «Аль-Каида» русских не любит и против Москвы воевала ещё в Афганистане. Да и «Братья-мусульмане» со времён войны в Чечне их не любят, что ярко демонстрирует

духовный лидер этого течения шейх Юсеф Кардауи, несмотря на преклонный возраст, человек бодрый, харизматичный и с хорошим чувством юмора. Благо сидит он в Катаре с его крупной чеченской диаспорой. В том самом Катаре, на территории которого пришлось убирать Зелимхана Яндарбиева, излишне преуспевшего в организации финансовой поддержки террористического подполья на Северном Кавказе.

А на повестке дня «Арабская весна». И именно Россия встала в Совбезе ООН на пути резолюции, открывающей дорогу западной интервенции в Сирии. То есть для Саудовской Аравии она враг, и для Катара она враг. Другом она никогда им не была, но со времён войн в Чечне они осознали, что дешевле Москву не трогать. Однако Сирия, по их понятиям, является их законной добычей. Поскольку Ирак они руками американцев добили. С Тунисом и Египтом, используя обострение там внутриполитической ситуации, справились. На экспрессивного Каддафи с его Ливией, притравив НАТО, нашли управу. В Йемене Салеха сместили. И осталась у них из светских авторитарных режимов только Сирия с её Асадом и алавитским генералитетом — союзник и партнёр шиитского Ирана.

Алавиты для салафитов кто? Еретики. А присмотреться — так и вообще не мусульмане. За что их надо перебить. Тем более что через территорию бывшей Сирии можно тянуть в Европу через Турцию газопровод из Катара и нефтепровод из Саудовской Аравии. И всем будет хорошо. Включая США, которые надеются удушить Россию на европейском рынке энергоносителей. Плохо будет Сирии, но кого когда волновали страны, которым сам Б-г велел быть разгромленными и раздавленными во имя прогресса и процветания тех, кто им это счастье организовал? Схема проста: додавить Москву, чтобы по ливийскому образцу заняла в Совбезе ООН нейтральную позицию,

а Китай в одиночку блокировать никакую резолюцию не будет.

Далее бомбим войска Асада, вводим над Сирией бесполётную зону, открываем с севера турецкий фронт, с юга и востока на Дамаск наступают исламисты. И, в общем, с Сирией всё. Дальше будет драка за добычу, разбор полётов между победителями и всё прочее в том же роде, но там уж как выйдет. Во всём этом раскладе на кой чёрт и кому, кроме Москвы и самого Асада, нужен арабоязычный русский телеканал, тем более популярный? С объяснениями российской позиции, выступлениями популярных и знающих арабский мир специалистов, поддерживающих эту позицию, разъясняющих логику действий Путина, и всем прочим, что этот канал делает?

Тут нужно вербовать боевиков на джихад против Дамаска, подтягивать союзников в арабском мире. Нужно намертво изолировать цивилизованное сообщество от информации о том, что на самом деле представляют собой отряды, воюющие против Асада, и о всех тех зверствах, которые они творят. Западные СМИ давным-давно прикормлены и работают на салафитский тандем — Катар и Саудовскую Аравию, выдавая на потоке сплошную дезинформацию. Но с русскими это не проходит. Тем более что они ещё в Ливии поймали на этом за руку и западников, и арабов. И много чего на эту тему миру рассказали — пока рассказывали.

Выход из сложившейся ситуации самый что ни на есть простой, по Леониду Гайдаю. Как там у него в его последнем фильме «На Дерибасовской...»? Если врага нельзя купить, значит, нужно его убить. Вот это самое с мягкой силой Российской Федерации в арабском мире в виде телеканала «Руссия аль-Яум» сделано и было. И даже с некоторым изяществом, руками его собственного руководства и «в интересах дела». Чистая «Тысяча и одна ночь».

в рамках модернизации, оптимизации, экономии бюджетных средств и популяризации на Западе передовых отечественных достижений. Кастрация есть обрезание, доведённое до окончательного результата. Вот и с русскоязычным телеиновещанием так, оказывается, можно было сделать. Добровольно и с песнями.

Автор столкнулся с этим, когда ветераны канала его попросили поинтересоваться у начальства, что происходит с израильским корпунктом. Происходило странное. По-русски это называлось наездом при особо отягчающих обстоятельствах. Требование заменить съёмочную группу на людей ХАМАС было особенно пикантным, с учётом того, что во главе Палестинской национальной администрации находился (и находится до сих пор) заклятый враг ХАМАСа — ФАТХ. Однако нападение на операторов и попытка их физической ликвидации были уже за рамками шуток, хотя для внутрипалестинских отношений выглядело оно нормально. Москва по этому поводу не сказала ни слова. Попытка главы израильского представительства телеканала пообщаться с центральным начальством ни к каким результатам не привела. Начальство оказалось недоступно, как британская королева в критические дни. И это был плохой сигнал.

Ещё хуже было то, что проинформированные об экстренной ситуации Большие Парни в самом начале пути к уху Самого Главного были отсечены и пресечены его ближайшим окружением. С формулировками, категоричность которых исключала возможность повтора попыток довести информацию до верха властной вертикали. И вскоре стало понятно, почему. На канале прошли массовые увольнения, в рамках которых ушли почти все профессионалы — и арабы-старожилы, и русские. Злые языки говорили о 200 журналистах и технических работниках. Заменили их чёрт-те

кем, включая студентов. Начальство тоже сменилось. Благо отстроивший канал мидовец-арабист уже работал на ответственном загранпосту, а уволить оставленную им за себя даму было проще.

В итоге во главе канала встала блондинка русско-иорданского происхождения, которая и принимала Самого, когда тот канал посетил, сказав ей добрые слова, приличествующие случаю. После чего стало понятно, почему сведения о происходящих безобразиях наверх не прошли. Хотя сигналили многие, в том числе из тех, кого уволили — а там были оч-чень непростые люди с прелюбопытнейшими биографиями. Большие Парни затеяли Большую игру, в итоге которой отечественная система иновещания была перелопачена, агентство РИА «Новости» исчезло как самостоятельный игрок, а его руководство покинуло информационно-политический Олимп. Большая власть, большие деньги... Какой-такой павлин-мавлин, зачем шуметь, э? Деньги любят тишину.

Ну, дальше было много чего. Бренд умники-экспериментаторы попутно прикончили, переназвав канал так, что ни одного арабского слова в его названии не осталось. В эфире перестроенного кадавра наспех собранные с бору по сосенке корреспонденты уходили в отставку «в знак протеста против политики России в Сирии». Там пошла информация «Аль-Джазиры», направленная против России и Сирии. Причём происходило всё это на *российском* телеканале, работавшем на арабском языке. И было много чего ещё.

Автор с тех пор на этот канал не ходок. Когда его туда зовут, он честно отвечает, что полагает даму-южанку, с которой всё началось, предателем родины и в подведомственный ей эфир пойдёт после того, как её уволят или посадят. Чего, понятно, никогда не произойдёт. Поскольку

на дворе демократия и смягчение нравов. В сталинские времена её за всё описанное, прости Г-ди, не просто посадили — расстреляли бы...

По подозрительности своего характера автор уверен, что наблюдал успешную операцию эмирата Катар по ликвидации противника в лице телеканала «Руссия аль-Яум». Причём куда более тонкую, чем нападение на посла России в Катаре Владимира Титаренко в аэропорту города Дохи, в результате которого он едва не потерял зрение и вполне мог быть убит. Ибо в Аммане у русско-иорданской блондинки, которая была поставлена на разгромленный канал, в информационной сфере нашёлся родной дядя, который, судя по всему, и лоббировал замену израильской съёмочной группы на людей ХАМАСа. Что напрямую отправляет нас к Катару, который в тот период времени ХАМАС курировал и финансировал. Да и в Иордании контролировал много кого и чего...

Внимание, вопрос. Есть у России в рамках мягкой силы после всех описанных событий рычаги влияния в арабском мире? Чёрта с два они у неё есть. Телеканал у неё есть. Кто его использует и для чего, причём за русские деньги — большой вопрос. Судя по результатам «оптимизации» отечественного иновещания, в Катаре внимательно читали Дюма. Бриллианты королевы за деньги кардинала... Опять-таки, ломать не строить. Люди уволены и вряд ли вернутся. Бренда нет. Канал как таковой погас. Сдох и стух. Врать начальству про то, какие у его любимцев потрясающие результаты и там, и тут, и ещё вон там, все эти люди могут. Толку что? Была хоть какая-то мягкая сила. Стала мя-агонькая. Совсем бессильная. И толку с неё, как с козла молока.

А всё кадровая политика. Не надо бы двоечникам брать на работу провинциальных троечников, даже если те полны энтузиазма и жажды карьерного успеха. Не будет от них

прока. Если, конечно, не считать таковым, выражаясь языком императрицы Елизаветы Петровны, «интересную прибыль». Однако при таком раскладе «эффективные менеджеры» всех степеней могут ненароком и родину продать. Или хотя бы сдать в аренду, не понимая, что возвращать её им никто не будет. Причём, что самое обидное, не из дурных побуждений и искренне веря, что ничего плохого вовсе и не делают. Так, немножко шьют... Ибо благими намерениями известно куда дорога вымощена. По крайней мере в России.

Введение в проблему: на кой оно нам надо

В каком соотношении интересы региональных и внешних игроков совпадают с интересами ищущей собственный путь России? Нужно ли России участвовать во всех миссиях, куда её приглашают? С кем, против кого и по каким правилам приходится Москве играть на Ближнем и Среднем Востоке? Кто в регионе для России союзник и партнёр и есть ли у неё на Ближнем и Среднем Востоке союзники и партнёры? На кого в регионе опирался Советский Союз — и кто они для России сегодня: соратники или попутчики, шанс на будущее или гиря на шее?

Россия на протяжении всей своей истории была пограничной территорией между Европой и странами Ближнего и Среднего Востока. Её становление как империи произошло благодаря продвижению на юг и восток. Соседство, соперничество и торговля с миром ислама создали уникальную систему взаимоотношений, сформировав евроазиатскую цивилизацию, в равной мере отличающуюся от обоих её источников. Именно о ней отечественные политики, историки

и философы так часто говорят, не слишком задаваясь вопросом, что она представляет собой на самом деле.

Россия включила в свои границы значительную часть территорий, входивших до того, как стать её провинциями, в состав или в сферу влияния исламских империй БСВ. Некоторые из них она поглотила полностью, другие — частично, унаследовав, помимо прочего, исторические конфликты между этими территориальными образованиями и населявшими их народами. Большинство этих народов в итоге оказались по разные стороны государственных границ, в странах, часть которых относится сегодня к исламскому (Турция, Афганистан, Иран, арабские страны), а часть — к неисламскому (Россия, Израиль и Китай) миру.

Российское завоевание Кавказа спровоцировало исход чеченцев и черкесов, образовавших многочисленные военные поселения в арабских провинциях Оттоманской Порты. Распад Российской империи позволил Турции вернуть под свой контроль территории Восточной Анатолии и Причерноморья, находившиеся в составе Российской империи с 1878 года, изгнав и уничтожив составлявших значительную часть их населения армян и греков.

В бывшей турецкой, а затем британской Палестине русские евреи построили Государство Израиль, получившее дополнительный приток населения из СССР после начала «разрядки» в 70-х годах, когда из Советского Союза была разрешена массовая эмиграция. Продолжая эту традицию, после распада СССР в Израиль прибыла более чем миллионная «большая русская алия», около трети которой составляли этнические неевреи.

Большая часть многочисленных русских эмигрантов в Иране и Турции в период, последовавший после

Гражданской войны, ассимилировались, войдя в состав титульных этносов. Небольшие русские общины в Ливане, Палестине, Тунисе и Марокко постигла та же участь. Афганистан и Саудовская Аравия приняли значительные группы населения, бежавшего в ходе подавления басмачества из советизированной Центральной Азии. Часть «совграждан» попала на территории, ставшие вскоре Пакистаном, в процессе формирования армии Андерса из бывших польских граждан, оказавшихся в пределах СССР в результате раздела Польши между Берлином и Москвой в 1939-м году.

Особую категорию составили «совжёны», число которых в странах БСВ составило десятки, а их детей — сотни тысяч. Наконец, с начала 90-х годов появились (на Кипре, в Израиле, Турции, Египте и ОАЭ) группы постоянно живущих в регионе выходцев из России (а также других стран постсоветского пространства, как правило, составляющих с ними за пределами этих стран единый социум), занимающихся частным бизнесом, работающих на местные компании или купивших недвижимость в «стране пребывания».

Особую категорию людей с российским гражданством (и гражданством других постсоветских республик) в странах БСВ составляет исламистская эмиграция: люди, уехавшие из проблемных регионов Северного Кавказа — в первую очередь Чечни, учащиеся исламских университетов и медресе (часто — живущие вместе с семьями), боевики, участвующие в джихаде в Сирии, Ираке и Афганистане. Эта группа замкнута сама на себя и на радикальные исламистские круги региона — в первую очередь монархии Залива и Турцию.

На территории России сегодня живут сотни тысяч выходцев из стран Ближнего и Среднего Востока.

Крупнейшей по численности группой являются израильтяне — бизнесмены, представители свободных профессий, учёные и менеджеры отечественных корпораций. Афганская община — наследие 80-х годов и гражданской войны в Афганистане. Арабская (крупнейшее землячество которой составляют сирийцы) сформирована большей частью из бывших студентов, осевших в России после женитьбы и получения российского гражданства, значительно пополнилась после начала в Сирии гражданской войны. Часть курдов и ассирийцев — потомки эмигрантов дореволюционных времён, полностью ассимилировавшихся в СССР, но не получивших советских паспортов. Другие обосновались в стране во второй половине XX-го века. Турецкая община сформировалась в 1990–2000-е годы из бизнесменов и сотрудников турецких компаний, работавших в России.

Как правило, все они являются естественным мостом между страной происхождения и Российской Федерацией, играя активную роль в налаживании двусторонних и многосторонних отношений, хотя некоторые представители этих общин играют существенную роль в организации нелегальных финансовых потоков, наркотрафике, контрабанде и торговле живым товаром. В 90-е годы арабских экспатов использовали для организации джихада против России исламисты из стран БСВ — практика, исчерпавшая себя в 2000-е, после налаживания оперативной работы отечественных силовиков.

Составляющая миллионы человек трудовая миграция в Россию из постсоветских государств Закавказья и Центральной Азии имеет к БСВ лишь косвенное отношение. В то же время фактическая прозрачность границ (в первую очередь с Афганистаном и Турци-

ей) и безвизовый режим ближневосточных государств с некоторыми из этих республик позволяют использовать выходцев из них для распространения наркотиков и радикального ислама.

Личные контакты российского руководства с лидерами стран БСВ и наличие общих долгосрочных политических и экономических интересов позволяют купировать часть этих проблем на ранней стадии. Можно отметить, что попытки усиления влияния, которые Иран предпринимает в Армении, Таджикистане и Азербайджане, не конвертируются в укрепление его позиций в России, а в последнем случае скорее ослабляют эти позиции, учитывая значительные разногласия между Баку и Тегераном. Это же касается политики Турции в Азербайджане и Центральной Азии.

Эпоха военной экспансии России на БСВ закончилась в конце 80-х годов войной в Афганистане. Сегодня там воюют другие. Насколько успешно и какие это создаёт проблемы в самом регионе и у его соседей — особый вопрос. Преимуществом современной России является прагматичность руководства страны и его дистанцированность от непосредственного участия в нарастающих на Ближнем и Среднем Востоке конфликтах. Опыт разрыва отношений с Израилем в 1967-м году доказал спорность ставки на одну сторону, вне зависимости от того, какую именно. Впрочем, похоже, что Сирия с осени 2015 года стала тем местом, где возродилась активная ближневосточная политика Москвы.

Основным торговым партнером России в регионе является Турция, по крайней мере пока. Важнейшим стратегическим партнёром в противостоянии исламистскому терроризму и в модернизации страны — Израиль. Главным союзником в борьбе с рас-

пространением афганских наркотиков и салафитского радикализма — Иран. Арабские монархии — основной конкурент России по экспорту нефти и природного газа на европейский рынок и главный источник организации и финансирования исламистского джихада на Северном Кавказе, но потенциальный инвестор (в теории) и рынок сбыта военно-технической продукции (на практике). Авторитарные арабские республики — партнёры в противостоянии с исламистами, заинтересованные в военно-техническом сотрудничестве и торговле с Москвой.

Москва поддерживает по мере возможностей отношения с Западом — источником инвестиций (до кризиса 2014 года, спровоцированного США и ЕС под предлогом вмешательства РФ в события на Украине) и рынком сбыта российских энергоносителей. Россия стремится дистанцироваться от проблем, которые военно-политические провалы в Ираке, Афганистане, а также поддержка «Арабской весны» навлекли на ЕС и США. Неосмотрительно поддержав Запад в ООН в отношении Ливии, результатом чего стала интервенция, распад этой страны, убийство её лидера Муаммара Каддафи и превращение Ливии в территорию неконтролируемого транзита нелегальных эмигрантов из Африки и стран БСВ в Европу, Россия воздерживается от автоматической поддержки западных инициатив, а в случае Сирии последовательно блокирует их в ООН.

При этом Россия не ввязывается в обычное для СССР лобовое противостояние с Западом, которое традиционно инициировалось режимами БСВ, а по таким вопросам, как сирийская химическая или иранская ядерная программа, выступила единым фронтом с «мировым сообществом», расходясь со странами за-

падного блока лишь в частностях. Подписание в июле 2015 года соглашения «шестёрки» переговорщиков с Ираном без активного участия Москвы не было бы возможным.

Присутствие России в G-8 до украинского кризиса 2014 года и начала по инициативе администрации президента США Барака Обамы новой холодной войны и в G-20 позволяло ей координировать ближневосточную политику с государствами развитого мира теснее, чем когда бы то ни было в период после Октябрьской революции. Переориентация отечественной политики на БРИКС и ШОС в рамках «разворота на Восток» стала ответом на антироссийский курс стран НАТО и ЕС.

В то же время это именно российская политика, и с этим связаны её расхождения с политикой США и ЕС, в основном объективные, хотя иногда имеющие личностную или ведомственную основу. Объективны в данном случае, по мнению автора, жёсткая критика ситуации в Сирии, Ираке, Афганистане и Ливии, негативное отношение к давлению на Иран, повышенное внимание к ситуации в ядерном Пакистане.

Дестабилизация и радикальная исламизация арабских стран, победа талибов и рост производства наркотиков в Афганистане, деятельность Саудовской Аравии и Катара как центров обеспечения и координации радикальных исламистов на Северном Кавказе и в других российских регионах, перспективы утечки за пределы Пакистана составляющих его ядерного комплекса относятся к главным ближневосточным угрозам России. Это же можно сказать об опасности радикальной исламизации Центральной Азии и надвигающейся из Афганистана «Центрально-Азиатской весне».

В то же время отечественные инициативы на Ближнем и Среднем Востоке, как правило, имеют инерционный характер — по крайней мере за пределами непосредственной сферы интересов президента Путина. Часть этих инициатив связана с традицией внешнеполитических ведомств и международных организаций, не имеющей отношения ни к российским интересам, ни к региональной реальности. Именно к этой категории относятся ближневосточное урегулирование, многочисленные конференции по правам человека и миротворческие миссии ООН, а также вопрос безъядерной зоны на Ближнем Востоке.

Нужно отметить, что российские интересы в регионе, в том числе в вопросах транзита энергоносителей Прикаспия и Центральной Азии, более или менее вежливо игнорируют не только конкуренты, но и партнёры Москвы, включая Турцию, Азербайджан и Туркменистан. Мировой экономический кризис временно повысил интерес «мирового сообщества» к России как источнику финансов — до введения в её отношении санкций США и ЕС. Успешные попытки втянуть российское руководство в затратные проекты проводила Турция — в свою энергетическую инфраструктуру (АЭС «Аккую» и «Турецкий поток»). Однако эти проекты могут стать жертвами обострения отношений Москвы и Анкары после уничтожения турецкими ВВС российского самолёта в ноябре 2015 года.

Лоббирование арабских стран и Ирана включает преимущественно сферу поставок вооружений и военной техники и активно поддерживается профильными отечественными ведомствами. При этом поставки оружия, запчастей и комплектующих Ливану, Сирии и Ирану, как правило, сопровождаются возражениями Израиля, столь же традиционными, сколь

бесполезными — за редкими исключениями. С другой стороны, «ядерная сделка» с Ираном «шестёрки» позволила реанимировать поставку Тегерану С-300, а угроза воинскому контингенту ВКС РФ в Сирии со стороны Турции привела к поставке в Латакию комплекса С-400.

В то же время контакты на высшем и среднем уровнях российского истеблишмента с руководством стран региона создают систему сдержек и противовесов, в достаточной мере напоминающую построенную странами западного мира. Именно эта система наряду с геополитической и экономической реальностью, корпоративными и ведомственными интересами, фобиями, стереотипами, а также личными предпочтениями и наработанными системами связей и создаёт то, что можно назвать отечественной ближневосточной политикой. Причём в ряде случаев, наиболее явными из которых стали провалы России в Катаре и Турции, политика эта, при всей её взвешенности, торпедируется волюнтаризмом местных лидеров.

При этом политика России на БСВ мало чем похожа на последовательную советскую — в чём можно найти и положительные и отрицательные стороны. Она не повторяет и не может копировать её по определению. Необходимых для этого резервов — технических, финансовых и кадровых — сегодня не существует не только у Москвы, но и у всех вместе взятых стран Запада, Китая, Индии, государств Юго-Восточной Азии, Кореи и Японии, которых всё, происходящее на Ближнем и Среднем Востоке, так или иначе касается. Новое время — новые песни…

За время, прошедшее с 60–80-х годов — пика региональной активности СССР, произошёл не только распад социалистической системы и нашей собствен-

ной страны. Сам регион изменился коренным образом. Численность его населения выросла в разы. Проблемы увеличились на порядок. Элита деградировала. Конфликтный потенциал реализовался в войнах и внутренних столкновениях, последствия которых сопоставимы с проблемами, возникшими в Европе по окончании Второй мировой войны.

Однако БСВ, за немногими исключениями, не обладает и в обозримой перспективе вряд ли будет обладать промышленной, интеллектуальной и аграрной базой, которая позволила возродить послевоенную Европу. Сегодня скорее следует ждать нескольких десятилетий государственных переворотов, революций, этнических и конфессиональных чисток, гражданских войн и межгосударственных конфликтов там, где отечественные специалисты строили металлургические заводы и плотины...

Поставки отечественной военной и гражданской техники остались памятником активности нашей страны в арабском мире второй половины XX-го века. Кстати, именно эти мегапроекты в значительной мере обанкротили Советский Союз, подготовив его распад. По самым приблизительным подсчётам, страны «социалистической ориентации» и государства «третьего мира», большая часть которых располагалась на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке, остались должны Москве более $ 160 млрд — значительно больше, чем весь внешний долг СССР и России.

Особая история — долги по военно-техническому сотрудничеству. Не существует ни одной ближневосточной страны, бывшей партнёром СССР, которой российскому руководству не пришлось бы списывать в новейшее время многомиллиардные долги с тем, чтобы начать с ней сотрудничество «с чистого листа».

Трудно сказать, насколько это было оправданно — разве что оправданием служит то, что денег России всё равно никто бы никогда не вернул. Однако бескорыстие такого рода хорошо лишь до определённых пределов, и пределами этими, безусловно, являются стратегические интересы России.

Присутствие на Ближнем и Среднем Востоке «любой ценой» ещё можно было оправдать в период глобального противостояния сверхдержав, когда соперничество идеологических систем могло перерасти в военное противостояние. Задача эта перед Российской Федерацией более не стоит. Сегодня её безопасность зависит от положения на постсоветском пространстве: в Закавказье, Центральной Азии и на Украине, — в куда большей мере, чем от ситуации на БСВ. Вопрос вопросов при этом, зачем и по каким именно направлениям расходовать ограниченные ресурсы страны.

Вложения Китая окупаются всегда и везде. Европы и США — почти всегда. Да и размеры этих ресурсов несравнимы с отечественными. Для того чтобы не проигрывать в соревновании с конкурентами, России в первую очередь нужно научиться считать. Что, разумеется, опечалит появившихся в 90-е годы лоббистов, в том числе работающих в госструктурах, задача которых сводится к реализации малоосмысленных, но хорошо обоснованных перед начальством внешнеэкономических инициатив.

Второй, ещё более важной задачей является умение трезво оценивать происходящее в той или иной стране, просчитывая политические риски не менее тщательно, чем экономические. Хотя пока что и в отношении экономических расчётов у действующего российского руководства плоховато... чтоб не сказать

плохо. О чём свидетельствует вся история современных отношений России с той же Турцией — от вышеупомянутой АЭС «Аккую» до «Турецкого потока». То есть отечественная политика вечно забегает вперёд экономики и путается у неё под ногами, отчего обеим плохо…

Удастся ли России перебороть вышеуказанные минусы — вопрос, осложняемый тем, что для страны характерны высокая коррупционная составляющая, неэффективность бюрократии, засилье неповоротливых и затратных государственных корпораций, непрозрачность финансовых схем и низкая исполнительская дисциплина, недостаточный профессиональный и образовательный уровень менеджмента, включая высшее и среднее звено, а также снижающийся интеллектуальный и технологический потенциал. Всё это превосходно понимают арабские, турецкие, иранские, израильские, пакистанские и афганские партнёры России, часто рассматривающие сотрудничество с нашей страной исключительно в ситуациях невозможности работы с Западом или государствами Азиатско-Тихоокеанского региона — как своеобразную приманку для конкурентов Москвы.

СССР на протяжении своей истории опирался в регионе на различные силы. В первой половине прошлого столетия это были коммунистические и «прогрессивные» партии и движения — еврейские и арабские, а также «народы и страны, борющиеся против колониализма и империализма». Так, Турция, Иран и Афганистан в период обновления государственности в XX-м веке получили поддержку Москвы. Как следствие, союзниками СССР оказались — или называли себя таковыми — самые разные, часто борющиеся между собой не на жизнь, а на смерть силы, конкурировавшие за

дотации, военную и политическую поддержку советских патронов.

Выбор между берберами и арабами, евреями и арабами, курдами и арабами, эфиопами и сомалийцами, коммунистами и буржуазными националистами, в число которых входили иракские и сирийские баасисты, афганскими парчамистами и халькистами составлял головную боль МИДа, международного отдела ЦК и спецслужб на протяжении всей истории СССР. Как правило, этот кроссворд решался исходя из текущей целесообразности, линии партии на данный момент, интриг партийного и государственного аппарата, склонностей конкретных чиновников и уровня начальственного волюнтаризма. И тут ещё большой вопрос, что именно в первую очередь сказывалось на конечных решениях.

На то, кого именно, как и в какой степени поддерживать, могли влиять и влияли отношения между руководителями и их ведомствами. А мнение профессионалов хоть и запрашивалось, но даже в важнейших вопросах зачастую игнорировалось, как это было в ситуации разрыва дипломатических отношений с Израилем после Шестидневной войны 1967 года или ввода советских войск в Афганистан в 1979-м, против которого дружно возражали все специалисты, имевшие отношение к этой стране. Что ничуть не повлияло на престарелых Брежнева, Андропова и Устинова, принявших судьбоносное для СССР решение, что называется, «на троих».

«Союзники» СССР при этом использовали Москву, подставляли ее, шантажировали, а иногда и открыто предавали — как Ясир Арафат в ходе ливанской гражданской войны, и непрерывно пытались втянуть в свои междоусобные конфликты или столкнуть с За-

падом. При необходимости они мгновенно забывали об объявленном ради советской поддержки курсе на «социалистическую ориентацию». Во всяком случае, это раз за разом происходило, когда у них возникал шанс с выгодой конвертировать отказ от этой ориентации в отношения с европейскими столицами и Вашингтоном или переориентироваться на Пекин. А то, что ради смены курса им приходилось поголовно уничтожать местные компартии, ни в регионе, ни за его пределами никого особенно не удивляло и не смущало.

Многие из этих стран покинули советскую внешнеполитическую орбиту ещё в период расцвета военно-политической мощи СССР. Ни одно из государств региона, поддержка которых обошлась Советскому Союзу в миллиарды и десятки миллиардов долларов, не поддержало Москву в момент кризиса и распада страны. Алжир, Ливия, Египет, Судан, Сомали, Южный Йемен, Сирия, Ирак, Афганистан, Фронт ПОЛИСАРИО, ООП и множество других движений и фронтов — мартиролог советской военно-политической стратегии на БСВ. Гордиться тем, что СССР сделал для этих стран и «прогрессивных» движений, можно — сделано было на самом деле немало. Толку-то что? Не для них — для них толк был. А для нас? Понимая под этим собирательным «нас» хоть СССР, хоть нынешнюю Россию?

Кстати, сегодня мало кто помнит, что СССР в своё время прагматично поддерживал не только национально-освободительные движения и режимы «социалистической ориентации», но и сторонников «чистого ислама». Присутствие делегации советских мусульман в 1926-м году на территории, позднее ставшей Саудовской Аравией, легитимировало претензии Абдель-

Азиза ибн-Сауда на высшую власть в мире ислама. Именно тогда была сформирована структура, на базе которой позднее возникла Организация исламская конференция (современная Организация исламского сотрудничества). Кто бы за это в современной Саудовской Аравии был Москве хоть на йоту благодарен…

В свою очередь, Советский Союз использовал ваххабитов (которые, впрочем, не любят это название, восходящее к имени ибн-Ваххаба, называя себя салафитами) в борьбе с басмачами на Кавказе и в Центральной Азии. Поскольку салафиты считали и по сей день считают суфиев еретиками, а в этих регионах был распространён именно суфийский ислам, они с готовностью помогали тогдашнему советскому руководству против его врагов из числа мусульман, имея долгосрочные планы — сегодня во многом оправдывающиеся. Поскольку салафитские общины растут и множатся на Кавказе и в Центральной Азии, а также на территории современной России, как грибы.

Сохранившаяся переписка ибн-Сауда со Сталиным представляет собой интереснейший образчик ближневосточного макиавеллизма. Впрочем, в период советской оккупации Афганистана Саудовская Аравия, с 40-х годов XX-го века переориентировавшаяся на США, вступила с СССР, при прямой или косвенной поддержке всего исламского мира и Запада, в жёсткую конфронтацию, завершившуюся на рубеже веков поддержкой сепаратистов в российской Чечне и терактами во внутренних российских регионах. После чего полагать её потенциальным партнёром России, невзирая на многочисленные авансы, не приходится.

В настоящее время террористическая деятельность против России напрямую Эр-Риядом почти не финансируется. Предолимпийские «Волгоградские теракты»

2013 года, которые эксперты расценили как «сигналы», посланные руководству России тогдашним главой саудовского Управления общей разведки принцем Бандаром бин-Султаном, скорее исключение из правила. Во всяком случае, после его отстранения от занимаемой должности непосредственная террористическая деятельность группировок, ориентирующихся на Эр-Рияд, в России прекратилась — не исключено, только временно.

Впрочем, есть ещё и салафитский Катар — на момент написания этих слов главный спонсор вытесненного за пределы России «Имарата Кавказ», считающихся отечественной прокуратурой террористами «Братьев-мусульман» и далеко обогнавшего просаудовскую «Аль-Каиду» по уровню средневекового зверства, влиянию и денежной состоятельности «Исламского государства». Именно эта страна, по мнению большинства профессиональных экспертов, отвечает за взрыв российского авиалайнера с туристами на Синае осенью 2015 года.

Центр исламистского джихада пока перенесён в Афганистан, Ливию, Сирию и Ирак. Однако долго ли сохранится состояние такого «полуперемирия» России с государствами, инструментом проведения в жизнь международных амбиций которых является терроризм, неясно. Как известно по теракту «9/11», на Ближнем Востоке изменение позиции на 180 градусов — правило, а не исключение из правил. Соединённые Штаты испытали это на себе в полной мере. Вряд ли Россия может рассчитывать на лучшее к себе отношение, несмотря на явное заигрывание с ней местных лидеров, запутавшихся в собственных интригах.

Доносящиеся из региона призывы к восстановлению роли России на Ближнем и Среднем Востоке

стоит воспринимать критически. Они преследуют простодушно-эгоистические цели добиться поддержки местных движений и их лидеров, такие же, как обращения к СССР их предшественников в критические для тех моменты. Им всем всегда нужно на кого-нибудь опереться, кем-то прикрыться и кого-то, да простят автора читатели за «вульгаризм», доить. Не случайно Россия интересует местных игроков исключительно с того момента, как она восстановила свою финансовую состоятельность и военно-политическую независимость, отказавшись от односторонней ориентации на следование в фарватере Запада.

Военные и ядерные технологии, инвестиции и политическая поддержка, в том числе в Совете Безопасности ООН, для всех них не более чем способ извлечения прибыли из амбиций и иллюзий отечественных ведомств. Благо амбиций и иллюзий там хватает, а в последнюю четверть века к ним прибавились ещё и наработки в части личного обогащения за счёт «распила» бюджетных средств. Не слишком оптимистичный, но реальный вывод из того, что происходит и, похоже, будет происходить в обозримой перспективе с российскими партнёрами и российскими контрактами на БСВ. Впрочем, уговорить бы ещё начальство, что дело обстоит именно так, как оно на самом деле обстоит…

Часть I
Геополитика

Что такое Ближний и Средний Восток? Каковы действующие в регионе системы управления? Что представляют собой с этой точки зрения страны и территории, из которых он состоит? Где корни местных систем власти и в каких отношениях эти системы находятся между собой? Что такое «Арабская весна» и какая демократизация возможна в арабском мире? Как меняется внутрирегиональное соотношение сил на БСВ? Кто рвётся к власти, кто её теряет? Что стоит за сменой режимов, которую мы наблюдаем в регионе сегодня? Что ждёт регион в ближайшем будущем и в будущем отдалённом? Как сказывается демография на изменяющемся соотношении политических сил?

Глава 1
Кто в теремочке живёт?

Что представляет собой сегодня Ближний и Средний Восток? Историческая канва формирования этой устоявшейся геополитической общности знакома каждому школьнику: путь, по которому первые люди вышли из Африки, родина земледелия и скотоводства, первые города и первые цивилизации. Египет и хетты, Хараппа и Мохенджо-Даро, шумеры и Элам, Ассирия и Вавилон, Иудея и Израиль. Это раз.

Персидская империя и Александр Македонский, Рим и Карфаген, Аксум и Мероэ, Парфия и Эфиопское царство, Византия и Йемен. Арабский Халифат и Чингисхан, Тимур Хромой и Иран, Сельджуки и Оттоманская Порта, Великие Моголы и мамелюки. Крестоносцы, португальцы, испанцы, Ост-Индийская компания. Надир-шах, Наполеон, Ататюрк, Роммель, Черчилль. Бен-Гурион, Насер, Асад, Саддам, Каддафи, бен-Ладен, аль-Багдади. Это два.

Тегеранская конференция, Шестидневная война, Война Йом-Кипура, раздел Кипра, война в Огадене, исламская революция в Иране, ирано-иракская война, советская оккупация Афганистана, иракская оккупация Кувейта, война в Заливе, американская оккупа-

ция Афганистана, война в Ираке, превращение Ливии в «бывшее государство», гражданская война в Сирии, кризис беженцев, российско-турецкое противостояние. Это если о недавнем и совсем недавнем прошлом, а также настоящем.

Геноцид армян, изгнание греков, геноцид в Дарфуре, проблема курдов, проблема берберов, палестинский вопрос, геноцид курдов-йезидов (кто бы о них на Западе вспомнил, не говоря о том, чтобы помочь). Дехристианизация Ближнего Востока. Гражданская война в Алжире, распад Сомали, раздел Судана. «Арабская весна» — может быть, лучше назвать её осенью или зимой арабского мира? «Аль-Каида», «Аль-Каида Магриба», «Аш-Шабаб», «Боко харам», сомалийские пираты, ХАМАС, талибы, «Хизбалла», «Исламское государство»…

Шесть тысяч лет цивилизации. Родина алфавита и архитектуры, сельского хозяйства и астрономии, математики и медицины — в том понимании, как мы говорим о них на Западе, частью которого в цивилизационном плане Россия, безусловно, является. Триада авраамических религий: иудаизм, христианство и ислам, две из которых: христианство и ислам, стали религиями мировыми. Плюс множество религий региональных — те же зороастризм или бахаизм. Плюс много чего ещё.

Во времена своего расцвета сменявшие друг друга империи, включавшие часть или большую часть нынешнего БСВ, охватывали Западную Европу (Рим), Восточную Европу (Оттоманская Порта), Закавказье (Порта и Иран), Центральную Азию и Китай (Чингизиды и Тимур), Индию (Моголы). Побережье Индийского океана, острова Юго-Восточной Азии, внутренняя Африка и Балканы, Средиземноморье и речные

долины Евразии были связаны с Ближним и Средним Востоком на протяжении тысячелетий.

Настоящая книга не предполагает рассказа о том, почему крупнейшим исламским государством мира является расположенная на стыке Тихого и Индийского океанов островная Индонезия, а мусульманское население Индии или Нигерии превышает число жителей абсолютного большинства стран исламского мира. Автор искренне сожалеет об этом, но объём её ограничен и всего, что можно было бы и хотелось бы рассказать читателю, в одну книгу не уместить. Тем более что информацию эту в нынешние времена сплошной компьютеризации найти несложно — если знать, что искать.

Автор вынужден почти полностью игнорировать исключительное лингвистическое, этническое и конфессиональное разнообразие, скрытое под этнонимами «арабы», «турки» или «персы», лишь вскользь коснувшись проблемы племён, которой в западном мире давным-давно не существует, а на БСВ именно она составляет стержень многих конфликтов, влияя на вопросы войны и мира, межгосударственных отношений и границ. При том что проблема меньшинств зачастую даёт ключ ко многим проблемам региона и понимать хотя бы, что она на деле существует, абсолютно необходимо.

В книге не будут упомянуты или будут упомянуты вскользь огромное множество любопытнейших тем, каждая из которых заслуживает детального рассмотрения. Автор посыпает голову пеплом и приносит все и всяческие извинения читателю, но он вынужден будет пройти мимо массы вопросов, разбор которых мог бы заинтересовать читателя и составить для него интерес — но превратил бы эту книгу в энциклопедию.

Десять-пятнадцать лет кропотливого труда сплочённого и работоспособного коллектива, включающего несколько десятков ближневосточников мирового класса необходимы, чтобы энциклопедия такого рода была составлена. И если она увидит свет, то, несомненно, станет бестселлером. Но до сих пор мир жил без этой книги и проживёт без нее ещё немного. Автор может лишь надеяться, что он её увидит при своей жизни. Надежда вообще умирает последней.

Упомянем лишь, что Ближний и Средний Восток — это территория, на которой то, что составляло основу провинций или стран, на которые он делится, сотни и тысячи лет назад, парадоксальным образом может быть живо и сегодня. Отчасти потому, что география подвержена изменениям в минимальной степени и, как и в Европе, на БСВ это фактор, как сказал бы, грассируя, Владимир Ильич Ленин, «наи'важнейший». Хотя и напрочь игнорируемый современными кабинетными исследователями, которые «в поле» не бывали отродясь, ориентируясь по картам, которые были составлены не ими.

Земледельческие государства исторически складывались вокруг речных долин. Оплотом кочевых империй были степи и горные пастбища. Острова и полуострова становились центрами империй морских. Пустынные оазисы и горные плато на торговых путях давали приют городам и храмовым центрам. Морские бухты служили убежищем для торговцев и пиратов. Горные хребты и пустыни превращались в непроходимые барьеры между народами. Так происходило на протяжении веков и тысячелетий, и именно география в огромной мере ответственна за то, что мы находим на том или ином месте в ту или иную эпоху.

До самого конца XX-го века, когда глобализация

открыла для окружающего мира многие ранее недоступные территории, природа была главным фактором, определявшим параметры жизни людей. Менялись языки и религии, завоеватели растворялись в коренном населении или ассимилировали его в своей среде, империи объединяли независимые царства и окружавшие их племена и распадались, военные поселенцы превращались в этнические группы. Однако только в редких случаях природных или спровоцированных человеком катастроф цивилизация изменялась в корне или полностью исчезала.

Море могло отойти, превратив процветающий порт в провинциальный город (в Европе наиболее известные примеры этого — Брюгге и Равенна), извержение вулкана и цунами — уничтожить царство (Крит), война — разрушить экосистему (Хорезм) не менее гарантированно, чем наступление пустыни из-за изменения климата (Сахара) или деятельности человека (Мероэ). Но в большинстве своем человеческие социумы и созданные ими институты поражают своей устойчивостью. И регион, рассматриваемый на страницах представленной вниманию читателя книги, даёт тому массу примеров.

Все основные «силовые центры» БСВ на протяжении тысячелетий оставались и продолжают оставаться на своих местах. Причём соотношение их военно-политического и экономического веса и общие направления соперничества остаются неизменными. Именно поэтому мы находим Турецкую Республику на месте Оттоманской Порты, которое до неё занимала Византия, а когда-то давным-давно — хетты. Исламскую Республику Иран на месте Ирана Сасанидов, Парфии Аршакидов, Персии Кира, или изначальных Мидии и Элама.

Современное Государство Израиль построено там, где когда-то 12 еврейских племён — «колен Израилевых» — создали библейские Иудею и Израиль. Тунис именно потому не часть Ливии или Алжира, что это самый что ни на есть исторический Карфаген. И жители его в огромной мере отличаются от своих соседей. Ливан с его вечной гражданской войной не стал провинцией «Великой Сирии», о которой до сих пор, хотя и в куда меньшей степени, чем до начала гражданской войны, говорят в Дамаске, потому что он — прямой наследник Финикии с её вечно враждующими городами-государствами.

Марокко и Алжир сменили на современных картах античные Мавританию и Нумидию. Благословенная Аравия времён царя Соломона и царицы Савской превратилась в иссушенный солнцем Йемен, раздираемый межплеменной войной. Бывшая океанская пиратская империя — Султанат Оман потеряла остров Занзибар и белуджский Гвадар, отошедшие Танзании и Пакистану, но в корне отличается от всех своих соседей. Став Саудовской Аравией, захолустный Неджд завоевал Хиджаз с его священными городами, изгнав на север Хашимитов.

Ирак разрывается между шиитами, суннитами и курдами, как когда-то Двуречье было разделено между шумерскими городами-государствами, Ассирией и Вавилоном. Состояние дел на границах Арабской Республики Египет с Ливией, Суданом, Газой и Израилем, как это ни парадоксально, напоминает об отношениях Древнего Египта с царством Куш, народами моря и гиксосами. Не случайно его президента часто почти в шутку называют фараоном…

Таких параллелей множество, и они относятся не только к самому региону, но и к его соседям — ближ-

ним и дальним. Что с того, что на месте Римской республики и Римской империи сегодня находятся Соединённые Штаты? Так ли велика для БСВ разница между империей Чингисхана и СССР? Китаем династий Мин и Тан и Китайской Народной Республикой? Индией Ашоки и Индией Индиры Ганди или Нарендры Моди? По форме — ничего похожего. По сути — никакой разницы. Разве что мир сузился и путешествие, сто лет назад занимавшее месяцы, а две-три сотни лет тому назад — годы, сегодня удаётся совершить за несколько часов. Глобализация, ети её в качель…

Но если вернуться к сути дела, читатель, то Ближний и Средний Восток этой книги, согласно классической схеме, которой автор по мере сил придерживается, включает арабский мир, неарабские исламские страны и неисламских регионалов. В арабский мир входят: Магриб (арабский Запад — Северная Африка до Египта), Машрик (арабский Восток — Египет, Левант, Аравийский полуостров и Двуречье), арабо-африканский Судан и страны Африканского Рога.

Неарабские исламские страны — это Турция, Иран, Афганистан и Пакистан (именно три последние страны являются Средним Востоком). Греко-турецкий Кипр и еврейско-арабский Израиль входят в регион, не являясь исламскими. Но рассматривать БСВ без них, как часто делает ангажированная исламская пресса, абсолютно бессмысленно. Игнорировать Израиль на бумаге можно. Не упоминать его в книгах и не ставить название на картах можно. Но очень уж глупо. Вот и не будем следовать дурным примерам.

В состав Магриба входят: Марокко (с оккупированной им Западной Сахарой), Алжир, Тунис и Ливия, а в состав так называемого Великого Магриба — ещё и Мавритания. Засим, поскольку внутриарабские дряз-

ги имеет смысл учитывать, но, находясь в России, не стоит на них ориентироваться, о Мавритании мы говорить будем. Африканский Рог — традиционное наименование исламской (по большей части) периферии сокращающейся Эфиопской империи. В его состав для нас входят Эритрея, Джибути и Сомали. Эфиопия же, при всём величии её цивилизации, периферия БСВ, и о ней мы говорить не будем.

В учёном мире не решён вопрос, включать ли в БСВ Эритрею, или эта бывшая итальянская колония и столь же бывшая эфиопская провинция — Африка чистой воды. Автор её в состав Ближнего Востока включает, полагая Эритрею частью региона, близкой своим исламским соседям и откровенно враждебной Эфиопии, и в этом качестве не видит особой разницы между ней и тем же Сомали. Благо отношения, которые эта страна строит с Йеменом и Ираном, Саудовской Аравией, ОАЭ и Суданом, — самые что ни есть ближневосточные. Да и с Израилем её, как это ни парадоксально, связывает немало.

Машрик для арабов и вслед за ними для британской академической школы заканчивался там, где начинались североафриканские пустыни и суданская саванна — мир берберов и Чёрная Африка зинджей. Употребление последнего наименования, с точки зрения популярной в западном мире политкорректности, так же некрасиво, как называть американских негров неграми, а не афроамериканцами. Но автор неполиткорректен, и книга издана не в США. Поскольку тамошняя цензура — точнее, самоцензура авторов и издателей — вещь столь же эффективная, сколь убийственная для настоящей науки.

Левант — это Иордания, Сирия, Ливан и Палестина, при всей спорности того, что есть Палестина,

а что — Израиль. И спор этот по преимуществу — «евреев меж собою». Поскольку сами по себе палестинские арабы вовек бы не наворотили тот клубок противоречий, который вокруг них возник, без активного участия израильских политиков и евреев диаспоры. Развязать этот «гордиев узел» невозможно — наличие отдельного, занимающегося только палестинцами агентства ООН так же мешает этому, как четыре «коспонсора мирного процесса»: США, ООН, ЕС и Российская Федерация. Разрубить в принципе можно, но брать на себя ответственность за этот шаг никто не хочет. Так и живут палестинцы с израильтянами от теракта до теракта и от одной контртеррористической операции до другой.

Двуречье состоит из единственного государства — Ирака, по крайней мере до того момента, как он официально не распался, а на момент написания настоящей книги он ещё не распался. Хотя распадается необратимо. Благо демократизация БСВ то ли самим западным сообществом при подозрительно активной поддержке монархий Аравийского полуострова, не имеющих никакого отношения к демократии, то ли этими монархиями при поддержке купленного ими на корню западного сообщества похоронила в регионе почти все светские авторитарные режимы — и Ирак в первую очередь. Очень уж боялись его «заливники»...

Аравийский полуостров — «заповедник» монархий арабского мира. На самом полуострове монархическая система правления не существует лишь в Йемене (хотя до 60-х годов XX-го века действовала и там), а за его пределами королевствами являются только Иордания Хашимитов и Марокко Алауитов. Находящиеся на этом «Острове Арабов» Королевство Саудовская Ара-

вия, Султанат Оман и малые монархии Персидского залива: Объединённые Арабские Эмираты, Королевство Бахрейн и Эмираты Катар и Кувейт, — составляют Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Он же ССАГПЗ.

Показательно, что Иордания и Марокко были приглашены в состав этой организации после начала в 2011-м году волны падения арабских режимов, известной как «Арабская весна», что подчеркнуло возможность её трансформации из регионального объединения в «клуб арабских монархий». Причина была в том, что обе эти «классово близкие» к государствам ССАГПЗ суннитские (что особенно важно на фоне противостояния Саудовской Аравии и её соседей по Аравийскому полуострову с шиитским Ираном) страны, не имеющие к Заливу никакого отношения территориально, обладают хорошо подготовленными армиями.

Как оказалось, этот фактор значительно более важен для богатых и владеющих огромным количеством современной военной техники, с которой их собственные малочисленные армии не умеют толком обращаться, «заливников», чем география. Впрочем, оба упомянутых королевства от предложенной им чести дружно отказались и предпочли сохранить свободу манёвра, справедливо опасаясь быть втянутыми в чужие войны наподобие той, в которую «Аравийская коалиция» во главе с Саудовской Аравией оказалась вовлечённой в Йемене в 2015-м году.

Обращаясь к новой истории, отметим, что до XVIII-го — начала XIX-го века на большей части БСВ царили две региональные империи: Турция и Персия. На Африканском Роге доминировали эфиопские негусы. Отдельные города и прилегающие территории региона с XVI-го века превращали в свои опорные ба-

зы португальцы и испанцы. С XVII-го столетия регион «трогали на прочность» голландцы, англичане и французы, чьи интересы продвигали пираты и не слишком отличавшиеся от них ост-индийские торговые компании.

Провинциальные правители «на местах» обладали значительной степенью автономии, были склонны к мятежам, вероломны, готовы отделиться в любой момент и покровительствовали пиратам, успешно действовавшим в Персидском заливе, Красном и Средиземном морях. Не слишком оптимистичное описание ситуации. Но именно турецкие султаны носили титул «повелителя правоверных», и лишь персидские шахи могли открыто соперничать с ними на границе, разделявшей две империи от Кавказа на севере до Персидского залива на юге. Впрочем, XVIII-й век изменил эту схему, а XIX-й её окончательно похоронил.

Раздел мира, в результате которого к началу XX-го столетия на карте БСВ осталось очень немного территорий, не закрашенных (разумеется, на отечественных картах — у соперников России устоявшееся сочетание их цветовых маркеров было другим) оливковым (Российская империя), зелёным (Британия) или сиреневым (Франция), начался с того, что голландцы, англичане и французы, вытесняя португальцев и испанцев, начали «осваивать» Индокитай и Индию, а Россия — турецкое Причерноморье и персидский Прикаспий. По результатам чего в Северной Африке Великобритания соперничала с Францией, а в Азии с Россией Романовых.

В настоящей книге мы не рассматриваем северную периферию региона, вошедшую в состав Российской империи и сохранившуюся в более или менее неизменных границах в составе единого государства со

столицей в Москве до 1991 года. Эти постсоветские республики Закавказья и Центральной Азии к БСВ не относятся, хотя американская и британская востоковедные школы полагают их частью Большого Ближнего Востока. К слову, к концу прошлого века британская, французская и испанская колониальные империи уже несколько десятилетий не существовали, а итальянская, построить которую пытался в начале XX-го столетия Бенито Муссолини, исчезла с карты на памяти его собственного поколения.

Возможно, когда-нибудь в будущем турецкими специалистами будет написана книга, рассматривающая Венгрию и Румынию, Грецию и прочие Балканы, Молдавию, Грузию и Армению, а также большую часть современной Украины, включая Крым, Одессу и историческую родину предков автора — город Сатанов, а также юг России, в том числе Сочи и Анапу, с точки зрения турецкой истории. Причём, судя по подъёму в Турции национализма имперского типа, написана она будет скорее раньше, чем позже. И прочитать её будет так же интересно, как взглянуть на украшающие её карты — там будет на что взглянуть.

Опять-таки не исключено появление труда, изучающего арабский мир, российский Дагестан, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Афганистан и Пакистан, да и значительную часть северо-западной Индии, с точки зрения истории Ирана. В конце концов, Иран тоже бывшая империя со своими амбициями и своей собственной ностальгией по историческому величию Персии, которую он исподволь реализует в настоящее время. Персидская империя занимала громадные пространства, существовала куда более длительный период, чем её турецкие и арабские соперники, и породила великую цивилиза-

цию. Так что все основания для соответствующих амбиций у её наследников есть.

Не столь вероятно, но вовсе не исключено появление Казахстана и Киргизии в исследованиях по Китаю, который в своё время включил в свой состав Восточный Туркестан — нынешний Синцзянь-Уйгурский автономный район, уступив Российской империи и СССР Туркестан Западный. В конце концов, Ферганская долина во времена óно была Китаем, как и вся Киргизия, на территории которой в VIII-м веке во времена династии Тан родился великий китайский поэт Ли Бо. Чего ни в Астане, ни в Бишкеке вспоминать не любят — и, с точки зрения их собственной государственности, правильно делают.

Границы прихотливы и изменчивы, а история любит шутить. Кто знает, что представлял бы собой сегодняшний мир, если бы Николай II — фигура несчастная в личном плане и трагичная для страны, править которой он пытался, не имея для этого никаких способностей, не ввязался в две бессмысленные войны и не спровоцировал две революции, окончившиеся так, как они окончились? Развивалась бы себе Российская империя эволюционным путём, как Британская, и развивалась… Глядишь, до чего-нибудь и доэволюционировала бы без всей той кровавой мешанины, в которую ей пришлось погрузиться в XX-м столетии.

Кстати, сомнительно, чтобы на карте этого несостоявшегося мира — мира без Первой мировой войны — остались бы Турция, Иран и Китай. Равно как Турция, Иран, Корея и Япония не сохранились бы в нынешнем виде на карте мира после Второй мировой войны, если бы Сталин реализовал всё, им задуманное, не натолкнувшись на сопротивление Черчилля, поддержанное Трумэном с его атомной бомбой,

опробованной на несчастных Хиросиме и Нагасаки. Но альтернативная история — не наша тема. Пускай её разрабатывают фантасты.

В реальной жизни к началу XX-го века Великобритания доминировала на той части сегодняшнего Большого Ближнего Востока, о которой мы будем говорить: БСВ российского (и во многом сохранившего его традиции советского) Генштаба. Египет и Судан, Северное Сомали — современный Сомалиленд и Аравийский полуостров, Двуречье и Палестина, Кипр и современный Пакистан были колониями, подмандатными территориями или другими путями входили в Британскую империю. Которая на их просторах до поры «разделяла и властвовала» как могла. Хотя и не столь долго, как надеялась.

Большая часть Магриба и французское Сомали — нынешнее Джибути, в это время принадлежали Франции. Ливия, Эритрея и Итальянское Сомали были колониями Италии. Современная Западная Сахара и часть Марокко, включая города Сеута и Мелилья, подчинялись Испании. Независимость сохраняли только Турция, Иран, Афганистан и аравийский Неджд. Причём планы по разделу Турции и Ирана были более чем реальны. Хотя проблемный Афганистан, который никому не хотел подчиняться, оставался своеобразным буфером между Российской и Британской империями. Что до пустынного аравийского Неджда с его религиозными фанатиками, он, похоже, англичанам, уставшим бороться с махдистами в Судане, просто не был нужен.

Соответственно, давшая старт «миру без аннексий и контрибуций» и «покончившая с империалистической дипломатией» Великая Октябрьская социалистическая революция (или «большевистский

переворот» — кому как удобней) 1917 года изменила ситуацию в корне. Она спасла Афганистан от постепенного превращения в российско-британский протекторат, а Иран от раздела между Россией и Великобританией по заключённому в Санкт-Петербурге соглашению 1907 года о разграничении сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете (несостоявшегося раздела Ирана отечественным фантазёрам-геополитикам особенно жалко).

Именно благодаря событиям в революционном Петрограде в 1919-м году Аманулла-хан провозгласил Афганистан независимым государством. Турецкая Республика благодаря Кемалю Ататюрку избежала раздела по Севрскому договору 1920 года (судя по результатам попыток России выстроить с Турцией в 2000-х годах взаимовыгодный баланс отношений — совершенно напрасно). Неджд в том же 1920-м году был полностью захвачен при поддержке англичан основателем саудовской династии Абдель Азизом ибн-Саудом. А в 1921-м году власть в Иране перешла в руки будущего шаха, основателя последней иранской династии — Резы-хана Пехлеви.

Границы сегодняшнего БСВ — по большей части итог распада колониальных империй в 40–70-х годах XX-го века и пограничных войн между образованными на их территории независимыми государствами. Стабильность этих границ сегодня под большим вопросом. Точнее говоря, распад ближневосточной государственности идёт вовсю, принял значительные масштабы и необратимый характер. Признать это «мировое сообщество» пока никак не сподобится и, не исключено, так и не сможет до момента, когда будет поставлено перед фактом. Но это уже исключительно его собственные проблемы.

15 января 2011 года, когда на референдуме большинство населения Южного Судана проголосовало об отделении от Республики Судан, дало толчок сепаратистским настроениям на всём БСВ и значительной части Африки. И если раскол Судана признан «международным сообществом», почему Нигерия и Конго, Ирак и Сирия, Саудовская Аравия и Йемен, Афганистан и Пакистан должны оставаться в границах, согласованных в мировых столицах? На повестке дня передел региона, и это значит, что «Большая игра» — борьба за контроль над его ресурсами и коммуникациями — продолжается.

Прошедшая в 2010-х годах операция «Одиссея. Рассвет» по «принуждению к миру» ливийского лидера Муаммара Каддафи окончилась для Ливии крахом, а для Каддафи гибелью. Впрочем, для Европы победа над Ливией оказалась пирровой, открыв дорогу в страны Евросоюза миллионам нелегалов из Африки и стран БСВ. Помимо прочего, война НАТО и их арабских союзников против Ливии позволила проанализировать соотношение сил и тактику государств, движений и международных организаций, действующих на Ближнем и Среднем Востоке, и оценить текущую российскую ближневосточную политику с точки зрения соотношения амбиций и возможностей отечественных ведомств и организаций.

Провал российской политики в Ливии, основную ответственность за который нёс тогдашний президент страны Д. А. Медведев, вызвал шквал критики изнутри страны. Как следствие, политики патриотического толка, справедливо полагающие недопустимой ситуацию, когда позиция России и Китая в Совбезе ООН привела к интервенции НАТО, проникнуты по-

нятной ностальгией по советским временам и полагают нужным попытаться к ним вернуться. Они готовы, соперничая с Западом на всех возможных направлениях, откликаться на любые предложения правящих режимов БСВ о военно-техническом сотрудничестве, экономической помощи, строительстве или аренде в регионе опорных баз.

Парадоксальным образом лоббисты такого подхода совпадают в видении российской ближневосточной политики со своими злейшими идеологическими противниками, полагающими Россию прямой наследницей СССР в качестве «империи зла», что с успехом эксплуатируется администрацией Барака Обамы, начиная с украинского кризиса 2014 года. Проблема в том, что автоматическое присвоение исламскому миру статуса союзника России в противостоянии с Западом, характерное для конца «нулевых», столь же далеко от политической реальности, как и слепое следование в фарватере западной политики, свойственное первой половине 90-х.

Впрочем, политическое противостояние в ООН России и Китая группе стран, которые стали организаторами революций на БСВ по сирийской проблеме, открыло новую страницу «Большой игры». Создание западного блока, пытающегося изолировать и ослабить Россию, приняв в отношении неё политические и экономические санкции, столкнулось с политикой формирования «мира без Запада». Ибо действие всегда рождает противодействие — что в природе, что в политике, что в семейной жизни.

БРИКС, ШОС, ЕврАзэс и другие альянсы такого рода, участие в которых принимает Россия, нацелены не на конфронтацию с «атлантистами», возглавляемыми

США, а на создание структур, на которые не могут влиять Вашингтон и Брюссель. И, судя по динамике, которую можно наблюдать на 2016-й год, это может удаться. По крайней мере в Сирии ВКС России это с успехом доказали.

Информация к размышлению

О пользе ЦРУ

Приведённая ниже таблица позволит читателю сравнить некоторые показатели России и стран Ближнего и Среднего Востока. В её основу легли статистические данные, приведенные в Мировой книге фактов ЦРУ за 2014-й год («CIA. The World Factbook») — самые свежие сведения, доступные на момент написания книги.

По понятным политическим причинам в населении России жители Крыма не учтены, что несколько меняет статистику — непринципиально. По крайней мере, автор полагает, что сам факт присутствия их в качестве граждан его страны достаточен для того, чтобы не обращать внимания на сбой в американской статистике. Желающие могут прибавить крымчан и произвести соответствующий пересчёт. Впрочем, статистика по целому ряду стран БСВ также хромает — регион не отличается скрупулёзным отношением к цифрам.

Источники, из которых составители ежегодника ЦРУ черпают информацию, — не разведданные (к сожалению автора), но отчёты ООН и других международных организаций, что позволяет надеяться на снисходительное отношение к приведённым сведе-

ниям даже той немалой категории читателей, для которой само название ЦРУ равнозначно поминанию дьявола всуе. Увы, отечественных источников такого рода пока нет, хотя автор надеется когда-либо их увидеть и, не исключено, воспользоваться.

Впрочем, если от таблицы будет слишком сильно пахнуть серой, в качестве оберега можно положить рядом портрет бывшего председателя КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова, одного из самых профессиональных руководителей отечественных спецслужб за всю их историю. Либо фотопортрет Евгения Максимовича Примакова, сохранившего в период распада СССР и советской государственности российскую внешнюю разведку.

Страны БСВ и Россия ранжированы в таблице по такому показателю, как валовой внутренний продукт по паритету покупательной способности (ВВП по ППС). Численность населения, продолжительность жизни и рождаемость (по второму показателю Россия находится среди аутсайдеров, опережая только страны с крайне низким уровнем жизни, а по третьему занимает последнее место в группе) позволяют представить себе текущее положение страны и её перспективы с точки зрения демографии.

Величины экспорта и импорта позволяют определить вес страны в мировой системе распределения труда. Число мобильных телефонов и пользователей Интернета — вовлечённость в мировое информационное пространство.

Последние показатели важны для определения потенциала модернизации и для того, чтобы понять, насколько быстро население может самоорганизоваться в случае чрезвычайных ситуаций, придя на помощь

Страна	Население млн чел. (всего/ мигранты)	Продолж. жизни лет	Рожд-сть детей на женщину	ВВП по ППС на чел. тыс. $	Экспорт млрд $	Импорт млрд $	Моб. тел. млн	Число польз-лей Интернет млн
Катар	2,19/1,9	78,59	1,91	143 400	121,2	39,12	2,6	0,56
Кувейт	2,79/ 1,92	77,82	2,48	71 000	109,9	26,06	5,53	1,10
ОАЭ	5,78/ 4,68	77,29	2,35	64 500	404,7	271,7	13,78	3,45
Саудовская Аравия	27,75/ 9,25	75,05	2,12	52 200	359,4	162,2	53,00	9,77
Бахрейн	1,35/ 0,73	78,73	1,78	51 700	22,00	14,28	2,13	0,42
Оман	3,29/ 0,82	75,21	2,86	39 700	58,74	34,37	5,28	1,47
Израиль	8,05/ 0,15	82,27	2,68	32 700	63,21	69,73	9,23	4,53
Россия	**142,42/ +9—12,00**	**70,47**	**1,61**	**24 800**	**520,3**	**323,9**	**261,9**	**40,85**
Турция	79,41/ 1,91	74,57	2,05	19 600	176,6	240,4	67,68	27,23
Ливан	6,18/ 1,65	77,4	1,73	18 000	4,09	20,08	4,00	1,00
Иран	81,82/ 2,4	71,15	1,83	17 100	95,71	61,25	58,16	8,21
Ливия	6,41/ 0,77	76,26	2,05	15 700	17,49	16,08	9,59	0,35
Ирак	37,06	74,85	4,12	14 600	94,43	62,34	26,76	0,33
Алжир	39,54/ 0,1	76,59	2,78	14 300	62,10	55,36	37,69	4,7
Иордания	8,12/ 2,76	74,35	3,17	11 900	8,56	22,80	8,98	1,64

Страна	Население млн чел. (всего / мигранты)	Продолж. жизни лет	Рожд-сть детей на женщину	ВВП по ППС на чел. тыс. $	Экспорт млрд $	Импорт млрд $	Моб. тел. млн	Число польз-лей Интернет млн
Тунис	11,04	75,89	1,99	11300	16,61	23,4	12,84	3,5
Египет	88,49/ 0,23	73,70	2,83	10900	27,15	55,26	96,80	20,14
Марокко	33,32	76,71	2,13	7600	19,56	40,04	39,02	13,21
Сирия	17,06/ 0,53	74,69	2,60	5100	2,03	7,66	12,93	4,47
Палестина (ПНА — Газа)	2,79—1,87	75,91—74,87	2,76—4,08	4900	2,11	7,67	3,04	1,38
Пакистан	199,09/3,00	67,39	2,75	4700	25,11	45,07	125,0	20,43
Судан	36,11/0,36	63,68	3,79	4300	7,19	9,25	27,66	4,20
Мавритания	3,60/0,08	62,65	4,00	4300	2,57	3,49	4,02	0,08
Йемен	26,74/0,25	65,18	3,91	3800	7,04	10,39	13,90	2,35
Джибути	0,83/ 0,01	62,79	2,39	3100	0,12	0,61	0,21	0,26
Западная Сахара	0,57	62,64	4,00	2500	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Афганистан	32,56/0,24	50,87	5,33	1900	2,79	6,39	18,00	1,00
Эритрея	6,53	63,81	4,02	1200	0,57	1,16	0,30	0,20
Сомали	10,62	51,96	5,99	600	0,52	1,26	0,66	0,11

власти — или, напротив, её свергнуть (как и происходило на БСВ в период «Арабской весны»).

Автор внёс в настоящее издание необходимые коррективы — в предыдущем были представлены цифры за 2011-й год. Население описываемых стран за этот период выросло. Рождаемость снизилась. Число пользователей мобильной связи, напротив, возросло. А экономические показатели изменялись разнонаправленно.

На всё это безобразие повлиял мировой экономический кризис, специфические особенности хозяйственной политики и структуры экономики каждого из представленных в таблице государств, ряд которых за время, прошедшее с предыдущего издания, пережил значительные потрясения.

В некоторых из них шла гражданская война. Другие распались или находились в процессе распада, хотя формально продолжали существовать в тех же границах — о чём подробнее ниже. Но статистика есть статистика. Она в любом случае умирает последней…

Глава 2
Монархии и монархи

Монархии до XX-го века были единственной на Ближнем и Среднем Востоке формой правления, и до сих пор ряд стран региона управляются наследственными династиями. Так, с 1664 года до настоящего времени власть в Марокко сохранили Алауиты. Правящие современной Иорданией Хашимиты — эмиры Мекки с 966 года, Трансиордании с 1921-го и короли Иордании с 1946 года, фактически создали эту страну с нуля по соглашению с Великобританией.

То же самое сделали их кровные враги, Саудиды, основавшие Саудовскую Аравию, сколотив её военным путём из различных территорий, наследственные династии которых они изгоняли (как Хашимитов), подчиняли или уничтожали (как Рашидидов в Эр-Рияде). Попутно, в процессе завоевания вошедших в её состав земель, из эмиров захолустной ваххабитской Дарийи, расположенной в центральноаравийском Недже, которой они управляли с 1720 года, они в 1932-м году превратились в королей. «Приращивание» титула параллельно с контролируемыми владениями в арабском мире является общим правилом.

Основатель династии Аль Бу Саидов в южноаравийском Султанате Оман стал имамом и султаном

в 1749-м году. Его потомок правит Оманом до настоящего времени. Эмиры ас-Сабахи управляет Кувейтом с 1756 года. Семья Аль-Тани стоит во главе Эмирата Катар с 1850-го. Род Аль-Халифа с 1783-го — хакимы, с 1971-го — эмиры, а с 2002 года — короли Бахрейна.

Ан-Нахайяны являются шейхами Абу-Даби с 1761 года, а Аль-Мактумы — Дубая с 1833-го. На других землях, входящих в состав Объединённых Арабских Эмиратов, Шарджей (с 1727 года) и отделившимся от нее в XIX-м веке Рас-Аль-Хеймой управляет династия Аль Касими. Эмиратом Аджман — род Аль Нуэйми. Фуджейрой с 1876 года — семья Аль Шарки. Умм-Аль-Кувейном с 1775-го — династия Аль Муалла.

Разумеется, в отличие от Абу-Даби и Дубая влияние последних пяти эмиратов на состояние дел в арабском и исламском мире сопоставимо с тем, которое в Европе имеют Сан-Марино или Андорра. Даже в авторитарных республиках региона, контролируемых военными, есть много кланов, более влиятельных, чем «малая пятёрка» ОАЭ. Однако малые эмираты, войдя в состав единого государства, созданного Нахайянами и Мактумами, обеспечили своим династиям легитимность с точки зрения международного права, которой лишены не столь предусмотрительные феодальные роды Ближнего и Среднего Востока.

Консервативные монархии Аравийского полуострова — жёстко ортодоксальная Саудовская Аравия и ваххабитский, но сравнительно либеральный в отношениях с внешним миром Катар, соседствуют с умеренными суннитскими режимами Кувейта, Бахрейна и ОАЭ, ибадитским Оманом и современной Иорданией с ее бурной парламентской жизнью. Особняком стоит североафриканское Королевство Марокко с его давними традициями политической и профсоюзной

деятельности, контролем властей над оппозицией и инициированной королём конституцией — постепенно модернизирующийся умеренно-консервативный режим.

Стабильность правящих элит во всех этих странах во многом осуществляется за счёт экспорта радикальных идей и их приверженцев, осуществляющих джихад за пределами их собственной территории. Именно монархии Залива стояли у истоков радикализации политического ислама в суннитском мире в годы борьбы с советскими войсками в Афганистане, создав «Аль-Каиду» из воевавших против «шурави» добровольцев — «афганских арабов». Да и современные Марокко и Иордания — территория вербовки «пехоты» исламистов. Причём марокканцы действуют преимущественно в Западной Европе, Сирии и Ираке, а такими иорданскими радикалами, как Хаттаб, приходилось в своё время заниматься и России.

Повестка дня монархий Залива сегодня включает противостояние экспансии шиитского Ирана, борьбу с проявлениями всего секулярного в политической и общественной жизни на собственной территории и светскими авторитарными режимами арабского мира. Хотя в последнем случае не без исключений: Саудовская Аравия поддержала свержение президента Египта Хосни Мубарака, наряду с Катаром. Однако, после того как плодами «Арабской весны» удалось воспользоваться одной только Дохе, соперничающий с ней Эр-Рияд заключил союз с египетскими военными, свергнувшими представлявшего «Братьев-мусульман» президента Мохаммеда Мурси. Как следствие, салафитское королевство смогло найти опору в египетской армии, ставшей гарантом его безопасности на иракской границе, которая в любой момент могла

быть прорвана боевиками прокатарского «Исламского государства».

При этом «заливники» в скрытой форме поддерживают борьбу радикальных исламистов против властей в проблемных регионах неисламских стран с большими мусульманскими общинами, включая индийский Кашмир, китайский Восточный Туркестан и российский Северный Кавказ, несмотря на то что сами периодически оказываются целью их атак. Так, члены «заблудшей секты», как в Саудовской Аравии называют боевиков «Аль-Каиды», пытающихся свергнуть династию, и «Исламское государство» для Эр-Рияда ничуть не менее опасны, чем для Дамаска и Багдада.

К слову говоря, монархии Залива справедливо обвиняются в поддержке исламских радикалов за пределами Ближнего Востока, в том числе в западном мире — США, Канаде, Европе, Латинской Америке, а также в странах Юго-Восточной Азии. Именно их финансовая помощь служит основой джихада в Сирии, Ираке и Афганистане, распространения радикального суннитского ислама в Сомали, Судане, Йемене и странах Сахеля. При этом главную роль в финансировании таких группировок, как салафитские структуры «Аль-Каиды» (включая сирийскую «Джабхат ан-Нусру»), играет Саудовская Аравия, а соперничающий с ней Катар стоит как за «Исламским государством», так и за «Братьями-мусульманами».

Сотрудничество с исламскими монархиями позволяет приостановить поддержку ими исламистов на той или иной территории на некоторое время, как это практикуют Вашингтон, Париж и Лондон, политики и государственные деятели которых поддерживают прочные личные отношения с династиями стран За-

лива. Но до конца эта деятельность не прекращается никогда и при необходимости легко может быть запущена вновь. Что и демонстрирует история исламистского терроризма в странах Европы.

Как видно из всего вышесказанного, на БСВ монархии сохранились только в арабском мире. Причём, за исключением Марокко, все они сосредоточены на Аравийском полуострове и в примыкающей к нему Иордании. Однако это отнюдь не означает, что традиционная аристократия потеряла власть в других частях региона. Скорее наоборот. Тем более что рассыпающаяся в ходе «Арабской весны» система государственного устройства БСВ дала сильный толчок реанимации системы традиционных связей.

Шейхи племён, главы религиозных орденов, землевладельцы из старых феодальных родов пользуются широчайшими полномочиями на территориях, которые контролировали и зачастую продолжают контролировать их семьи или религиозные последователи. Влияние Ага-хана на исмаилитов, Джумблатов и Арсланов на ливанских друзов, шейха Фадлаллы на ливанских шиитов, ас-Садров и ас-Систани на шиитов Ирака, кланов Барзани и Талабани на иракских курдов — лишь несколько примеров этого.

Происхождение до сих пор играет огромную роль на БСВ, как и во многих других регионах мира, включая те, где сословное деление формально упразднено. Потомки «старых семей» часто ведут активную политическую деятельность в парламентах, занимают посты министров и губернаторов, президентов и премьер-министров, конкурируя с пробивающимися во власть выходцами из армейской верхушки и разведывательных служб, партийными аппаратчиками и лидерами радикальных исламистских группировок. Исто-

рия жизни и смерти Зульфикара и Беназир Бхутто в Пакистане — яркий пример этого.

При этом ближневосточные монархии вынуждены лавировать между автократическими традициями и давлением изнутри и извне, ограничивая полномочия правителя в пользу той или иной формы парламента или консультативной шуры с более или менее широкими полномочиями. В то же время парламентаризм в пределах этих стран, как правило, не выходит за пределы рамок, очерченных монархом. Когда оппозиция переходит поставленные ей границы, её подавляют силой — при помощи собственной армии (как с исламистами и палестинцами в Иордании), или армий соседних монархий (как с шиитами на Бахрейне).

Традиционно глава династии или кто-либо из его ближайших родственников является главнокомандующим вооружёнными силами страны или национальной гвардией (в Саудовской Аравии), состоящей из элитных подразделений — опоры режима на случай попытки военного переворота. Так, в Иордании король Хусейн являлся фактическим главой созданных им военно-воздушных сил и лично принимал участие в боевых действиях и подавлении мятежей, а его сын, будущий король Абдалла II, командовал десантными войсками.

Не менее существенным является контроль над спецслужбами — мухабаратами, который также осуществляется в большинстве случаев членами правящей семьи. Наиболее известен в этом качестве саудовский принц Турки аль-Фейсал, сын правившего Саудовской Аравией до того, как он был убит, короля-реформатора Фейсала. Как глава Управления общей разведки королевства он прославился созданием в 80-е годы «Аль-Каиды». Его шурин, принц Бандар

бин-Султан в 2000-е годы смог спровоцировать вторжение США в Ирак, поддерживал террористическую активность в России и стоял за развязыванием в Сирии гражданской войны.

Опорой марокканской и иорданской монархий в народных массах их стран является происхождение правящих династий, восходящее к потомкам пророка. Оно освящает власть правителей с точки зрения ортодоксального ислама и традиционного общества. Прочие арабские монархи (за исключением султана Омана) не могут похвастаться такой древностью происхождения. При этом все короли, эмиры и шейхи арабского мира опираются на те или иные кланы или племена — свои собственные, родственные или союзные, ограничивая в правах, а при необходимости и подавляя прочее население страны.

В Иордании опорой трона служат черкесы и чеченцы — потомки военных поселенцев Оттоманской империи, а также «классово близкие» Хашимитам бедуины, держащие под контролем составляющих большинство населения палестинцев. В Марокко — берберы, к которым относится королевская семья, успешно эксплуатирующая всё более популярный в современном арабском мире тезис о правах потомков доарабского населения региона «на первородство».

В Саудовской Аравии династия опирается на салафитские кланы Неджда, выступающие единым фронтом против населения Хиджаза, шиитов Восточной провинции, зейдитов Ассира, исмаилитов Наджрана и других жителей завоёванных основателем династии Абд аль-Азизом ибн-Саудом провинций. В Катаре — те же салафиты, возводящие своё происхождение к потомкам ибн-Ваххаба, выступают против местных шиитов. В Омане — племена севера и белуджская гвардия

против южан Дофара. В Кувейте — оседлое местное население против пришлых бедуинов — «бидунов». Etc. Что в переводе с латыни для современного читателя, не обязанного, в силу отсутствия у него классического образования, знать этот язык, обозначает «и так далее».

В монархиях строго действует правило социальной пирамиды, характерное, впрочем, и для других стран региона. Наверху — правящая элита и ее «группы силовой поддержки», в том числе наёмники-иностранцы. Ниже — собственно арабское население, разделённое по происхождению и роду занятий. Ещё ниже — работающие на территории данной страны арабы-иностранцы (на Аравийском полуострове — египтяне, палестинцы, ливанцы или, в Саудовской Аравии, — йеменцы) и, наконец, в самом низу — иностранные рабочие.

Разумеется, существуют исключения из правил и исключения из исключений. Статус выходца из состоятельной торговой семьи, постоянно живущей в том или ином государстве Залива несколько десятилетий (или столетий), работающего там западного финансиста, военного или чиновника и тем более ветерана местной армии выше, чем статус учителя или инженера из арабской страны, не говоря уже о временных рабочих из Южной и Юго-Восточной Азии (не говоря уже об Африке). Пример — карьера бывшего ливанского премьер-министра Рафика Харири в Саудовской Аравии.

Такого рода привилегированный статус могли в разное время получить ливанцы в Саудовской Аравии (КСА), персы в ОАЭ и Катаре, палестинцы в Кувейте, выходцы из Индии или Пакистана в Омане и все прочие группы такого рода — до наступления

очередного военно-политического кризиса, в рамках которого с территории любой страны региона могла и по сей день может быть изгнана любая община. Поскольку гарантий неприкосновенности на БСВ нет никаких ни у кого. Такой уж регион.

Именно это произошло с палестинцами в странах Залива и выходцами из Йемена в Саудовской Аравии после того, как ООП и Йемен поддержали аннексию Кувейта войсками иракского диктатора Саддама Хусейна. С персами и ливанскими шиитами на Бахрейне в разгар «Арабской весны». С сирийскими рабочими, вынужденными покинуть Ливан по завершении его оккупации войсками Асада. И так далее, и тому подобное. Поскольку какие бы то ни было сантименты описываемому региону полностью чужды.

Из других характерных деталей отметим, что стратегический союз с США, Великобританией и Францией обеспечивает безопасность арабских монархий перед растущей угрозой со стороны антиправительственных радикальных группировок — когда-то марксистских, а теперь преимущественно исламистского толка, а также сильных и агрессивных соседей. Таким соседом для Марокко является Алжир, а для монархий Машрика, восточной части арабского мира, в недавнем прошлом Ирак, а в настоящее время — Иран.

В то же время именно присутствие западных войск на территории «священной земли ислама» — «Острова Арабов» (как традиционно именуется в арабском мире Аравийский полуостров) послужило для «Аль-Каиды» и родственных ей группировок поводом для разворачивания вооружённой борьбы с «сионистами и крестоносцами», поворотный момент в которой обозначил теракт «9/11» и война на уничтожение с правящими режимами полуострова, по мнению ислами-

стов, «впавшими в неверие — джахилийю», после того как они пригласили западную коалицию освободить оккупированный саддамовским Ираком Кувейт.

С другой стороны, западные страны в настоящее время, в отличие от XX-го века, воздерживаются от подавления антимонархических выступлений или сепаратистских волнений на арабской земле. Для этого монархические режимы используют собственные силы или экспедиционные корпуса соседних арабских стран, как в Саудовской Аравии и на Бахрейне в 2011-м году. Отмечено также формирование в странах Залива (в первую очередь в ОАЭ) наёмных профессиональных армий, состоящих из ветеранов западных частных военных компаний, которые в случае возникновения опасности для правящих режимов способны их защитить, невзирая на цену, которую придётся заплатить за это местному населению.

Впрочем, не менее эффективным, причём ненасильственным инструментом подавления протестных выступлений являются финансовые дотации. В виде прямых выплат, льгот или отмены налогов они были широко использованы в разгар «Арабской весны» всеми монархиями Аравийского полуострова. В то же время стеснённое финансовое положение Иордании и Марокко заставило их пойти на предоставление населению ограниченных политических свобод в соответствии с требованиями умеренной части протестующих. Тоже логичный, хотя и потенциально опасный для будущего монархий путь.

Общей проблемой правящих монархических режимов арабского мира является коммерциализация власти и коррумпированность государственного аппарата на фоне роста образовательного уровня населения и его доступа к информационным ресурсам. «Доброе

старое время» закончилось практически по всему региону. Что неизбежно по объективным причинам, поскольку низкая грамотность подданных не позволяет реформировать экономику, а высокая (или умеренно высокая) в отсутствие «социальных лифтов» открывает путь недовольству амбициозной образованной молодёжи.

Сакральный характер монарха, как носителя «власти от Б-га» и «отца народа», который поддерживался ушедшим поколением ближневосточных владык, не выдержал столкновения с реальностью у их сегодняшних потомков. Активное участие в бизнес-проектах, в том числе весьма сомнительных, высокопоставленных членов монарших семей (жён, дядьёв и других близких родственников), а иногда и самих первых лиц или их доверенных придворных, не слишком скрывающих, от чьего имени они действуют, подрывает доверие населения к институту монархии. Итог, как и в Европе прошлых столетий, один — революция. На худой конец бунт.

Потеря роли нейтрального арбитра, стоящего «над схваткой», означает легитимацию свержения лидера государства, не являющегося более фигурой, балансирующей между влиятельными группами в интересах государства в целом. Монарх, перестающий олицетворять страну и начинающий ассоциироваться с каким-либо одним кланом, — это «хромая утка». Со всеми вытекающими из этого факта для него и его рода печальными последствиями, вплоть до необратимо фатальных. Убили же в Ираке в 1958-м году короля Фейсала II, представлявшего Дом Хашимитов, — и происхождение его не спасло…

Отметим, справедливости ради, что та же самая проблема характерна для авторитарных светских ре-

жимов региона, в том числе «республиканских монархий». В некоторых из стран, где эта форма правления распространена, в том числе за пределами собственно Ближнего и Среднего Востока, воспроизведён не только монархический механизм передачи власти по наследству (Асады в Сирии, Бхутто-Зардари в Пакистане, Алиевы в Азербайджане, Ганди-Неру в Индии), но и типичные для ближневосточных династий методы управления.

Впрочем, сегодняшние монархи Ближнего и Среднего Востока, вопреки всем их усилиям, могут оказаться представителями отживающей традиции. Хотя не исключено, что некоторые из них смогут провести эволюцию государственного устройства своих стран, сохранив за династиями, которые представляют, пускай не абсолютную, но существенную власть. Однако пока что значительное число аристократических родов и династий БСВ власть в своих странах в XX-м веке потеряли. В итоге чего Тунис и Ливия, Египет и Ирак, Сирия и Турция, Иран и Афганистан более не являются монархиями.

При этом некоторые династии, потерявшие власть, отличались завидной древностью корней. Тунисом беи из династии Хусейнидов правили с 1705-го по 1957-й год. Ливия, управляемая в 1711–1835-х годах династией Караманли, которую сместили турецкие власти, потеряв страну в XX-м столетии в пользу Италии, в конечном счёте оказалась под контролем эмира Киренаики из рода ас-Сенуси, Идриса I, внука основателя религиозного ордена сенуситов, правившего в качестве короля с 1951-го по 1969-й год.

В Египте свержение военными в 1952-м короля Фарука I подвело черту под правлением потомков Мухаммеда Али, хедива Египта с 1805 года. В Северном

Йемене Хамидаддины — короли и имамы зейдитов правили Мутаваккилийским Королевством с 1948-го по 1962-й год, когда в результате военного переворота был свергнут вставший во главе династии Сейф-уль-Ислам Мухаммад аль-Бадр. Об этом сегодня и вспоминают хоуситы — зейдитские племена севера Йемена, захватившие на короткий период большую часть страны, с которыми без особого успеха сражается «Арабийская коалиция».

Попытка Великобритании отдать Сирию и Ирак под власть эмиров Мекки и халифов Хиджаза Хашимитов, которым Лондон покровительствовал, оттеснённым на север в ходе проигранной ими войны Саудидами, позволила тем удержать под контролем Сирию лишь на один (!), 1920-й год. В соседнем Ираке эта династия правила с 1920-го по 1958-й год, когда был свергнут и убит король Фейсал II.

Османские султаны правили Турцией — Великим Османским государством, или Высокой Портой, более 400 лет: с 1299-го по 1922-й год, до отречения Мехмеда VI (в 1923-м году завершение истории турецкой монархии было официально оформлено республиканскими властями). И — надо отдать им должное, на протяжении этого периода завоевали не только весь Ближний Восток, кроме соседней Персии, но и огромные территории на Балканах и в Восточной Европе.

В Иране династия Пехлеви находились у власти в 1925–1979-м годах, когда исламская революция покончила с властью шаха Мохаммеда Резы. В Афганистане власть династии Баракзай, с перерывами правившей страной с 1823 года, пресеклась в 1973-м, после свержения последнего афганского короля — Мухаммеда Захир-Шаха. Показательная тенденция

развития, при том что последующие поколения во многих из этих стран зачастую вспоминали времена монархии с изрядной ностальгией…

Информация к размышлению

Магриб

Исламская Республика Мавритания в настоящее время играет роль главного плацдарма Ирана в Западной Африке, особенно существенную после конфликта Сенегала, Гамбии и Нигерии с Исламской Республикой Иран (ИРИ) из-за поставок иранского оружия оппозиционным группировкам этих стран. Укрепившись в Мавритании, Иран фактически «отбил» эту страну у Израиля, дипломатические отношения с которым были разорваны Нуакшотом, после чего Тегеран взял на себя строительство тех объектов, которые возводились в Мавритании Иерусалимом.

Побочным следствием стал разрыв дипломатических отношений с Ираном королевства Марокко под предлогом обострения отношений Ирана и… Бахрейна — задолго до поддержанных ИРИ антиправительственных выступлений бахрейнских шиитов. Сложные исторические отношения Марокко и Мавритании, которую на протяжении длительного времени в королевстве считали несправедливо отторгнутой марокканской провинцией, блокируя её прием в Лигу арабских государств, объясняют, почему укрепление позиций Ирана в Мавритании вызвало такую острую реакцию Рабата.

Кроме того, на решении о разрыве дипломатических отношений сказались связи Марокко с Западом, в первую очередь с Францией и США, а также суннит-

скими монархиями Персидского залива. Хотя остаётся открытым вопрос, зачем Ирану понадобилась одна из самых бедных стран в регионе — Мавритания. Не исключено, что ответом на него является то, что протяжённое пустынное океанское побережье этой страны с тихими портами для Ирана — оптимальная «подскоковая база» на кратчайшем трансатлантическом пути к южноамериканскому континенту. Благо с правительствами государств Латинской Америки, особенно левыми с их традиционным антиамериканизмом, Исламскую Республику Иран связывают партнёрские отношения.

По этому пути может быть перевезено всё что угодно, в том числе грузы, имеющие отношение к ядерной программе Ирана, либо запрещённая к ввозу в эту страну санкциями ООН военная техника. В своё время именно эти соображения легли в основу международного скандала вокруг таинственного похищения и освобождения российского лесовоза «Арктик Си». Подписание «ядерной сделки» с Ираном летом 2015 года «шестёркой» государств, которые вели эти переговоры, снизило опасения относительно ядерной угрозы со стороны Ирана стран Запада (но не Израиля и арабских монархий Залива), однако не сняло вопроса о контроле Ирана над коммуникациями, в том числе, обеспечивающими перемещение грузов, которые Тегеран не хотел бы афишировать.

Внутренние районы Мавритании (как и большая часть Сахары и Сахеля) сегодня являются тыловой базой «Аль-Каиды в странах исламского Магриба» (АКИМ), «Движения за единство и джихад Западной Африки» (ДЗЕДЗА) и других радикальных салафитских структур, в равной мере враждебных шиитскому Ирану и Западу. Возросшая после свержения ливийско-

го лидера Муаммара Каддафи, традиционного врага «Аль-Каиды» и родственных ей структур, активность этих групп привела к их превращению в крупнейшую военную силу региона после получения с разграбленных ливийских военных складов тяжёлого вооружения и боеприпасов, включая переносные ракетные зенитные (ПЗРК) и противотанковые (ПТРК) комплексы общим числом свыше 10 тысяч единиц.

Последнее вызвало военные действия против исламистов мавританской армии, поддержанной странами НАТО, в первую очередь Францией и США. Отметим, что на проведение операций такого рода, направленных против его противников, в число которых суннитские радикалы входят по определению, Иран закрывает глаза. В то же время Алжир, с его собственным опытом борьбы с исламистами, как правило, выражает протест против присутствия западных военных в регионе, полагая это «проявлениями неоколониализма».

В то же время успешные операции против исламистских радикалов исключительно местными силами невозможно, так как уровень вооружения, находящегося под их контролем, превышает потенциал большинства африканских армий, включая вооружённые силы таких государств Сахеля, как Нигер, Мали и Чад. Военные действия в Мали, где сепаратисты-туареги, борющиеся за отделение от этой страны Азавада, и исламисты, демонстративно уничтожившие после захвата Тимбукту памятники исламской архитектуры, архивы и библиотеки мирового значения, так и не были побеждены правительственными войсками, продемонстрировали это.

Одна из беднейших стран арабского мира, Мавритания не вошла в полосу волнений, получивших на-

звание «Арабской весны», и внутренняя обстановка в этой стране по сравнению с Ливией, Ираком или Сирией сравнительно стабильна. Военный переворот, в результате которого бывший начальник генштаба и командующий гвардией генерал ульд Азиз сверг правившего страной с 1984 года полковника ульд Тайю, незадолго да этого отправившего его в отставку, прошёл в 2008-м году, став для местной элиты клапаном для «выпуска пара». Последующие события ещё раз подтвердили доминирующую роль военных в управлении страной.

В то же время сохраняется высокая вероятность конфликтов между основным населением Мавритании — маврами и живущими в низовьях правобережья реки Сенегал африканскими племенами тукулер, сонинке и волоф, а также «белыми» и «чёрными» маврами, отношения между которыми сохраняют черты патриархального рабства. Впрочем, проблема рабов (или бывших рабов) чрезвычайно остра во многих странах арабского мира. В большинстве из них институт рабства в скрытом виде существовал при колониальной администрации, в бывших турецких провинциях открыто действовал до 20-х годов XX-го века, когда турок в Леванте сменили англичане и французы, а на Аравийском полуострове формально был отменён только в 60-х годах того же столетия. Как бы то ни было, хотя на территории Мавритании рабство запрещено законом, рабами там, вопреки оптимистическим данным ООН, являются сотни тысяч человек.

С экономической точки зрения Мавритания — это богатые рыбой прибрежные воды, месторождения железной руды и экспорт скота. На территории страны высок потенциал геологоразведки (в том числе в сфере разведки месторождений урана, нефти и фосфа-

тов), однако неразвитая инфраструктура снижает её инвестиционную привлекательность до крайне низкого уровня. Французский бизнес работает там с колониальных времен, китайский достаточно активен, но для российской экономики Мавритания, за исключением лова рыбы на океаническом шельфе, малоперспективна.

Королевство Марокко, во главе которого с 1999 года стоит Мохаммед VI, — наиболее устойчивый режим Магриба, который в случае возникновения на территории страны волнений, угрожающих его стабильности, может рассчитывать на масштабную экономическую и военную поддержку стран Евросоюза и Соединённых Штатов. С 2004 года эта страна имеет статус «главного союзника США, не входящего в НАТО» — более символический, чем реальный, но позволяющий ей «разжиться» многими ценными приобретениями в арсеналах Пентагона.

Вероятность «твиттерной революции» по тунисскому или египетскому образцу в Марокко в ходе «Арабской весны» была резко снижена после объявления королём о принятии конституции, которая придала статус государственного берберскому языку, разрешив главную для Магриба проблему арабо-берберского противостояния (особенно острую в соседнем Алжире) в пользу политического реализма. Помимо прочего, опора на берберов, составляющих около половины населения, позволила правящему режиму взять под контроль глубинку страны, в которой сильны позиции радикальных исламистов.

Контроль за политическими партиями, жёсткое пресечение спецслужбами деятельности антимонархического движения, лидеры которого живут во Франции, успешное балансирование между основными

кланами, влияющими на экономику, лояльность армии и сомнительные итоги «Арабской весны» для населения стран, в которых были смещены верховные правители, являются стабилизирующими правящий в Марокко режим факторами. Проблема Западной Сахары и соперничество с Алжиром — факторами дестабилизирующими.

Единственной реальной угрозой для правящего режима являются исламисты, которые, помимо прочего, используют Марокко как тыловую базу для действий во Франции и Испании. Операции по пресечению их деятельности, которые спецслужбы королевства проводят при поддержке контртеррористических структур Франции и США, дают лишь временный результат: ряды исламистов пополняются выходцами из Алжира и других стран Магриба и Сахеля, а также европейскими радикалами марокканского происхождения, часть которых имеет опыт джихада в Сирии и Ираке в составе «Исламского государства», «Джабхат ан-Нусра» и других воюющих там исламистских группировок.

Основной «хорошей новостью» в борьбе с ними является то, что исламисты пока не вошли в антимарокканский альянс с западносахарскими марксистами из Фронта ПОЛИСАРИО, базирующимися на территории Алжира, основная «повестка дня» которых не включает характерную для джихадистов борьбу с «евреями и крестоносцами». Во всём прочем эта ситуация представляет собой характерный для миротворческих инициатив ООН тупик. Автономия в составе королевства — максимум, который Марокко готово предоставить Западной Сахаре, тем более что подавляющая часть её населения в настоящее время — марокканские поселенцы. Полная независимость — минимум, которого требуют западносахарские повстанцы-

«сахрави», происходящие из племён, которые никогда не подчинялись марокканским султанам и не собирается подчиняться марокканским королям.

Территория Марокко является основным транзитным коридором нелегальной эмиграции из Северной Африки на Иберийский полуостров через Гибралтарский пролив и границу испанских эксклавов Сеута и Мелилья, по которому ежегодно в Европу пытаются проникнуть десятки тысяч человек. «Прорывы» африканских нелегалов в Сеуту и Мелилью, на которые марокканские власти смотрят сквозь пальцы в периоды обострения отношений с Испанией, перемежаются инициативами по «завершению процесса деколонизации», которые до настоящего времени имеют мало шансов на успех. Впрочем, в случае масштабных волнений, угрожающих падением королевского режима, нельзя исключить любое развитие событий.

С экономической точки зрения Марокко — это сельское хозяйство, ёмкий потребительский и туристический рынок, богатый рыбой средиземноморский и атлантический океанический шельф, горнодобывающая промышленность мирового уровня (фосфаты), развитая инфраструктура, алжирско-марокканский трубопровод Хасси-Рмель — Кордова (с ответвлением на Португалию), многочисленные порты и Гибралтарский пролив, являющийся одной из главных мировых судоходных артерий. Перспективны проекты развития на марокканской территории альтернативной (ветровой и солнечной) энергетики, в которые инвестируют значительные средства страны ЕС.

Близость к Европе и насчитывающие десятилетия традиции совместного бизнеса марокканцев с Францией и Испанией, сравнительно высокий профессиональный уровень местного персонала и опыт сотруд-

ничества с Россией позволяют полагать риски работы в королевстве достаточно низкими для арабского мира. В то же время теракты против туристов, а также христианских (около 60 тысяч человек, в основном европейцы) и еврейских (около 6 тысяч человек, при том что по нескольку сот тысяч марокканских евреев живут во Франции и Израиле) общин стали в Марокко обыденной практикой. В случае обострения ситуации в регионе существует высокая вероятность организации с территории королевства терактов в отношении судов, следующих через Гибралтарский пролив или стоящих на рейде в марокканских портах, а также идущего на Иберийский полуостров трубопровода.

Алжирская Народная Демократическая Республика (АНДР) — главная экономика и военная сила Магриба. Несмотря на значительные доходы от экспорта нефти и природного газа (основные партнеры Алжира — США, Канада, страны Евросоюза и Китай), страна остаётся одним из основных источников нелегальной эмиграции в Испанию и Францию, а также тыловой базой радикальных исламистов и контролируемых ими террористических группировок, действующих в Западной Европе. С учётом наличия там многомиллионной алжирской диаспоры последняя проблема для обеспечения безопасности стран Евросоюза чрезвычайно актуальна.

Правящий военный режим удерживает ситуацию под контролем, гася протестные движения в начальной стадии. В случае ослабления правящей военной хунты, конфликта в её руководстве или ухода со своего поста правящего страной с 1999 года президента Абдельазиза Бутефлики высока вероятность возобновления гражданской войны между военно-политической элитой и исламистской оппозицией, унесшей

с 1992 года, когда военное руководство не допустило прихода к власти «Исламского фронта спасения», несколько сотен тысяч жизней.

АКИМ (бывшая «Салафитская группа проповеди и джихада») и другие радикальные салафитские организации Сахары и Сахеля имеют в Алжире прочные позиции, проводя успешные теракты в населённых пунктах, включая крупные города, организуя убийства и похищения ради выкупа иностранных специалистов, нападения на военные гарнизоны и полицейские патрули. После падения ливийского режима Муаммара Каддафи Алжир остался последним светским арабским режимом Магриба, ведущим борьбу с исламистами. На внутриполитической ситуации в этой стране крайне негативно сказывается нестабильность в соседнем Тунисе и странах сахаро-сахельского юга, а также гражданская война в Ливии.

Современная экономика Алжира и его общественно-социальная жизнь — результат смешения местных национальных традиций с французским наследием (эта страна с 1830-го по 1961-й год входила в состав Франции). Углеводородный бум, засилье военной и партийной бюрократии, послереволюционные эксперименты социалистического толка, правительственный курс на арабизацию берберов и сопротивление берберов этой политике, а также противостояние с исламистами, тлеющее под покровом «курса на национальное примирение», — дополнительные ингредиенты «алжирского коктейля».

Волнения алжирской молодёжи, инициированные событиями в Тунисе и Египте весной 2011 года, были подавлены правительством, однако протестный потенциал Алжира очень велик. Помимо исламистов, его базой являются берберы Кабилии (16% населения

страны по официальной статистике и до трети по неофициальным данным являются берберами), поддерживаемые живущей во Франции берберской диаспорой. С территории страны салафитские военизированные группировки поддерживают исламистов в Марокко, Ливии, Тунисе, Мали и Нигере. Правительство Алжира, по некоторым данным, оказывало негласную поддержку в борьбе с ними Муаммару Каддафи.

Поддержка Алжиром борцов за освобождение Западной Сахары как существенного фактора дестабилизации на южных границах Марокко, отвлекающего на себя значительную часть марокканской армии, — главный фактор, который поддерживает это движение «на плаву». На территории Алжира расположены военные базы, поселки беженцев-«сахрави» и лагеря военнопленных, в которых более четверти века размещались захваченные ими марокканские военнослужащие, лишь сравнительно недавно освобождённые благодаря международному посредничеству.

Потенциал развития сельского хозяйства Алжира, ослабленный эмиграцией из страны более миллиона французских колонистов и представителей местной элиты после достижения независимости, а также нефтехимической, горнодобывающей и металлургической промышленности и инфраструктуры, в том числе финансового сектора и особенно туризма, слабо используется из-за напряжённой обстановки в сфере безопасности и высокого уровня местной бюрократии. В то же время страна активно привлекает инвестиции и технологии, в том числе из Катара и стран Евросоюза.

Российский госсектор «унаследовал» эту страну от СССР и традиционно считает её серьёзным потенциальным рынком в Северной Африке. Однако в Алжи-

ре уровень конкуренции с западными компаниями высок, а европейские стандарты качества отечественными корпорациями, как правило, не выдерживаются. Итогом активизации России на алжирском рынке вооружений и военной техники в начале 2000-х годов стали не только многомиллиардные контракты на поставку вооружений, но и осложнения в сфере российско-алжирского военно-технического сотрудничества после предъявления руководством Алжира претензий по качеству поставляемой Россией авиатехники и комплектующих.

Для Европы важнейшими инфраструктурными объектами Алжира являются морские порты и ведущие с его территории в страны ЕС газопроводы: «Магриб — Европа», проходящий по территории Марокко, и «Трансмед», идущий на итальянскую Сицилию через Тунис. Алжир является одной из тех стран, за счёт поставки природного газа с территории которых планируется снизить зависимость Европы от поставок российского газа — и в этом он является прямым конкурентом России. При помощи Катара Алжир значительно продвинулся в производстве и поставках на европейский рынок сжиженного природного газа (СПГ). В то же время, в отличие от упомянутого Катара, определённая координация с Алжиром на европейском газовом рынке российского Газпрома достижима.

Тунисская Республика, государственный переворот в которой 14 января 2011 года открыл «Арабскую весну», застряла в переходном периоде. Основу «новой элиты» составили представители истеблишмента, значительная часть которых не принадлежала к кланам, входившим в первые эшелоны власти в эпоху правившего страной с 1987 года президента Зин эль-Абидина Бен Али, заочно приговорённого в Тунисе вместе

с женой, ливийкой Лейлой Трабелси, к длительным срокам тюремного заключения.

Собственность кланов Бен Али и Трабелси была конфискована и приватизируется по мере достижения договорённостей по этому поводу между членами действующего руководства страны. Большая часть сотрудников полиции и спецслужб остались без работы. Полиция, в Тунисе более многочисленная, чем армия, на протяжении длительного периода времени была нейтрализована исламистами, ставшими в первые годы после революции основной силой в политической системе страны.

Протесты населения и подавляемые силой волнения в столице продолжались на протяжении нескольких месяцев после свержения Бен Али. Ситуацию характеризовала распространённая в стране поговорка: «Али-Баба сбежал, а 40 разбойников остались». Экономическое положение Туниса ухудшилось, инвестиции в страну практически перестали поступать, иностранный туризм был свёрнут, особенно после организованных салафитскими радикалами резонансных терактов 2015 года, направленных против туристического сектора. Уровень жизни в постреволюционном Тунисе упал по сравнению с предшествующим периодом, когда эта страна была одним из самых процветающих государств Магриба.

Основой тунисской экономики на протяжении всего периода независимого развития являлось тесное сотрудничество со странами Евросоюза, в первую очередь с Францией. Деколонизация Туниса была проведена без разрыва отношений с метрополией, и он был самой вестернизированной страной Магриба. Возможно, сравнительно высокий уровень «человеческого капитала» позволит этому государству в перспек-

тиве выправить ситуацию с экономикой, однако без достижения политической стабильности это невозможно, в чём отдаёт себе отчёт большая часть тунисских общественных деятелей и лидеров политических партий.

Высокоразвитое сельское хозяйство, туризм, банковская сфера, медицина и система высшего образования, промышленность — в том числе пищевая и винодельческая, транспортная инфраструктура, включая морские порты и газопровод «Трансмед» Алжир — Тунис — Италия, представляют определённый интерес для российского бизнеса, несмотря на высокий уровень конкуренции с европейскими, американскими и китайскими компаниями. Однако до полной стабилизации обстановки на территории страны реализация там экономических проектов, за исключением краткосрочных операций, рассчитанных на разовую прибыль, чрезвычайно рискованна.

Поток тунисских беженцев в Европу через остров Лампедуза после революции составил сотни тысяч человек, усиливая напряжённость на юге Италии и ставя под вопрос её членство в Шенгенской зоне. Соседние с Италией страны Евросоюза и Швейцария перекрыли свои границы для беженцев из Северной Африки и с Ближнего и Среднего Востока, прибывающих на Апеннинский полуостров, оставив Рим один на один с мигрантами. Операции же Евросоюза по предотвращению нелегальной миграции в Европу в бассейне Средиземного моря на 2016-й год можно считать полностью проваленными.

Наличие в стране сотен тысяч образованных молодых безработных, ставших питательной средой для организации волнений, результатом которых стало свержение режима Бен Али, создало резервы эми-

грации, которые превратили её в постоянный фактор в отношениях Туниса с Европой. Беженцы общим числом до нескольких сотен тысяч человек, прибывшие на территорию Туниса из охваченной гражданской войной Ливии, значительно осложнили обстановку в стране, тем более что собственных ресурсов для их трудоустройства Тунис не имеет.

Внутренние районы Туниса не контролируются властями и свободно используются боевиками АКИМ и других радикальных салафитских группировок. Борьба за власть на первых, после свержения авторитарного режима парламентских выборах, окончилась победой умеренно-исламистской «Ан-Нахды» Рашида Ганнуши, набравшей около 42% голосов. Однако исламисты не смогли закрепить успех: провалы в экономике, активизация радикалов, пытающихся уничтожить наследие светского периода развития Туниса, и коррупция в органах власти привела к тому, что они потеряли монополию на власть.

Политическое будущее Туниса неясно. При всей прочности его светских устоев, заложенных основателем государства Хабибом Бургибой, они неизбежно будут размываться политическим исламом. Попытки организации христианских и еврейских погромов на острове Джерба после свержения Бен Али — свидетельство этого. Ликвидация Каддафи в соседней Ливии только ускорила этот процесс. Однако катастрофические последствия исламистской «демократизации» Ливии, приведшие к фактическому уничтожению государственных институтов на её территории и силовое отстранение армией от власти родственных тунисской «Ан-Нахде» «Братьев-мусульман» в Египте усилило позиции сторонников светского развития Туниса.

Ливия — до сентября 2011 года — Великая Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия, или Ливийская Республика, как её назвал Переходный национальный совет, который при поддержке НАТО провёл с территории Киренаики успешную операцию против центральных властей и правившего страной с 1969 года Муаммара Каддафи, после его гибели вступила в вялотекущую, а затем всё более обостряющуюся фазу гражданской войны. Государство как таковое более не существует.

Победившая оппозиция была чрезвычайно неоднородна, что исключило формирование на ее базе устойчивого правительства. В неё вошли арабские племена Киренаики — в том числе племя хараби, к которому принадлежал свергнутый в 1969-м году король Идрис, часть берберских племён, бывшие члены правительства Каддафи, ливийские эмигранты из Европы и исламисты. В состав последних вошли приверженцы «Аль-Каиды», создавшие «Исламский эмират» в городе Дерна, «Аль-Каида Магриба» в Феццане и суфии-сенуситы в Бенгази. После победы над сторонниками Каддафи салафиты вступили в прямое столкновение с суфиями и племенными традиционалистами.

На 2015-й год ситуация в Ливии могла быть охарактеризована как борьба всех против всех. В стране существовали два парламента и два правительства — в Триполи и Тобруке. В борьбу за власть вступили каддафисты. Берберы у тунисской границы, племена африканцев-тубу и туареги в Сахаре создали неподконтрольные любым властям племенные анклавы.

Территориальные бригады, самыми известными из которых являются мисуратская и зинтанская, племена и племенные объединения, военные из бывшей

армии Каддафи во главе с генералом Халифой Хафтаром, поддерживаемым Египтом, Саудовской Аравией и ОАЭ против ливийских «Братьев-мусульман» и салафитских группировок, за которыми стоял и стоит Катар, по мере сил и возможностей контролировали нефтепроводы, нефтяные месторождения и портовые терминалы.

В 2015-м году прокатарские салафитские боевики объявили о создании в городе Сирт анклава «Исламского государства». В 2016-м позиции ИГ в Ливии усилились до такой степени, что США начали обсуждать перспективы использования против 5 тысяч его боевиков итальянских, британских и французских военнослужащих при поддержке местных союзников.

На территории Ливии скопилось более миллиона потенциальных мигрантов из Африки и стран Ближнего и Среднего Востока, использующих её в отсутствие какой бы то ни было централизованной власти как коридор для дальнейшего рывка в Европу. При этом война в Ливии продемонстрировала противоречия в мировом сообществе и неоднородность его интересов. Спровоцировав конфликт НАТО и Ливии и уговорив французского президента Николя Саркози начать военную операцию, Лига арабских государств (ЛАГ) инициировала резолюцию Совета Безопасности ООН, на основании которой действующая против Каддафи коалиция начала бомбёжки страны. Реальной же причиной начала войны с Ливией для ЛАГ была личная неприязнь большинства арабских лидеров к Каддафи и прямая экономическая конкуренция с ним в Африке Катара и Саудовской Аравии.

Для Франции вступление в войну казалось оправданным из-за разногласий с Каддафи по цене истреби-

телей «Рафаль», возможности потери потенциального ливийского рынка атомной энергетики французской корпорацией «Арева» и штрафа, наложенного на нефтедобывающую компанию «Тоталь», а также осложнений в личных и финансовых отношениях Саркози и Каддафи, обещавших громкий коррупционный скандал. Для поддержавшей ЛАГ Турции — из-за конкуренции с Ливией в Африке и желания Анкары поставить на место Саркози за его противодействие вступлению Турции в ЕС, подчинив операции коалиции блоку НАТО, в котором роль Анкары, в отличие от лоббируемого Парижем «Средиземноморского союза», велика.

Для США решающим аргументом стало желание не допустить превращения Саркози, вернувшего Францию в военную структуру НАТО после десятилетий отсутствия её там со времён исторического решения де Голля вывести Францию из военной структуры НАТО, в лидера военной операции блока. Свою роль, как и для европейских членов альянса, сыграло лоббирование Саудовской Аравии и Катара. Для Великобритании важным фактором стала критика правительства за соглашение об освобождении в 2009-м году приговорённого в 2001-м к пожизненному заключению за организацию теракта над шотландским городом Локерби «смертельно больного» ливийца Абдель Бассета Али аль-Меграхи, который немедленно вылечился по прибытии в Ливию… после чего британские нефтяные и газовые компании получили там выгодные контракты.

Китай, Россия, Индия и Германия воздержались при осуждении ливийской ситуации в ООН, заняв в этой ситуации, как казалось их руководству на тот момент, единственно возможную позицию. Впрочем,

иллюзии по поводу неизбежности быстрого свержения Каддафи после ухода со своих постов тунисского и египетского президентов были в рядах его противников настолько велики, что операция против Триполи началась бы даже в случае использования Россией или КНР права вето в Совете Безопасности ООН, как произошло в своё время в отношении Ирака. В то же время негативные последствия свержения Каддафи оказались настолько явными и необратимыми, что в случае Сирии Москва и Пекин заняли жёсткую консолидированную позицию, призванную не допустить поддержки какой-либо внешней интервенции в этой стране Советом Безопасности ООН.

Однако на момент, о котором идёт речь, казалось, что столкновение возглавляемой президентом Д. А. Медведевым России с Западом, главным рынком сбыта российской нефти и газа, из-за Ливии не приведёт ни к чему, кроме ссоры Москвы с Вашингтоном и Брюсселем (которая через несколько лет всё равно произошла из-за спровоцированного Западом кризиса на Украине) и ослабления ООН — забюрократизированной, затратной и малоуспешной в своих действиях, но единственной международной площадки, где Россия с её правом вето могла хоть в чём-то влиять на ход мировой политики. Альтернативой соглашению с Западом считалось повторение модели поведения СССР в ходе всех ближневосточных кризисов XX-го века: отправка вооружений ливийскому режиму без понимания того, зачем это делается помимо идеологических, ведомственных и личных интересов.

Отличие ливийского сценария «Арабской весны» от египетского и тунисского было в том, что Каддафи продемонстрировал качества революционера и ли-

дера, достойные младшего соратника Насера, Кастро и Манделы. Отказ от опоры на армию и спецслужбы в пользу иностранных профессионалов и спецподразделений, подчинённых его сыновьям и ближайшим соратникам, оправдал себя, как и ставка на партизанскую войну и рассредоточение по пустыне верных ему частей, переведённых с бронетехники на джипы.

Африканский союз, главой которого Каддафи был до 1 января 2011 года, оказался для него неплохим политическим тылом, в первую очередь изза того, что существование значительного числа режимов, входящих в эту организацию (не менее 20-ти), прямо зависело от финансовой помощи с его стороны. В конечном счёте ливийская кампания продемонстрировала ослабление НАТО как военного альянса. Ситуация, при которой многомесячные военные действия против ливийского режима быстро исчерпали ресурсы дорогостоящих высокоточных боеприпасов, которыми ведущие войну страны коалиции вынуждена была начать снабжать нейтральная Германия, перевела альянс в глазах африканских и ближневосточных режимов в категорию «хромой утки».

Североатлантический альянс фактически выступил в качестве «ближневосточного жандарма», что не внушает оптимизма, в том числе в отношении ООН, резолюция которой была использована для оправдания прямой агрессии. Продемонстрированная в Ливии слабость западного военного блока открыла «сезон охоты» на государства, являющиеся членами НАТО, для всех, желающих попробовать блок «на прочность». Нерадостная перспектива, хотя и заманчивая для террористических структур — не только исламистских. Впрочем, уничтожили вскоре после победы над Кад-

дафи посла Соединённых Штатов Америки в Ливии вместе с сотрудниками консульства США в Бенгази, именно исламисты — те самые, которым он и его дипломаты помогали в ходе борьбы за власть…

В случае Ливии негативный эффект от вмешательства НАТО во внутренний конфликт в этой стране состоял ещё и в том, что Каддафи, примирившись с мировым сообществом в начале 2000-х годов, вел себя «конвенционально», демонстрируя пример «раскаявшегося диктатора». В частности, он отказался от ливийской атомной программы, попутно способствуя разоблачению пакистанского «заговора Абдул Кадыр Хана» по распространению ядерных материалов, технологий и оборудования, совершенно упущенного из виду МАГАТЭ.

Каддафи предоставил ООН сведения о своём химическом оружии и начал процесс его уничтожения. Причём после того, как он был убит, судьба остатков ливийского химического оружия под вопросом. Сведения о его местонахождении не слишком достоверны и, судя по аналогичной ситуации в Ираке, оптимистичные западные сводки вполне могут оказаться дезинформацией.

Судя по всему, как минимум часть химических арсеналов Каддафи попала в руки исламистов. Возможно, именно эти вооружения были перехвачены на территории Судана и уничтожены ударом с воздуха, за который не взяла на себя ответственность ни одна страна (что скорее всего говорит об Израиле или США), в ходе транспортировки — предположительно в Газу.

К моменту начала против него военной кампании именно Каддафи вёл борьбу с нелегальной эмигра-

цией африканцев в Европу через территорию Ливии. Его страна в возрастающих объёмах экспортировала нефть и природный газ в страны Евросоюза. Каддафи допустил иностранные компании к участию в крупных ливийских инфраструктурных проектах и проектах в военно-технической сфере. Это не отменяло его сотрудничества с Россией, Ираном и Китаем, но Запад в Ливии в последние годы его правления получил изрядный «кусок пирога», что особенно контрастирует с ситуацией в Ливии после Каддафи, производство нефти в которой упало в разы, инфраструктурные проекты остановились, а уровень опасности для иностранцев зашкаливает.

Не стоит забывать, что лидер ливийской революции к началу ведения против него боевых действий отпустил на свободу болгарских медсестёр и палестинского врача, в своё время заключённых в тюрьму по сфальсифицированному обвинению в умышленном заражении ВИЧ ливийских детей. Хотя его имидж и имидж его страны эта история, мягко говоря, не улучшила.

Он наладил личные отношения с большинством мировых лидеров, среди которых особенно выделялись Николя Саркози, Сильвио Берлускони и экс-глава Госдепартамента Соединённых Штатов Кондолиза Райс. Каддафи боролся с «Аль-Каидой», черпавшей в Ливии пополнения для джихада в Афганистане и Ираке, — из соображений сохранения монополии на власть, но вполне эффективно. Начав успешный диалог с Западом, он остановил финансирование из ливийских источников международного терроризма.

Муаммар Каддафи оставался импульсивным и непредсказуемым тираном, но это никак не отличало его

от большинства лидеров Африки и БСВ, при том что в развитие своей собственной страны он вкладывал куда больше, чем все они. Разумеется, исключительно из соображений престижа и в угоду личным амбициям, но мало ли о ком из мировых лидеров можно сказать то же самое?

Несмотря на попытки эмиссаров ООН добиться создания в Ливии единого правительства, её прошлое выглядит намного благополучнее, чем настоящее и будущее, в том числе отдалённое. Причём пример Каддафи показал, что пытаться перестать быть «плохим парнем» в глазах мирового сообщества так же бессмысленно, как стараться быть в его глазах «хорошим парнем», какими были на протяжении десятилетий Бен Али в Тунисе и Хосни Мубарак в Египте.

Остаётся констатировать, что ливийская экономика в результате гражданской войны и ареста, наложенного на ливийские авуары в странах Запада, арабского мира и некоторых государствах Африки, оказалась полностью парализованной. Нефтедобыча и нефтеэкспорт сократились до минимума. Сельское хозяйство и промышленность понесли значительный ущерб.

Велика опасность подрыва идущего на Сицилию ливийско-итальянского газопровода «Гринстрим». Большая часть аэропортов и автомобильных дорог разрушена. Это касается и уникальной системы водоснабжения. О запланированном Каддафи строительстве на территории Ливии железнодорожной сети, которая могла бы соединить Египет, Тунис и Алжир, можно надолго забыть.

Что до российско-ливийских экономических отношений, российские контракты, в том числе в военно-технической сфере и строительстве железных

дорог, заключённые с Ливией в обмен на списание ливийского долга, не выполнены и не будут выполнены. Они принесли России прямые и косвенные убытки в размере около $ 4 млрд, половина которых пришлась на ОАО «Российские железные дороги». И хотя некоторые перспективы возвращения Ливии в международную экономику существуют, сотрудничество российских компаний с этой страной маловероятно, а перспективы компенсации отечественным корпорациям понесённых ими там убытков равны нулю.

Глава 3
Республики и президенты

Большая часть государств региона — республики, точнее то, что принято называть республиками на Ближнем и Среднем Востоке. Говоря упрощённо, их можно разделить на три типа. Две более или менее вестернизированные страны на западной окраине БСВ — неисламские Израиль и Кипр мало чем отличаются от стран Южной Европы, хотя специфика в их государственном устройстве всё же существует. Причём чем больше в Европе мигрантов из Африки и стран Ближнего и Среднего Востока, тем меньше она от этих двух государств отличается — разве что в худшую сторону.

Значительной частью описываемого в настоящей книге региона управляли на протяжении десятилетий и управляют по сей день сменяющие одна другую военные хунты, коррумпированные и недолговечные гражданские правительства, авторитарные лидеры, мало что решающие в реальности «правящие партии», племенная и конфессиональная элита, стоящая во главе парламентских фракций и коалиций, представляющих собой настоящий «террариум единомышленников». Это и есть демократия в её ближневосточном

варианте. Впрочем, как правило, то, что именуется этим понятием в Африке, куда хуже.

Особой формой государственного устройства являются исламские республики: Мавритания, Иран, Афганистан и Пакистан. При этом, рассматривая регион извне, следует учитывать, что такие занимающие место на карте геополитические единицы Ближнего и Среднего Востока, как Ирак, Афганистан, Судан, Сомали, Йемен, Ливия, Ливан, Сирия и палестинские территории, находятся в процессе распада, пребывая в состоянии гражданской войны. Полагать их государствами, опираясь на наличие у них представительства в ООН, столицы (или нескольких столиц — бывает и такое) и посольств за рубежом никто не мешает — больше дипломатов, больше ставок и бюджета у МИДа. Но государствами они де-факто не являются.

Бывший с 1878-го по 1960-й год британской колонией Кипр, северная часть которого оккупирована Турцией, с 2004 года входит в состав ЕС, и его политическая система соответствует принятым в Евросоюзе стандартам. Специфическими её чертами, восходящими к этноконфессиональному устройству государства, закреплённому в период получения независимости, являются доминирование греческой православной церкви, резервирование мест в парламенте для армян, католиков и маронитов и не используемые с момента раздела острова квоты для турок-киприотов во всех властных структурах Республики Кипр, а также отдельные суды для греков и турок.

Близкие законодательные меры по защите прав и представительству этноконфессиональных меньшинств являются специфической особенностью ряда стран Леванта, главными из которых являются Государство Израиль и Ливан. К слову, руководящие орга-

ны образованной в 1983-м году Турецкой Республики Северного Кипра формируются на основе выборов, соответствующих стандартам ЕС.

Характерно, что раздел острова был вызван действиями не турецкой, а греческой стороны, с 1963 года провоцировавшей нарушение соглашений о представительстве турецкой общины и организовавшей её экономическую и политическую изоляцию, а в 1974-м попытавшейся, после свержения правительства архиепископа Макариоса, присоединить Кипр к Греции. Итогом чего, как следовало ожидать с самого начала, стал не «энозис», на который надеялись путчисты, а обрушение общекипрской государственности как таковой.

Ввод турецких войск на Кипр был осуществлён в соответствии с условиями предоставления ему независимости — Турция действовала как гарант безопасности турецкой общины, опираясь на опыт сегрегации этнических турок и тюркских военных колонистов — туркоманов во всех независимых государствах Балкан и арабского Ближнего Востока, являвшихся провинциями Оттоманской Порты. Тем не менее вина за раздел острова возложена мировым сообществом исключительно на Турцию и проблема прекращения турецкой оккупации является постоянно действующим политическим фактором для греческого Южного Кипра.

На референдуме ООН 2004 года 65% участвовавших в референдуме турок-киприотов поддержали план объединения острова, выдвинутый генеральным секретарём ООН Кофи Аннаном, а 75% греков-киприотов его отвергли. Тем не менее международное давление испытывает на себе исключительно турецкая часть Кипра. Что ещё раз подтверждает: двойные стандарты для мирового сообщества — не исключе-

ние, а правило. Проблема Кипра демонстрирует это не менее ярко, чем Югославия, Израиль, Ливия или Сирия.

Израиль, изначально созданный как еврейское демократическое государство, сохранил турецкое и британское законодательство, касающиеся общинного судопроизводства. Арабы-мусульмане и христиане, представители других христианских общин, черкесы, друзы, бедуины и самаритяне пользуются равными избирательными правами с евреями, их депутаты представлены в парламенте. При этом арабы-мусульмане освобождены от призыва в армию (хотя некоторые из них проходят военную или альтернативную службу добровольцами). Христиане, бедуины и евреи-ортодоксы Израиля служат в армии на добровольной основе, представители остальных категорий населения — по призыву.

Изначально израильские партии были созданы в Восточной Европе, и особенности их функционирования восходят к восточноевропейской политической практике конца XIX-го — начала XX-го века. В Израиле число их пополнилось секторальными партиями, защищающими интересы отдельных общин или групп, сформированных по тому или иному объединяющему эти группы принципу. Это партии восточных традиционалистов и ультрарелигиозных ортодоксов европейского происхождения, пенсионеров (!), антиклерикалов, поселенцев, «русских», левого истеблишмента, ультралевых интеллектуалов, etc.

Большое число партий формируется вокруг политических лидеров и исчезает сразу же после их ухода с политической сцены. Многие мелкие партии не проходят электоральный барьер. Характерной чертой израильской демократии является значительное число

фракций в парламенте — кнессете, низкий уровень партийной дисциплины, ставшие практикой правительственные кризисы и следующие за ними досрочные парламентские выборы, а также политические скандалы на высшем уровне, включая отставку президентов страны и заключение в тюрьму министров, президентов и премьер-министров.

Постоянно действующим фактором внутренней и внешней политики Израиля являются его отношения с палестинским населением территорий, взятых израильской армией под контроль после победы в войне 1967 года. Причём, если до определённого момента эти отношения подчинялись нормальной логике государственного строительства Израиля как еврейского демократического государства, с начала 90-х годов они начали строиться в сюрреалистическом формате постсионизма. Жертвой чего в итоге стали не только тысячи израильтян, но и десятки тысяч палестинцев.

Правда, политическая система Израиля практически исключает возможность военных путчей, переворотов, прихода к власти военной хунты или её формирования, характерную для прочих государств региона. Риск политических убийств в этой стране также минимизирован. То, что за весь XX-й век зафиксирован один прецедент в догосударственный период (убийство видного деятеля сионистского ишува — еврейской общины Палестины, Хаима Арлозорова) и ещё один — на протяжении истории Государства Израиль (убийство премьер-министра Ицхака Рабина), позволяет уверенно это утверждать.

Период доминирования левых социалистических и коммунистических партий в парламенте и правительстве Израиля продлился с 1948-го по 1977-й год. На протяжении всего последующего периода развития

страны левый лагерь терял позиции в пользу правого. Неустойчивый баланс между крупными партийно-политическими блоками использовали, особенно в период прямых выборов премьер-министра в конце 90-х годов, мелкие партии, поддерживающие ту или иную из крупных фракций при формировании правящей коалиции, в собственных интересах.

Арабские партии, как правило, поддерживали израильский левый лагерь, в случае совпадения их интересов, «снаружи», не входя в правительство. Спецификой момента в израильской политике является то, что парламентская ниша левого лагеря в настоящее время в результате политической борьбы 2000-х и 2010-х годов в значительной мере занята выходцами из правого лагеря, потерпевшими поражение во внутрипартийной борьбе и вытесненными на левый фланг. Пример эволюции созданной Ариэлем Шароном в начале 2000-х годов партии «Кадима» в данном случае более чем показателен.

Собственно левые партии Израиля постепенно сходят с политической арены и маргинализируются. Этот процесс приобрёл необратимый характер с распадом социалистической системы в начале 90-х годов. Усиление правого лагеря привело к его доминированию в парламенте и последовательному формированию правоцентристских коалиций, столь же последовательно разваливаемых их собственными лидерами из-за внутриправительственной конкуренции и личных амбиций. В то же время левые круги сохраняют значительное влияние в университетах, прессе и юридической системе еврейского государства, в том числе в прокуратуре и судейском корпусе.

Исключительно высокий уровень политической активности таких институтов, как традиционно лево-

ориентированный Высший суд справедливости — БАГАЦ, и таких чиновников, как юридический советник правительства и государственный контролёр, которые часто принимают решения, парализующие работу правительства и законодательную деятельность парламента, в 1990–2000-е годы вызвал характерные для Израиля дискуссии на тему «Кто контролирует государственного контролёра?». Что показательно с точки зрения объективных недостатков представительной демократии западного типа, в рамках которой решения парламента и правительства могут блокироваться бюрократами, неподконтрольными системе.

Характерно, что, в то время как в арабском мире, в том числе в соседних с Израилем странах, в рамках «Арабской весны» рушились правящие режимы и шли уличные столкновения с армией и полицией, переходящие в гражданские войны, волнений в арабском секторе Израиля и на контролируемых им территориях не происходило. Организованные левыми партиями протесты имели ограниченный характер, сопровождаясь экономическими требованиями — как происходит и в Европе. Позже «Интифада ножей» 2015 года имела явно заказной характер — как и теракты террористов «Исламского государства» в странах Евросоюза.

Усиление давления на Израиль со стороны ООН и левого международного истеблишмента по вопросам его отношений с палестинцами, при явной недоговороспособности руководства ПНА, провоцирует усиление еврейского характера государства, хотя уровень демократических прав меньшинств в нём по-прежнему соответствует европейским, а не ближневосточным нормам. Развязанная против Израиля в этой связи международная кампания по обвинению в расизме имеет мало общего с действительностью. Речь

идёт лишь о введении в Израиле стандартных правил защиты государства и его противодействии проявлениям анархии и антигосударственной деятельности израильских граждан.

Перечисленные ниже особенности республиканских режимов исламских стран БСВ заставляют усомниться в известной максиме Уинстона Черчилля по поводу того, что демократия при всех её недостатках — лучшее из известных человечеству государственных устройств. Впрочем, можно списать происходящее в этой части света на «неготовность» исламского мира к демократии, как часто делают его критики, не понимающие той простой истины, что демократия — не более чем способ голосования, но никак не панацея от болезней общества.

Её несомненными плюсами являются механизмы получения и передачи элитой властных полномочий. Первый оставляет электорат в приятном заблуждении по поводу своей значимости — баранов всё равно стригут, а иногда и употребляют на шашлык, но с сохранением у них самоуважения и оптимизма в отношении будущего. Второй позволяет покинуть властные пенаты в заранее установленный срок живым, сохраняя привилегии и перспективу синекуры с возможностью вернуться во властные институты на другой (Ширак, Путин) или, спустя определённое время, тот же самый (Черчилль, Бен-Гурион и опять-таки Путин) пост.

Разумеется, существует риск импичмента, однако и в этом редком случае отрешение носителя высшей власти от полномочий не сопровождается его встречей с гильотиной или расстрельной командой. По крайней мере в развитых странах. На Африку, Ближний Восток, а до недавнего времени и на Азию с Ла-

тинской Америкой эти правила игры не распространялись. Ну так на то она и «имитационная» демократия. Впрочем, пока цивилизованная Европа дошла до уровня современной цивилизованности, политиков, глав государств и государственных деятелей там перебили немало...

Демократия, однако, не гарантирует прихода к власти честных, справедливых и порядочных людей. Да и не ставит перед собой такой задачи. Отсутствие социального равенства, кумовство, популизм, некомпетентность чиновников и коррупция — неотъемлемая часть демократии. Всё то, что служит предметом критики в других системах устройства государства и общества, присутствует и в демократических республиках, но в несколько завуалированном виде и, как бы сказать помягче... в более привлекательной упаковке.

Ближневосточная демократия и ближневосточные республики, при всём формальном сходстве их властных институций и наименований с республиками Запада, несут на себе отпечаток именно того общества и именно тех общественных отношений, которые сложились в регионе в результате его исторического развития. В связи с чем республиканские режимы БСВ часто напоминают имитацию того, что называется республикой в современном вестернизированном мире. При этом аборигены своими республиками искренне гордятся, не понимая, какие права человека от них требуют и чего ещё всем этим заполошным «белым людям» от них нужно.

Трайбализм (кто из читателей не в курсе — преимущества для представителей родного рода-племени), правящие на протяжении десятилетий авторитарные лидеры и более или менее кровожадные диктаторы,

религиозный фактор — на БСВ в его современном политико-исламистском варианте, притеснения меньшинств и, за редкими исключениями, ограничения в правах женщин — такие же характерные черты местных республик, как соблюдение прав человека и, самое главное, прав меньшинств на Западе.

Работорговля в её худших формах и геноцид иноверцев — современные (точнее, давно забытые старые) новации, которые в регион принесли сторонники салафитского «Исламского государства», но и без него «прелестей» у местной демократии было более чем достаточно. История политических систем, доминирующих в западном мире, насчитывает два с половиной тысячелетия. В основу их лёг опыт греческих полисов и римской республики, античная риторика и философия, римское право и законы средневековых варварских королевств, христианская мораль и этика, конкуренция церкви и государства, бюргерское право и аристократические кодексы поведения.

Западную демократию взрастили права цехов и городов, непрерывно действующие на протяжении многих веков парламенты, профсоюзы и религиозные автономии, протестантская этика и секуляризм, феминизм и права сексуальных меньшинств и много что ещё. Равно как религиозные войны, преследования инакомыслящих, погромы меньшинств, две мировые войны, национализм, фашизм и этнические чистки, включая еврейский холокост и геноцид цыган. И — время. Сотни и тысячи лет развития базовых институтов государства.

Демократические же институты на современном Ближнем и Среднем Востоке или пытаются втиснуть местные традиции сдержек и противовесов в прокрустово ложе копируемых чужеродных институтов, или

вынуждены игнорировать, ослаблять и уничтожать эти традиции. Иначе им не выжить. Главный вопрос любого государства, демократического или нет, ближневосточного или европейского, — это вопрос о власти. И если демократические институты помогают её сохранить — пусть их. А если нет…

В первом случае теоретически идентичные принятым в современном мире формам государственного устройства структуры стран БСВ представляют собой на деле традиционные общественные институты в новом обличье. Так, политическая партия может представлять собой племя или феодальный клан, во главе которой стоит традиционная аристократическая элита или представитель «благородного сословия». Что, впрочем, существовало и в Европе в прежние времена. В конце концов, кем были гвельфы или гибеллины?

Во втором случае эти институты на какое-то время переходят в подполье, а затем постепенно «прорастают» во власть и часто полностью подчиняют её себе. Именно так поступила правящая исламистская Партия справедливости и развития в Турции. Альтернатива — взрывное изменение характера власти, что и произошло в ходе Исламской революции 1979 года в Иране. После чего начинается новый цикл эволюции государственного устройства — на БСВ, как правило, на основе исламских норм и местных обычаев.

«Арабская весна» оказалась неожиданностью для европейских и американских политиков, политологов и журналистов. Их первоначальная растерянность сменилась рекомендациями лидерам стран, охваченных волнениями, не подавлять протестные выступления силой, не ограничивать свободу доступа к информации, не пресекать «демократизации» правящих

режимов, прислушаться к голосу масс и прочими типовыми советами, чрезвычайно полезными для всех к ним причастных, кроме тех, кому они адресованы.

Популистская демократическая риторика западных лидеров, не понимающих, что происходит в регионе и не способных повлиять на эти события, но искренне уверенных в обратном, была вскоре дополнена действиями. Арест счетов и отказ в приёме свергнутых президентов, прямая военная и финансовая поддержка антиправительственных выступлений в Ливии и косвенная в Сирии резко контрастировали с демонстративным молчанием в отношении подавления интервенционным корпусом монархий Персидского залива шиитских волнений на Бахрейне и чрезвычайно осторожными комментариями в отношении агрессии Саудовской Аравии и её союзников в Йемене.

Беспричинные надежды на то, что главное, чего хотят протестующие в арабских странах, — это установление там демократии западного типа как лучшего из известных государственных устройств, говорят не столько о реальной ситуации в арабском мире, сколько о профессиональном и интеллектуальном уровне западных экспертов. Возможно, сказалась своеобразная «классовая солидарность»: чем более образованно и информировано на БСВ местное население, тем менее оно лояльно правящему режиму. Это общее правило в полной мере сыграло свою роль в рамках «Арабской весны».

Между тем верхушечные перевороты в Тунисе и Египте, в ходе которых правители были свергнуты недовольной ими частью элиты, которая использовала в своих целях протестовавшую против бюрократии и коррупции «твиттерную молодёжь», люмпенизированные слои общества и консервативных мусульман,

открыли дорогу к власти исламистам, а не демократам западного типа. Ситуация в Ливии и тем более Сирии также имела мало отношения к демократии. Правящая власть в этих странах может быть жёсткой — или никакой, что и продемонстрировала Ливия после свержения и физического устранения Муаммара Каддафи.

Разумеется, подавление волнений присущими местным режимам методами невозможно без жертв — тем меньших, чем быстрее эти волнения подавляются. Однако падение режимов вызывает неизмеримо большее число жертв и почти неизбежный распад не устоявших перед сочетанием внешнего и внутреннего давления государств, без малейшего шанса на их демократические изменения в том виде, которое в это понятие вкладывает Запад. Классическая формула «Злоупотребления властей вызывают революцию, но последствия революции хуже любых злоупотреблений» сработала на БСВ как медвежий капкан.

Можно лишь пожалеть о том, что ни Афганистан, ни Ирак так и не стали уроками для Вашингтона и Брюсселя. Впрочем, современная политическая элита Запада не извлекает уроков даже из собственной истории. Простое понимание того, что Сократ в Афинах был отравлен по итогам демократического голосования, а Гитлер в Германии пришёл к власти демократическим путём и во всём, что творил, опирался на германский парламент, отсутствует у тех, для кого «право народа свергнуть тирана» является догмой, равноценной Священному Писанию.

Как правило, на современном БСВ те, кто свергает авторитарных лидеров, служат инструментом для прихода к власти диктаторов ничуть не лучших, чем те, кто был ими отрешён от власти. Скорее худших.

Возможные варианты развития событий после любого государственного переворота в этой части света — приход к власти военной хунты с большим или меньшим влиянием в ней племенной элиты, либо исламская бюрократия. Причём последняя во многом напоминает социалистические авторитарные режимы XX-го века.

Разница между Коминтерном и «Аль-Каидой», нацистами и партией Баас, большевиками и «Братьями-мусульманами», советским Политбюро и иранским Советом по целесообразности гораздо меньше, чем представляется стороннему наблюдателю на первый взгляд. Тем более что у истоков многих политических партий, идеологических доктрин, парламентов и средств массовой информации исламского мира стояли беженцы из Третьего рейха или советники из СССР, а иногда и те и другие. Что вместе с местными традициями сформировало в регионе гремучую смесь, уцелеть в которой западный либерализм не имел ни малейших шансов.

Термин «исламофашизм» в отношении Ближнего и Среднего Востока возник не случайно. История переворотов, путчей и диктатур в местных «республиках», напоминающая смену военных хунт в странах Латинской Америки с таким же, как и на БСВ, влиянием ультралевых и национал-социалистических идей, но без доминирующего в ближневосточном обществе ислама, говорит сама за себя. Проблема только в том, что историю эту в современном приличном обществе Запада вспоминать не принято. Столько скелетов может высыпаться из семейных шкафов…

Бывшая французская колония Мавритания с её двухпалатным парламентом получила независимость в 1960-м году, став исламской республикой. 17 лет

правления её первого лидера окончились серией военных переворотов — в 1978-м, 1979-м, 1984-м годах. Затем страна прошла сравнительно стабильный период правления полковника ульд Тайи на протяжении 21 года и перевороты в 2005-м и 2008-м годах. Характерно, что на протяжении всей истории Мавритании на её территории существовало наследственное рабство (около 20% населения — минимум 600 тысяч человек! — являются в этой стране рабами на момент написания настоящей книги), несмотря на официальные запреты рабства там в 1905-м, 1981-м и 2007-м годах.

Алжир ликвидировал французское владычество в 1962-м году и оказался под контролем Фронта национального освобождения и Ахмеда Бен Беллы, которого в 1965-м сверг Хуари Бумедьен с его однопартийной системой и ориентацией на социализм. После смерти Бумедьена в 1979-м страну возглавил Шадли Бенджедид, правивший до 1991 года, когда армия отстранила его от власти. Военное положение и отмена результатов выборов, в итоге которых власть должна была перейти в руки исламистов, привели к гражданской войне 1992–1999 годов, окончившейся с приходом на президентский пост Абдельазиза Бутефлики. Итогом стало хрупкое перемирие, введение многопартийной системы и работающий парламент — но с 2008 года количество президентских сроков не ограничено, президент стар и беспомощен, а гражданская война в Алжире может вспыхнуть в любой момент.

Тунис получил независимость в 1956-м году под руководством Хабиба Бургибы, пожизненного президента, который ввёл многопартийность, учредил парламент и светские суды, отменил многожёнство — и был смещен в 1987-м году Зин эль-Абидином Бен Али. С 2002 года возрастной ценз кандидата в прези-

денты и число сроков его правления были отменены, но 14 января 2011 года президент бежал из страны, а политическая ситуация в Тунисе с тех пор балансирует на грани хаоса. Вначале исламисты стали лидирующей политической силой в парламенте и правительстве. На момент написания настоящих строк они потеряли монополию на власть, но стабильность в этой самой развитой и наиболее европейской из стран Магриба подорвана самым серьёзным образом.

В Египте монархия была свергнута в 1952-м году, и с 1953 года страна стала республикой во главе с президентом Мохаммедом Нагибом, которого в 1954-м сменил амбициозный и авторитарный Гамаль Абдель Насер. С 1958-го по 1961-й год он руководил Объединённой Арабской Республикой (ОАР), в состав которой помимо Египта входила Сирия. Его смерть в 1970-м году привела к власти Анвара Садата, а убийство того исламистами в 1981-м — Хосни Мубарака.

Последний занимал президентский пост вплоть до своей отставки 11 февраля 2011 года, после которой он был отдан под суд Высшим военным советом. После короткого переходного периода власть в Арабской республике Египет взяли в свои руки поддерживаемые Катаром «Братья-мусульмане» во главе с президентом Мухаммедом Мурси, которых ровно через год, летом 2013 года, отстранили от власти военные во главе с поддержанным Саудовской Аравией генералом Абдул-Фаттахом Ас-Сиси, в 2014-м году избранным президентом страны.

Эритрея, на территории которой с 2015 года активно укрепляют свои позиции в Красном море, используя её порты, ОАЭ и Саудовская Аравия, — республика, президент которой теоретически должен избираться парламентом на 5 лет. На практике она

с 1993 года управляется Исайасом Афеворки, который правит ею, стоя во главе единственной в стране легальной партии — Народного фронта за демократию и справедливость.

В 1997-м году «в рамках развития республиканских институтов» были назначены 150 депутатов эритрейской Национальной ассамблеи. В 2002-м в ходе регистрации религиозных объединений официальный статус в государстве получили мусульмане, приверженцы римско-католической, эритрейской православной и евангелической (лютеранской) церквей. Прочие общины оказались вне закона. Особенно не повезло пятидесятникам и свидетелям Иеговы, которых преследуют и население, и власти.

Джибути — президентская республика с 1977 года, единственной партией в которой с 1981-го является Народное объединение за прогресс. Политическая жизнь в этой стране определяется борьбой за власть племён афаров и исса, война между которыми шла с 1992-го по 2000-й год. Что до её экономической роли — статус единственного глубоководного порта Африканского Рога, через который осуществляется сообщение с внешним миром Эфиопии, а также наличие на территории страны военно-морских и военно-воздушных баз США, Франции и, с 2011 года, Японии, определяет значение Джибути для внешнего мира. Не случайно Китай, преодолевая сопротивление Соединённых Штатов, создаёт в Джибути базу собственного Военно-морского флота.

Турция — первое государство БСВ, где в 1923-м году республика, во главе которой встал генерал Мустафа Кемаль (Ататюрк), сменила монархию, на протяжении восьми десятков лет управлялось коррумпированными гражданскими правительствами и

военными, регулярно совершавшими государственные перевороты, в том числе в 80–90-х годах. В 2003-м году к власти пришла Партия справедливости и развития, ограничившая всевластие армии. В 2015-м году она подтвердила монополию на власть, а её лидер, Реджеп Тайип Эрдоган, как ведущий политик страны по своим амбициям и влиянию был сравним только с Ататюрком, систему государственного устройства которого он перестраивал под себя.

Открытая дискриминация национальных (в первую очередь курдов) и религиозных меньшинств в этой стране сочетается с реально работающим парламентом — Великим национальным собранием Турции, действенной судебной системой и активными средствами массовой информации. При этом продвижение к демократии в турецком варианте означает сворачивание секуляризма, постепенную — «мягкую» исламизацию и взрывной рост великодержавных настроений в элите и обществе. В то же время, продвигая свои планы, Эрдоган вынужден был разгромить союзных ему на первом этапе его правления исламистов Фетхуллаха Гюлена — «параллельное государство», или «Джамаат».

Реставрация роли ислама на государственном уровне означает для Турции постепенное возвращение страны к роли лидера суннитского мира, которым она была в период Османской империи, когда турецкие султаны занимали место и исполняли функции повелителя правоверных — Халифа. Только такой сценарий может объяснить деятельность на внешнеполитической арене президента (до 2014 года премьер-министра) Эрдогана, демонстрирующего амбиции, несопоставимые с реальной ролью Турции в регионе и на мировом уровне — в том числе в Ираке и Си-

рии, где он, сотрудничая с «Братьями-мусульманами» и «Исламским государством», в союзе с Катаром вступил в прямую конфронтацию с Россией.

В самой эффективной демократии региона, существующей с 1979 года Исламской Республике Иран, на деле осуществлено разделение ветвей власти, функционирует эффективный и активный парламент — меджлис, в котором закреплены квоты для «единобожников»-зимми, признаётся существование национальных меньшинств, действует многопартийная система, пресса жёстко критикует правительство, активна системная и внесистемная оппозиция. Говоря попросту, эта страна, вопреки многолетней критике, на деле является демократической республикой, хотя и имеет свою специфику, главной из которой является принцип примата религиозной власти над светской.

Современный Иран во многом напоминает СССР времён застоя, партийная система которого доминировала над государственным аппаратом, с поправкой на то, что верховная власть в этой стране сосредоточена в руках теократии, а не КПСС. Государствообразующая роль шиитского ислама в Иране законодательно закреплена. Другие группы, исповедующие эту религию — не только представители шиитских «еретиков», но и ортодоксальные сунниты, — находятся под жёстким контролем центральных и местных властей.

Страну возглавляет второй за её историю Рахбар — Верховный руководитель, Али Хосейни Хаменеи, в 1989-м году сменивший правившего с 1979-го лидера исламской революции Рухоллу Мусави Хомейни, после смерти этого основателя Исламской республики. Несмотря на полномочия, сосредоточенные в его руках, он избирается и может быть отрешён от

должности. Обычной для Ирана ситуацией являются разногласия Рахбара с регулярно переизбираемыми президентами страны, которые, как правило, разрешаются в пользу Верховного руководителя, хотя отдельные исключения имеют место.

Такие специфически иранские государственные институты, как Наблюдательный Совет, Совет экспертов, Ассамблея по определению целесообразности принимаемых решений и созданная в 2011-м году вследствие возросших до критического уровня противоречий между членами верховного руководства страны Высшая комиссия разрешения противоречий и урегулирования отношений между тремя ветвями власти, осуществляют координацию государственной машины. Сложная система сдержек и противовесов, помимо прочего, отсекает конкурентов правящей элиты на ранней стадии избирательного процесса и выводит оппозицию за рамки правового поля.

Возможность военного путча в Иране пресекается Корпусом стражей исламской революции, причём отношения между иранскими силовиками напоминают отношения армии и НКВД в Советском Союзе времён Сталина. По мере того как изживает себя забюрократизировавшаяся и коррумпированная теократическая система, нарастает влияние конкурирующего с ней руководства КСИР. Эта группа, занимая высшие посты в провинции и органах исполнительной власти, в 2000–2010-х годах объединилась вокруг президента Махмуда Ахмади Нежада. Она продвигает стратегию превращения Ирана из постреволюционной страны в националистическую персидскую империю, поддерживая эскалацию напряжённости вокруг внешнеполитической деятельности Ирана и развивая его ядерную программу.

Группы политической элиты, оттеснённые на обочину этого процесса, образовали протестное «Зелёное движение», активное, но не имеющее шансов на реальный контроль над властью. Эволюция иранской политической системы постепенно уменьшает объём властных полномочий, сосредоточенных в руках престарелых аятолл, увеличивая влияние не вестернизированных технократов, на что надеялся Запад, но выходцев из спецслужб, склонных к силовому решению возникающих перед Исламской республикой проблем. Альтернативой силовикам в 2013-м году стало избрание в качестве президента Ирана Хасана Рухани, представляющего умеренную теократическую элиту. Заключение в 2015-м году «Ядерной сделки», позволившее начать вывод Ирана из-под санкций ООН, укрепило его позиции.

Наконец, заканчивая краткое перечисление сравнительно стабильных республиканских режимов БСВ, созданная в 1947-м году Исламская Республика Пакистан с её двухпалатным парламентом, влиятельным судейским корпусом, состоящим из Верховного суда и Федерального шариатского суда, активными независимыми средствами массовой информации, многопартийностью, бурной политической жизнью и традиционно сложными отношениями между премьер-министром и президентом демонстрирует результаты быстрой радикальной исламизации изначально светской либеральной общественной системы.

Эта система, противостоящая религиозному индуистскому фундаментализму, которую создавал в 40-х годах XX-го века лидер Мусульманской лиги Мухаммед Али Джинна, постепенно превратилась, в особенности быстро в годы правления генерала Зия уль Хака, в свою полную противоположность. Радикальные

исламисты взяли под контроль большую часть районов, граничащих с Афганистаном, их позиции сильны в Кашмире, влияние в центральных провинциях страны также нарастает. Лишение статуса мусульман секты ахмадийа, теракты против христиан и шиитов, притеснение конфессиональных меньшинств — усиливающиеся тенденции в политической жизни Пакистана, сочетающиеся с функционированием демократических институтов, заложенных в период британского правления.

Характерные для Пакистана военные перевороты, последний из которых в 1999-м году привёл к власти генерала Первеза Мушаррафа, ушедшего в отставку в 2008-м, демонстрируют роль армии в системе государственной власти, близкую к кемалистской Турции или Алжиру. При этом военные руководители Пакистана, в отличие от гражданских, не формировали и не пытались формировать династий, как правящие в Сирии Асады или индийские Ганди-Неру. Скорее это касается таких правящих семей, как Бхутто-Зардари. Впрочем, гражданские правительства Пакистана, слабые и коррумпированные, на протяжении десятилетий демонстрируют, что такое имитационная ближневосточная демократия, удовлетворительная по форме и абсолютно недееспособная по существу.

Информация к размышлению

От Та-Кемт до Пунта

В ведущей стране арабского мира, Арабской Республике Египет, древней Та-Кемт, отстранение от власти 11 февраля 2011 года президента Хосни Мубарака, правившего с 1981-го, и суд над ним и его близки-

ми шли параллельно с чистками в высших эшелонах власти. Приближённые экс-президента были изгнаны с высших государственных постов и преданы суду по обвинению в коррупции, превышении должностных полномочий и других преступлениях.

Правящая хунта, ядром которой является консервативное крыло генералитета, сохраняя отношения с США, военная и экономическая помощь которых является основой стабильности в стране, охлаждала отношения с Израилем, налаживала диалог с Ираном, движением ХАМАС и «Братьями-мусульманами». Предавший президента генерал Мохаммед Хусейн Тантауи не удержал власть, и она оказалась в руках «Братьев-мусульман». Президентом АРЕ стал представитель их политического крыла Мохаммед Мурси.

Характерными приметами новой власти стали подавление армией выступлений женщин, христиан-коптов и других групп, пытавшихся развить «финиковую революцию». Свидетельством того, куда дрейфует египетская политика, стало замораживание поставок в Израиль природного газа с требованием пересмотра их цены. Многократные подрывы египетско-израильского газопровода на Синае, включая ветку, ведущую в Иорданию, а также разгром израильского посольства в Каире свидетельствовали о слабости режима и усилении радикальных исламистов.

Беспорядки на Синайском полуострове, в том числе на границе с Израилем и ведущем в Газу контрольно-пропускном пункте «Рафиах», а также резкое увеличение числа африканских нелегалов, проникающих в Израиль через египетскую границу, демонстрировали потерю Каиром контроля над Синаем, оказавшимся в руках местных бедуинов, иранской резидентуры и исламистских группировок, близких к «Аль-Каиде».

Ввод на Синайский полуостров египетских частей под предлогом обеспечения там военного контроля после антиизраильских терактов под Эйлатом был опасен перспективой прямого военного столкновения Египта и Израиля в случае принятия египетским парламентом решения о денонсации кэмп-дэвидского мирного договора. Вопреки прогнозам экспертов, консервативные исламисты Египта вступили в предвыборный альянс с «Братьями-мусульманами», поставив целью на первом этапе завоевание половины голосов в парламенте страны.

Активная исламистская пропаганда в армии и агрессивные требования введения в стране шариата дали основания предполагать, что прогнозы лидера «Братьев», шейха Юсефа Кардауи, об альянсе армии и исламистов имеют под собой все основания. В Египте открыто действовали радикалы всех типов, в том числе Нацистская партия — наследница сочувствовавшей Гитлеру интеллектуальной и политической элиты, в 30–40-е годы включавшей многих будущих представителей высших эшелонов власти, в том числе Насера и Садата.

Наличие среди них активистов «Аль-Каиды», прекращение работы контртеррористических структур, возглавляемых экс-вице-президентом генералом Омаром Сулейманом, десятки тысяч уголовников и террористов, отпущенных из египетских тюрем на свободу как «борцы с режимом», стали угрозой для будущего страны. Это продемонстрировали попытки исламистов захватить порты, в том числе Эль-Ариш. Особенно велика оказалась угроза для египетских христиан, составляющих 8–9% населения по официальным и 15–18% по неофициальным данным.

Перспективы работы в Египте иностранных специ-

алистов и фирм, включая российские, до установления там стабильности были призрачны. Единственной сферой хозяйства, где после свержения режима Мубарака был отмечен прирост, стал транзит судов через Суэцкий канал, что было явно недостаточно, чтобы «вытащить» из кризиса остальную экономику, тем более что существовала опасность удара исламистов по судам, идущим по этой артерии.

«Хорошей новостью» для мирового сообщества стала сравнительно низкая вероятность войны АРЕ с Израилем, несмотря на поддержку исламистским руководством страны движения ХАМАС в Газе, поскольку президент Мурси понимал, что в случае конфликта египетская армия может быть просто уничтожена на Синае. Однако пересмотр или разрыв действующего с 1979 года израильско-египетского мирного договора по требованию исламистского лобби, позиции которого в парламенте Египта были очень сильны, казался неизбежным.

Нарастание демографического давления, снижение уровня жизни, экономический кризис и ожидаемая в близком будущем экологическая катастрофа с необратимыми последствиями — итог водного голода, который ожидает страну после 2017 года, когда Эфиопия завершит строительство четырёхкаскадного гидроузла «Возрождение», могут поставить АРЕ на грань выживания. Подписание 6 странами верховьев Нила 1 марта 2011 года договора о перераспределении стока этой реки, превратило в клочок бумаги Соглашение по Нилу, заключённое Египтом и Суданом в 1959-м году.

Гидроузлы на истоках Нила необходимы странам Центральной Африки, включая Эфиопию, для нормализации их собственного энергетического баланса.

Гидроэлектростанции, водохранилища и плотины, которые будут ими построены в ближайшие годы, смертельно опасны для будущего АРЕ, но Каир ничего не может им противопоставить, за исключением поддержки (на момент написания настоящей книги осуществляемой вместе с Саудовской Аравией) отрядов оппозиции — преимущественно из числа этнических оромо.

Несмотря на то, что один лишь проект «Возрождение» снижает сток Голубого Нила на 30%, а выработку электроэнергии в Египте на 40% на протяжении 6 лет заполнения эфиопского водохранилища (затем поступление воды упадёт «лишь» на 20%, при том, что АРЕ испытывает её нехватку уже сегодня), эту проблему нельзя решить военным путём. Бомбардировка плотины приведёт к тому, что Египет будет буквально смыт с лица земли, не говоря уже о резко отрицательной реакции на этот акт агрессии со стороны ЕС, США и КНР, компании которой занимаются реализацией этого проекта.

Ещё одна проблема Египта — территориальный спор с Суданом из-за пограничного треугольника Халаиб, хотя этот конфликт заморожен, во многом вследствие проблем, которые испытывает Судан. В то же время в Египте после возвращения к власти военных был реализован ряд многообещающих проектов в экономике, наиболее значимым из которых стало строительство в 2015-м году дублёра Суэцкого канала, позволившего вести непрерывную двустороннюю навигацию по этой ключевой для мирового судовождения транспортной артерии.

Другая, более значимая проблема Египта эпохи президента Ас-Сиси, рост террористической деятельности исламистов на Синае и во внутренних провин-

циях АРЕ, поддерживаемой Катаром (и, в меньшей степени, Турцией и Суданом). В то же время израильские военные координируют с египетской армией действия против ХАМАСА и синайских группировок «Исламского государства» и «Аль-Каиды». Однако в конце 2015 года террористическая угроза обрушила туристический сектор страны.

Это произошло после того, как после стратегического перелома в сирийской гражданской войне из-за вступления в неё полка российских Воздушно-космических сил, в нарушение негласных соглашений о ненападении на туристические объекты, террористами над Синаем был взорван российский авиалайнер. По мнению экспертов ответственность за это несло высшее руководство Катара в лице главы МИД этой страны Халеда аль-Атыйи — наиболее заинтересованного в уничтожении Сирии как государства и президента Асада как его лидера катарского политика. Его карьера была поставлена под угрозу действиями Москвы, предотвратившими захват террористами Дамаска к концу 2015 года.

Массовый отток туристов с египетских курортов и запрет на полёты самолётов гражданской авиации в Египет, введённый Россией, Великобританией и рядом других западных стран, нанёс Каиру значительный имиджевый и финансовый ущерб. Пытаясь исправить ситуацию, власти АРЕ предприняли меры по усилению контроля над безопасностью в аэропортах, хотя гибель российских туристов, как и последующее уничтожение на турецко-сирийской границе самолёта ВКС РФ, явно по приказу президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, поставили вопрос о действиях в отношении стран, поддерживающих исламистский терроризм на БСВ: Катара, Турции и Саудовской Аравии.

Судан, распавшийся на два государства согласно результатам прошедшего в январе 2011 года референдума о самоопределении Южного Судана, итоги которого подняли вопрос о пересмотре постколониальных границ по всей Африке, вернулся в состояние гражданской войны между правительством и сепаратистами Дарфура, Кордофана и других регионов. Как, впрочем, и Южный Судан, племена которого после достижения независимости начали междоусобную резню. Лагеря беженцев, число которых в Судане и Южном Судане насчитывает миллионы, полностью контролируют боевики противоборствующих группировок — как происходит это со всеми лагерями беженцев в Африке и на БСВ.

Конфликт из-за нефтеносных районов провинции Абьей оживил противостояние Хартума и южносуданской Джубы. Свою роль в эскалации напряжённости играют межплеменные конфликты между нуэр, динка, загава, миссерия, массалит, фур и другими группами, разделёнными на враждующие кланы. При этом если проблема раздела доходов от экспорта нефти между центром и местными элитами Судана ещё может быть решена по аналогии с соглашением центрального правительства и лидеров Юга, предшествовавшего разделу страны, то наступление Сахары, обостряющее противостояние кочевников-скотоводов с земледельцами, не имеет решения в принципе.

В Судане сохраняют политическую активность Саудовская Аравия, Турция, Катар, США и Франция, и экономическую — Китай, главный инвестор и оператор нефтедобычи и нефтеэкспорта. Перспективы развития сельского хозяйства, промышленности — пищевой и лёгкой, инфраструктуры, главными объектами которой является Порт-Судан на Красном море

и идущий к нему нефтепровод, зависят от инвестиций КНР. Россия не имеет в Судане и Республике Южный Судан выраженных экономических интересов — отечественный бизнес не склонен рисковать в конфликтном регионе. В то же время, руководство и Хартума, и Джубы пытается использовать российскую банковскую систему для реализации имеющихся у них активов (в первую очередь золота).

Характерным является прочное, несмотря на неотменённый вердикт Международного уголовного суда о его аресте, положение действующего президента Судана Омара аль-Башира, правящего страной с 1993 года, лавируя между исламистами, армией, племенами и местными традиционалистами, разделёнными на кланы и религиозные братства. С лидером исламистов Хасаном ат-Тураби он сотрудничал в ранний период пребывания у власти. Племена стравливал, используя ополчение арабизированных кочевников «джанджавид» («джинны на конях» — *араб.*) против оседлых африканцев. Племенных лидеров, «прикормленных» нефтедолларами, поддерживал против сепаратистов.

Используя борьбу Запада против «Аль-Каиды», которая базировалась в Судане в 90-е годы, аль-Башир наладил отношения с США и Францией, сохраняя их с Саудовской Аравией и Катаром. Влияние этих тандемов балансировало его связи с Китаем. Аль-Башир установил систему отношений с Эфиопией и Эритреей, Египтом и Ливией, Чадом и южносуданскими лидерами, которая позволила ему прочно контролировать центр и север страны, поступившись югом. Признание независимости Южного Судана легитимировало его в глазах мирового сообщества. Сепаратизм в других провинциях до настоящего времени успешно им пресекается, а попытки Джубы поддержать эти

движения провалились — не в последнюю очередь из-за гражданской войны в самом Южном Судане.

Эритрея, которую с 1993 года возглавляет Исайас Афеворки, находится в постоянном конфликте с соседями. Спор с Джибути ограничен присутствием на его территории воинских контингентов Франции и США. Противостояние с Йеменом из-за островов Дахлак, которые, по сообщениям арабской прессы, используются военно-морским флотом Израиля, а по сообщениям израильских средств массовой информации являются частью организованного Ираном маршрута транспортировки оружия и боеприпасов в Газу по Красному морю, окончилось в пользу Асмэры.

Имеющий исторические корни конфликт с бывшей метрополией — Эфиопией опасен для страны. Помимо пограничных стычек, которые в случае обострения ситуации могут перерасти в новую эфиопско-эритрейскую войну, руководство Эритреи обвиняется в организации на территории Эфиопии терактов, включая попытку уничтожения лидеров Африканского союза на проходившем в Аддис-Абебе в мае 2011 года саммите АС.

Нестабильную внутреннюю ситуацию в стране, характерную межплеменными и межэтническими конфликтами, обостряет большое число беженцев и перемещённых лиц, в основном из Сомали. Эритрея поддерживает сомалийских исламистов, финансируя и снабжая оружием боевиков, действующих против войск АС и эфиопской армии. Её правительство обвиняется и в связях с сомалийскими пиратами, хотя, судя по контактам с Израилем, обладает прагматичностью и «многовекторностью» внешней политики.

Поддерживая тесные связи с Саудовской Аравией и Объединёнными Арабскими Эмиратами, которые

с осени 2015 года в разгар войны в Йемене против местных зейдитских племён — хоуситов, поддерживаемых Ираном, создали в Эритрее военно-морские базы как свои опорные пункты на Красном море, Асмэра фактически вступила в военные действия в Йемене на стороне «Аравийской коалиции», возглавляемой Эр-Риядом. Во всяком случае, ограниченный воинский контингент Эритреи был переброшен на территорию Йемена транспортными судами ОАЭ.

Эритрея не входит в ЛАГ, хотя арабский язык — один из двух наиболее распространённых в этой стране. Её внешняя торговля ориентируется на Индию, Китай, страны ЕС, Саудовскую Аравию и ОАЭ, а военно-техническое сотрудничество с Россией обеспечивает поддержание баланса сил с Эфиопией. Экономика — сельское хозяйство, рыболовство и портовый транзит — слаборазвита и до того, как Эр-Рияд и Абу-Даби начали инвестировать в эритрейские порты, не представляла интереса для инвесторов. Охватившая летом 2011 года Африканский Рог сильнейшая за 60 лет засуха поставила значительную часть населения страны на грань гуманитарной катастрофы.

Республика Джибути — бывшее Французское Сомали, а позже Французская территория афаров и исса, после отделения Эритреи от Эфиопии выполняет роль единственного для той выхода к морю, обеспечивая всю внешнюю торговлю Аддис-Абебы. Глубоководный порт Джибути контролируют базы военно-морского флота и военно-воздушных сил Франции, личный состав которых составляют около 2700 военнослужащих.

С 2001 года в Джибути базируется 152-е оперативное соединение военно-морских сил участников антитеррористической операции, действующих про-

тив сомалийских пиратов: США, Великобритании, Франции, Германии, Испании и других государств. Возможность захода туда имеют и корабли российского военно-морского флота, патрулирующие побережье Сомали и Аденского залива. С 2002 года на базе Кэмп-Лемоньер находится штаб Объединённого тактического командования американских вооружённых сил в районе Африканского Рога, укомплектованный контингентом в 1700 военнослужащих США.

С 2011 года военно-морскую базу — первую за пределами страны со времён Второй мировой войны, создала в Джибути Япония. В то же время попытки Китая создать в Джибути аналогичную базу последовательно срывались американцами и на начало 2016 года она построена не была. Характерно, что планы Саудовской Аравии и ОАЭ использовать порт Джибути в своих интересах в условиях войны в Йемене против хоуситов, в которой их воинские контингенты участвовали, были сорваны в рамках конфликта джибутийских и эмиратских военных (после чего аравийские монархии и переориентировались на Эритрею).

Следует отметить, что в использовании порта Джибути заинтересованы как иностранные военные, в том числе борющиеся с пиратами, так и сами сомалийские пираты, а также контрабандисты, исламисты, торговцы оружием и наркоторговцы. Джибути — центр резидентур и перекрёсток интересов всех разведок, действующих в районе Африканского Рога, в том числе саудовской, иранской и израильской. Слаборазвитая местная экономика зависит от реэкспорта в Сомали, ОАЭ и Йемен и экспорта из Саудовской Аравии, Индии и Китая.

Опора французов в колониальный период на афаров и доминирование после обретения независимости

исса, приведшее в 1979-м году к партизанской войне афаров против исса и гражданской войне 1992–2000 годов, легли в основу современного баланса племенных сил, позволяющего Джибути существовать. Противоречия в сталкивающихся на территории этой страны интересах Эфиопии, Эритреи и Сомалиленда сглаживаются присутствием в Джибути западных военных, хотя беженцы, перемещённые лица и засуха значительно осложняют её положение.

Сомалийское государство — Пунт эпохи египетской царицы Хатшепсут де-факто более не существует. Крупнейшими из анклавов, возникших на его территории, являются Сомалиленд и Пунтленд. Правительство президента Хасана Шейха Махмуда при поддержке воинских контингентов АМИСОМ (региональная миротворческая миссия, действующая от имени Африканского союза при поддержке ООН) из Уганды, Кении и Бурунди контролирует часть Могадишо и небольшие территории на границе Эфиопии и Кении. Гальмудуг и Мудуг, а также Химан и Хееб не управляются местными властями, их население живет за счёт пиратства и контрабанды оружия. Часть провинций Гальмудуг и Мудуг «курируют» исламисты из «Ахль-Сунна-валь-Джамаа».

Ведущей военно-политической силой юга, включая порт Кисмайо (когда его не оккупируют кенийские военные), является родственное «Аль-Каиде» радикальное исламское движение «Аш-Шабаб», контролирующее исламские вилаяты Сомали, противостоять которому смогли только эфиопские войска — до 2009 года, АМИСОМ и кенийская армия — в 2011-м году. Противостояние с Кенией спровоцировало террористическую войну боевиков «Аш-Шабаб» против этого государства, в том числе в Найроби. Теракты

в кенийской столице были организованы сомалийскими боевиками из крупнейшего в мире лагеря беженцев Дадааб, расположенного на севере этого города.

Единственный регион Сомали, сравнительно стабильное внутреннее положение которого позволяет поддерживать на его территории экономическую активность, — Сомалиленд. В самом Сомали и за его пределами, в том числе в Джибути, Эритрее, Кении и Йемене, сосредоточено от 700 тысяч беженцев и полутора миллионов перемещённых лиц по официальной статистике ООН, до нескольких миллионов (по неофициальным данным) человек, покинувших места постоянного проживания из-за гражданской войны. Засуха 2011 года обострила эту проблему.

Основа сомалийского общества — племенные объединения, крупнейшие из которых: хавие, дарод, исак, раханвейн и дир. Сотни тысяч выходцев из Сомали живут в США и странах ЕС, образуя замкнутые землячества, являющиеся ядром преступных группировок и тылом сомалийских пиратов, занимаясь для них разведкой, переговорами о выкупах и обеспечением их финансовой деятельности. Эффективность борьбы с пиратами без зачистки побережья Сомали минимальна. Акватория, контролируемая ими в Индийском океане, доходит до побережья Индии, Маврикия и Сейшельских островов, а сумма получаемых выкупов растёт из года в год, составляя ежегодно сотни миллионов долларов США.

Мировая юридическая система демонстрирует в этом вопросе полную беспомощность, возражая против присутствия на борту судов, следующих через опасные воды, частной охраны. Нерешённым вопросом является система наказания пиратов. Доказатель-

ная база недостаточна для европейского правосудия. Судить их в странах БСВ западное сообщество не может из-за неотвратимости вынесения им смертных приговоров, что противоречит европейским принципам неприменения смертной казни. Оставлять в европейских тюрьмах также не может из-за возможности подачи ими после отбытия наказаний заявлений на натурализацию. Полный юридический тупик, который не может не радовать только самих пиратов…

Глава 4

Страны, которых нет

Значительная часть государств БСВ децентрализована. Это касается не только государств реальных, но и такого виртуального образования, как признаваемая авансом в качестве государства Палестина, которая им, несмотря на все усилия мирового сообщества и Израиля, руководство которого на протяжении долгого времени безуспешно пыталось реализовать модель «два государства для двух народов», так и не стала. Назначить можно кого и кем угодно. Проблема в том, что стать тем, кем тебя назначили (или ты сам всех уговорил, чтобы назначили) автоматически не получается. Отчего Сингапур — это государство, а Палестина — клептократическая кланово-паразитарная тусовка, сколько её ни признавай.

Обладая основными признаками формальной государственности, признанные на международной арене страны региона зачастую на деле состоят из территорий, подчиняющихся центральному правительству только формально, а то и открыто декларирующих свою независимость. Причём значительная часть этих стран либо уже распались, либо находятся в процессе распада, который может завершиться прекращением

их существования в любой момент. Дестабилизируют обстановку в соседних государствах они при этом чрезвычайно.

Среди этих «бывших государств» есть экс-претенденты на региональное или общеарабское лидерство, прочность которых, как выясняется сегодня, держалась исключительно на политическом авторитаризме и силовом подавлении любой оппозиции, рухнув в отсутствие диктаторов или монархов, тем или иным путём потерявших власть. Поскольку на Ближнем и Среднем Востоке (как и на Востоке вообще) без жёсткой системы подавления никаких стран не бывает. И государств не бывает.

Демократия западного типа, которую на протяжении длительного времени там пытались насадить извне, ни в одной из этих стран не прижилась. Что поставило под вопрос как саму возможность её существования в регионе, так и судьбу пока ещё стабильных государств БСВ, если правящие там монархи или диктаторы не удержат властные полномочия. Как выяснилось, лишить их полномочий не так уж сложно. Особенно если помочь свержению высшей власти снаружи. Чем в ходе «Арабской весны», использовав опыт разгрома Ирака в начале 2000-х годов при активном участии западного сообщества, и занялись Саудовская Аравия, Турция и Катар.

Классическим примером такого разрушения ближневосточной авторитарии является Ирак, ставший ко времени, когда автор писал эти строки, символом региональной нестабильности, хотя в годы диктатуры Саддама Хусейна страна была одним из лидеров Ближнего Востока. Мало кто сегодня помнит, что республикой эта страна была не всегда. Точнее, она стала ею после кровавого переворота 1958 года, в ходе

которого правивший Ираком король Фейсал II и его правительство были убиты, династия иракских Хашимитов пресеклась и объединение Ирака с Иорданией в Арабский союз, о котором их монархи договорились несколькими месяцами ранее, сорвано.

Перевороты 1963 года вначале привели к власти партию Баас, а затем военную хунту, которую в 1968-м Баас вновь отстранила от власти. Ситуация вполне типичная для Ближнего Востока. Всё это отличалось от ситуации в Сирии и других арабских странах разве что жестокостью в отношении свергаемых лидеров страны, уничтожавшихся вместе с их окружением. Но для Двуречья жестокость такого рода была характерна на протяжении всей его истории, начиная с ассирийских времён и заканчивая зверствами боевиков «Исламского государства» в отношении христиан, шиитов и курдов-йезидов в середине 2010-х годов.

Череда государственных переворотов в Ираке прервалась, когда в 1979-м году к власти там пришёл Саддам Хусейн, правивший этой страной до 2003-го (фактически он контролировал высшую власть в Ираке с 1970–1972 годов). Его правление ознаменовалось войной с Ираном в 1980–1988-х годах, оккупацией Кувейта в 1990-м, откуда уже в 1991-м году иракские войска были вытеснены международной коалицией, подавлением восстаний курдов и шиитов, санкциями ООН. В конечном итоге в ходе американо-британской интервенции 2003 года при поддержке международной коалиции он был смещён, а в 2006-м казнён новыми иракскими властями.

Постсаддамовский Ирак — парламентская республика, основой которой является распределение федеральных постов между курдами и арабами — шиитами и суннитами. Фактически центральная власть

контролирует только шиитский юг страны, столицу и её окрестности. Уровень сепаратизма в Ираке чрезвычайно высок. Страна де-факто не существует как единое целое: даже отдельные кварталы столицы подчиняются только лидерам живущих там общин. Основную правящую силу в суннитских провинциях на начало 2016 года представляло поддерживаемое Катаром и Турцией «Исламское государство»: альянс баасистов, местных племён и иностранных джихадистов.

Ситуация в Ираке после вывода оттуда президентом США Бараком Обамой в 2010–2011-х годах основных американских сил характеризовалась массовыми этническими чистками и диверсионно-террористической войной всех против всех. Она шла на всей территории страны, кроме Курдистана, который последовательно строил основу будущей государственной независимости: лидеры двух курдских враждующих кланов разделили власть: Джаляль Талабани стал президентом Ирака, а Масуд Барзани — президентом Курдистанского региона. С 2006 года в Курдистане было сформировано единое правительство. Регион вопреки протестам Багдада самостоятельно осуществляет экспорт нефти (через Турцию) и, пользуясь военными поражениями, которые нанесли армии Ирака боевики «Исламского государства», взял под контроль нефтеносный Киркук, вытесняя оттуда туркоманов и арабов.

Преследования этноконфессиональных иракских меньшинств: христиан, йезидов и мандейцев поставили их на грань исчезновения. Так, число христиан в Ираке с момента обретения им «демократии» сократилось наполовину, несмотря на присутствие на протяжении 7-ми лет в стране западного оккупационного

корпуса. Геноцид йезидов со стороны «Исламского государства» сопровождался обращением их в рабство, при игнорировании этого западным сообществом. Взаимные этнические чистки суннитов и шиитов повлекли значительно большее число жертв, чем в годы правления С. Хусейна: шиитская полиция превратилась в «эскадроны смерти» в суннитских районах, которые не в последнюю очередь из-за этого стали базой «Аль-Каиды» и «Исламского государства».

Иракский парламент слаб, неэффективен и функционирует с перебоями. Значительная часть военно-политических структур страны ориентируется на Иран, а в ряде регионов влияние Ирана (среди шиитов) и Турции (в зонах компактного расселения тюркоязычных военных поселенцев сельджукских времён — туркоманов) является доминирующим. В ходе расширения территории, находящейся под контролем салафитского «Исламского государства», Иран взял на себя оборону священных шиитских городов, находящихся на территории Ирака, и Багдада. Если бы не это, слабая, несмотря на многолетнее обучение и техническое снабжение американцами, иракская армия не смогла бы сдержать наступление суннитских радикалов.

Позиции официального Багдада ослабляет и конфликт в шиитской элите: бывший премьер-министр Нури аль-Малики и его (на начало 2016 года) преемник Хайдер аль-Абади враждуют, наиболее влиятельным шиитским лидером страны является Великий аятолла ас-Систани, а шиитская «Армия Махди» Муктады ас-Садра намного боеспособнее правительственной армии. Особая тема — сепаратизм Басры с её нефтяными месторождениями и портом, позволяющим организовать экспорт нефти.

Характерно, что возглавляемая США «широкая» контртеррористическая коалиция из 65-ти стран, противостоящая «Исламскому государству», до появления в Багдаде осенью 2015 года координационного центра по борьбе с терроризмом России, Ирана, Сирии и Ирака скорее имитировала борьбу с ИГ и другими террористическими структурами, воюющими против правительств Сирии и Ирака. Ситуация изменилась после начала военных действий ВКС России с баз на средиземноморском побережье Сирии: удары по нефтяной инфраструктуре террористических организаций, позволяющей им оперировать многомиллиардными бюджетами, вслед за российской авиацией начали демонстрировать и ВВС западной коалиции.

На начало 2016 года судьба Ирака как единого государства сомнительна: распад страны де-факто произошёл. Очевидно, что в отсутствие иностранной оккупационной военной силы или местной диктатуры самостоятельное существование Ирака нереально, а отделение от него Курдистана неизбежно. Эта страна — типичный пример того, что в условиях БСВ сосуществование этноконфессиональных общин возможно только в жёстком унитарном государстве. После свержения авторитарного режима Саддама Хусейна эволюция страны шла не в рамках её демократизации, а по формуле «Один бешеный тигр лучше десяти тысяч бешеных крыс» — и это характерно не только для Ирака.

Первым президентом Сирии, независимой с 1946 года, был Шукри аль-Куатли, правительство которого было свергнуто военными уже в 1949-м. За следующие два десятка лет Сирия пережила 22 военных переворота. В 1970-м году власть в Сирии взяла

Партия арабского социалистического возрождения (Баас) во главе с Хафезом аль-Асадом, правившим до своей смерти в 2000-м, после чего президентом страны стал его сын Башар аль-Асад. Характерно, что для этого пришлось менять сирийское законодательство (он был слишком молод для того, чтобы, в соответствии с существовавшими ограничениями, занять пост президента).

Сирийский президент де-факто контролирует судебную, законодательную (меджлис аш-Шааб) и исполнительную власть. Массовые антипрезидентские волнения 2011 года заставили, параллельно с их подавлением, предложить населению реформы. Однако обновление власти запоздало, а действия по подавлению антиправительственных выступлений сочетали жёсткость и неуверенность. Асад-младший, которому до гибели в автокатастрофе его старшего брата Басиля — военного и наследника верховной власти — была уготована судьба врача-офтальмолога, не отличался бескомпромиссной решимостью своего отца.

Антисирийская коалиция включила страны Запада (оказывающие политическое давление на Дамаск и помогающие противникам Асада в обучении и вооружении отрядов воюющей против него оппозиции, в рядах которой доминировали радикальные исламисты), Турцию, Саудовскую Аравию и Катар. Большая часть арабских стран под давлением Эр-Рияда поддержали в Лиге арабских государств идею смещения президента Асада. Однако, несмотря на кровопролитную гражданскую войну, на начало 2016 года правительство в Дамаске, поддержанное в ходе войны Ираном, шиитами Ливана и Ирака, а в Совбезе ООН, Китаем и Россией, воспрепятствовавшим принятию резолю-

ции, открывавшей дорогу интервенции против Асада, удерживало власть.

Страна балансировала на грани распада на этноконфессиональные анклавы, однако практически монопольная роль в антиправительственной оппозиции радикальных исламистских структур сплотила против них сирийских курдов, друзов, христиан, черкесов и чеченцев, а также многочисленных шиитов — в первую очередь алавитов, которым в случае победы исламистов грозил геноцид. Коренной перелом в войне наступил после того, как Россия, понимая, что в случае продолжения развития событий в Сирии так, как они шли, падение Дамаска неизбежно и к концу 2015 года Сирия перестанет существовать, вмешалась в войну.

Появление на базе ВВС Хмеймим полка российских Воздушно-космических сил позволило сирийским правительственным войскам и поддерживающим их иранцам и шиитским военизированным группировкам из Ливана и Ирака перейти в наступление на позиции боевиков «Братьев-мусульман», «Исламского государства», «Джабхат ан-Нусры», «Ахрар аш-Шам» и других исламистских террористических организаций, спонсируемых Турцией, Саудовской Аравией и Катаром.

Как уже сказано, ответом «террористической коалиции» (оси Анкара-Доха-Эр-Рияд) стало уничтожение российского пассажирского лайнера на Синае, взорванного террористами, контролируемыми Катаром (что обрушило туристическую отрасль АРЕ). Турецкие ВВС по приказу руководства страны сбили российский военный самолёт, а одного из лётчиков расстреляли в воздухе радикалы из турецких исламистских организаций, что привело к острому кризису в российско-ту-

рецких отношениях. Однако распад Сирии, на начало 2016 года остававшейся в числе «бывших государств», был приостановлен.

Перемирия между правительственными войсками и оппозицией дали Сирии шанс на постепенную реинтеграцию. В дипломатическом поле переговоры между Россией и западными державами зафиксировали будущее Сирии как светского государства в единых границах. Это не означало, что европейские и американские партнёры исламистской «тройственной оси» сняли с повестки дня задачу свержения Асада для ослабления Ирана и всего «шиитского альянса», а также использования территории Сирии под прокладку газо- и нефтепроводов с Аравийского полуострова на Европу через Турцию. Однако воевать за Турцию с Россией НАТО отказался.

Ещё одним примером «несостоявшегося государства» является Ливан. С момента получения независимости в 1943-м году высшие государственные посты и парламентские квоты в этой стране закреплены за религиозными общинами. Президент страны — христианин-маронит, премьер — суннит, спикер парламента — шиит, правительство и парламент поровну делят христиане и мусульмане — на основе общинного квотирования. Парламент — Ассамблея представителей состоит из 128-ми депутатов. Мусульман представляют 27 суннитов, 27 шиитов, 8 друзов и 2 алавита. Христиан — 32 маронита, 20 православных армян, 2 армянина-католика, 7 православных греков, грек-католик, протестант и один представитель от прочих общин.

Демографические изменения в Ливане шли по стандартным для всего региона правилам: рождаемость у мусульман выше, чем у христиан, у шиитов

выше, чем у суннитов, а эмиграция в первую очередь затрагивает христиан. Итогом стал неизбежный в такой ситуации политический дисбаланс и борьба за передел власти. Нормой жизни страны, несмотря на её изначальный имидж «ближневосточной Швейцарии», на протяжении всей её истории являются гражданская война и периодическая оккупация иностранными войсками, как единственная гарантия внутренней стабильности.

Гражданские войны 1956–1958 и 1975–1990-х годов, интервенции войск США в 1958-м, Израиля в 1978-м и 1982-м годах, Сирии в 1976-м (в рамках межарабских сил) окончились израильской — до 2000-го и сирийской — до 2005 года оккупацией Ливана. Последовавшее за этим противостояние просаудовских и поддерживаемых Ираном просирийских военно-политических группировок привело к усилению ориентирующейся на Иран шиитской «Хизбаллы» (23 места в парламенте) и войне с Израилем 2006 года. Сирийская гражданская война с 2011 года расколола ливанское общество. Территория Ливана стала транзитным маршрутом для направлявшихся в Сирию салафитских боевиков. «Хизбалла», перекрыв границу, вступила с ними в войну, обострившую суннито-шиитские противоречия в стране.

Дестабилизирует обстановку и присутствие в Ливане палестинских беженцев. Их лагеря, являющиеся центрами исламистского влияния, криминальной и террористической активности, периодически «зачищаются» ливанской армией при поддержке конфессиональных военных милиций. При этом характерно, что столкновения противоборствующих этноконфессиональных группировок в Ливане могут происходить по любому поводу, от несогласия по кандидатуре

президента страны (на момент написания настоящей книги этот пост оставался вакантным), до «мусорного кризиса» (конфликта местных кланов, борющихся за распределение подрядов на уборку мусора — рынок, контролируемый мафиозными группами во всём мире).

При этом Ливан всё же существует в качестве государства, хотя и нестабильного, находящегося на грани распада. А вот Палестину можно с полным основанием причислить к несостоявшимся проектам мирового сообщества. Причём она перешла в эту категорию, даже не успев стать государством. Надежды на прекращение палестино-израильского противостояния привели к подписанию Израилем с Организацией освобождения Палестины в сентябре 1993 года «Декларации принципов о временных мерах по самоуправлению». Они легли в основу всех последующих палестино-израильских соглашений: каирской декларации «Газа-Иерихон» (май 1994-го), вашингтонского временного соглашения (сентябрь 2005 года), etc. Толку от которых оказалось мало…

Первоначальный срок 5 лет, в течение которого палестинское государство должно было быть построено, истёк ещё 4 мая 1999 года. Однако вместо окончательной договорённости о статусе палестинских территорий в соответствии с подписанным в Шарм-эль-Шейхе соглашением, в сентябре 2000 года по инициативе палестинского лидера Ясира Арафата было начато вооружённое восстание — интифада аль-Аксы, окончательно стихшее только в 2005-м году, когда ПНА возглавлял уже новый раис — Абу-Мазен, выполнявший при Арафате функции палестинского министра иностранных дел (автор познакомился с ним в 1996-м году и на протяжении многих лет поддерживал кон-

такты с его офисом, окончательно убедившись в итоге в абсолютной обречённости «палестинского дела», выродившегося в террористическую клептократию).

Пытаясь разрешить противоречия между политическими теориями левого лагеря, требовавшего продвижения «мирного процесса», и действительностью, которая не оставляла места иллюзиям о возможности реального примирения еврейского государства с палестинскими лидерами, высшее израильское руководство в 2005-м году вопреки советам профессионалов в одностороннем порядке вывело армию из сектора Газа и эвакуировало расположенные там еврейские поселения. Однако проведённые по настоянию руководства США в 2006-м году на палестинских территориях выборы окончились победой радикального исламистского движения ХАМАС. Попытка сотрудничества с ним руководившего ООП и Палестинской национальной администрацией ФАТХа привела в итоге в 2007-м году к кровопролитной гражданской войне между палестинскими группировками и разделу сфер влияния на палестинских территориях.

Власть в Газе захватили исламисты ХАМАСа во главе с Исмаилом Ханийей, опиравшиеся на арабские монархии Залива, затем на Иран, а после того как лидеры ХАМАСа предали Асада, открыв дорогу джихадистам в центр Дамаска через лагерь палестинских беженцев Ярмук, на Турцию (мгновенная смена патрона и предательство старых союзников — характерная особенность палестинских группировок). На Западном берегу реки Иордан при поддержке Израиля управление осталось под контролем движения ФАТХ, которое в 2008-м году пролоббировало «переизбра-

ние» Махмуда Аббаса Центральным советом ООП на пост президента (раиса) ПНА.

Обращение в сентябре 2011-го к ООН с просьбой одностороннего признания Государства Палестины в границах 1967 года было легитимным поводом для разрыва отношений Израиля с ПНА, денонсации соглашений между ними и полного восстановления контроля Иерусалима над Иудеей и Самарией. Однако на январь 2016 года Израиль предпочёл статус-кво: имитацию поддержания принципа «два государства для двух народов» при понимании того, что палестинское государство никто из палестинских лидеров не строил и строить не собирается, ограничиваясь имитацией этого процесса для спонсоров. Палестинский опыт, к слову, показал, что выборы на БСВ приводят во властные структуры исламистских радикалов с той большей вероятностью, чем более демократическими эти выборы являются.

Республика Йемен, север которого стал Йеменской Арабской Республикой после военного переворота 1962 года и гражданской войны, а юг — Народно-Демократической Республикой Йемен, получив независимость от Великобритании в 1967-м, объединились в 1990-м, после военной победы Саны над Аденом. Гражданская война 1994 года окончилась провалом попытки отделения юга, но противостояние президента Али Абдаллы Салеха с оппозицией в 2010-х годах привело к его бегству из страны после покушения, едва не окончившегося его гибелью. Возвращение Салеха в Йемен интенсифицировало гражданскую войну.

В 2014–2015-х годах верные Салеху воинские части и хоуситские племенные формирования северян-зейдитов «Ансар Алла» заняли Аден, изгнав оттуда

президента Хади, признанного Эр-Риядом и Вашингтоном. В ответ Саудовская Аравия сформировала «Аравийскую коалицию» и при поддержке армий ОАЭ, Катара, Бахрейна, Кувейта, подразделений других стран арабского мира, а также наёмников, начала интервенцию в Йемене, боясь превращения этой страны в иранский плацдарм. На начало 2016 года коалиция завязла в Йемене, терпя значительные потери, но так и не приступив к штурму столицы — Саны. Зейдиты и Салех отошли на север. Значительная часть юга была захвачена местными племенами, «Аль-Каидой на Аравийском полуострове» (АКАП) и другими исламистскими структурами.

Страна как единое целое перестала существовать — с высокой вероятностью её официального раздела на Северный и Южный Йемен по прежним границам. Этот сценарий облегчало то, что, как и в других странах арабского мира, политические партии Йемена сформированы на базе племён, религиозных объединений и группировок авторитарных лидеров. Правительство и в лучшие времена не контролировало племена и исламистских радикалов. Прекращение существования Йемена как единого государства не оформлено политически и юридически, но является фактом. Единство оппозиции — «Лики Муштарака» держалось на противостоянии Всеобщему народному конгрессу Салеха, однако общность интересов исламистского Йеменского объединения реформ — «Ислах» и марксистов из Йеменской социалистической партии была исчерпана формальным свержением режима.

Ливийская монархия завершила свою историю 1 сентября 1969 года, когда король Идрис I был свергнут капитаном Муаммаром Каддафи. Лидер револю-

ции полковник Каддафи (отметим скромность вождя ливийского народа, который, получив неограниченную власть, не стал присваивать себе генеральские погоны или маршальский жезл) до августа 2011-го продолжал править страной, противостоя авиации и флоту НАТО, поддержавшим антиправительственный мятеж племён Киренаики с центром в городе Бенгази, однако потерпел поражение и был зверски убит. Ливия как единое государство перестала существовать.

Ситуация в Ливии на начало 2016 года внушает не больше оптимизма, чем будущее Ирака, Афганистана, Йемена или Сомали. Противостояние племён приобрело необратимый характер, перейдя в гражданскую войну. Склады с оружием и национальные ценности расхищены. Формирование территориальных племенных союзов, контролирующих нефтеносные районы, трубопроводы и терминалы на средиземноморском побережье, закрепило расчленение страны. Запад оказался не в состоянии контролировать Ливию после свержения Каддафи, что продемонстрировало убийство посла США и уничтожение сотрудников американского консульства в Бенгази осенью 2012 года.

Возникновение при поддержке Саудовской Аравии, Катара и Турции противоборствующих альянсов полевых командиров, объединение берберов Триполитании у тунисской границы, закрепление салафитов в Киренаике, где возникли территориальные ячейки «Исламского государства» — слабая основа для функционирования дееспособного правительства. Как уже сказано в Ливии к концу 2015 года было два парламента и правительства: исламистское в Триполи и международно признанное в Тобруке. Переговоры

о создании правительства национального единства, проводившиеся спецпредставителями ООН, к началу 2016 года были объявлены успешно завершёнными, однако на деле страна не объединена. Благо единственный кандидат на роль нового Каддафи, экс-генерал Халифа Хафтар, поддерживаемый ОАЭ, КСА и Египтом, не признаётся Западом.

История Судана, независимость которого была провозглашена в 1956-м году, — это гражданские войны 1955–1972 и 1983–2005 годов, а также референдум о независимости Южного Судана, проведённый в январе 2011 года, по результатам которого впервые в Африке был зафиксирован пересмотр постколониальных границ (в отделившемся Южном Судане, который возглавил Сальва Киир, немедленно началась собственная гражданская война между племенами). Перевороты 1958, 1964, 1965, 1969, 1971, 1985 и 1989-го годов окончились с приходом к власти правящего до настоящего времени Омара Хассана аль-Башира.

Возвышение и падение исламистов и их лидера Хасана Абдаллы Тураби, гостем которого с 1991-го по 1996-й год был Усама бен-Ладен, позволило президенту аль-Баширу манипулировать ими, лавируя между Катаром и Саудовской Аравией, Турцией и Ираном. При этом, хотя из-за трагических событий в Дарфуре, где Хартум поддержал военизированные подразделения кочевников «джанджавид» против оседлых африканских племён, он был обвинён в геноциде Международным уголовным судом (МУС), он избежал ареста и суда, против которого выступили единым фронтом африканские страны и государства БСВ, — что продемонстрировало бессилие в регионе международных организаций, включая ООН.

Распадом Судану к началу 2016 года угрожали этнические конфликты и мятежи в Дарфуре, Кордофане, Беджа и ряде других провинций страны. Опасны для её будущего и внешние конфликты, в первую очередь пограничные споры с соседями: Египтом из-за треугольника Халаиб (с 1902 года), и Республикой Южный Судан из-за нефтеносного района Абъей. Суданская государственность — результат баланса между традиционными лидерами, армией и исламистами, на протяжении нескольких десятилетий держится на системе сдержек и противовесов аль-Башира. Судан на своём примере демонстрирует шаткость границ, проведённых европейскими и международными арбитрами в период деколонизации, и неизбежность распада искусственных образований, формирующих современную карту Африки и БСВ.

Это же демонстрирует и Сомали — независимая с 1960 года страна, период сравнительно стабильного существования которой между путчем 1969-го, в результате которого к власти пришёл генерал Мохаммед Сиад Барре, и его свержением в 1991-м году, включил попытки переворотов, Огаденскую войну с Эфиопией 1977 года и восстания 80-х. За этими событиями последовал распад страны, голод, неудачная западная интервенция 1992–1995 годов, захват столицы и порта Кисмайо Союзом исламских судов в 2006-м и его разгром в результате эфиопской интервенции, окончившейся в 2009-м году после вывода Аддис-Абебой своего воинского контингента (который сменили войска Уганды, Бурунди и Кении, к началу 2016 года полностью контролировавшей юг страны, включая Кисмайо).

Переходное Федеральное правительство при поддержке воинских контингентов Уганды и Бурунди

удерживает под контролем часть столицы — Могадишо. Юг и юго-запад страны, Исламский Эмират Сомали контролируют исламисты «Аш-Шабаб» и «Хизб-уль-Ислами». Север — Республика Сомалиленд. На остальной территории этого распавшегося государства существуют территориально-племенные образования Пунтленд, Рас-Кайсар, Авдалленд, Джубаленд, Азания, Нортленд и Маахир, Гальмудуг и Мудут, Химан и Хеб.

В отдельных районах страны власть принадлежит движению «Ахль-Сунна валь-Джамаа», криминальным кланам и пиратским группировкам. Активность последних была снижена ВМФ различных государств, включая Россию, патрулирующих прилегающие к сомалийскому побережью акватории Красного моря и Индийского океана, а также пролив Баб-эль-Мандеб, но окончательно не пресечена.

Этнически и лингвистически родственные сомалийские племена и кланы, разделив страну, демонстрируют на практике, что означает в Африке и на БСВ понятие трайбализма. Лучше всего ситуацию характеризует сомалийская пословица: «Я и моя страна против всего мира, я и моё племя против моей страны, я и мой клан против моего племени, я и моя семья против моего клана, я и мой брат против моей семьи, я против моего брата». Понятно, о какой демократии, каком государстве и каких «республиканских традициях» в такой стране, как Сомали, может идти речь. Причём ситуация эта типична для Ближнего и Среднего Востока, хотя в случае Сомали и доведена до крайности.

Ещё одна страна, демонстрирующая, до чего может довести слепое копирование на БСВ несвойственных региону форм государственного устройства, —

Афганистан. Свержение в 1973-м году монархии покончило с балансом пуштунской племенной элиты и других национальных групп, населявших страну, который на протяжении всей афганской истории позволял поддерживать внутреннюю стабильность. Перевороты 1973, 1978 и 1979 годов, советская оккупация 1980–1989 годов и гражданская война, в которой правительство Мухаммеда Наджибуллы в 1992-м потерпело поражение, привели к анархии. Доминирование с 1996-го по 2002-й в стране поддерживаемого Пакистаном исламистского «Движения Талибан», союз которого с «Аль-Каидой» Усамы бен-Ладена спровоцировал интервенцию международной коалиции во главе с США, которая открыла новую страницу в истории Афганистана.

Талибы не были разгромлены, сохранили основные силы и имеют все шансы на возвращение к власти после вывода из Афганистана международных сил содействия безопасности в Афганистане (ISAF), созданных в 2001-м году по решению Совета Безопасности ООН. Возвращение это произойдёт тем легче, что Афганистан является исламской республикой, на территории которой помимо государственных судов в соответствии с Боннскими соглашениями 2001 года действует шариат. Единственное, что на январь 2016 года останавливало талибов, которым покровительствует пакистанская «Межведомственная разведка», в установлении контроля над Афганистаном — внутренний раскол в этом движении из-за того, что руководство политического крыла с 2013 года скрывало от руководителей военного крыла факт смерти лидера талибов муллы Омара.

Президент и парламент ИРА избираются, но объём нарушений, подтасовок и фальсификаций на выборах

столь велик, что власть их не слишком легитимна. На ситуацию в стране влияет не двухпалатный парламент — меджлес е-мелли, а традиционное собрание племенных вождей и местных авторитетов — лойя джирга. Если Афганистан, неважно, возглавляет его президент Хамид Карзай или Ашраф Гани Ахмадзай, демократия, как заявляет руководство Госдепартамента США, то это наркодемократия: уникальное в мировой практике государственное устройство, целиком и полностью зависящее от производства и экспорта тяжёлых наркотиков. Страна превратилась в мирового производителя опиатов, в первую очередь героина: на афганских складах находятся 23 мировых объёма потребления этого наркотика. Выращиванием опиумного мака и конопли, производством и экспортом наркотиков занята практически вся афганская элита.

Афганистан не просто на протяжении 15 лет остаётся крупнейшим производителем опийного мака в мире. По оценкам экспертов правительства США в 2014 году там было выращено 211 тысяч гектаров мака и произведено 6,3 тысячи тонн опиума, что на 7% и 15% выше соответствующих показателей за 2013 год. Из них афганские правоохранительные службы смогли конфисковать лишь 23 тонны. В 2015 году урожай мака по стране снизился из-за дефицита воды на её юге и востоке, но вырос на севере, где в список наркопроизводящих регионов добавилась провинция Балх. В приграничных с Туркменистаном и Узбекистаном районах Афганистана прирост площадей посевов мака в 2015-м году составил 154%. Опиума там произвели 72 тонны, против 20 тонн в 2014-м.

Можно констатировать, что уверенность западных специалистов в благотворности всего происходящего

на БСВ в рамках «Арабской весны» для продвижения региона по пути прогресса в либеральном понимании этого слова, резко контрастирует с точкой зрения их оппонентов из региона. Так, египтянин Абу Убейд Абдалла аль-Адм, близкий к руководству «Аль-Каиды», говоря об «Арабской весне», полагает, что революции и ниспровержение режимов — это конец тирании, которая следовала за эрами пророков и Халифатов. По его словам, именно эти революции приблизят провозглашение истинно исламского государства, хотя учреждению его может предшествовать хаос на протяжении полувека, предсказанный теоретиками. Если учитывать неторопливость, проявляемую в борьбе с радикальными исламистами западными странами и их явную неспособность справиться с этим противником, у аль-Адма есть все основания для таких высказываний.

По аль-Адму, «Арабская весна» была послана Аллахом, «поддерживая моджахедов, поскольку народы мусульманских стран должны проснуться, чтобы отклонить всё остальное, кроме исламского шариата». Он утверждает, что «всемирное движение джихада… пожнёт плоды этого народного движения, в котором оно пожертвовало кровью своих участников и провело десятилетия, призывая к этому… «Аль-Каида» проложила путь к этим революциям и пожнёт их плоды…». И ближневосточная действительность пока подтверждает эту точку зрения. По крайней мере эволюция отколовшегося от «Аль-Каиды» в качестве «Исламского государства Ирака и Леванта» в «Исламское государство», захватившего на глазах у мирового сообщества территории Сирии и Ирака, на которых проживает 89 миллионов человек, свидетельствует именно об этом…

Информация к размышлению

Остров Арабов

Втянувшийся в гражданскую войну, частично оккупированный монархиями Персидского залива и их союзниками Йемен играет роль детонатора для всего Аравийского полуострова — Острова арабов, как зовёт его арабская традиция, самой населённой и бедной страной которого является. Отказ экс-президента Али Абдаллы Салеха уйти с политической сцены и вооружённое противостояние верных ему частей и отрядов союзных Салеху хоуситов с его противниками создали все условия для раскола страны. Мирно разрешить конфликт правивший Йеменской Арабской Республикой с 1978-го и объединённым Йеменом с 1990 года Салех не может и не хочет, а победить его и хоуситов к началу 2016 года сформированной Эр-Риядом «Аравийской коалиции» не удалось.

На протяжении трети столетия выходцы из Йемена пополняли состав «Аль-Каиды», но на его территории она так и не стала основной военно-политической силой, за исключением провинции Абьян, откуда осенью 2000 года нанесла удар по американскому эсминцу «Коул», стоявшему на рейде Адена. Главной военной силой в Йемене являются племена — зейдиты Севера и шафииты Юга, ополчения которых имеют на вооружении тяжёлую технику, включая ракеты «земля—земля». Северяне имеют давние счеты с Саудовской Аравией из-за йеменской провинции Ассир, завоёванной ибн-Саудом. Южане — из-за пролоббированного саудитами запрета на участие во властных структурах объединённого Йемена «социалистов» — военно-политической элиты бывшей Народно-Демократической Республики Йемен.

Гражданская война в Йемене представляет опасность для Саудовской Аравии, пограничные провинции которой атакуются и обстреливаются хоуситами в ответ на ковровые бомбардировки Йемена саудовской авиацией и ВВС других членов «Аравийской коалиции». На территории королевства возможны волнения шиитов Восточной Провинции, зейдитов Ассира и исмаилитов Наджрана. То же касается шиитов оккупированного саудовцами Бахрейна. В январе 2016 года в Саудовской Аравии и на Бахрейне шииты вышли на улицы после казни шиитского саудовского лидера Нимра аль-Нимра. Их выступления, как и борьбу шиитов КСА и Бахрейна за свои права, а также сопротивление йеменских хоуситов оккупационным войскам, поддержал Иран. Ещё один сосед Йемена — Султанат Оман, несмотря на то, что сепаратизм в пограничной с Йеменом провинции Дофар с 60-х годов поддерживался с йеменской территории, чувствует себя спокойно, придерживаясь нейтралитета в шиитско-суннитских конфликтах.

Исламисты в Йемене многочисленны и сильны — число прошедших Афганистан и Ирак ветеранов «джихада против крестоносцев» превышает в этой стране 60 тысяч человек. Одна из главных проблем Йемена — нехватка пресной воды, запасы которой истощаются быстрее, чем в прочих странах региона, приближая Сану к статусу первой столицы мира с нулевым водным балансом. На протяжении 30-ти лет эксперты предсказывали приближение первой водной войны в арабском мире между Йеменом с Саудовской Аравией. Сегодня эта ситуация выглядит тем более реальной, что «Арабская весна» снизила до нуля вероятность строительства в Йемене ядерной установки для опреснения морской воды, анонсированного в своё

время США. Появление такого объекта на территории страны, охваченной войной, исключено.

Наличие на территории Йемена крупнейших в арабском мире рынков оружия ещё более дестабилизирует ситуацию. Поголовное употребление жителями страны местного наркотика «кат», напротив, стабилизирует её, снижая протестные настроения. Присутствие в Йемене сомалийской диаспоры, составляющей от 180 тысяч (по официальным данным) до 2-х миллионов человек (статистика на Ближнем и Среднем Востоке весьма условна), осложняет положение дел в этой стране, создавая базу для проникновения на её территорию пиратов, исламистов с Африканского Рога, боевиков сомалийских группировок, торговцев оружием и наркотиками. Не исключена вероятность появления в районе пролива Баб-эль-Мандеб йеменских пиратов вдобавок к сомалийским. Благо личный состав распущенных Салехом военно-морских сил Южного Йемена, как и сомалийского флота, составляющего костяк пиратов, обучался морскому делу в СССР.

Ключом к будущему (или его отсутствию) одного из наиболее значимых государств не только арабского, но и всего исламского мира — Королевства Саудовской Аравии (КСА), является его противостояние с Ираном. Помимо прочего, «цена вопроса» состоит в том, суннитский или шиитский исламский проект будет доминировать в мусульманской умме. Правящий режим держит под жёстким контролем шиитов Восточной провинции КСА, где они составляют большинство населения, и поддерживает их подавление в странах арабского мира, где суннитские режимы и военизированные движения противостоят Ирану и местным шиитским общинам. Попытка шиитов Бахрейна добиться равноправия с суннитами окончилась

военной интервенцией стран Совета Сотрудничества Арабских Государств Персидского Залива (ССАГПЗ), в которой саудовские войска сыграли главную роль.

Консервативная геронтократия королевства стремится ослабить не только союзников и сателлитов Ирана — в первую очередь Сирию, но и все прочие светские режимы БСВ. В таких странах, как Тунис, Ливия и Египет, Эр-Рияд, Доха и Анкара этого добились, хотя плоды свержения местных светских лидеров пожал в первую очередь Катар: к власти в Тунисе и Египте пришли поддерживаемые им «Ан-Нахда» и «Братья-мусульмане», а в Ливии прокатарские и просаудовские группировки вступили в вооружённое противостояние. Ни в одной стране «Арабской весны» салафиты не встали во главе власти, что заставило Эр-Рияд поддержать египетских военных после свержения исламистского правительства.

Египет для Саудовской Аравии стал единственным военным союзником, который способен противостоять Ирану в случае прямого столкновения с ним, вероятность которого резко возросла после разрыва по саудовской инициативе дипломатических отношений между этими странами в январе 2016 года, когда в КСА был казнён видный шиитский проповедник и борец за права шиитов Нимр ан-Нимр. Попытка Саудовской Аравии собрать «Священный союз арабских монархий», как охарактеризовал потенциальный блок Марокко, Иордании и арабских монархий Залива один из ведущих отечественных арабистов Александр Игнатенко, направленная против Ирана, провалилась. Неудачей окончились попытки создания под саудовской эгидой «Панарабских сил» и «Исламской коалиции», формально направленной против захватившего в 2013–2015 годах большую часть суннитских

провинций Ирака и Сирии «Исламского государства».

Правящий режим преследует «заблудшую секту», как именуется «Аль-Каида» на официальном саудовском политическом сленге, когда она выступает против него, однако руководство королевства на протяжении десятилетий оказывает поддержку военизированным подразделениям суннитских экстремистов в Марокко, Алжире, Судане, Сомали, Иордании, Ираке, Сирии, Афганистане, Пакистане, Йемене и неисламских странах, которые рассматриваются террористами как часть «мира меча». Поддерживая антиизраильские, провоцируя антиамериканские и в целом антизападные настроения в исламском мире, Саудовская Аравия одновременно является одним из главных поставщиков нефти и потребителем продукции военно-промышленного комплекса США, хотя её вооружённые силы непропорционально слабы по сравнению с армией и Корпусом стражей исламской революции Ирана и не в состоянии освоить современную военную технику.

В случае прямого столкновения с Тегераном Эр-Рияд до подписания в 2015-м году «ядерной сделки» с Ираном рассчитывал на Запад, однако позже вынужден был начать искать новых союзников. Происламистские настроения президента США Барака Обамы укрепили связь саудовского режима с американской администрацией, несмотря на наличие более чем значительного количества «саудов-скептиков» в ЦРУ и Пентагоне. Вследствие этого американская программа ядерного разоружения «Глобальный ноль» и инициатива создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке были напрямую направлены против Ирана и Израиля, обходя проблему ядерного оружия Па-

кистана, создававшегося при финансовой поддержке Саудовской Аравии.

Заявление одного из самых влиятельных людей королевства, экс-руководителя саудовской разведки принца Турки бин Фейсала аль-Сауда о том, что появление иранской ядерной бомбы станет для Саудовской Аравии сигналом к адекватному ответу, сделанное летом 2011 года, продемонстрировало, что королевство готово к региональной гонке ядерных вооружений, скорее всего, за счёт получения «изделия», обслуживающего персонала и носителей из Пакистана. В 2015-м году КСА приняло участие в финансировании создания Пакистаном тактического ядерного оружия, направленного против Индии, которое легко могло быть перемещено на саудовскую территорию. Характерно, что израильская ядерная программа не вызывала у руководства КСА такой реакции на протяжении более полувека её существования.

Вызвавший широкий резонанс ультиматум упомянутого выше принца Турки, которого эксперты полагают лично ответственным за теракты «9/11» в Америке и «Норд-Ост» в России, президенту Обаме о возможности разрыва партнёрских отношений между королевством и США, если последние применят в ООН вето в отношении признания Палестины государством, продемонстрировал новую тенденцию в региональной геополитике. Потенциальное формирование суннитского альянса, в рамках которого Саудовская Аравия готова противостоять Ирану при поддержке АРЕ и Турции, снижает роль Соединённых Штатов в регионе. В то же время, связь Эр-Рияда с Исламабадом в ядерной сфере может заставить Вашингтон встать в кризисной ситуации на защиту саудовских интересов ради того, чтобы не оказаться заложником разви-

тия событий в регионе с расползающимися ядерными технологиями военного назначения.

Королевство на протяжении всей своей истории являлось опасным соседом для окружающих его стран, хотя в настоящее время Саудовская Аравия урегулировала с соседями большую часть пограничных конфликтов. В то же время КСА, «собранное» ибн-Саудом в ходе войн 20–30-х годов XX-го века после уничтожения Рашидидов в Неджде, вытеснения Хашимитов из Хиджаза, оккупации йеменского Ассира, присоединения исмаилитского Наджрана, шиитской Восточной провинции и других территорий, может распасться под внешним ударом. Волнения на Бахрейне, в Йемене или Восточной провинции КСА могут стать детонатором этого процесса, поставив на грань выживания все монархии Залива. Неизбежным следствием такого развития событий будет осложнение экспорта углеводородов из стран Аравийского полуострова.

Либерализация внутренней жизни, попытки которой предпринимались режимом, на протяжении десятилетий блокировалась консервативным ваххабитским духовенством, влияющим на эту сферу жизни королевства не меньше королевской семьи. Попытки руководства США давать королевскому двору рекомендации в этой сфере и в вопросах прав человека жёстко пресекались саудовскими лидерами, напоминавшими руководству Госдепартамента США о нефтяном бойкоте 70-х годов. Объявление королём осенью 2011 года о предоставлении саудовским женщинам избирательного права (на местных выборах 2015 года 20 женщин прошли в муниципальные органы власти) контрастировало с отказом им в праве вождения автомобилей и демонстрирует противоречивость и непоследовательность реформ.

Верховная власть в королевстве осуществляется сыновьями основателя династии ибн-Сауда, возраст которых лежит в диапазоне от 70-ти до 90 лет. На момент написания настоящей книги королём был (с января 2015 года) 80-летний Салман ибн Абдул-Азиз аль-Сауд — последний из влиятельного клана братьев «семёрка Судейри». Конфликты в правящей семье, в том числе между альянсами наследных принцев и поддерживающими их группами, носят постоянный характер. Нерешённость проблемы передачи власти следующему поколению принцев ослабляет королевство. Скорее всего, её придётся решать непосредственному преемнику короля Салмана, наследником которого в 2015-м году был назначен его племянник, принц Мохаммед ибн-Найеф. Родной сын короля Мохаммед ибн-Салман был назначен «наследником наследника», своего рода «резервным кронпринцем». При этом король делал всё возможное, чтобы после него власть в стране унаследовал его сын, а не племянник.

Наличие в ультраконсервативной исламской стране, жёстко ограничивающей на своей территории права иностранцев и тем более иноверцев, многочисленных иностранных специалистов и рабочих — почти 6 миллионов из 26-миллионного населения, — дополнительно дестабилизирует её. При этом, исходя из опыта конфликтов КСА с Ираном в 80-е годы, не исключено, что волнения, которые могут поставить под вопрос существование Саудовской Аравии, будут приурочены к периоду большого (более двух с половиной миллионов приезжих) хаджа. Жертвы давки, пожаров в тоннелях, обрушения пешеходных мостов и подъёмных кранов, которые в отдельные годы исчисляются тысячами человек, дают для этого все основания. При

этом хадж даёт уникальные возможности саудовским спецслужбам по вербовке агентуры, хотя и позволяет организовать массовую инфильтрацию на территорию королевства антиправительственных элементов под видом паломников.

Экономика КСА завязана на взаимодействии с западными и японскими компаниями, а также Китаем. Политика королевства в Сирии и Афганистане, опирающаяся на использование террористических группировок, включая выходцев из России и центральноазиатских республик, противоречит российским интересам. Попытки изменить российскую политику в Сирии привычными для КСА методами привели к терактам в Волгограде в предолимпийском 2013-м году, ответственность за которые эксперты возложили на тогдашнего руководителя Управления общей разведки КСА принца Бандара бин-Султана, женатого на родной сестре принца Турки.

Реализация российских проектов в королевстве маловероятна. В военно-технической сфере Эр-Рияд ориентируется на страны НАТО, нефтедобыча организуется в основном американскими компаниями, а инфраструктура КСА обустраивается западными и японскими подрядчиками. Российская колония в Саудовской Аравии незначительна — ограничения, обязательные для всех живущих на территории королевства иностранцев, не способствуют их проживанию в этой стране. Существенным фактором российско-саудовских отношений является хадж, участие в котором принимают десятки тысяч российских мусульман — ежегодная квота для России в 2010-х годах составляла более 20 тысяч человек.

Султанат Оман, на территории которого доминирует ислам ибадитского толка, в начале «Арабской

весны» смог обеспечить стабильность исключительно за счет финансовой поддержки, полученной от стран ССАГПЗ. Волнения на его территории, по мнению правящего страной с 1970 года султана Кабуса бин-Саида, инспирированные «агентами влияния», прибывшими в страну из ОАЭ, были погашены. В то же время гражданские войны в Йемене и Сирии и малоудачная интервенция в Йемен, организованная Саудовской Аравией и её союзниками по «Аравийской лиге», не сказались на нейтральном статусе Омана, который воздержался от участия в действиях, направленных против Дамаска и Саны, став, благодаря прочным отношениям с Ираном и отказом от участия в шиито-суннитских конфликтах на чьей-либо стороне, площадкой для мирных переговоров между конфликтующими сторонами.

Опасность для Маската представляет проблема наследования: глава страны стар и не имеет детей. После его ухода не исключён раскол в правящей элите: часть её, в том числе силовики, ориентируется на Иран, другая полагает более важными связи с Западом и соседними арабскими монархиями. Не исключено возрождение сепаратизма в провинции Дофар и движения сторонников восстановления имамата в горных районах. По соседству с Оманом реализуются некоторые из наиболее опасных для него внешнеполитических сценариев: волнения в Саудовской Аравии, война в Йемене и конфликт Ирана с КСА. Последний может включить блокирование Ираном Ормузского пролива, южный берег которого, полуостров Мусандам, — часть Омана. В этом случае потенциал Султаната, как маршрута для транзита углеводородов через терминалы на побережье Индийского океана, может быть использован монархиями Залива, что угрожает вовлече-

нием Омана в конфликт в случае нанесения ударов по его инфраструктуре.

Сильной стороной Омана, контрастирующей с ситуацией в Саудовской Аравии и ОАЭ, является то, что живущие на территории страны иностранцы — 600 тысяч из 3-миллионного населения, преимущественно выходцы из Индии и Пакистана, лояльны режиму. В большинстве своём это представители среднего класса и ветераны оманских силовых структур (гвардия султана состоит из белуджей). При этом оманское гражданство и право владения землёй предоставляется иностранцам в исключительном случае, за особые заслуги. Особую позицию занимают живущие в Омане выходцы из Великобритании, значительное число которых занимает посты в администрации султана, как это было принято ещё в колониальные времена. Безопасность страны гарантирована её сотрудничеством в военно-технической сфере с Великобританией, США и Пакистаном.

Экономический потенциал Омана, традиционно нейтрального и не входящего в ОПЕК или ОАПЕК, значительно недооценён, особенно в туристической отрасли. Высокий уровень развития инфраструктуры, открытость общества, привыкшего к общению с иностранцами, особенно индо-пакистанской торговой прослойки, и выходцев с Занзибара, англизированная элита и квалифицированная рабочая сила позволяют высоко оценить перспективы работы в Омане российских компаний. Основа экономики Султаната — экспорт нефти, меди и продукции рыболовства. Главные партнёры — государства Дальнего Востока, Индия, ОАЭ и страны ЕС. Нормализация отношений Маската и Москвы в 80-е годы была обеспечена отказом от поддержки СССР дофарских сепаратистов.

Объединённые Арабские Эмираты, в состав которых входят Абу-Даби (эмир — президент ОАЭ с 2004 года шейх Халифа ибн Зайд ан-Нахайян), Дубай (эмир — премьер-министр ОАЭ с 2006 года шейх Мохаммед ибн Рашид аль-Мактум), Аджман, Рас эль-Хайма, Умм эль-Кайвайн, Фуджейра и Шарджа — наиболее известная российским предпринимателям и туристам монархия Персидского залива. Эта космополитичная страна — мировой перекрёсток, центр шопинга и туризма, с её диверсифицированной экономикой и ролью одного из главных мировых транспортных узлов (с авиакомпанией «Эмирэйтс» в регионе конкурирует только катарская «Катар Эйруэйс»), поддерживает прочные отношения с Россией, в том числе в военно-технической области, хотя подрядчиками крупных государственных контрактов там традиционно являются компании из Юго-Восточной Азии, Японии, Китая и стран Запада.

Конфликт ОАЭ с Ираном, с 1971-го оккупирующим острова Абу Муса, Малый и Большой Томб, превращает их в следующий после Бахрейна и Саудовской Аравии потенциально проблемный объект для Исламской Республики Иран. Присоединение ОАЭ к санкциям ООН, принятым для ограничения иранской ядерной программы, нанесло серьёзный урон экономике ИРИ, значительная часть финансовых операций и транзита грузов которой осуществлялись через Дубай. По данным Iranian Business Council, в Эмирате Дубай до введения санкций действовало около 1200 иранских компаний и жило более 400 тысяч граждан ИРИ. Ежегодно Иран импортировал через Дубай до 75% ввозимых в страну нефтепродуктов. Тем больший эффект оказал на ирано-дубайские экономические отношения процесс снятия санкций, начавшийся

после подписания в 2015-м году «ядерной сделки» с Ираном.

Основу экономики ОАЭ составляют нефтеэкспорт, реэкспорт через зоны свободной торговли, авиационный и морской транзит, а также эксплуатация офисной и жилой недвижимости (широко известны проекты насыпных островов у побережья ОАЭ с расположенными на них элитными жилыми кварталами «Пальма» и «Мир»). Последняя сфера деятельности сильно пострадала от мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008-м году — лишь финансовая поддержка Абу-Даби спасла Дубай, специализирующийся на элитной недвижимости, от дефолта. В то же время потенциальным фактором дестабилизации ситуации в Эмиратах является иностранная рабочая сила, составляющая большинство населения страны, — три с половиной миллиона жителей из 5-ти, без которой развитие ОАЭ теми темпами, которые характерны для этой страны, было бы невозможно.

Армия ОАЭ, как и других стран Залива, оснащена современной техникой, однако в случае большой региональной войны сможет выполнять ограниченные задачи, поддерживая вооружённые силы США, Франции и Великобритании на критических направлениях и предоставляя им национальную инфраструктуру: порты и аэропорты. В ходе волнений на Бахрейне весной 2011 года силовые подразделения ОАЭ приняли участие в их подавлении. ВВС, ВМФ и наземные подразделения Эмиратов приняли участие в действиях «Аравийской коалиции» в Йемене, как союзник Саудовской Аравии, договорившись с Эр-Риядом о разделе Йемена на зоны влияния, но понесли там в 2015-м году значительные потери. В Красноморском бассейне Эмираты опираются на Эритрею и конфликтуют

с Джибути. В Ливии ОАЭ поддерживает вместе с АРЕ генерала Халифу Хафтара в его борьбе с исламистами. На своей территории эмиратские силовики противостоят «Братьям-мусульманам» (в том числе ХАМАС, который использовал территорию ОАЭ для контактов с иранцами).

Характерной особенностью современной оборонной стратегии ОАЭ является формирование на их территории значительной наёмной армии, основой которой стала бывшая частная военная компания «Блэкуотерс» (активно использовалась США в Ираке и Афганистане), включающей авиационное крыло, во главе с её основателем Эриком Принсом. Главная задача наёмников — подавление волнений гастарбайтеров без участия военнослужащих самих Эмиратов. В то же время руководство ОАЭ использовало их в режиме тестирования на Украине (в охране экс-губернатора Днепропетровской области олигарха Игоря Коломойского, который арендовал подразделение из этнических славян) и в боях в Йемене, где наёмники понесли, наряду с военными из ОАЭ, значительные потери в столкновениях с хоуситами (подразделение из этнических колумбийцев).

В отличие от соседей умеренно-ваххабитский Эмират Катар, которым с 1995 года управлял после отстранения от власти своего отца Хамад бин Халифа аль-Тани, а с 2013 года управляет его сын, эмир Тамим бин Хамад бин Халифа аль-Тани, которому власть была передана его отцом добровольно (уникальный случай в арабском мире), поддерживает отношения, в том числе в оборонной сфере, с Западом, в первую очередь с США. На его территории расположена крупнейшая американская военная база в Персидском заливе — «Аль-Удейд». Отношения Катара с соседями по

Заливу и Египтом прохладные из-за громадных внешнеполитических амбиций Эмирата и его поддержки «Братьев-мусульман» (открытой) и «Исламского государства» (в «закрытом режиме»), представляющих значительную опасность для этих стран.

Отношения Катара с Бахрейном, управляемым родственной, но более стеснённой в средствах династией, до недавнего времени осложнял территориальный спор, в конечном счёте разрешённый международным судом в Гааге. Доха, используя в качестве инструмента внешнеполитического влияния телеканал «Аль-Джазира», способствует разжиганию конфликтов в арабском мире, спровоцировав в ходе «Арабской весны» обострение ситуации в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии и ряде других стран региона. Именно Катар, который связывают с Францией и её руководством особые отношения, сыграл ключевую роль в принятии президентом Николя Саркози решения о начале военной операции против Муаммара Каддафи в Ливии. Значительную роль в формировании европейской и американской политики на Ближнем Востоке, особенно в отношении Египта, Ливии и Сирии, сыграл живущий в Катаре духовный лидер «Братьев-мусульман» шейх Юсеф Кардауи — «суннитский Хомейни», поклонник Гитлера и популярный телепроповедник.

Особенностью катарской внешней политики на протяжении длительного времени являлись неформальные связи с Израилем, которые поддерживались после официального разрыва отношений с этой страной после начала в 2000-м году интифады Аль-Аксы (такого же курса придерживались Марокко, Тунис, Оман и ОАЭ). До последнего времени израильские технологии использовались в Катаре, в том числе для защиты военных и инфраструктурных объектов. Си-

туация изменилась в августе 2011 года, после того как достоянием гласности стала схема политического шантажа и давления на Израиль в международных организациях, в том числе ООН, выстроенная Дохой, которую реализовывала администрация ПНА. Выявление поддержки Катаром радикальных палестинских исламистских движений, в том числе ХАМАСа и террористической «интифады ножей» 2015 года усугубило ситуацию, став причиной замораживания израильско-катарских контактов.

Политические амбиции Катара опираются на колоссальные финансовые ресурсы, сконцентрированные в руках руководства страны, контролирующей третий в мире резерв природного газа при скромной территории и незначительном населении, большую часть которого составляют иностранные рабочие. Однако Катар уязвим в любом региональном конфликте, а использование «Аль-Джазиры» против арабских лидеров превратило его эмира в легитимную мишень для регионалов, которые из-за интриг катарских лидеров потеряли власть и состояние. Армия Эмирата хорошо обучена, но малочисленна, и гарантами его безопасности являются США и Франция. При этом Катар входит в состав «Аравийской коалиции» и его ВВС участвуют в бомбёжках Йемена вместе с ВВС КСА, однако за исключением Сирии, где Доха координирует войну против Дамаска с Эр-Риядом и Анкарой (с Турцией Катар заключил стратегический союз, позволяющий говорить об оси Доха-Анкара), катарские интересы прямо противоположны саудовским.

Экономика Катара завязана на экспорт сжиженного природного газа и нефти, а также производство алюминия. Доха является региональным транспортным авиаузлом, а её компания «Катар Эйруэйс» пре-

тендует на лидерство в списке мировых перевозчиков. Главными партнёрами страны являются государства ЕС и США. Основным направлением российско-катарского сотрудничества в России официально считается координация действий на рынке природного газа в рамках Форума стран экспортёров газа (ФСЭГ). На деле проведение странами-газоэкспортёрами скоординированной политики на мировых рынках на начало 2016 года было недостижимо, в первую очередь из-за политики Катара, активно вытесняющего Россию с европейских рынков газа.

Россия и Катар сравнительно быстро разрешили конфликт, возникший после ликвидации на территории Эмирата, считавшейся «нейтральной зоной», в 2004-м году представителя чеченских сепаратистов Зелимхана Яндарбиева. Напряжённость в двусторонних отношениях возникла в 2012-м после начала войны в Сирии, когда Россия и Китай заблокировали в ООН попытку втянуть в конфликт на стороне противников Асада страны НАТО (чего не сделали в Ливии). В качестве ответной реакции в Дохе службой безопасности столичного аэропорта был избит российский посол в Катаре Владимир Титоренко. Апогея противостояние России с Эмиратом достигло осенью 2015 года, когда российские ВКС в Сирии начали уничтожение террористических структур, в том числе находящихся под покровительством Катара.

Королевство Бахрейн, с 1999 года управляемое шейхом Хамадом ибн Иса аль-Халифа, до 2002-го довольствовавшимся титулом эмира, в 2011-м году было охвачено выступлениями шиитов, составляющих более 70% населения, против правящей суннитской династии, сдержав их только благодаря интервенции армейских и полицейских подразделений стран ССАГПЗ.

В операциях на территории островного государства были задействованы контингенты из всех монархий Залива, но решающую роль сыграли военнослужащие Саудовской Аравии и ОАЭ. Базирующийся на Бахрейне 5-й флот США в операциях по подавлению восстания не участвовал. Жёсткая реакция Ирана на события на Бахрейне привела к разрыву отношений Тегерана и Манамы (официально отношения с Ираном были разорваны в январе 2016 года вместе с Саудовской Аравией, Суданом и Кувейтом) и высылке с территории Бахрейна этнических персов, составлявших немалую часть из 240 тысяч местных экспатов, при общей численности населения менее 800 тысяч человек.

Традиционная для ИРИ характеристика Бахрейна как бывшей иранской провинции, отторгнутой от страны англичанами, позволяет предположить возможность конфликта между Ираном и странами ССАГПЗ под предлогом защиты шиитов королевства, дистанцироваться от которого США не смогут. В противном случае они вынуждены будут признать Иран доминирующей силой в регионе, уступив ему позиции ведущей военно-политической силы не только Персидского залива, но и Двуречья — наряду с Турцией, и Афганистана — наряду с Пакистаном. На январь 2016 года королевство фактически контролировалось Саудовской Аравией, которую поддержало в войне в Йемене, послав туда воинский контингент.

Экономика Бахрейна зависит от финансовой помощи Саудовской Аравии. Его значение как базы военно-морского флота США сохраняется, но роль транзитного авиацентра сократилась. Нефтедобыча прекращена в связи с истощением месторождений, а кризис строительной отрасли в странах Залива подорвал рентабельность производства алюминиевого

проката. Существенно для экономики Бахрейна то, что интервенция монархий Залива ухудшила его реноме как офшорного банковского центра исламского мира. В связи с этим перспективы сотрудничества королевства с Россией, лежавшие в финансовой области и сфере авиатранзита, снизились до минимума.

Граничащим с Ираком, Ираном и Саудовской Аравией Эмиратом Кувейт с 2006 года правит шейх Сабах аль-Ахмед аль-Джабер ас-Сабах. Его стратегическое значение как глубоководного порта Персидского залива не меньше, чем роль одного из ведущих поставщиков нефти на мировой рынок, однако в вопросах безопасности эта страна, зажатая между Ираном, Ираком и Саудовской Аравией, вынуждена опираться на США и Великобританию. Авиаудары и теракты против Кувейта со стороны Ирана в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 годов, иракская оккупация 1990–1991 годов, нестабильная ситуация на границах, вызванная гражданской войной в оккупированном международной коалицией Ираке, сделали Эмират чрезвычайно уязвимым.

Ситуацию осложняют выступления бесправных «бидунов» — бедуинов, живущих на территории страны. Иностранцы составляют 1,3 миллиона человек из менее 3-х миллионов её населения. Недавняя история демонстрирует, какую роль они могут сыграть в качестве «пятой колонны»: большинство кувейтских палестинцев в августе 1990 года поддержали оккупацию страны войсками Саддама Хусейна. Сотни тысяч их из-за этого были изгнаны по окончании операции «Буря в пустыне», в рамках которой Ирак был разгромлен войсками международной коалиции, а Кувейт освобождён из стран Залива, в том числе около 300 тысяч с территории Кувейта.

В настоящее время Эмират является крупным транзитным авиационным и морским узлом, а также основной тыловой базой обеспечения действий в Ираке США. После того как кувейтские подразделения приняли участие в подавлении волнений на Бахрейне, Эмират объявил о раскрытии действовавшей на его территории иранской разведывательной сети и депортировал проживавших в Кувейте иранцев. Территориальные проблемы с Ираком, претендовавшим на включение Кувейта в свой состав, должны были окончиться с падением режима Саддама Хусейна, однако строительство порта на острове Бубиян вызвало осложнения в отношениях Кувейта с Багдадом. Его экономика завязана на Индию, страны АТР, ЕС, Саудовскую Аравию и США. Российское участие в кувейтских проектах осложнено высоким уровнем конкуренции со стороны западных корпораций.

Глава 5
Основные тенденции развития

Основными тенденциями развития политической жизни Ближнего и Среднего Востока являются демократизация монархий, милитаризация правящих элит, деградация светской демократии, теократизация демократических институтов и трайбализм. В регионе возникла неподконтрольная властям информационная среда, насыщенная мобильными телефонами и компьютерами, распространёнными в широких кругах населения даже самых патриархальных стран. Как следствие, население, особенно молодёжь, получило информацию об общественной жизни и государственном устройстве мира за пределами региона. Образование и владение иностранными языками сформировали в среднем классе населения БСВ предреволюционную ситуацию: недовольство собственным положением и властями при нежелании последних что-либо менять в сложившемся статус-кво.

Волнения «Арабской весны» вызвали волну перемен даже в самых консервативных монархиях. Введения конституции в Марокко и ограничения королевской власти в Иордании ещё можно было ожидать, но предоставление женщинам избирательного права

в консервативной Саудовской Аравии оказалось сюрпризом для экспертов, который лучше всего характеризует степень напряжённости отношений властной элиты и населения стран с традиционным жизненным укладом. При этом изменения коснулись в первую очередь стран арабского мира, поскольку политическая жизнь Турции, Ирана и Пакистана, не говоря об Израиле и Кипре, достаточно развита, а племенной Афганистан был далёк от наличия в этой стране централизованной власти даже во времена королевского режима.

Создание в арабских монархиях местных и консультативных советов — шуры разного уровня, и борьба местных парламентов там, где они существовали, за расширение полномочий — тенденция не новая. Однако впервые за десятилетия от того, сумеют ли монархи вовремя среагировать на массовые выступления населения, зависит судьба правящих династий. Отметим, что именно волна свержений монархических режимов в конце колониальной эпохи привела к власти в странах, где эти перевороты победили, свергнутых в ходе «Арабской весны» авторитарных диктаторов и военные хунты, установившие там республиканские режимы.

Милитаризация правящих элит БСВ являлась и является отличительной чертой региона, имеющей аналоги в Азии, Африке и Латинской Америке, но получившей наибольшее распространение именно на Ближнем и Среднем Востоке. Местные системы правления предоставляют выходцам из армии и спецслужб значительные привилегии. Исключением не является даже Израиль, для которого активное участие в политической жизни генералов после их ухода с военной службы является нормой, хотя военные переворо-

ты, обычные для стран арабского мира и Пакистана, а в недалеком прошлом и Турции, в Израиле невозможны: армия является частью общества и полностью лояльна ему.

Контроль над армией, МВД и спецслужбами для высшего руководства стран БСВ играет ключевую роль в стабильности режимов. Именно поэтому в большинстве государств региона много конкурирующих между собой разведок и контрразведок, гвардейских и полевых спецслужб. В некоторых из этих стран армия играет вторичную роль по сравнению с МВД, как в Тунисе. В других существуют превышающие её по уровню подготовки, вооружённости, а иногда и численности элитные войска, наподобие Национальной гвардии в Саудовской Аравии или Корпуса стражей исламской революции в Иране.

Обычной практикой является служба в армии на высших постах представителей арабских королевских домов, наиболее показательным примером которой служит опыт Хашимитов в Иордании. Среди военных лидеров Турции самым известным был создатель Турецкой Республики Мустафа Кемаль Ататюрк. В Пакистане сменилась целая череда военных диктаторов, хотя последним выходцем из армейских кругов во главе страны стал Первез Мушарраф. Что касается арабских республик, перевороты «Арабской весны» отнюдь не означали, вопреки иллюзиям западного политического и экспертного сообщества, наступления там демократии современного типа.

В АРЕ влияние армии и главы правящей военной хунты маршала Тантауи на подготовку парламентских и президентских выборов означало, что военные не отдали власть гражданским политическим силам, которых в Египте, за исключением исламистов, практи-

чески не было. Египетская армия просто «подставила» МВД и спецслужбы, ценой свержения Мубарака ликвидировав шансы на получение президентского поста генералом Омаром Сулейманом, имевшим на это до переворота все шансы. Однако в конечном счёте армия во главе с генералом ас-Сиси вернула себе власть, свергнув правительство «Братьев-мусульман», несмотря на все возражения Соединённых Штатов.

События в Ливии, Тунисе, Йемене и Пакистане в ходе политических изменений 2010-х годов демонстрировали ту же тенденцию: перегруппировку элит в верхних эшелонах власти при сохранении роли силовиков, но со сменой ключевых фигур. Иран и Турция являются исключениями из этого правила. В Иране силовики подчинены религиозной власти, которую на момент написания данной книги осуществляет рахбар Хаменеи, со времён исламской революции 1979 года. В Турции премьер-министр Эрдоган поставил их под контроль в сентябре 2010-го. При этом и в Турции, и в Иране руководство силовых ведомств играет существенную роль в управлении страной.

Теократизация демократических институтов — процесс практически неизбежный для региона, в подавляющем большинстве стран которого любая демократия может быть только исламской. Благо ислам не только религия, но и образ жизни верующих мусульман, как христианство — ортодоксальных христиан или иудаизм — верующих евреев. В обществах, где секуляризм не получил распространения или его основы расшатаны, индивидуальное стремление к корням или поиск национальной идеологии неизбежно приводит религию в политику. Следствием этого являются религиозные партии, участие в политике священнослужителей, попытки — иногда удачные — пре-

вратить религию в доминирующий государственный институт, а религиозных иерархов в руководителей государства. Всё остальное зависит от конкретных личностей, уровня патриархальности или светскости общества, степени влиятельности в данной стране того или иного религиозного направления и конкурентности политической среды.

Отметим ещё раз: речь не только о политическом исламе. Влияние греческой православной церкви и пример архиепископа Макариоса как президента Кипра, не говоря уже о ливанской политической системе, целиком построенной на балансе религиозных общин, демонстрируют действенность этих механизмов в ближневосточном христианстве. Это характерно и для иудаизма: в израильском парламенте представлены и арабские исламисты, и еврейские ортодоксы, и умеренно-религиозные партии, имеющие устойчивый электорат.

Согласно специалистам, занимающимся изучением политического пути лидера исламской революции в Иране, аятоллы Хомейни, изучение опыта израильских религиозных партий позволило ему создать стройную систему управления современным религиозным государством на основе принципа «велайяте факих», воплощённую на практике в Исламской Республике Иран.

Иран служит примером того, как политический ислам в демократических системах Ближнего и Среднего Востока необратимо вытесняет из высших эшелонов власти, подчиняет и интегрирует в систему, где играет доминирующую роль, военно-авторитарную и традиционную, племенную и феодальную элиту. При шахе он несколько десятилетий был светским государством в неменьшей мере, чем Турция. Это же демон-

стрируют Пакистан, Турция, Афганистан и арабские страны.

Пакистан, «страна чистых», по мысли его основателя Мухаммеда Али Джинны, должен был стать толерантным обществом, избавленным от индуистского религиозного фанатизма: его парламентская и судебная системы копировали британскую модель. Однако постепенно, а со времен диктатуры генерала Зияуль-Хака ускоренными темпами, ИРП превращалась не просто в исламское, но во всё более радикальное государство. Нетерпимость к религиозным меньшинствам — христианам, шиитам и ахмадийя, включая теракты и погромы, является обычной практикой современного Пакистана.

Исламизация политического руководства государства, его армии и спецслужб, покровительствующих экстремистам и проникающихся их идеологией, позволила исламистам укрепить позиции в центральных районах страны. Борьба с ними президента Мушаррафа, вынужденного для предотвращения потери контроля над столицей бросить армию на штурм исламабадской «Красной мечети», и попытки найти компромисс с исламистами его преемника, президента Али Асефа Зардари, итогом которых стала военная операция в долине Сват, демонстрируют последствия такого развития событий.

Ещё более показательным для сторонников теории о возможности развития на исламском Ближнем и Среднем Востоке светской демократии западного типа является опыт Афганистана. Талибы и представители других радикальных движений и групп не только имеют шансы вернуться к власти после ухода из страны американского воинского контингента, но и не покидали государственные структуры ИРА. Зна-

чительная часть правительства, парламента, администрации и провинциальных губернаторов этой страны занимала руководящие посты, когда Афганистаном руководило движение Талибан. Многие, если не большинство из них, придерживались и придерживаются радикальных воззрений.

Турецкий ислам, победивший светский кемализм после десятилетий борьбы, принято считать модернизированным. Однако его история как доминирующего в стране политического течения, только начавшись, уже потребовала введения, пока осторожного, отдельных положений шариата. Не столь неизбежным, хотя и предсказуемым, был взятый правительством Эрдогана курс на поддержку исламистов в арабском мире: ХАМАСа в Газе, «Братьев-мусульман» в Сирии и «Исламского государства» в Ираке. Политический ислам турецкого типа оказался недостаточно радикальным для египетских «Братьев-мусульман», критиковавших Эрдогана в ходе его визита в эту страну, однако эволюция турецкой политической модели идёт в сторону сочетания имперскости и ислама, и в конечном счёте никто не знает, где остановится этот процесс:

Еще более демократические дивиденды исламистов заметны в арабском мире. В 90-е годы это проявилось в Алжире, спровоцировав там гражданскую войну, и в Судане, президент которого Омар аль-Башир в итоге смог поставить главу местных исламистов Хасана ат-Тураби под свой контроль. В начале нового столетия было продемонстрировано в Ираке, Ливане, Иордании, на палестинских территориях, в Йемене, Тунисе, Ливии, странах Сахеля и в полной мере проявляется в Сирии. При этом для построения суннитского исламского государства в «чистом виде» исламистам приходится подавлять сопротивление пле-

мён, склонных к традиционному исламу, в том числе сторонников религиозных орденов.

Демократические изменения в арабском и в целом исламском мире означают неизбежный приход к власти исламистов, их постепенную радикализацию, ограничение меньшинств и переход к шариату, хотя и не обязательно именно в такой форме, как этого хотела бы «Аль-Каида» или ИГ. Следует констатировать, однако, что секуляризм военно-авторитарного и национал-социалистического типа, распространённый в исламском мире в XX-м веке, исчерпал себя. Политический ислам, в том числе исламофашистского типа, — доминирующая в регионе тенденция, которая, судя по пакистанскому и иранскому опыту, на протяжении длительного периода будет эволюционировать, проходя те же стадии, которые в своё время прошла социалистическая система.

Помимо прочего это означает, что пройдёт не менее трёх поколений до того момента, как квазигосударственные системы, построенные сегодняшними исламистами, пройдут все свойственные им фазы естественного исторического развития, ослабнут и распадутся под воздействием внутренних факторов. Не слишком оптимистичная, но реальная перспектива. Если только, как это принято на Западе современными политологическими школами, не полагать демократию чудодейственной панацеей, исправляющей общественные пороки, а не обычным способом подсчёта голосов, которым она на самом деле является.

Одной из самых характерных черт общественного устройства на БСВ и в Африке является трайбализм. Вопрос, «какого ты роду-племени», в России в основном носит характер риторический или фольклорно-былинный, хотя на Алтае, Камчатке или Се-

верном Кавказе это и не так. В Европе родоплеменной фактор — прошлое времен раннего Средневековья. В США, Латинской Америке или Новой Зеландии об этом имеет смысл говорить только с потомками аборигенов. Однако на Ближнем и Среднем Востоке он означает именно то, что означает. Разумеется, в крупных городах Турции или Ирана вопрос о племенной принадлежности задавать не принято, но в деревенской местности если не племя, то большая семья, а точнее семейный клан (арабская «хумула»), означает много больше, чем гражданство или национальность. Точнее — это и есть национальность, что было характерно для человеческого общества на протяжении большей части его истории.

Род и племя означают систему отношений с окружающими, определяя социальный уровень: в восточных обществах кочевник стоит выше земледельца, а среди кочевников те, кто владеет верблюдами, — выше тех, кто разводит овец и тем более крупный рогатый скот. Благородные «ашрафы» выше простолюдинов, а те — «парий», потомков населения, покорённого в ходе войн. Потомки пророка или аристократических родов выше остальных. Семито-, тюрко- и ираноязычные племена региона чрезвычайно многочисленны. Берберы и арабы, курды и пуштуны — лишь самые крупные из этнических групп, чья родословная должна учитываться и никогда не учитывается дипломатами, политиками, бизнесменами и даже экспертами, по долгу службы обязанными знать такие вещи…

В СССР говорить и писать об этом было не принято. В сегодняшнем политкорректном мире об этом не принято говорить и писать на Западе. Между тем, чтобы понять, что происходит в Афганистане, Ираке, Со-

мали или Судане, почему палестинцы никак не могут и скорее всего так и не смогут создать государство, как будет развиваться гражданская война в Ливии и Сирии, нужно знать, какие именно процессы идут там на племенном и клановом уровне. Простое перечисление племён без понимания того, какие лидеры их возглавляют, в каких отношениях они находятся между собой и какие посты занимают в армейской и государственной иерархии той или иной страны, мало что даёт для ориентации в местных системах власти. Трайбализм, как и кастовая система в Индии, оказался чрезвычайно стойким явлением, адаптирующимся к любым внешним воздействиям.

Информация к размышлению

Двуречье и Левант

Вывод из Ирака в 2011-м году войск США активизировал там гражданскую войну «всех против всех». Курдские военизированные подразделения «пешмерга» завершили захват города Киркук, на монопольное владение которым претендуют иракские курды, и начали зачищать от арабов и туркоманов Мосул, ещё не захваченный ИГ. Суннитские подразделения «сахва», сформированные США для борьбы с «Аль-Каидой», вернулись к антиправительственной деятельности, так как не были, как им обещало американское командование, интегрированы в ряды армии или полиции Ирака. Присутствие в правительстве министров проиранской «Армии Махди» Муктады ас-Садра уравновесило суннито-шиитский блок Айяда Алауи, предоставив Ирану свободу действий в Центральном и Южном Ираке.

Современный Ирак — не столько государство, сколько территория, экономические и политические связи отдельных частей которой между собой слабее, чем с соседями. Его окончательная дезинтеграция окажет негативное воздействие на Иорданию и Саудовскую Аравию. В стране действуют криминальные группировки, специализирующиеся на похищении иностранцев с целью получения за них выкупа. Иракские беженцы и перемещённые лица, число которых составляет более 4-х миллионов человек, осложняют ситуацию в Иордании и Сирии — официального статуса беженцев подавляющее большинство их не получило. Багдад балансирует между Тегераном и Вашингтоном, Анкарой и Эр-Риядом. Иракские вооружённые силы и полиция без поддержки американских войск не могут проводить контртеррористические операции и сдерживать наступление внешнего противника.

Засилье шиитов в силовых подразделениях превратило их в «эскадроны смерти», проводящие зачистку суннитских и христианских районов, вытесняя оттуда постоянных жителей. В ряде регионов, в том числе в Багдаде и других крупных городах, сформировалось разделение районов проживания по этническому и конфессиональному принципу. Давлению подвергаются меньшинства, в первую очередь курды-йезиды, христиане и туркоманы. Полностью вытеснена из страны палестинская община, пользовавшаяся привилегиями при Саддаме Хусейне. Серьёзные проблемы испытывают этнические персы, включая жителей лагерей беженцев, возникших в Ираке после исламской революции 1979 года в Иране.

Ситуация относительного равновесия в Ираке после вывода войск США продержалась недолго. Сунниты потеряли влияние на правительство, и при пре-

мьер-министре Нури аль-Малики страна переориентировалась на Тегеран, поддерживая отношения с Вашингтоном. Попытки подавить восстание суннитов в населённых ими провинциях провалились, не в последнюю очередь из-за того, что суннитские военнослужащие отказывались воевать против единоверцев, а атаки шиитских подразделений вызывали ожесточённое сопротивление суннитов. Этой ситуацией воспользовались исламисты из бывшей «Аль-Каиды в Ираке», ставшей, под руководством экс-полицейского ас-Самарраи, назвавшего себя в память об одном из праведных халифов Абу Бакром аль-Багдади, «Исламским государством Ирака и Леванта», а затем и просто «Исламским государством».

Захватив часть сирийской территории с центром в городе Ракка, в 2014-м году боевики ИГИЛ (их численность на тот период составляла около 58 тысяч человек) перешли в наступление на Ирак при поддержке шейхов суннитских племён, противостоявших правительственным войскам, и баасистов, во главе которых стоял бывший заместитель Саддама Хусейна Иззат Ибрагим ад-Дури. Иракская армия без сопротивления оставила суннитские районы Ирака, включая Мосул, Тикрит и другие крупные городские центры, в которых боевики ИГИЛ (на момент написания настоящей книги — ИГ) захватили склады с оружием и военной техникой на миллиарды долларов и значительные финансовые средства в местных банках.

К осени 2015 года ИГ, объявившая территорию, которой правила, халифатом, контролировала значительную часть долин Тигра и Евфрата, включая основные районы производства хлопка и зерна, нефтепромыслы, заводы по переработке нефти, плотины, электростанции и территорию, на которой жило 89

миллионов человек. Его ежегодные доходы составили миллиарды долларов, что на порядки превышало максимальный доход «Аль-Каиды» ($ 50 миллионов в год), который та получала от стран Залива. Эти суммы складывались из продажи нефти и нефтепродуктов (в основном в Турцию, через Сирию и Иракский Курдистан), хлопка, зерна и муки, археологических артефактов, собранных с населения налогов и платежей за электроэнергию, конфискаций, а также выкупа за заложников и пленников.

При общей численности (с отрядами суннитских племён) в 200 тысяч человек костяк вооружённых подразделений ИГ составляли в Ираке 3040 тысяч джихадистов, в основном наёмников-иностранцев из более чем 80-ти стран. Общее число тех, кто, получив боевой опыт в рядах отрядов ИГ в Сирии и Ираке, вернулся в страны исходного пребывания (включая государства ЕС, США и Канаду, страны ЮВА, Центральной Азии и др.), примерно в 23 раза больше. Именно они на начало 2016 года представляли собой основу террористического подполья в Европе. Учитывая поддержку со стороны Турции и Катара, спецслужбы которых курировали его при поддержке высшего политического руководства, ИГ не испытывало проблем с притоком боевиков, оружия и боеприпасов, финансовыми переводами и транзитом произведённого на территории Ирака в кустарных лабораториях химического оружия в Сирию, где оно использовалось в противостоянии с войсками Асада.

При этом для Саудовской Аравии ИГ, которое, несмотря на многочисленные аффилированные с ним исламистские террористические структуры, действующие за пределами Двуречья (нигерийскую «Боко харам», «Исламское движение Узбекистана» и другие)

как иракско-сирийский суннитский проект на новом уровне, с неосалафитским исламом, заменившим отжившую идеологию партии Баас, представляет опасность именно вследствие связи с Катаром. Благодаря Дохе эта структура вышла на самофинансирование и добилась выдающихся успехов в сфере PR и вербовки боевиков (при использовании технологий «Аль-Джазиры»), а также высокообразованных специалистов (компьютерщиков, нефтяников, etc.).

Характерно, что мировые СМИ уделяли куда больше внимания показательным акциям ИГ, вроде объявления о том, что оно начинает чеканить из драгметаллов собственные деньги (как выяснилось — в Турции), чем средневековым законам на территории, которую оно захватило, включая геноцид меньшинств, обращение в рабство курдов-йезидов, превращение в боевиков и палачей детей и подростков, массовые пытки и казни. Лишь публичные казни заложников-иностранцев стали предметом внимания журналистов. При этом на начало 2016 года с ИГ в Ираке боролась (или имитировала борьбу) коалиция из 65-ти стран во главе с США, причём в её состав входили основные организаторы и спонсоры исламских радикально-террористических движений и группировок: Турция, Катар и Саудовская Аравия.

Основной внешней силой на севере, в Иракском Курдистане, остаётся Турция, войска которой по согласованию с курдским правительством в Эрбиле, а иногда и самостоятельно (что провоцирует конфликт Анкары с Багдадом) действуют в приграничных районах против боевиков Рабочей партии Курдистана. На границе с Ираном против курдских боевиков организации «Пежак» воюет Корпус стражей исламской революции ИРИ, являющийся единственным гаран-

том безопасности Багдада и шиитских религиозных центров Ирака: Самарры, Кербелы и Неджефа, — в условиях наступления ИГ. Активизация «Аль-Каиды», «Исламского государства» и других радикальных террористических группировок в суннитских провинциях Ирака и сепаратистских движений, включая крупнейший город юга Басру, междоусобная борьба шиитских лидеров: премьер-министра Хайдера аль-Абади и его предшественника Нури аль-Малики, коррумпированность правительства и слабость войск и полиции закрепляют раскол страны.

Восстановление экономики Ирака, запасы углеводородов которого представляют интерес для инвесторов, идёт с трудом. Большая часть средств, выделенных на поддержание иракской экономики США и другими членами антисаддамовской коалиции, разворована. Единственный сравнительно стабильный регион страны — Курдистан, большую часть инвестиций в котором осуществляет Турция. Добыча и экспорт нефти и газа осложнены коррумпированностью, бюрократией, отсутствием правительственных гарантий и законодательными противоречиями. Итоги тендеров на разведку, разработку и добычу углеводородов неоднозначны: условия их проведения запутаны, ожидания Багдада завышены, а итоги непрозрачны. При этом российский «ЛУКОЙЛ» работает на шиитском юге Ирака, «Газпром нефть» на курдском севере, а иракское правительство, опасаясь боевиков ИГ, осуществляет крупные закупки российских вооружений и военной техники.

Угроза со стороны «Исламского государства», успехи в борьбе с ним российских ВКС в Сирии и слабая надежда на американскую коалицию заставили официальный Багдад войти в состав координационного

антитеррористического альянса Москвы, Тегерана и Дамаска. Открытие центра этой организации в Багдаде застало врасплох Вашингтон и поставило перед США задачу интенсифицировать военные действия против ИГ, включая копирование в Ираке таких российских операций, успешно реализуемых в Сирии, как захват или уничтожение полевых командиров джихадистов и бомбардировка нефтяной инфраструктуры, приносящей ИГ основные доходы.

Ситуация в Сирии и Ираке, многомиллионные общины беженцев из этих стран и антиправительственные настроения местного населения в Иордании ставят под вопрос будущее правящей в этой стране Хашимитской династии. Влияние исламистского фактора (при том что король не даёт задерживаться на иорданской территории джихадистам, отправляющимся воевать против Асада в Сирию), роль, которую играют в Иордании «Братья-мусульмане» — крупнейшая фракция в парламенте, экономические проблемы страны, нехватка водных ресурсов, поддерживаемый королевой Ранией рост политической активности и ужесточение требований нелояльных к династии палестинцев, составляющих более 60% жителей страны, дестабилизируют королевство.

Решение короля передать право формирования правительства парламенту ограничивает его возможности управления страной. Опасность для будущего страны представляют поддержка иорданских исламистов Саудовской Аравией и конфликт родственников королевы — семьи Ясин с бедуинскими шейхами и лидерами чеченской и черкесской общин. Опорой режима является армия — одна из лучших на Ближнем Востоке. Отношения короля Абдаллы II, управляющего страной с 2000 года, с Западом прочны, хотя от

Израиля он, в отличие от своего отца, короля Хусейна ибн-Талала, дистанцировался, поддерживая с Иерусалимом дипломатические отношения и сотрудничая в борьбе с терроризмом.

Угрозу для иорданской монархии представляет и нестабильность на палестинских территориях, контролируемых Израилем. Не исключена организация в королевстве боевиками «Аль-Каиды» и близких к ней группировок масштабных терактов. Заинтересованность Саудовской Аравии и малых монархий Персидского залива в поддержке иорданской армии в случае войны с Ираном снижает эту возможность: Катар и Саудовская Аравия не могут себе позволить ослабление Иордании. Характерно, что после начала волнений на Бахрейне в ходе «Арабской весны» Иордания закрыла свои границы для граждан Ирана.

Иорданская экономика высокоразвита, промышленность (включая добычу солей Мёртвого моря), инфраструктура, банковская сфера, туризм, образование и медицина созданы по британским стандартам, в стране в достаточном количестве наличествует квалифицированная рабочая сила. Это государство привлекательно для инвесторов, хотя конкуренция на иорданском рынке высока. Отношения российского и иорданского руководства имеют прочную личную основу и сводятся в основном к сотрудничеству в военно-промышленной сфере.

Палестинская национальная администрация (ПНА) с центром в Рамалле коррумпирована, неэффективна, не может ни построить государство, ни прекратить антиизраильский террор, ни завершить конфликт с Израилем и исламистским движением ХАМАС в Газе, хотя ведёт с ним периодически переговоры о «палестинском единстве». ХАМАС, в случае односторон-

него объявления руководством ПНА палестинского государства, может захватить власть на Западном берегу реки Иордан с дальнейшим развитием экспансии в направлении Иордании. До начала в Сирии волнений летом 2011 года это движение опиралось на Дамаск и Тегеран. Альянс распался после того, как лидеры ХАМАСа отказались принять участие в сирийской гражданской войне на стороне Асада, а затем предали его, переориентировавшись на Катар.

Поддержку палестинцев на Западе осуществляют левые и антиглобалисты. До охлаждения отношений с ХАМАСом Иран наладил поставку в Газу оружия и боеприпасов. Сектор стал плацдармом для ракетных и миномётных обстрелов Израиля, ставящих под угрозу более половины территории этой страны, включая ядерный реактор в Димоне и американский радар в Негеве, контролирующий воздушное пространство региона. Обстрелы территории Израиля из сектора Газа и теракты, организованные через Синай (до прихода к власти в Каире военных, закрывших Газу и блокировавших там ХАМАС), вызывали ликвидации Израилем лидеров террористических группировок и перехват направляющихся в Газу судов с оружием. Периодически направляемые в Газу «Флотилии свободы», задача которых — срыв регулярного досмотра грузов, идущих в сектор, останавливаются Израилем, не достигая цели.

Зачистки Газы, регулярно проводимые Израилем из-за масштабных ракетно-миномётных обстрелов его территории палестинскими исламистами: операции «Литой свинец» 2008–2009-го, «Облачный столп» 2012-го и «Нерушимая скала» 2014 года, — не привели ни к свержению власти ХАМАСа в секторе, ни к его окончательному поражению, ни к восстановле-

нию контроля Израиля над сектором и его границей с Египтом — «Филадельфийским коридором». Иерусалим делает всё возможное для того, чтобы не возвращать войска в Газу, однако воздерживается и от уничтожения ХАМАСа, в рамках сложной политической комбинации балансируя между Каиром, Анкарой, Дохой, Эр-Риядом, Рамаллой, европейцами и Вашингтоном. В Израиле, очевидно, полагают, что лучшее решение проблемы Газы — не принимать в отношении неё никаких окончательных решений.

При этом возрастающий уровень вооружённости ХАМАСа и переход к новой тактике противостояния с Израилем (захват заложников, использование тоннелей для проникновения на израильскую территорию, превращение Газы в единый укрепрайон) провоцирует интенсификацию конфликта. В 2014-м году лишь появление у Израиля системы ПВО «Железный купол» спасло его от многочисленных жертв, однако выводы так и не были сделаны. Остаётся ждать, что разрыв отношений Израиля с ПНА в случае объединения ФАТХ и ХАМАСа без признания последним Израиля либо эскалации конфликта с ПНА из-за непрерывных обращений его руководства в ООН с требованием признать Палестину государством в границах 1967 года без выполнения условий мирных договорённостей с Израилем будет означать денонсацию соглашений Осло.

На Западном берегу реки Иордан идёт успешная экономическая интеграция еврейских поселений и палестинских населенных пунктов, однако внешние силы, включая «коспонсоров мирного процесса», игнорируют эту объективную реальность, играя в палестино-израильском конфликте дестабилизирующую роль. Именно их деятельность, направленная на ор-

ганизацию бойкота поселений и произведённой в них продукции привела к росту претензий палестинских лидеров к Израилю, замораживанию его отношений с ПНА и увековечиванию их противостояния. В случае окончательного разрыва палестино-израильских отношений или широкомасштабного регионального конфликта не исключена аннексия Израилем Иудеи и Самарии с одновременной ликвидацией ПНА.

ПНА и ХАМАС полностью зависят от внешней финансовой помощи. Из бюджета ХАМАСа в Газе лишь около 10% — $ 55 миллионов составляют налоги. Точно так же, из 13 млрд шекелей бюджета ПНА 10,5 млрд составляют внешние поступления, в том числе 4,5 млрд из Израиля. Около 15% ПНА дают налоги, большая часть остального покрывается за счет овердрафтов в иорданских банках. Теневая экономика и контрабанда превышают объём легальной экономики ПНА. Эффективные проекты реализуются палестинцами в партнёрстве с израильтянами в обход властей: объём «серых» палестинских инвестиций в израильскую экономику и еврейские поселения составляет от $ 2,5 до $ 5,8 млрд в год.

Палестинская экономика представляет интерес только для фирм, связанных с донорами или местной элитой в качестве подрядчиков проектов, необходимых не для получения прибыли в реальном секторе, но исключительно для отчёта перед спонсорами о том, куда пошли вложенные в развитие ПНА средства, большая часть которых расходуется нецелевым образом (или, говоря попросту, разворовывается). Преимущества палестинских территорий: квалифицированная рабочая сила, христианское паломничество, туристический потенциал и международные связи палестинского руководства, — не имеют шансов на реа-

лизацию вследствие отсутствия стабильности и устойчивых связей с Израилем. Для России экономическое значение Палестины — ноль, хотя паломничество на палестинские территории идёт в рамках посещения российскими туристами и паломниками Израиля, и российские благотворительные и образовательные проекты, в том числе с государственным участием и участием РПЦ, там реализуются.

Сирийская Арабская Республика, главный военно-политический союзник Ирана в арабском мире, как сказано выше, с 2011 года стала одним из главных объектов давления в рамках «Арабской весны». Столкнувшись с массовыми волнениями, охватившими страну, режим попытался подавить их, частично трансформируя политическую систему. Выступления бедуинов на границе с Иорданией и Ираком, исламистов и курдов, составляющих около 10% населения, были поддержаны Западом, Турцией, Саудовской Аравией, Катаром и остальными государствами ССАГПЗ.

В итоге Сирия стала фронтом необъявленной войны между всеми ними и Ираном. Большая часть алавитов (16% населения), составляющих военную элиту, наряду с умеренными суннитами (более 50%), христианами (10%) и лидерами шиитских общин поддерживает президента Башара аль-Асада, правящего страной с 2000 года, опасаясь распада страны, объединённой Францией лишь в 30-х годах XX-го века. Лозунг оппозиции «Христиан в Ливан, алавитов в могилу» говорил о неизбежности этнических чисток в случае её победы.

В результате гражданской войны Сирию покинули миллионы беженцев, её инфраструктура разгромлена, но на начало 2016 года армия Асада при поддержке ВКС России, сил шиитских добровольцев и Ирана

перешла в наступление, и исламистские радикалы, составляющие до 90% «оппозиции» (в числе которых более половины — иностранные джихадисты), потерпели ряд серьёзных поражений. В марте 2016-го армия Сирии взяла Пальмиру и продолжала наступление на позиции ИГ и других исламистских группировок.

Присутствие на территории Сирии к началу войны от 1-го до полутора миллионов иракских беженцев и более 400 тысяч палестинцев стало дополнительным дестабилизирующим фактором. При этом Израиль не вмешался в сирийскую гражданскую войну. Падение Асадов, на протяжении десятилетий бывших противниками Израиля, не в его интересах: анархия и гражданская война на северной границе много хуже известного и предсказуемого врага. Война в Сирии закрыла вопрос о заключении мирного соглашения с Дамаском ценой возвращения ему Голанских высот. Попытка правящего режима в начальный период гражданской войны снизить накал волнений, спровоцировав столкновения палестинцев с Израилем на Голанах, провалилась. «Хизбалла», инициируемая Ираном, не смогла укрепиться на сирийских Голанах и была выбита оттуда израильтянами.

Существенным фактором, ослабившим режим Асада, стала позиция Турции. В конце 2000-х годов Анкара нормализовала отношения с Дамаском, на протяжении десятилетий враждебные из-за присоединения в 1939-м к Турции сирийского Хатая (Александретты) с портом Искандерун, вызвавшего массовый отток на территорию Сирии арабских и армянских беженцев, а также разногласий по распределению вод Евфрата, строительство турецких гидроузлов на верховьях которого снижало его сток в Сирию и Ирак. Военное превосходство Турции и давление премьер-министра

Турции Эрдогана на президента Асада заставили Сирию смириться с турецкой гегемонией в этом вопросе, приняв в качестве компенсации проекта развития Восточной Анатолии безвизовый режим и участие в пограничных гидропроектах.

Геополитические амбиции Эрдогана, включая идею установления контроля над сирийским севером и районами проживания туркоманов, столкновение интересов суннитских монархий Залива с Ираном, конфликт сирийских «Братьев-мусульман», которым Анкара покровительствовала, с правящим режимом и появление в Турции сотен тысяч, а затем и миллионов сирийских беженцев, заставили Анкару сделать выбор в пользу попытки свергнуть Асада и расчленить Сирию. Отдельную роль сыграли экономические соображения: искушение использовать ситуацию для строительства газо- и нефтепровода с Аравийского полуострова на Турцию и далее на Европу, что превращало Анкару в одного из главных распорядителей европейского рынка углеводородов.

Развитие сирийской экономики, сориентированной на рынки Европы и арабских стран, основу которой составляли нефтеэкспорт, сельское хозяйство, промышленность, банки и развитая инфраструктура при значительных перспективах роста туристического сектора, было остановлено войной. Как следствие, Россия — традиционный партнёр Сирии с советских времён — была вынуждена приостановить выполнение ряда проектов в этой стране. События в Сирии поставили под вопрос использование Москвой пункта захода кораблей ВМФ в порту города Тартус и само присутствие России в Восточном Средиземноморье, что потенциально угрожало свободе российского судоходства в черноморских проливах и Суэцком ка-

нале. Упомянутое появление ВКС РФ в Сирии осенью 2015 года успешно разрешило эту проблему, одновременно дав старт уничтожению антироссийских джихадистских группировок за пределами страны.

Ливан на начало 2016 года балансирует на грани гражданской войны. Впрочем, он всегда балансирует на грани войны. Хрупкое равновесие между этноконфессиональными общинами смещается в пользу мусульман, точнее шиитов. Марониты, греки (православные и католики-мелкиты), армяне (католики и приверженцы григорианской церкви), несториане, приверженцы сиро-яковитской церкви, сунниты, шииты и друзы образуют крупнейшие общины страны (общее число общин составляет несколько десятков), вооружённые милиции которых по численности и уровню подготовки сопоставимы с ливанской армией.

Крупнейшей военно-политической силой Ливана является проиранская шиитская «Хизбалла» (в другом написании — «Хизболла» или «Хезбалла»). Христиане, сунниты и друзы расколоты — в том числе из-за отношения к событиям в Сирии: часть поддерживает просаудовские группировки, часть «Хизбаллу». Палестинские военизированные группировки в лагерях беженцев противостоят ливанским силовым структурам, периодически вступая в столкновения между собой. Проиграв в Ливане Ирану и Сирии, Саудовская Аравия смогла вместе с Турцией и Катаром осложнить положение Дамаска настолько, что он не пытается более установить контроль над Бейрутом. При этом оказалось, что именно сирийская оккупация большей части Ливана (и израильская — меньшей) на протяжении десятилетий была гарантом мира в этой стране.

Ливанская экономика, в 90-е годы XX-го века на-

чавшая оправляться от последствий гражданской войны, претерпела колоссальный урон после убийства премьер-министра Рафика Харири и прошедшей летом 2006 года Второй ливанской войны Израиля против «Хизбаллы». В условиях, когда саудовские, европейские и американские инвестиции в Ливан не поступают, его экономическое развитие под вопросом. Оснований для оптимизма в отношении будущего этой страны, несмотря на потенциал, который имеет её сельское хозяйство, промышленность, туризм, инфраструктура и банки, когда-то сделавшие Ливан «ближневосточной Швейцарией», нет. Причём наличие у России прочных отношений почти со всеми ливанскими противоборствующими сторонами неконвертируемо в экономические проекты: риск работы в этой стране чрезвычайно высок…

Отступление второе
Кебаб под Иерихоном

Идея поговорить о будущем палестинской экономики с финансовым советником Арафата казалась плодотворной. Именно этот человек, которому «раис» вроде бы доверял (на самом деле доверие Арафата было предметом столь неопределённым, что утверждать этого не мог никто), контролировал денежные потоки ПНА — Палестинской национальной администрации. Той самой, которую мировые средства массовой информации упорно называли Палестинской национальной автономией, хотя автономией она как раз никакой не была: ни Иордании, ни Египту, ни Израилю её власти не подчинялись.

Арафат был в Организации освобождения Палестины — ООП и ПНА самым главным, и влияние его держалось на интригах, ориентироваться в которых мог только он сам. Поскольку интриги были сложнейшие. Иногда казалось, что он играет одновременно за и против себя самого. Большие деньги он тоже контролировал сам и только сам. Палестинской же политикой мог заниматься кто угодно: десятки группировок и их лидеров ненавидели друг друга больше, чем Израиль, и не могли сплотиться против «раиса».

Министр иностранных дел ООП Махмуд Аббас, представлявший на международной арене «палестинскую рево-

люцию с человеческим лицом», имел доступ к большей части международных контактов, но с точки зрения перехвата власти опасен не был: излишне интеллигентен и оттого не пользовался влиянием среди боевиков. Саиб Арикат, Фарук Каддуми и прочие «старики» ООП могли спорить на заседаниях исполкома до хрипоты, обвиняя друг друга и самого Арафата в чём угодно, но торпедировали любые попытки кого-то из них вырваться вперед. Ревность революционеров друг к другу зашкаливала — они к Израилю относились лучше, чем к старым соратникам по борьбе.

Фейсал аль-Хусейни, Нашашиби и Ханан Ашрауи представляли поколение, не имевшее никаких шансов на захват власти. «Тунисцы» оттеснили на второй план старую палестинскую аристократию, потерявшую хватку в балансировании между израильтянами и иорданской короной. Что с удивительной последовательностью повторялось в любой революции: люди, не имевшие корней и не отягощённые обязательствами перед местными жителями, захватывали власть всегда и в любой стране. Ну а палестинские «силовики» Джибриль Раджуб и Мухаммед Дахлан, с их людьми, натренированными ещё на первой палестинской интифаде конца 80-х, были преданы Арафату, который возвысил их над «нобилями».

На мелкие самостоятельные группы можно было вообще не обращать внимания, используя их против Израиля и сохраняя имидж ПНА как партнёра еврейского государства. Исламистский же ХАМАС был блокирован, изолирован и загнан в угол — его, в сложившемся раскладе сил, можно было просто игнорировать. По крайней мере в период, о котором идёт речь: в 90-е годы. Потом, уже после смерти Арафата, он расцвёл, лавируя между Турцией, Ираном и монархиями Персидского залива, и даже на короткий период в разгар «Арабской весны», когда власть в Египте захватили родственные ему «Братья-мусульмане»,

получил поддержку официального Каира, но это было потом — в 2010-х.

Всё описываемое держалось на деньгах, как держится на деньгах любая революция, любое государство и любое общественное движение — далеко не только террористическое. Арафат, перейдя из обычных террористов в потенциальные государственные деятели, по-прежнему контролировал палестинские деньги, но времени на всё у него не хватало. Зарплату боевикам он любил выдавать лично, а текущими делами занимался его доверенный человек — Мухаммед Рашид, известный как Халед Салам, — среди руководства ООП двойные имена были распространены не меньше, чем у израильских политиков и генералов. И власть у него в руках, как у любого финансиста любого «папы», была большая.

Он знал все банковские пароли и все номера счетов. Он контролировал потоки наличности — – «кэша». Он вкладывал средства Арафата — миллиарды, постепенно складывавшиеся в десятки миллиардов, которые теоретически принадлежали «палестинской революции», а на деле были именно деньгами Арафата — в торговые сети и авиакомпании, системы мобильной связи и другие, куда менее безобидные бизнесы. Он сводил воедино данные о поступавшей от бизнеса прибыли и реинвестировал эту прибыль. И понятно, что он был абсолютно коррумпирован, абсолютно беспринципен, демонстративно аморален и, что не прибавляло ему популярности, являлся, по слухам, этническим курдом. И при всём желании его невозможно было убить.

Технически это, разумеется, никакой сложности не представляло. Пуля в затылок, удавка на шею, незаметный укол — и алямба. Пишите письма Г-ду Б-гу. Но вместе с ним умерла бы информация о том, где находятся палестинские деньги, и эта информация была его пожизненной индульгенцией. Увы, он представлял собой живой ключ от

самого большого в мире палестинского сейфа и прекрасно знал это. Принимая в расчёт импульсивный характер Абу-Аммара, как звали Арафата в ООП, считаясь только с ним и боясь только его, он был неуязвим до тех пор, пока был тем, кем был. Хотя отношений с Большими Парнями палестинской революции он без нужды не портил — мало ли что могли учудить сгоряча эти экспансивные хорошо вооружённые люди.

Друзей у лидера палестинской революции не было, его отношения с женой Сухой были чисто «политическими», соратников своих он тасовал, как карты в колоде, то приближая их, то удаляя, при случае убирая зарвавшихся — в основном чужими руками. Вся его жизнь была одним непрерывным публичным спектаклем, и отношения с Халедом Саламом были особой партией в этом спектакле. В качестве довереннейшего из доверенных он имел беспрепятственный «доступ к телу» раиса, зачастую выступая на заседаниях правительства, как мальчик для битья. Арафат был безгрешен по определению, аки белый голубь. Поэтому, когда с деньгами творилось что-то не то, а творилось это «не то» часто, виноват был его финансовый советник.

Так что именно с ним и только с ним имело, по здравом размышлении, смысл разговаривать обо всём, что было связано с деньгами. В том числе о палестинской экономике, точнее, о её будущем. Повторим, на дворе стояло начало второй половины 90-х годов. Осенью 1999 года Арафат должен был предъявить миру палестинское государство, окончательно согласовав с Израилем все спорные вопросы. По крайней мере, так было записано в соглашениях, которые он подписал, так что времени оставалось немного. Отметим — автор в ту пору ещё воспринимал всерьёз международные договора. Или договоры — как кто привык писать. Молод был автор. Наивен. А может, просто глуп.

Или всё вместе взятое. Но что с него взять: Советский Союз рассыпался только что — откуда было опыту набраться?

Россия не могла помочь Палестине деньгами — приближался дефолт, и деньги самим были нужны. Правда Арафат получил от Москвы пару вертолётов для того, чтобы беспрепятственно перемещаться между сектором Газа и Иерихоном. Как следствие, бывший советский подопечный списал бывшего патрона в расход и поставил на Соединённые Штаты, Норвегию, Японию и других, более перспективных спонсоров. Подозревать его в сентиментальности не приходилось, и избытком благодарности «Яков Моисеевич», как его именовали на дипломатическом жаргоне, не страдал. А оказанная услуга в Палестине стоила ровно столько же, сколько и во всем остальном мире. То есть ничего. Ноль без палочки.

Даже на открытие аэропорта в Газе российских дипломатов — единственных из тех, кто в этот момент находился в городе, не позвали. Однако советы пока выслушивались с благодарностью, квартиры дипломатов были большими, вилла дипломатической миссии в Газе красивой, встречи на официальном уровне проходили часто, и кормили хозяева на этих встречах от души. То ли на всякий случай — впрок. Водилась за Арафатом такая привычка, не рвать отношения до конца ни с кем. Даже поговорка ходила, что в ходе хаджа и стояния на одноимённой горе он в сторону столбов, символизировавших дьявола, бросал на один камень меньше, чем было положено по традиции. Что называется, «во избежание». Вдруг понадобится наладить диалог с дьяволом...

Но, как уже было сказано, времени для того, чтобы к моменту объявления Палестины государством построить её экономику, оставалось немного. По крайней мере именно это предполагали наивные люди, думавшие, что

объявленные и гарантированные «коспонсорами мирного процесса» сроки что-то значат. При этом Палестину создавали в едином порыве и по льготному тарифу. Пожалуй, ни одно государство в мире не рождалось в таких благоприятных условиях. Причём главными инициаторами процесса выступали основные противники ООП, израильтяне, наивно полагавшие, что за это Арафат им будет благодарен и станет вести себя конвенционально. То есть не только сам покончит с терроризмом, но и всем своим костоломам запретит…

Отставной руководитель израильской контрразведки, занимающейся арабами, Шабака, Йоси Гиноссар, отправленный в свое время в отставку за то, что в ходе очередного захвата очередных террористов он лично отправил их «в расход» на месте, отвечал за интимные вопросы отношений с руководством ПНА. Он был деловым партнёром Раджуба по чрезвычайно прибыльному казино в Иерихоне и лично переводил деньги на персональные счета Арафата в банке «Апоалим» — вплоть до второй интифады, в разгар которой скоропостижно скончался. По официальной версии — от рака, а как полагает автор — от того, что слишком много знал. И не о палестинцах, а о том, что связывало их с высшим руководством еврейского государства. То есть не умереть скоропостижно в ситуации, когда надо было срочно подчищать следы неформальных договорённостей, он никак не мог.

Однако это всё было впереди. А пока спонсоры стояли в очереди. Политическая и экономическая поддержка «палестинскому делу» на всех уровнях была гарантирована. Бывших террористов израильские чиновники принимали как будущих партнёров и коллег. Да они для лидеров израильского левого лагеря и были партнёрами и коллегами. Разумеется, в Израиле были пессимисты, были скептики, да и отдельные конкретные тревожные звоночки раздавались,

но кто слушает Кассандру, когда лев вот-вот возляжет с агнцем? Так что вопросы экономики, экологии, рабочих мест, инфраструктуры и прочих материй, столь необходимых образцово-показательному государству, которым должна была стать к юбилейному 2000-му году Палестина, казались актуальными как никогда.

Ближневосточный саммит 1995 года, проходивший в столице Иордании Аммане, обогатил автора почти центнером проектов, большая часть которых так или иначе была связана с будущим палестинского государства. Правда, через несколько дней после его окончания израильский премьер-министр Ицхак Рабин был застрелен. То ли убийцей-одиночкой Игалем Амиром, как гласила официальная версия, то ли участниками заговора спецслужб, использовавшими Амира для прикрытия. Автору последнее кажется куда более похожим на правду. Его собственные контакты с будущим официальным мучеником израильского левого лагеря на иорданском саммите показали, что тот был крайне разочарован происходившим и понимал, что его используют, причём Ясир Арафат и Шимон Перес раздражали его в равной мере.

Рабин вполне созрел для того, чтобы встать на пути безудержных уступок палестинскому руководству, которых требовал его давний соперник и открытый недоброжелатель, глава израильского МИДа Перес, и мог очень сильно осложнить «мирный процесс». Однако Рабин Рабином, а Палестина Палестиной. Покойного оплакали, а выигравший выборы лидер правого лагеря Биньямин Нетаньяху, став премьер-министром, отбиваясь и отмываясь от обвинений в милитаризме со стороны левых, отказался от своих обязательств избирателям в пользу миротворчества, дав Арафату очередной, столь необходимый тому карт-бланш. Время поджимало — сроков объявления палестинского государства никто не отменял.

Опыт десятилетий масштабных строек и прочих экономических проектов, не слишком востребованный в охваченной переменами России, вполне мог пригодиться в реализации проекта создания палестинского государства. Тем более что множество палестинских специалистов получили высшее образование в СССР, а сотни тысяч советских евреев эмигрировали в начале 90-х годов в Израиль. Конфликт израильтян с арабами для них был чем-то из другой жизни. Личной неприязни к ним они не имели, а палестинцы, говорившие по-русски, могли рассчитывать с их стороны на взаимопонимание ничуть не меньшее, чем марокканские евреи или ортодоксы. Теоретически всё выглядело великолепно. Осталось договориться с руководством ПНА и запустить процесс.

Именно этим и предстояло заниматься на встрече, которую с благословения и по рекомендации Махмуда Аббаса организовал с Мухаммедом Рашидом великолепный профессионал, замечательный дипломат и добрый товарищ автора Владимир Рыбаков, который в отечественном МИДе как раз занимался палестинцами. Что до автора, к тому моменту он знал как свои пять пальцев весь еврейский мир, был вхож в российские верхи (или верха... ну, читатель, ты понял) и западную элиту, и по рекомендации МИДа наладил добрые отношения с Аббасом и его семьёй. Он уже основал собственную корпорацию и институт, сохранив оптимизм и веру в человечество, заработал изрядное количество денег и располагал более чем столетним семейным опытом строительства металлургических заводов, военноморских баз и прочих хозяйственных объектов.

Пост председателя Совета директоров Российского еврейского конгресса, в который вошли все отечественные олигархи еврейского происхождения, кроме стоявшего особняком от всех Бориса Березовского, позволял рассчитывать, при достижения договоренности с палестинскими

властями, об участии России в создании палестинской экономики, на связи и ресурсы этой не последней на тот момент в стране организации. В общем, на первый взгляд уравнение решалось элементарно. Как оказалось — только на первый взгляд. Как, впрочем, всегда и бывает. Поскольку нет ничего более сложного, чем простые схемы. В том числе потому, что ни палестинского государства, ни палестинской экономики никто из палестинского начальства строить не собирался. Не для того это всё было...

Говоря о конкретной ситуации, стоит отметить, что встреча, изначально назначенная в Иерихоне, где как раз проходило заседание палестинского правительства, в назначенном месте в назначенное время не состоялась. Сорвалась она по объективным причинам: в дверном проёме, за которым проходило заседание, хорошо виден был Ясир Арафат в неизменном оливковом френче. Раис, как всегда небритый, маленький, с выпученными больше обычного грустными еврейскими глазами, страшно кричал и размахивал пистолетом. Причём размахивал он им под носом потенциального визави, из чего можно было сделать вывод: вовремя тот не освободится.

Свободно владевший арабским дипломат Рыбаков послушал, задал наводящий вопрос сопровождающему и твёрдо сказал: «Поехали, тут надолго». Попытка выяснить, куда именно надо ехать, была излишней по определению. Вокруг было много хорошо вооружённых людей, обстановка в зале накалялась, на улице темнело, и куда бы ни уехал из этого сумасшедшего дома, где на глазах творилась история, лендровер с российскими дипломатическими номерами, хуже быть уже не могло. Хотя, как выяснилось по дороге, вероятность встречи с финансовым советником была всё же больше, чем его шансы получить пулю в лоб. Поскольку вопрос, столь экспрессивно поставленный перед ним руководством, стоял всего-то о 3-х миллионах долла-

ров, которые куда-то делись и к кому надо не дошли. Дело житейское.

Осеннее небо под Иерихоном ночью полно звёзд. Где-то шумели жёсткие листья пальм. Вокруг домика совхозной архитектуры размером со средний российский сарай в Нечерноземье сновали молодые люди. Кто-то из них нанизывал на шампуры кебаб. Начинял мясным фаршем плоские пустотелые лепешки-питы, зажимая их в решетки на длинных ручках. Резал салат табули — мелко, как положено. Расставлял по столам бутыли кока-колы, тоника и минеральной воды — стол был безалкогольный, в соответствии с заветами пророка. Нёс посыпанный кедровыми орешками хумус, политый местным оливковым маслом — настоящим маслом из настоящих оливок, чуть горьковатым, мутным и тёмно-зеленым.

Кто-то тащил стопки тёплых круглых пит из пресного теста. Занимался углями, стоя внутри огромного, построенного кольцом стационарного каменного мангала, размерами напоминавшего Стоунхендж. Рядом, у стены, стояли в пирамиде автоматы. Недалеко, в направлении неширокого Иордана, напоминавшего при дневном свете по цвету и консистенции воды оливковое масло, тявкал шакал. В кустах шуршало. Возможно, это был дикобраз или даман, которым мало что грозило: едят их в копчёном виде преимущественно в Африке. Сказать, что всё это было хорошо, значит ничего не сказать. Это был самый экзотический и самый вкусный кебаб, который автору пришлось есть в жизни.

В стороне стояла машина, точнее минивэн с открытой задней дверцей. Именно в эту дверцу постепенно собиравшиеся гости загружали принесённые с собой сумки. Маленькие сумки. Средние. Большие. Очень большие. Точно с такими же баулами ездили в Турцию и Китай тогдашние челноки. Гостей было не то чтобы много — человек 2030.

Они вели между собой тихими голосами оживлённые разговоры, закусывали, благо молодые люди, колдовавшие над мангалом, подавали на столы порцию за порцией, и выглядели чрезвычайно умиротворённо. Всё это напоминало кавказские застолья, с той разницей, что такой стол на Кавказе без вина, водки, коньяка и сложных тостов выглядел бы странно.

Было ясно, что все эти почтенные люди хорошо знают друг друга. Периодически их подводили знакомиться к гостям из России — известному всей Палестине дипломату и его неизвестному, но уважаемому другу, представляя по именам и тихо комментируя: это наша арматура. Наша мука. Наше электричество. Наша вода. Наш бензин. То есть, как следовало из комментариев, представленные олицетворяли местный бизнес. Именно на них держалась вся палестинская экономика. Подчеркнём ещё раз — все они выглядели вполне благообразно. Нормальные восточные люди, любящие свои семьи, строгие с детьми, балующие внуков и почтительные с родителями.

Многие говорили по-русски — они учились в СССР и приветствовали московских гостей особенно тепло. Один, кудрявый, рыжий, невысокий, с эспаньолкой и абсолютно светлой, усыпанной веснушками кожей, со словами «Брат! Я в Лумумбе учился» заключил автора в объятия. Больше всего он напоминал обыкновенного еврея-ашкеназа, хотя, по уверениям Володи Рыбакова, был стопроцентным арабом и никаких смешанных браков в его роду испокон веков не было. Что было особенно забавно и трогательно напоминало о том, что палестинцы и евреи вообще-то близкие родственники, и потомков «бывших» евреев и самаритян среди палестинского истеблишмента более чем достаточно. Ну и что тут скажешь? «Каин, где брат твой, Авель»?

Благодать продолжалась часа три. Потом приехал хозяин, несколько встрёпанный и взбудораженный, что было бо-

лее чем понятно для человека, у которого только что махали под носом заряженным пистолетом, обещая застрелить. Поскольку приехал он живым и невредимым, на чём-то они, в конечном счете, разошлись. Впрочем, не исключено, что это был спектакль «на публику» и Арафат, прекрасно знавший цену своему финансовому советнику, был с самого начала в курсе того, куда тот девал деньги и почему они не дошли по расписанию. Как не исключено и обратное: после смерти лидера палестинской революции значительная часть его состояния, которое контролировал хозяин домика с мангалом под Иерихоном, испарилась без следа.

Автора и хозяина познакомили — все вежливо отошли, дав уважаемому господину Рашиду поговорить с не менее уважаемыми заморскими гостями. Разговор был краток, но чрезвычайно показателен и многое прояснил. Хозяин выслушал идею и в принципе её одобрил. Он хорошо относился к России. Раис Арафат хорошо относился к России. Вся Палестина хорошо относилась к России. Но все эти истории о рабочих местах, промышленных зонах, экологии и водном балансе, с его точки зрения, не имели никакого отношения к экономике. И он объяснил, почему. «Вот, — сказал он, указав на минивэн, в который последние гости утрамбовывали свои сумки, — это — экономика. Наши бизнесмены приносят эти деньги как знак уважения раису. Они делают это добровольно, и это правильная экономика. Другой не надо».

Возражать было нечего. Минивэн, полный наличности, — хороший аргумент. Обратно в Газу, где автор гостил у четы Рыбаковых, ехали часа три, сначала колеся по ночному серпантину Западного берега, потом пролетая по израильским хайвэям, пройдя недолгий контроль на КПП Эрез и пропылив чуть-чуть по дорогам сектора. Но именно в тот вечер, под Иерихоном, автор чётко понял, что никакого палестинского государства не будет. Большой общак,

собранный на мафиозном сходняке под самый вкусный в мире кебаб, не может быть основой, на которой строят страну. Так её ведь, как выяснилось, никто изначально и не строил. И даже не собирался строить. Так, видимость одна — для лохов. Особенно для тех, у которых достаточно денег, чтобы весь этот цирк на конной тяге содержать.

С тех пор прошло два десятка лет. Арафат ушёл в иной мир, вслед за Рабином. Абу-Мазен — Махмуд Аббас заменил его на посту раиса ПНА. Шимон Перес побывал президентом Израиля и покинул этот пост, хотя казалось, что уйти из политики он может только в вечность. Володя Рыбаков умер от сердечного приступа, нелепо, несправедливо и рано. Да и «Мирный процесс» умер, хотя переговоры о создании Палестины продолжаются год за годом и десятилетие за десятилетием. А что их, собственно, не вести? Тут главное не результат, а процесс. Шоу должно продолжаться — под него поколениями дипломатов и политиков, политтехнологов и журналистов выстроены такие декорации… Не разбирать же их?

Деньги под этот проект выделяются и неуклонно разворовываются — теперь уже не Мухаммедом Рашидом, а другими бюрократами. Территория Палестины разорена и разорвана гражданской войной. ХАМАС и ФАТХ уничтожают друг друга. Израильтяне ушли из Газы, но террористическая война против Израиля идёт, как шла. И понятно, что в конечном счёте старые палестинские террористы и воры обманули старых израильских дураков — политиков и генералов. Но с той поры как автора угостили вкусным палестинским кебабом под Иерихоном, показали, как местные «смотрящие над отраслями» несут откаты «папе», и объяснили суть отношений между ними и палестинским руководством, он больше не занимался палестинской экономикой. Что крайне положительно сказалось на его собственных делах. Всё хлеб.

Часть II
Центры внешнего влияния и международное сотрудничество

Мировое сообщество на протяжении десятилетий действует в регионе в рамках дипломатических, военно-политических и экономических альянсов. Международные программы реализуются в Западной Сахаре, Ливии, Судане, Сомали, Ливане, Ираке, Пакистане и Афганистане, на палестинских территориях и на Кипре. В отношении стран региона широко применяются санкции — национальные и международные. В то же время международная помощь зачастую становится источником роста напряжённости. Анализ причин этого позволяет минимизировать отрицательные последствия вмешательства извне в процессы, идущие в регионе. Каково влияние и какова стратегия на БСВ последней мировой сверхдержавы — США и бывших колониальных империй: Великобритании и Франции? Что делают на БСВ крупные европейские игроки: Германия, Италия и Испания? Как действует в регионе ведущая держава Востока — Китай и такие крупные экономические игроки, как Япония, Южная Корея, Индия и страны Юго-Восточной Азии? Какую роль на БСВ играют международные игроки: ЕС, НАТО и ООН?

Глава 6
Запад: США и Европа

Соотношение сил и сама ситуация с внешними игроками на БСВ динамичны. Возникают и исчезают экономические, политические и военные альянсы с меняющимся составом участников. Выходит на поверхность или временно сглаживается конкуренция внутри военно-политических блоков. Лоббирование местных элит, отражающее их противостояние между собой, втягивает «великие державы» в конфликты, существенные не столько для них самих, сколько для их союзников и сателлитов. Как там в старой американской поговорке насчёт того, что «собакой вертит хвост»? Вот это оно и есть. Только хвостов всё больше…

Появление в регионе новых и возвращение на мировую арену покинувших её первые ряды государств, экономический и военный потенциал которых сопоставим с лидерами, всё чаще нарушает сложившийся баланс сил. Свою роль играют такие межгосударственные альянсы, как ЕС, НАТО или ШОС, не говоря уже об ООН и других международных организациях. Однако при всем значении для региона Японии, Китая, Южной Кореи, России, Индии, стран Юго-Вос-

точной Азии и Латинской Америки, главным из этих игроков является Запад.

Сегодня бывшие метрополии: Великобритания, Франция, Италия и Испания, — действуют в регионе с оглядкой на признанного лидера западного блока — США, экономических гигантов из Азии и Латинской Америки и своих соседей по Евросоюзу. Они вынуждены считаться с региональными игроками, амбиции которых подкреплены финансами, как у стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, или вооружёнными силами, как у Израиля, Ирана, Турции и Пакистана, а у Израиля и Пакистана ещё и ядерным потенциалом. Их национальные интересы поневоле ограничены коллективной ответственностью в рамках НАТО, ЕС и (для Великобритании и Франции) Совета Безопасности ООН.

Общеевропейская политика в немалой степени влияет на политику отдельных стран ЕС, а их деятельность в рамках НАТО зависит от консенсуса между его членами до такой степени, что политика теряет логику, а военная деятельность — управляемость, — что в полной мере продемонстрировала кампания НАТО в Ливии. И всё же, несмотря на всю неразбериху и внутреннюю противоречивость, объединённая Европа, точнее, брюссельские евробюрократы, то идя в фарватере американской политики, то осторожно соперничая с ней, играют в регионе важную роль. Хотя кризис беженцев 2015 года показал, как быстро и в какой мере ближневосточные игроки, точнее Турция, которая этот кризис спровоцировала, могут скрутить Европе руки…

Интересы США глобальны, что отражено в доктрине национальной безопасности этой страны. На БСВ Соединённые Штаты заменили в качестве метропо-

лии нового типа (влияние без ответственности) Великобританию, остающуюся её главным союзником, ревниво относящуюся к ухудшению своего статуса Францию и своего главного соперника — СССР. Опора на рассредоточенные по региону военные базы, входящие в состав Объединённых командований — африканского и центрального, система отношений с вооружёнными силами государств региона, уничтожение или нейтрализация противников, ограничение соперников и конкурентов — стандартные инструменты американской внешней политики.

Предпринятая президентом Джорджем Бушем-младшим в 2000-х годах попытка действовать в регионе без оглядки на мировое сообщество, ведя одновременную войну на нескольких фронтах, привела к перенапряжению американской военно-политической системы. Экономический кризис, провал возглавляемых США коалиций в Афганистане и Ираке, умножение региональных угроз и внутриполитические причины заставили администрацию президента Барака Обамы сменить риторику, но реальная ближневосточная политика Соединённых Штатов изменилась мало.

Объединённое центральное командование (ОЦК) вооружённых сил США отвечает за поддержание американских интересов в регионе, где сосредоточены 46% мировых запасов природного газа, 64% нефти и 34% добываемой сырой нефти. В зоне его ответственности в настоящее время находятся более 160-ти тысяч американских военнослужащих.

Пакистан и Афганистан — одна из главных проблем США в регионе. Спустя полтора десятилетия после начала ими там военных действий противостояние с талибами, «Аль-Каидой» и другими исламистскими группировками проиграно, а борьба с производством

и распространением наркотиков и не начиналась. Силовики Пакистана, на который США рассчитывали как на главного союзника в борьбе с радикалами, полагают Индию главной угрозой и рассчитывают в противостоянии с ней на поддержку экстремистских исламистских группировок, в том числе ведущих в Афганистане активную антиамериканскую деятельность.

Дестабилизируют АфПак и внешние игроки: вечно конкурирующие между собой Катар с его собственными видами на талибов и ставкой на «Исламское государство» и Саудовская Аравия, курирующая «Аль-Каиду», а также Турция с её пантюркизмом и структурами «Братьев-мусульман», у которой в Афганистане свои собственные интересы, распространяющиеся на Центральную Азию, в том числе постсоветскую.

Границы стран региона абсолютно прозрачны, в том числе для террористов и наркоторговцев. Развивающийся ядерный комплекс Пакистана — главная угроза режиму нераспространения. Операции США против террористов на территории ИРП с применением беспилотных летательных аппаратов — БПЛА, пакистанские военные расценивают как агрессию. Вооружённые силы Афганистана не в состоянии действовать без поддержки США, а Пакистана — достаточно сильны, чтобы не допускать вмешательства извне в зону своего контроля. Экономика АфПака без внешней помощи функционировать не может, а правительства и местные власти неэффективны и коррумпированы.

АфПак, однако, не единственная американская проблема на БСВ. Ситуация в Ираке нестабильна и всё более зависит от Ирана. Сам Иран последовательно продвигается к овладению ядерным оружием, успешно сопротивляясь попыткам давления извне,

обходя санкции и расширяя сферу своего влияния. Подписанная с ним международной «Шестёркой» под давлением администрации Обамы «ядерная сделка» дали ему все шансы на превращение в региональную сверхдержаву. Проблемы Йемена, на территории которого идёт гражданская война с участием Саудовской Аравии и оккупированного саудовцами Бахрейна могут при поддержке Ирана распространиться на весь Аравийский полуостров.

Падение режима Мубарака в Египте, которое Вашингтон приветствовал в рамках поддержки демократии, неожиданно для Госдепартамента США привело к усилению исламистов, подавлению христиан и постепенной нормализации отношений Каира и Тегерана. Волнения исламистов в Иордании, экономика которой перенапряжена из-за присутствия на территории страны иракских и сирийских беженцев, угрожают династии. Давление администрации Обамы на Иерусалим по вопросу ограничения строительства в израильских поселениях в попытке форсированного завершения палестино-израильского урегулирования ухудшило отношения Израиля и США, фактически уничтожив возможность продолжения палестино-израильского диалога.

Аравийские монархии финансируют исламских экстремистов по всему миру. Турция демонстрирует избыточную самостоятельность, конфликтуя с Израилем и Кипром, шантажируя ЕС, выйдя на грань военного столкновения с Россией в Сирии и пытаясь втянуть в конфликт НАТО. Исламисты в Ливии усиливаются, а война в Сирии развивается отнюдь не к выгоде Соединённых Штатов. В Индийском океане расширяется деятельность сомалийских пиратов. Отношения с Россией портятся на глазах, блокируя воз-

можность скоординированных действий в Совете Безопасности ООН. После этого нужно было бы сказать «а теперь хорошие новости», но их нет.

Объединённое африканское командование (АФРИКОМ) вооружённых сил США с октября 2008 года контролирует 53 страны: Африку (кроме Египта) и прилегающие острова. Соотношение военных и гражданских чинов в командовании составляет три к одному, причём до четверти должностей занимают представители Госдепартамента, Агентства международного развития, министерств внутренней безопасности, юстиции, финансов, торговли и сельского хозяйства.

Зона ответственности АФРИКОМ разделена Пентагоном на 5 частей, с характерным для военных — не только американских — чувством юмора названных: Север, Юг, Запад, Восток и Центр. Штаб находится за пределами региона, в комфортабельном Штутгарте. На базе США в Джибути, обеспечивающей американское военное присутствие в Северо-Восточной Африке и Аденском заливе, находится штаб Объединённого тактического командования вооружённых сил США в районе Африканского Рога, в зону ответственности которого входят Джибути, Кения, Сейшельские острова, Сомали, Судан, Эритрея и Эфиопия. В «зону интересов» командования входит Йемен.

АФРИКОМ использует базы США Аруба на Малых Антилах, Рота в Испании, Сиганелла в Италии, Суда-Бей в Греции, Рамштайн в Германии и пункт базирования на британском острове Вознесения в Южной Атлантике. В военных миссиях в Африке находится около 1600 военнослужащих и гражданских специалистов. С 2005 года Соединённые Штаты в рамках Транссахарской контртеррористической инициативы

проводят учения «Операция Флинтлок» с армиями государств Магриба и Сахеля — кроме алжирской.

Волнения в арабском мире сместили акценты в обеспечении американских интересов на БСВ. Особую роль играет военно-техническая инфраструктура, которой Пентагон располагает в регионе. На территории арабских государств в настоящее время размещено около 80-ти тысяч военнослужащих США. На 2012-й год группировка в составе 47-ми тысяч человек находилась в Ираке в составе командований Центр (штаб в Багдаде), Север (штаб в районе города Тикрит) и Юг (штаб на военно-воздушной базе в Басре). Она покинула Ирак, итогом чего стало обрушение этой страны и триумф в 2014–2015 годах «Исламского государства» в суннитских провинциях Ирака и соседней Сирии.

Согласно стратегии администрации Обамы американские войска были выведены из Ирака, оставив в стране военных инструкторов. Помимо них в Ираке продолжила действовать введённая в 2004 году система охраны объектов, дипломатов и других граждан США с привлечением частных охранных фирм (или частных военных компаний — ЧВК). Она критикуется всеми иракскими правительствами, возлагающими на ЧВК ответственность за большинство преступлений, совершаемых в стране вооружёнными гражданами США.

Отметим, что, несмотря на несопоставимость потерь, которые в результате интервенции в Ирак понесли Соединённые Штаты и местное население, для США военная кампания в Ираке не обошлась «малой кровью». С 20 марта 2003 года по конец 2011-го потери американцев в Ираке составили около 5-ти тысяч убитых, более 32-х тысяч раненых и один пропавший

без вести. При этом потери иракцев официальная американская статистика занижала и занижает в разы, однако по оценкам экспертов они составляют от нескольких сотен тысяч до миллиона погибших и несколько миллионов беженцев и временно перемещённых лиц.

Военно-воздушные силы США используют для перелётов в зону Персидского залива аэродромы Иордании, по соглашению о доступе американских вооруженных сил на национальные военные объекты. Основные военные базы США в регионе расположены в зоне Персидского залива. Аэродромы в Катаре и ОАЭ, база в Кувейте и штаб 5-го флота военно-морских сил Соединённых Штатов на Бахрейне были рассчитаны на противостояние с Ираном и, несмотря на постепенную нормализацию отношений с ним, ориентируются на возможные конфликты, в которых Америке придётся прикрывать своих региональных союзников из числа аравийских монархий от ИРИ.

США расширяют на территории монархий Персидского залива сеть передовых баз складирования. Так, в Катаре на одной из крупнейших на БСВ спецбаз складированы бронетехника, артиллерия, средства противовоздушной обороны и связи, стрелковое оружие, снаряжение и имущество для бронетанковой бригады, а на базе Эс-Салия расположен передовой командный пункт ОЦК. Американские вооружённые силы используют катарскую военно-воздушную базу Аль-Удейд, где находится командный пункт американских военно-воздушных сил.

На Бахрейне, как сказано выше, дислоцирован штаб 5-го флота ВМС США (основы морских сил ОЦК) и его вспомогательная инфраструктура. В зону ответственности флота входят Персидский залив, Красное

и Аравийское моря. Его оперативные группы базируются на военно-морской базе Манама, там же размещён региональный передовой пункт управления Сил спецопераций армии США.

Военно-воздушная база Шейх Иса, где находится командный пункт военно-воздушных сил США, используется для патрулирования Персидского залива и транзитных перевозок. Для обеспечения действий военной авиации используется бахрейнский центр управления воздушным движением — один из наиболее передовых в регионе. На Бахрейне размещено до 4-х тысяч американских военнослужащих.

В 2002-м году Бахрейну — третьей арабской стране после Египта и Иордании, был предоставлен статус «важного союзника США вне НАТО». В 2004-м было подписано соглашение о свободной торговле США и Бахрейна, в рамках которого Штаты обязались развивать сотрудничество с ним в энергетике, опреснении морской воды, финансовой сфере и закупках алюминиевого проката.

Кувейт является главным пунктом транзита вооружённых сил США на пути в Ирак. Там размещены пункты дислокации сухопутных войск, склады вооружения и военной техники для 3-х бронетанковых бригад, базируется экспедиционное транспортное авиакрыло. Американские войска остались в Эмирате Кувейт после их вывода из Ирака. Штаб ОЦК вооружённых сил США планирует дооборудование полигона Удейри с расширением оперативной ёмкости местных военных баз Кэмп-Бьюринг и Кэмп-Виргиния, рассчитанных на размещение 40 тысяч военнослужащих.

На территории Омана США используют командный пункт военно-воздушных сил, военно-воздушные базы Сиб, Эль-Хасиб, Масира и Марказ-Тамарид —

в том числе для обеспечения полётов разведывательно-ударных БПЛА над Афганистаном и другими странами региона, пункты базирования военно-морских сил в Сиди Лехза, Маскате и Райсуте. Военно-воздушная база Масира и порт Матра используются на постоянной основе, все прочие в чрезвычайном режиме.

В ОАЭ размещены командный пункт военно-воздушных сил и склады флота США. В качестве пункта материально-технического обеспечения ВМС США используют порт Эль-Фуджейра. Военные корабли имеют право захода в порт Абу-Даби. Действует договорённость об аренде Соединёнными Штатами аэродромов Рас-эль-Хайма и Эль-Фуджейра для базирования тактической авиации и стратегических самолётов-разведчиков по плану оперативного развертывания группировки американской военной авиации в регионе.

Военно-воздушная база Эль-Джафра используется США как база самолётов-разведчиков U-2, действующих над Афганистаном, и самолётов-заправщиков, обеспечивающих действия авиации в Афганистане и Ираке. ОАЭ участвовали в действиях коалиции в Афганистане и поддерживают Кабул финансами в рамках программы «Друзья Пакистана». Они стали первой арабской страной, направившей посла в Багдад после 2003 года и подписавшей с США соглашение о сотрудничестве в сфере мирной ядерной энергетики в 2009-м году. На территории Эмиратов действуют более 750-ти американских компаний и постоянно проживает около 30-ти тысяч граждан США. ОАЭ активно инвестируют средства в американскую экономику, однако их капитал не допускается в стратегические отрасли: морские порты, электронику и военно-промышленный комплекс.

По состоянию на 2016-й год Эмираты приобрели в США военную продукцию на общую сумму около $ 31 млрд. Поддерживая санкции против Тегерана, ОАЭ закрыли ряд местных и иностранных фирм, занимавшихся реэкспортом в Иран технологий двойного назначения и контролируемых материалов. Они участвуют в «Диалоге по безопасности в Заливе», целью которого является сдерживание Ирана, и поддержали инициативу США по созданию системы противоракетной обороны в зоне Персидского залива. В то же время торговые отношения с Ираном у Эмиратов (в первую очередь у Дубая) имеют в условиях отмены санкций все шансы на стремительный рост.

Между Саудовской Аравией и США действуют отношения стратегического партнёрства. Соединённые Штаты оказывают королевству помощь в подготовке национальных военных кадров, построили и модернизировали для КСА свыше 100 военных объектов, включая военные городки, военно-воздушные и военно-морские базы. Регулярно проводятся совместные учения саудовских и американских вооружённых сил.

Америка поставляет вооружения и военную технику для саудовских военно-воздушных сил, сил противовоздушной обороны, сухопутных войск и Национальной гвардии. До 85% вооружения саудовских вооруженных сил — американского производства. В Саудовской Аравии находятся свыше 500 американских военных советников и специалистов, работает гражданский технический персонал. При этом уровень освоения военной техники и подготовки саудовских военнослужащих традиционно низок.

Королевство занимает первое место в военном экспорте США в арабские страны. С 2001-го по 2004-й год саудовцы закупили в США продукцию военного

назначения на $ 4,7 млрд, в 2005–2008 годах — на $ 11,2 млрд. В августе 2010 года в Вашингтоне сообщили о предполагаемых военных контрактах с Саудовской Аравией стоимостью более $ 60 млрд в течение 10-ти лет. Как следствие, Соединённые Штаты на протяжении более чем 30-ти лет закрывают глаза на поддержку Управлением общей разведки КСА радикальных исламистов, в том числе атакующих американские объекты по всему миру, включая территорию самих США.

В то же время военно-техническое сотрудничество США с Саудовской Аравией проходит в обстановке острого соперничества с другими поставщиками. Конкурентами американского военно-промышленного комплекса на саудовском рынке вооружений и военной техники являются Турция, Пакистан, Индия, Южная Корея, Китай и особенно Франция. Переговоры по поставкам в Саудовскую Аравию вооружений и военной техники из России ведутся на протяжении всех 2000-х годов, однако реализация достигнутых договорённостей саботируется саудовцами — переговоры с Россией они обуславливают требованиями изменения её политического курса.

В Йемене живет более 60-ти тысяч ветеранов «горячих точек» из числа исламистов, и в случае ввода войск США в страну против них выступит до 100 тысяч боевиков. Вследствие понимания этого руководством Пентагона, ЦРУ и Госдепартамента, военное присутствие США в Йемене до начала гражданской войны было ограничено 100 инструкторами, обучающими местные антитеррористические подразделения, и запуском с территории этой страны американских разведывательно-ударных БПЛА. После свержения президента Салеха и начала войны его преемника

Хади и поддерживающих его саудовцев с племенами хоуситов Соединённые Штаты позиции в Йемене не сохранили.

В Джибути размещён спецназ Соединённых Штатов. На базе Кэмп-Лемонье расположен палаточный городок, аэродром и склады материально-технического снабжения. Из Джибути запускаются разведывательно-ударные БПЛА США, на территории страны проводится обучение войск боевым действиям в пустыне. Это государство-порт на Африканском Роге играет в региональной стратегии США особую роль.

Порт Джибути — база 152-го оперативного соединения участников антитеррористической операции: США, Великобритании, ФРГ, Франции, Испании и других стран, обеспечивающих безопасное судоходство в Персидском заливе, Красном и Аравийском морях. Контингент Соединённых Штатов в Джибути планируется довести до 12-ти тысяч человек. При этом правительство Джибути традиционно сотрудничает не только с союзниками США, но и с таким его конкурентом, как Китай, который также планирует создать на территории этой страны военно-морскую базу.

Действующее правительство Египта сохранило льготы для армии США, в соответствии с которыми по предварительному согласованию с АРЕ американцами могут быть использованы аэродромы Каир (Международный и Западный), Рас-Кусрани, Вади-Кена, Рас-Банас и Эль-Ариш. Корабли 6-го флота США имеют право захода в ряд портов, а при прохождении через Суэцкий канал корабли военно-морских сил США имеют высший приоритет. При всей напряжённости отношений президентов Ас-Сиси и Обамы, вопреки призывам которого египетская армия свергла прави-

тельство исламистов, военные связи между Египтом и Соединёнными Штатами сохранены.

В Марокко США могут использовать в случае возникновения чрезвычайных ситуаций на Ближнем Востоке и в Африке военно-воздушные базы в Кенитре, Сиди-Слимане и Бен-Герире. С 2000 года на территории Марокко проводятся совместные учения «Африканский лев». С ЕС и США королевство поддерживает отношения «особого стратегического партнёрства». В 2004-м году Марокко был предоставлен статус «важного союзника США вне НАТО».

Вашингтон поддержал марокканскую позицию по проблеме Западной Сахары, положительно оценив выдвинутую в 2008-м году инициативу Рабата о предоставлении сахарским провинциям автономии, и выступает за нормализацию марокко-алжирских отношений. Важны для Марокко поставки американской пшеницы, финансовая помощь, военно-техническое сотрудничество и сотрудничество в использовании атомной энергии в мирных целях.

Что касается традиционно подозрительно относящегося к контактам с «империалистами» Алжира, Соединённые Штаты проводят курс на постепенное внедрение в эту страну, сосредотачиваясь на доступе к нефти, природному газу и сотрудничестве в борьбе с терроризмом. Руководство Алжира негативно отнеслось к созданию АФРИКОМ, предпочитая коллективные меры безопасности в рамках Африканского союза.

Важное место в отношениях Алжира и США занимают экономические связи. Американские компании работают в нефтегазовом комплексе АНДР. В 2006-м году Алжир и США подписали протокол о сотрудничестве в области мирного использования атомной энер-

гии и заключили контракт на строительство в порту Скикда одного из крупнейших в мире заводов по производству сжиженного природного газа мощностью 4,4 млн тонн в год.

Следует отметить, что в рамках борьбы с «Аль-Каидой в странах исламского Магриба» на территории Алжира действовал спецназ США, войска АНДР получили спецтехнику и спутниковую информацию, однако Америке не были предоставлены военные базы на территории страны. В то же время, развивая военные связи с США, Алжир реализует программу «обменов и сотрудничества» между флотами. С 2005 года проводит совместные учения военно-морских сил, а корабли военно-морского флота США заходят в алжирские порты. В 2010-м году шли переговоры о возможной поставке АНДР американских вооружений и военной техники.

Взаимодействуя с Пакистаном, в 2002-м году Соединённые Штаты возобновили работу Оборонной консультативной комиссии по обсуждению вопросов сотрудничества между вооружёнными силами США и Исламской Республики Пакистан и диалог по вопросам ядерной безопасности, замороженные после проведения ИРП испытаний ядерного оружия. В 2004-м году Пакистану был предоставлен статус «союзника США вне НАТО».

Стратегия США в Афганистане и Пакистане, принятая Бараком Обамой в 2009-м году, предполагает развитие отношений с Пакистаном и его участие в борьбе с терроризмом. В рамках стратегии США в АфПаке объявлено о создании так называемого «Пакистанского противоповстанческого фонда» величиной $ 2,8 млрд. В 2002–2007 годах США были подписаны соглашения о продаже Пакистану продукции военного

назначения на $ 4,55 млрд. На Стратегическом саммите в октябре 2010 года была одобрена военная помощь ИРП и 27 экономических проектов общей стоимостью $ 7,5 млрд.

Противоречия между США и Турцией по проблемам БСВ растут, хотя и не являются непреодолимыми. Анкара, будучи непостоянным членом Совета Безопасности ООН, не поддержала санкции против Ирана в связи с его ядерной программой и заключила с ИРИ соглашения в энергетической сфере, но согласилась на размещение на турецкой территории элементов американской системы противоракетной обороны. В то же время политика Эрдогана рассматривается Вашингтоном как несбалансированная и опасная.

Не присоединившись к США в Ираке в 2003-м году, Турция воюет с боевиками на территории иракского Курдского автономного района (против отдельных курдских организаций в координации с Ираном). Наладив контакты с ХАМАСом и «Хизбаллой», последовательно ухудшая отношения с Израилем, она является «пятой колонной исламского мира в блоке НАТО». В Сирии формально вступившая в контртеррористическую коалицию во главе с США Турция поддерживает с «Исламским государством» и другими радикальными группировками тесные связи, выступая как их тыл в борьбе за раздел Сирии и свержение президента Асада.

Имперские амбиции Анкары в Африке и на БСВ противоречат интересам Соединённых Штатов. В то же время экономические связи и военно-технические отношения Турции с Америкой последовательно развиваются, она участвует в коалиционных силах в Афганистане и Ливии, военные базы на её территории могут быть использованы США и там хранится амери-

канское ядерное оружие. Барак Обама явно стремится избегать конфликтов с Турцией, полагая её слишком сильным для непосредственного американского давления региональным игроком.

В отношениях с Ираном США, готовясь к столкновению, которое провоцирует конфликт ИРИ и Саудовской Аравии, длительное время предпочитали в качестве инструментов борьбы с иранскими ядерными разработками ужесточение экономических санкций и подрывную деятельность, включая поддержку оппозиции, диверсии, хакерство и другие невоенные меры воздействия. При этом возможности для диалога США с ИРИ, как показал 2015-й год, были открыты всегда. Резкая смена курса в отношении Ирана, проведённая президентом Обамой, была воспринята региональными союзниками США как предательство.

Израиль, на территории которого размещён американский радар, контролирующий воздушное пространство ИРИ, а также склады армии США, запасы вооружений и боеприпасов на которых превышают $ 1,8 млрд является ведущим партнёром США в сфере производства вооружений и военной техники. При этом, вопреки традиционной точке зрения, автоматическая поддержка Штатов во время войны Израилю не гарантирована. Запрет президента Обамы на поставки с упомянутых складов боеприпасов во время военных конфликтов Израиля с движением ХАМАС подтвердил это.

Тем не менее, уровень присутствия в американской экономике и политическом истеблишменте Израиля и его поддержка американскими избирателями уникальны для БСВ. Это даёт Иерусалиму значительную свободу действий. ЦАХАЛ, спецслужбы и военно-промышленный комплекс Израиля интегри-

рованы в общую с США систему. При этом израильская армия не только способна действовать на уровне американской, но по ряду направлений значительно опережает её.

В целом, несмотря на все военно-политические и экономические издержки, Соединённые Штаты остаются для стран Ближнего и Среднего Востока ведущим внешним игроком, гарантом стабильности своих союзников и предметом осторожной конкуренции со стороны противников. Атаковать их напрямую в регионе осмеливаются только экстремисты типа «Аль-Каиды», хотя ослабить пытаются многие, в том числе из числа их собственных партнёров.

Политика европейских государств в отношении БСВ вне рамок ЕС во многом схожа, хотя есть и некоторые исключения. Курс в отношении палестино-израильского «мирного процесса» Чехии (помнящей о собственной истории конца 30-х годов), Германии (имеющей с Израилем особые отношения вследствие ответственности за последствия холокоста) и Италии (при Сильвио Берлускони) отличается от однозначно проарабской позиции Великобритании и Франции, интересы которых лежат в исламском мире. Исключением был их кратковременный союз с Израилем против Египта в 1956-м году.

Именно Британия расколола на враждующие мусульманскую и немусульманскую части бывшие колонии и подмандатные территории — Палестину, Индию и Кипр. Благодаря проводившейся более четверти века европейскими правительствами политике мультикультурализма и традиционному взаимному недоверию спецслужб, Париж и Лондон — место расположения штабов джихадистского подполья и антиизраильского лоббирования. Цена этого для европейских держав —

теракты на их собственной территории, волнения и бунты, примером которых стали события в Великобритании в августе 2011 года.

Неконтролируемый наплыв африканских и ближневосточных мигрантов в государства ЕС, начавшийся после свержения Каддафи и в 2015-м году перешедший в поток, а также проявившаяся в Германии, Швеции и других принявших их странах модель поведения мигрантов как оккупантов и хозяев положения, при неспособности политиков и полиции не только справиться с ситуацией, но даже осознать её, продемонстрировала начало конца единой Европы, выстроившей хрупкую и во многом иллюзорную модель своего существования, не выдерживающую столкновения с действительностью.

Отличия в ближневосточной политике Германии, Франции и Великобритании проявляются по ряду направлений. Британия поддерживает военно-политический союз с США, опираясь на Саудовскую Аравию, Кувейт и ОАЭ. Франция в союзе с Катаром осторожно конкурирует с Америкой, выдвигая собственные политические инициативы, в том числе в Ливане, Сомали, Судане, Ливии и на других направлениях. Германия участвует в миротворческих и гуманитарных миссиях, избегая военных операций и политических союзов с местными силами.

Примером того, к чему приводит конкуренция такого рода, стала инициатива Африканского союза при поддержке США по сворачиванию Смешанной миссии в Дарфуре, выводу Катара из урегулирования, отставке ориентировавшегося на Париж руководства миссии и смене формата переговоров из-за попытки Саркози диктовать АС позицию по Ливии. Впрочем, политика преемника французского президента, Олланда,

в Африке и на Ближнем Востоке оказалась ещё более провальной. Приютившая несколько миллионов выходцев из этих регионов Франция, в первую очередь её столица — Париж, в середине 2010-х стала ареной беспрецедентной по размаху террористической деятельности исламистов, а все её военные миссии в Африке и на БСВ провалились.

В Сомалиленде правительство, ориентирующееся на США, борется с профранцузскими кланами, которые, открыв представительство анклава в Париже, ослабили центральную власть в борьбе с «Аш-Шабаб». Аналогичные процессы идут в Эритрее и Джибути. В Ливии в операции НАТО против Каддафи Франция выступила в качестве лидера, Великобритания заняла активную позицию, США стали главной ударной силой, а ФРГ от участия воздержалась. В вопросе присоединения Турции к Евросоюзу Британия активно выступила за него, Франция против, а ФРГ не одобрила присоединение в сдержанной форме. ЕС открыл внутренний рынок для пакистанских товаров, а Британия и США нет.

Конкуренция Парижа с Берлином в ЕС в попытке вытеснить Германию из Магриба и Леванта, создав «Союз для Средиземноморья», ограничивающий амбиции ФРГ «Восточным партнёрством» и «Северным измерением», привела к подчинению ЕС французской инициативы. Впрочем, Турция и Алжир её раскритиковали, а Ливия (дело было во времена Каддафи, когда она ещё была государством) отвергла. В качестве ответной меры ФРГ обсуждалось создание собственного миротворческого альянса с Турцией и Саудовской Аравией.

В Египте Франция, став в 2010-м году ключевым поставщиком зерна (180 тысяч тонн через компанию

GASC), конкурирует с ФРГ, продвигающей немецкие интересы, помогая Каиру в обустройстве границы с Газой. Париж в АРЕ соперничает с США и Россией в сфере военно-технического сотрудничества. Франция и Британия были сторонниками ужесточения санкций против Ирана, а ФРГ, сворачивая экономическое сотрудничество с Ираном, делала это постепенно. Хотя после подписания «ядерной сделки» всё это — история.

Стоит отметить при этом, что с рынка топлива ИРИ ушли Vitol Group (Нидерланды), Trafigura и Glencore (Швейцария), Reliance Industries (Индия), BP (Великобритания) и Total (Франция). То же в 2010-м сделал Siemens и страховые компании Allianz и Munich Re (ФРГ), но производитель газовых установок Linde и химический концерн Bayer сохранили там свой бизнес. В 2009-м году компании ФРГ экспортировали в ИРИ товары на 3,4 млрд евро, занимая второе место во внешней торговле Ирана. Среди них были Uhde — дочерняя фирма Thyssen, производитель вооружений Fritz Werner Industrie-ausruestungen, Cemag Anlagenbau, E&Z. Платежи шли через Дубай.

Париж в сотрудничестве с Россией пытался вывести переговорный процесс по иранской ядерной программе из тупика, а Лондон столь активно будировал вопросы прав человека в ИРИ, что послу Великобритании С. Гэссу был запрещён въезд в эту страну. Как следствие, в декабре 2010 года Комиссия по национальной безопасности и внешней политике меджлиса одобрила законопроект, требующий разрыва политических, экономических и культурных связей Ирана с Великобританией. В момент, когда пишутся эти строки, Тегеран и Лондон активно их восстанавливают.

Наращивая сотрудничество с Пакистаном, Британия объявила об увеличении объёма двусторонней торговли до $ 4,1 млрд к 2015-му году. Для развития в ИРП образования и здравоохранения этой стране были выделены средства, на которые планировалось построить школы для 4-х миллионов детей, подготовить 90 тысяч преподавателей и издать 6 миллионов учебников. По итогам визита в Пакистан британского премьера Дэвида Кэмерона была отмечена необходимость расширения британо-пакистанских консультаций по обороне и безопасности, полиции и судебной системе, организованной преступности, торговле людьми и наркоконтролю.

Франция в Магрибе опирается на Марокко и (с оговорками) Алжир, а после падения режима Каддафи в Ливии получила там особые преференции (которыми так и не смогла воспользоваться из-за фактического распада этой страны). Как гарант безопасности Марокко Париж поддерживает позицию Рабата по предоставлению Западной Сахаре автономии и блокирует в Совете Безопасности ООН другие проекты разрешения этой проблемы.

Благодаря лоббированию Парижа Марокко в 2008-м году получило расширенный статус в ЕС. Крупнейшим проектом Франции в этой североафриканской стране является контракт на строительство скоростной железной дороги Танжер—Касабланка. Помогая Рабату в подготовке кадров в сфере экономики и развивая с ним сотрудничество в области туризма, Париж одновременно рекомендует ему провести реформу налоговой системы и критикует инвестиционный климат и состояние прав человека (последнее крайне раздражает марокканские власти).

В отличие от Марокко, Алжир в отношениях с Фран-

цией поддерживает дистанцию. Требование выплаты репараций за 1830–1962 годы, когда он был французской колонией, сорвало заключение договора о дружбе, предложенного в 2003-м году Жаком Шираком. Взамен Николя Саркози в 2007-м году подписал с Алжиром «Конвенцию о сотрудничестве» на 10 лет. При Франсуа Олланде уровень отношений двух стран остался на прежнем уровне. Впрочем, как уже было сказано, его африканская и ближневосточная политика была куда менее активной, но не более успешной, чем у его предшественника.

Алжир выразил обеспокоенность включением в Средиземноморский союз Израиля и отказался от урегулирования традиционно напряжённых отношений с Марокко при посредничестве Парижа. Франция, тем не менее, вынужденно обсуждает с АНДР проблему проводившихся в 1960–1966 годах в Сахаре испытаний ядерного (до 40 взрывов), химического и биологического оружия. В 2003-м году между двумя странами было подписано соглашение о координации действий против организованной преступности и терроризма.

В Алжире работает более 250 французских компаний, его годовой товарооборот с Францией — около $ 8 млрд. Франция строит в этой стране трубопроводы, работает в сфере добычи и переработки углеводородов, содействует в освоении космоса, строя центр приёма информации и центр управления полётами спутников. В 2006-м году Алжир урегулировал с Парижем вопросы внешнего долга, а в 2007-м подписал контракты на 5 млрд евро на поставку оборудования для транспортной сети, водоснабжения, энергетики, нефтехимической промышленности.

В 2008-м году Франция подписала документы о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной

энергии с Марокко (декларацию о намерениях) и Алжиром (соглашение о партнёрстве). Базовым проектом в этой сфере для Марокко является будущая АЭС у города Сафи. Соглашение с АНДР предусматривает совместные фундаментальные научные исследования, передачу технологий, подготовку местных кадров, участие в строительстве АЭС и разработку месторождений урана.

Снижение торгового оборота между ФРГ и арабскими странами из-за финансово-экономического кризиса носит ограниченный характер. Его объём составляет около 40 млрд евро. В регионе востребован опыт ФРГ в авто- и железнодорожном планировании и строительстве. Dornier Consulting GmbH ведёт проекты в области транспорта и водного хозяйства в ОАЭ, КСА и Судане. Deutsche Bank UK, Daimler AG, Commerzbank AG, Euler Hermes и другие немецкие компании привлекают ближневосточные банки к работе с Евросоюзом.

Крупнейший арабский инвестор в ФРГ — Кувейт владеет акциями компаний Daimler и GEA. Инвестиции Leoni Bordnetz-Systeme GmbH позволили создать 17 тысяч рабочих мест в Марокко, Тунисе и Египте. Абу-Даби утвердил программу и бюджет сотрудничества с международным агентством по возобновляемым энергиям IRENA, штаб-квартира которого находится в Бонне.

В рамках продвижения демократии на БСВ немецкое Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития поддерживает в регионе сеть независимых СМИ, программы по трудоустройству молодёжи, финансирует малый и средний бизнес. На 2012–2013 годы МИД ФРГ заложил финансирование программы «Партнёрства по трансформации».

Это фактура. А теперь — комментарии к ней. В принципе всё как всегда. Есть отработанная десятилетиями система связей — межгосударственных, клановых, личных. Эти связи приносят деньги — ко взаимной выгоде. Ради того, чтобы система работала, власти предержащие готовы «смазывать колёса», предоставляя значительные суммы на реализацию неприбыльных проектов, вроде продвижения демократии или улучшения инфраструктуры. Львиную долю в них забирает тот же Запад: эксперты, консультанты, производители продвигаемого оборудования, продукции и технологий.

Плюс бесплатная реклама и новые рынки. Выше уровень жизни — больше число потребителей того, что в патриархальном обществе не нужно. Наконец, система связей укрепляется на новом уровне: старая элита не вечна, её когда-нибудь кто-нибудь заменит, и загодя налаженные контакты с представителями молодого социально активного поколения вполне могут быть конвертированы во взаимоотношения с элитой завтрашнего дня. Гарантий здесь никто не даёт, но кто не вкладывает на перспективу и не рискует малым, тот не извлекает прибыли в итоге.

Эффективный способ завязывания контактов такого рода — обучение детей элиты стран БСВ в школах и университетах Запада. Именно там завязываются личные дружеские контакты, формируется будущий корпус британских, американских и французских экспертов, приглашаемых на работу их вчерашними одноклассниками, когда те становятся во главе ближневосточных монархий или диктатур. В итоге вот уже несколько поколений лидеров бывших метрополий и их бывших колоний формируют единый управляющий класс государств БСВ.

Короткие периоды кризисов в отношениях, когда революционные режимы БСВ конфискуют западную собственность и изгоняют иностранцев, неизбежно сменяются пониманием новыми лидерами того, что в изоляции от мировых рынков, инвестиционных потоков и новых технологий они выжить не могут. Это характерно не только для стран Ближнего и Среднего Востока. Россия и Китай, латиноамериканские государства и страны Юго-Восточной Азии пошли той же дорогой, хотя с разной скоростью и разными издержками.

В то же время политические кризисы, одним из которых является «Арабская весна», представляют собой преходящее явление лишь с государственной точки зрения. Они могут оказаться смертельными для среднего бизнеса или даже крупных корпораций, вложения которых в ближневосточные проекты замораживаются, а собственность уничтожается или приводится в негодность. Причём примеры этого дали отнюдь не одни лишь 2000-е годы.

Потери западных компаний в результате конфискации Египтом Суэцкого канала, Саудовской Аравией и другими нефтедобывающими странами компаний типа АРАМКО или французских и британских ферм и плантаций не больше, чем те, которые несут современные европейские инвесторы в результате смены режимов на БСВ и в Африке. Впрочем, сегодня дополнительные убытки Запад несёт вследствие необходимости принимать и обустраивать ближневосточных мигрантов, которая тяжелым грузом ложится на социальную инфраструктуру и безопасность Европы.

В то же время предоставление колониям и подмандатным территориям независимости с точки зрения долгосрочной стратегии принесло бывшим ме-

трополиям немалую выгоду. Сохранив влияние, они избавились от ответственности за будущее стран БСВ. Это подтверждают сомнительные результаты реализации и прямого вмешательства, и «демократизации», которые не дают оснований для оптимизма. Скорее уж, они заставляют говорить о необходимости нового «железного занавеса», на сей раз с БСВ, как единственной альтернативы разрушению исламистами Запада изнутри.

С военно-политической точки зрения современная ситуация на БСВ мало отличается от эпохи Великих географических открытий. Разве что к опорным базам в морских портах добавились аэропорты, железнодорожные узлы и автомобильные магистрали. Военные базы в ключевых точках региона, склады длительного хранения для минимизации перевозок тяжёлого вооружения, минимально достаточные воинские контингенты собственных армий и партнёрские отношения с вооружёнными силами местных режимов — стандартная схема, отличающаяся от колониальных времен только экономией времени, средств и собственных сил.

Дополнительным источником прибыли бывших метрополий служат поставки вооружений и военной техники странам БСВ, позволяя непрерывно обновлять материально-техническую базу собственных вооружённых сил. Своим ВС поставляется техника последнего поколения, в то время как морально устаревшее вооружение продаётся странам БСВ. Отметим, что правящим режимам региона это выгодно, поскольку качество и уровень получаемого ими оружия, военной техники и снаряжения на порядки превышают всё, что они могли бы изготовить сами. Создание же на их территории с использованием местного

персонала ремонтно-технической базы и системы обслуживания военной техники современного типа зачастую ложится в основу их собственной оборонной промышленности.

Точно так же постройка и модернизация складов, командных пунктов, военно-морских и военно-воздушных баз создаёт на их территории дорогостоящую военную инфраструктуру, которая может служить опорой для местных вооруженных сил — в случае достаточной численности и уровня подготовки последних. Схема стандартная и крайне широко распространённая — но применимая далеко не ко всем странам региона.

Для стран региона, у которых их собственные армии слабы, уровень внешних угроз высок, а финансовые ресурсы в избытке, единственная гарантия безопасности — присутствие на их территории иностранных войск. Это в первую очередь касается малых монархий Персидского залива, однако и более крупные государства не отказываются от размещения на своей территории иностранных военных баз для использования их в качестве щита или противовеса потенциальным противникам, на случай возможного военного столкновения с ними.

Именно эту цель преследовал Иран, зондируя возможность размещения российской базы на побережье Персидского залива, и Сирия, приглашая СССР, а затем Россию использовать пункт базирования военно-морского флота в порту города Тартус. Причём Сирия в конечном счёте своего добилась: организованная для функционирования ВКС России осенью 2015 года база ВВС Хмеймим стала, в дополнение к объекту в Тартусе, гарантией самого существования Сирии как государства.

Говоря о присутствии на БСВ Соединённых Штатов, Великобритании, Франции и Германии, не следует забывать о том, что на рынках региона представлена большая часть стран западного сообщества. Все они поддерживают с государствами Ближнего и Среднего Востока дипломатические отношения, покупают энергоносители, продают продукцию собственных корпораций, в том числе вооружение и военную технику, участвуют в инвестиционном финансировании и размещают в своих банках ближневосточные активы, проектируют инфраструктурные проекты и участвуют в их реализации.

Испания и Италия, Швейцария и Австрия, Бельгия и Нидерланды, Швеция и Дания, Норвегия и Португалия, Греция и Ирландия, Канада и Австралия присутствуют на БСВ в гораздо меньших масштабах, чем «великие державы». Их интересы в регионе практически не подкреплены военной силой и уязвимы в случае кризисов. Это в полной мере показал «Датский карикатурный скандал» 2005–2006 годов, спровоцированный исламистами в ответ на карикатуры на ислам и пророка Мухаммеда в газете «Юлланд Пост». Причём Дания была явно выбрана лидерами исламского мира для показательной «порки» как страна, не способная дать адекватный военный ответ погромам посольств и экономическому бойкоту.

К слову: периодически возникающие у западных государств в отношениях с правящими в регионе режимами проблемы могут быть вызваны колониальным наследием, как ливийские (во времена Каддафи) требования репараций от Италии или марокканские претензии к Испании из-за Сеуты и Мелильи, однако повод в принципе может быть любым. Примерами являлись ливийско-швейцарский скандал, связанный

с сыном покойного Каддафи, французско-марокканские трения из-за ликвидации спецслужбами Марокко на территории Франции представителей марокканской оппозиции или проблемы Израиля с Норвегией, Великобританией, Ирландией, Новой Зеландией и Канадой после операций Моссада. Было бы желание, а развязать конфликт не проблема…

Информация к размышлению

Новая Оттоманская империя

Второе десятилетие XXI-го века совпало с взрывом внешнеполитической активности Турции. По всем направлениям, связанным с Ближним и Средним Востоком, Анкара играла заметную, а в некоторых случаях лидирующую роль. Укрепляя существующие и создавая новые альянсы, успешно отстаивая свои экономические интересы, пожертвовав стратегическим союзом с Израилем в обмен на заявку на лидерство в исламском мире, Турция заявила о себе как о реальном претенденте на место одного из «полюсов» в будущем многополярном мире.

Наиболее точно описал происходящее в этой стране Комиссар по расширению Европейского союза Оли Рейн, заметив: «В Турции нарастает противостояние. С одной стороны — радикальные лаицисты, с другой — мусульманские демократы, по сути дела, вставшие на путь реформ исламисты. В мире политики и бизнеса появляется новая прослойка элиты, вышедшая из консервативных областей Анатолии».

Отражением подхода новой турецкой элиты к внешней политике стали слова министра иностранных дел (на момент написания настоящей кни-

ги — премьер-министра) Турции Ахмета Давутоглу, сказавшего в мае 2010 года на заседании Альянса цивилизаций в Рио-де-Жанейро: «Необходимо создать новый мировой порядок... все существующие глобальные институты, такие как ООН, Всемирный банк и тому подобные, сформированные в результате Второй мировой войны, не отвечают сегодняшним реалиям».

Руководство правящей Партии справедливости и развития реализует, используя политическую и экономическую конъюнктуру, сложную комбинацию, итогом которой должно было стать превращение Турции в доминирующую силу региона, лидирующую в суннитском мире, на равных говорящую с ЕС и независимую от Соединённых Штатов. «Должно было», поскольку кризис в отношениях с Россией после того, как турецкие ВВС сбили российский самолёт, а протурецкие боевики убили российского лётчика в Сирии осенью 2016 года, торпедировали внешнюю политику Турции, поставив её на грань военного конфликта с Россией и ударив по турецкой экономике, против которой Москва ввела разорительные санкции.

Теоретические основы превращения Анкары в центр новой Османской империи были сформулированы профессором Давутоглу задолго до его прихода в большую политику в книге «Стратегическая глубина», которая в Турции выдержала около 40 изданий. Эта книга была переведена на греческий, что с учётом истории отношений Греции и Турции выглядит как намёк, но, исходя из присущей автору осторожности, не издана на английском или русском языке. Входившие в правящий триумвират премьер-министр (в настоящий момент президент) Эрдоган и отошедший от большой политики, дистанцировавшись и от Эрдогана, и от Давутоглу, бывший президент Гюль по-

следовательно воплощали, а Эрдоган продолжает воплощать в жизнь теорию Давутоглу.

Турция, политическая система которой завершает трансформацию от светского кемализма к политическому исламу, оказалась одним из главных бенефициаров волнений на БСВ. Она выиграла от ослабления влиятельных региональных игроков. Один из наиболее опасных для неё в недавнем прошлом соседей, Ирак, слаб и расколот. Позиции Ирана на Западе до самого последнего времени были осложнены его противостоянием с мировым сообществом по ядерной проблеме, а в регионе — борьбой с Израилем и Саудовской Аравией.

Израиль сосредоточен на собственной безопасности. Египет пережил расцвет внешнеполитического влияния во времена Насера, Садата и Мубарака и концентрируется на экономических проблемах и борьбе с терроризмом. Саудовская Аравия, продолжающая оставаться источником финансирования и организующим центром суннитских радикалов, нейтрализована противостоянием с Ираном. Инициативы Ливии в Африке более не конкурируют с турецкими, как во времена Каддафи, которого Эрдоган помог разгромить.

Сирия при Хафезе Асаде оспаривала у Турции Александреттский санджак, конфликтовала с ней из-за распределения вод Евфрата, свободно действовала в Ливане и подавляла суннитских исламистов на собственной территории. Однако при Башаре Асаде в этих вопросах она либо приняла турецкую позицию, либо вынуждена была с нею считаться, что разожгло аппетиты Анкары, ставшей, вместе с Катаром и Саудовской Аравией, одним из главных заказчиков и организаторов гражданской войны в Сирии и попытки свержения режима Асада.

Руководство Турции в ходе реализации своих внешнеполитических схем, часто балансирующих на грани откровенного авантюризма, демонстрирует прагматизм, гибкость, готовность к любым тактическим союзам, которыми оно без колебания жертвует в случае необходимости, и пересмотру любых соглашений в момент, когда полагает это целесообразным. Инструментарий турецкой политики включает пантюркизм в Центральной Азии, Закавказье и тюркских регионах России и «мягкий ислам» в экспортном исполнении, в том числе в России и на Украине.

Безвизовый и «особый пограничный» режим с «историческими провинциями» на первом этапе практической реализации идей «неоосманизма» включил Сирию, Ливию, Армению, Болгарию и другие государства, вовлекаемые в орбиту турецкой экономики, перейдя в Сирии и на севере Ирака в прямую интервенцию — в ограниченных Россией в Сирии и США в Ираке масштабах. Экономический кризис, повысив значение турецкого рынка для европейских инвесторов, открыл для Анкары новые возможности в Ираке, Иране и враждебной туркам Греции.

Участие в миротворческих операциях ООН, НАТО и военно-политических коалициях, в том числе в Афганистане и Ливии, позволило ей поддерживать военное сотрудничество с Западом. Оккупируя Северный Кипр, Турция заключает договоры с ЕС и отдельными европейскими странами, ослабляя Францию и усиливая влияние на Германию.

Организованный Эрдоганом в 2015–2016 годах кризис беженцев, когда Турция перебросила при участии международных и местных организованных преступных группировок на греческие острова огромное количество мигрантов, число которых в конечном счё-

те составило миллионы человек, напугав европейских лидеров, продемонстрировал их беспомощность перед давлением такого рода и готовность платить Анкаре любые суммы под мало что стоящие обещания остановить поток беженцев. Первый транш выплат составил $ 3 млрд, но обозначенные канцлеру Германии Ангеле Меркель претензии президента Эрдогана равнялись минимум $ 20 млрд.

Положение нефтяного и газового транзитёра позволяло Турции играть на противоречиях ЕС с Ираном и Россией. Роль посредника в конфликтах на Балканах и в Закавказье обеспечивало влияние в этих регионах. Контроль над истоками Тигра и Евфрата — в Двуречье. Борьба Турции с курдским сепаратизмом объединяла её с Ираном и Сирией. Поддержка ХАМАСа — с Ираном, Сирией и «Братьями-мусульманами». Выступления в защиту сирийских исламистов — с Саудовской Аравией, Катаром, «Братьями-мусульманами» и Западом. Демонстративная критика Израиля — со всем исламским миром. «Особые отношения» с США она сочетала с привилегированным торговым партнёрством с Россией — до того как интересы Анкары и Москвы столкнулись в Сирии.

Турецкая армия — одна из наиболее сильных в регионе и может быть использована за пределами страны. Неоднократные в прошлом военные перевороты в настоящее время почти полностью исключены. Курс на охлаждение отношений с Израилем значительно снизил военно-технический потенциал турецкой армии, но в исламском мире она имеет мало реальных противников.

Сравнимые с ней по численности, профессиональной подготовке и мотивации армия и Корпус стражей исламской революции Ирана слабее вооружены и на-

целены на противостояние с Израилем, монархиями Залива и поддерживающими их США и Великобританией. Армия Пакистана равноценна турецкой по оснащению и подготовке, имеет больший боевой опыт и на её вооружении стоит ядерное оружие, однако ни один сценарий региональных конфликтов не предусматривает столкновения интересов Анкары и Исламабада.

В ходе визита президента Дмитрия Медведева в Турцию в мае 2010 года было подписано 16 соглашений, важнейшим из которых стал документ о строительстве и эксплуатации в 2017–2020 годах атомной электростанции «Аккую», которой должна была управлять проектная компания, на 51% принадлежащая России. Как следствие, Москва получала зарубежный ядерный объект для «Росатома», а Турция — атомный проект стоимостью около $ 20 млрд, в который не должна была вкладывать собственные средства. Однако на начало 2017 года реализация этого проекта стояла под вопросом: развивать на собственные средства экономику вероятного противника, в качестве которого внезапно для Москвы оказалась Анкара, для России не имело никакого смысла.

В июне 2010 года в Стамбуле, на Третьем саммите глав государств и правительств Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, было объявлено о намерении России и Турции увеличить товарооборот в 5 раз (и динамика развития торговых двух стран отношений делала это заявление более чем серьёзным) — до $ 100 млрд. На конец 2011 года Россия была главным внешнеторговым партнёром Турции, а та — 4-м по объёму внешней торговли партнёром России. Однако перспективы двусторонней торговли были подорваны антитурецкими санкциями рубежа

2016–2017 годов — не исключено, на длительный период.

Турция, поддерживающая с Грузией безвизовый режим, чьи позиции в Тбилиси осложняли проблемы лазов и турок-месхетинцев, выступила посредником между Россией и НАТО в ходе российско-грузинского конфликта августа 2008 года — он же «Пятидневная война». Москва, в преддверии введения безвизового режима с Анкарой, поддержала турецкий проект «Черноморская гармония», укрепив перспективы совместной военно-морской группы «БЛЭКСИФОР». Однако в начале 2017 года политика Турции в Закавказье и Причерноморье приобрела отчётливый антироссийский характер.

Турция жёстко контролирует Черноморские проливы. Черноморский флот РФ слабее военно-морского флота Турции, а 600-тысячные турецкие вооружённые силы — 2-я по численности и 3-я по боевой мощи армия НАТО, доминируют в регионе. Столкновение России и Турции может быть решено в пользу Москвы лишь в случае применения ею ядерного оружия, однако количественное и качественное наращивание российской Черноморской группировки, создание Восточносредиземноморской эскадры, закрепление России в Крыму и Сирии и переброска туда ракетного комплекса С-400, а также продемонстрированный в ходе контртеррористической операции в Сирии 2015–2016 годов ракетный потенциал Каспийской флотилии, подводного флота и стратегической авиации дальнего действия усилили позиции России в регионе на порядок.

Турция, являющаяся, как и Россия, членом G-20, в условиях напряжённых отношений с Москвой пытается диверсифицировать источники поставок нефти

и газа. Анкара эксплуатирует нефтепровод Баку—Тбилиси—Джейхан, подписала с Азербайджаном соглашение по газовому проекту «Шах-Дениз 2», открывшему дорогу реализации планов, в рамках которых природный газ Прикаспия и Центральной Азии может экспортироваться в Европу в обход России, и ведёт переговоры с Туркменистаном и Азербайджаном по строительству Транскаспийского газопровода (ТКГ). В то же время переговоры с Россией по расширению поставок по газопроводу «Голубой поток» и строительству «Южного потока» заморожены вследствие сирийского кризиса.

Согласно действующей «Стратегии национальной безопасности», вооружённые силы Турции должны быть готовы к «полутора войнам»: одновременной войне с внешним противником и боевым действиям против сепаратистов внутри страны. Угрозу с турецкой точки зрения представляют: Россия, Болгария как союзник России; Армения, Ирак, Иран и Сирия как исторические региональные противники; страны бывшей Югославии в случае преследования местных мусульман и Греция из-за территориальных споров.

«Нулевые проблемы с соседями», «многовекторность внешней политики», «мягкая мощь», «региональная сверхсила» были элементами продуманной и последовательно реализуемой политики, призванной закрепить за Турцией роль региональной сверхдержавы и ключевого звена в системе энергетических потоков Евразии.

Отношения с Россией и ЕС, США и исламским миром до последнего времени составляли основу турецкой стратегии. Пантюркистские и межцивилизационные проекты, наподобие «Альянса цивилизаций» под эгидой ООН, а также продвижение турецкой версии

ислама были её составной частью. При этом ни одно направление турецкой внешней политики не обходилось и не обходится без проблем.

Текущий кризис в турецко-российских отношениях демонстрирует это лучше всего. Ни совпадение интересов по широкому спектру проблем международной политики, ни российско-турецкое военно-техническое сотрудничество, перспективное для «Рособоронэкспорта», ни личные отношения лидеров двух стран не гарантировали невозможности их столкновения.

Импортируя 98% потребляемых ежегодно 32 млрд кубометров природного газа (три четверти его поступает из России) и 92% из 30 млн тонн нефти, Турция в 2016-м году лихорадочно и малоуспешно пыталась найти замену России в лице Катара, Израиля или стран Прикаспия. ТКГ буксовал из-за негативной позиции России и Ирана, а также противоречий между Азербайджаном и Туркменистаном.

Получение израильского газа Анкара обеспечивала условиями, неприемлемыми для Иерусалима, по разрешению конфликта вокруг убитых израильским морским спецназом на судне «Мави Мармара» исламистских боевиков, атаковавших их во время попытки прорыва блокады сектора Газы «Флотилией свободы», а также строительству в Газе Турцией морского порта. Реализацию обещаний Катара по поставкам в Турцию газа осложняло отсутствие в стране необходимого числа терминалов сжиженного природного газа.

В долгосрочной перспективе Турция, на модернизацию армии которой до 2020 года планировалось выделить $ 120 млрд, видела Россию демографически ослабленной и потерявшей технологическое преимущество. Первое из этих утверждений потеряло под собой основу после вхождения в состав России Крыма

и изменений в её демографии, скорректировавших прогнозы ООН. В 1950-м году население России составило 102 миллиона человек, а Турции — 21 миллион, в 2010-м по прогнозу ООН должно было составить 139 и 78 миллионов, а в 2050-м — 109 и 114 миллионов человек соответственно. Однако в 2016-м году население России превысило 146 миллионов человек, а Турции оставалось на уровне 78-ми.

Второе утверждение также сомнительно: разрыв стратегического альянса Турции с Израилем, следствие которого — отмена турецких контрактов израильского военно-промышленного комплекса и перспектива сотрудничества России с Израилем в военно-технической сфере, а также программа модернизации российских ВС до 2020 года изменили сценарий Анкары с точностью до противоположного. Россия в Сирии продемонстрировала системы вооружений, на порядок превышающие по качеству имеющиеся на вооружении у турецкой армии. Это касалось систем ПВО, ВВС, танков и ряда других ключевых направлений вооружений и военной техники (В и ВТ).

Присоединение к ЕС для Турции, перестав быть самоцелью, превратилось в процесс с обещаниями «завершения не ранее 2013–2018 годов», во многом из-за обструкции Франции и Германии. Парижу Турция в партнерстве с Сирией сорвала создание «средиземноморского сообщества», планы которого по транспортировке углеводородов Магриба в страны ЕС противоречат турецким интересам.

От Берлина потребовали открыть в Германии турецкие школы — в 2008-м году премьер-министр Эрдоган со свойственной ему экспрессивностью назвал ассимиляцию турок в Германии «преступлением против человечества». Самоизоляция турецких общин

с 1961 года, когда началась массовая иммиграция турок в Германию, привела к тому, что школу оканчивает лишь 16% из них, в «турецких гетто» популярны идеи «Аль-Каиды», а в Ираке, Афганистане и Пакистане появились боевые подразделения моджахедов, состоящие из этнических турок.

Особый вопрос — роль Анкары в создании миграционной проблемы в странах ЕС, включая повышение террористической угрозы за счёт притока исламистских радикалов в страны Европы и сотрудничество Эрдогана и его спецслужб с «Исламским государством» (ИГ) и другими джихадистскими группировками, воюющими на территории Сирии и Ирака, как в сфере контрабандной торговли нефтью и нефтепродуктами, зерном, мукой, хлопком, археологическими артефактами, рабами и заложниками, так и в переброске террористам пополнений (в том числе из Европы) денег и оружия. Турция, превратившаяся в союзника террористических группировок, формально состоя в антитеррористической коалиции во главе с США, и транзитный мост между террористами и прочим миром, — не самый лучший потенциальный член Евросоюза.

В 1992-м году Турция объявила себя «старшим братом» — «агабейлик» тюркских государств, создав при турецком МИДе «Агентство по тюркскому сотрудничеству и развитию». В 1993-м идея Великого Турана легла в основу создания «Организации дружбы, братства и сотрудничества тюркоязычных стран и общин». Однако рост цен на энергоносители укрепил Азербайджан, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, побудив их отстаивать собственные интересы.

Помимо прочего, финансируемые Турцией в постсоветских республиках школы, лицеи и университеты

оказались центрами подготовки протурецкой исламизированной элиты, играющей роль «пятой колонны» в надвигающейся «Центральноазиатской весне». В итоге они были закрыты практически по всей Центральной Азии, кроме Северного Афганистана, где продолжали играть роль проводника турецкого влияния.

Лидеры правящей в Турции Партии справедливости и развития использовали «копенгагенские критерии» вступления в ЕС против армии, отстраняя ее от участия в политике «в рамках продвижения демократии», однако отказали Брюсселю в политических требованиях, связанных с геноцидом армян, который признают десятки государств и международных организаций мира, включая Россию, Европарламент и Всемирный совет церквей.

В 2016-м году, когда отмечалось столетие геноцида армян в Османской империи, Турция сделала всё, чтобы сорвать посещение траурных мероприятий лидерами мирового сообщества. Анкара продвигает на Балканах идею «Великой Албании» и держит на оккупированном севере Кипра 30-тысячную группировку вооружённых сил, продолжая вести диалог с Грецией, Кипром и балканскими странами с позиции силы.

Подписание 10 октября 2009 года цюрихских протоколов «Об установлении дипломатических отношений» и «О развитии двусторонних отношений» с Ереваном напрягло отношения Анкары с Баку. Поддержка Азербайджана в вопросе статуса Нагорного Карабаха заблокировала нормализацию отношений с Арменией и привела в марте 2010 года к заявлению Эрдогана о возможной депортации из Турции 100 тысяч граждан Армении. Резкое обострение ситуации в Нагорном Карабахе в апреле 2016 года также не обошлось без Турции. Давление Турции на Азербайджан в по-

пытке добиться охлаждения его отношений с Израилем, США и Россией и заявления Анкары о возможной «поддержке азербайджанской оппозиции» спровоцировали резкую ответную реакцию Баку.

Армянская проблема и демонстративная независимость в военной стратегии и принятии политических решений несколько смягчается Анкарой в отношениях с Вашингтоном подготовкой военных кадров в Албании, Азербайджане, Грузии, Казахстане и ОАЭ, а также участием турецких войск в миссии НАТО в Ливии и миротворческих миссиях в Афганистане, Македонии, Боснии и Герцеговине. Военная база в Инджирлике и размещённые в Турции американские тактические ядерные ракеты укрепляют этот альянс.

Планы президентов Обамы и Эрдогана ограничить региональное влияние ЕС и Израиля сближают этих политиков, как и разрешение разместить на своей территории элементы системы противоракетной обороны США, направленной против Ирана и России. В то же время авантюрные действия Анкары в Сирии, угрожающие не только её военным столкновением с Россией, но и провоцирующие конфликт с Москвой НАТО, крайне отрицательно оцениваются Вашингтоном.

В рамках развития отношений с Ираном, несмотря на прямо противоположные позиции по Сирии, Турция планирует увеличить объём торговли с этой страной до $ 30 млрд сформировав общую транспортную инфраструктуру, и создать на границе зону свободной торговли. Согласно ирано-турецкому договору 2007 года Турция будет добывать газ на месторождении «Южный Парс» для собственного потребления и на продажу. По мнению ряда экспертов, Иран и Тур-

ция согласовали вопрос раздела зон ответственности в Ираке после ухода оттуда американских войск.

Эти договорённости подтверждает дипломатическая активность Турции, которая, кроме посольства в Багдаде и генконсульств в Мосуле и Басре, согласовала с иракским правительством открытие генконсульства в Эрбиле — административном центре Курдской автономии. Помимо интереса к иракской нефти и борьбы с сепаратистами Рабочей партии Курдистана, Турция лоббирует интересы туркоманов Киркука и, вложив в регион более $ 10 млрд постепенно берет под контроль экономику иракского Курдистана.

Курдский вопрос для Турции — бомба замедленного действия. В 2010-х годах Эрдоган и его правительство предприняли попытку смягчить антикурдскую политику и заключили перемирие с Рабочей партией Курдистана, но десятилетия подавления любых проявлений национальной курдской культуры, включая язык и алфавит, пользование которым в Турции запрещено, породили ответную реакцию курдов.

В 2016-м году перемирие с РПК в преддверии парламентских выборов было в одностороннем порядке нарушено Эрдоганом, боровшимся за голоса турецких националистов. За 23 года вооружённого конфликта от рук бойцов РПК в Турции погибло более 30 тысяч человек, а контртеррористические операции стоили Анкаре более $ 130 млрд. Согласно оценке турецкого генштаба, число боевиков РПК составляет 500–600 человек в Турции и до 5-ти с половиной тысяч за рубежом (до 3-х с половиной тысяч в Ираке). Операции против них в 11-ти вилайетах Турции ведёт 60-тысячная армейская группировка и 70 тысяч членов местных полувоенных формирований.

В Ирак из-за РПК в 1982–1999 годах Турция вводила войска 24 раза. В феврале 2010 года эта практика была возобновлена: 10 тысяч турецких солдат при поддержке авиации провели в Ираке операцию, призванную уничтожить инфраструктуру РПК. В то же время турецкие военные, несмотря на союз Эрдогана с лидером иракского Курдистана Барзани, не смогли добиться решающей победы над боевиками РПК, а разрыв перемирия с этой организацией привёл к активизации в 2016-м году курдской антиправительственной деятельности в Турции, включая подрывы стратегических газо- и нефтепроводов. Непоследовательная и половинчатая политика руководства страны, позволившего легализовать курдские партии и открыть вещающий на курдском языке телеканал, критикуется кемалистской оппозицией, использующей в противостоянии с ПСР профсоюзы и студенческие объединения.

В арабском мире Турция до недавнего времени претендовала на роль универсального посредника. После войны в Персидском заливе, в ходе которой Кувейт был освобожден от иракской оккупации, финансовую помощь Анкаре, компенсируя её участие в войне, оказали Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт. Премьер-министр Эрдоган в ходе визита в КСА получил одну из наиболее престижных арабских наград — Международную премию имени короля Фейсала «За служение исламу».

В то же время отношения Анкары с Каиром после свержения египетскими военными правительства «Братьев-мусульман» чрезвычайно плохи, а Бейрут и Багдад на фоне гражданской войны в Сирии дистанцировались от Анкары. Из значимых арабских стран с Турцией поддерживают прочные отношения КСА

и Катар — союзники по борьбе с правительством Асада в Сирии. При этом отношения Анкары и Дохи позволяют говорить о возникновении в регионе военно-политической катарско-турецкой оси.

Ультиматумы в отношении ЕС по проблеме председательства в этом альянсе Кипра и в отношении самого Кипра в связи с началом бурения на его газоносном шельфе позволяют предположить, что политическое и военное давление Турции на Израиль служит прикрытием для разворачивания системы турецкой гегемонии в Восточном Средиземноморье. В то же время это привело к возникновению греко-кипрско-израильского альянса, в том числе в вопросах разработки шельфовых углеводородов трёх этих стран.

С учётом тесных отношений Израиля с Азербайджаном, постсоветскими республиками Центральной Азии и государствами Балкан, а также его связей с ЕС и особых отношений с Германией, политика Анкары по этому направлению имеет все шансы укрепить антитурецкий альянс в регионе, пользующийся определённой поддержкой не только Европы, но и США, и, как это ни парадоксально, России.

Один из наиболее важных инструментов турецкого влияния на Сирию и Ирак — вода. Отсутствие признанного международно-правового статуса Тигра и Евфрата позволяет Турции утверждать, что эти реки не международные, а трансграничные потоки, и она свободна в строительстве гидроузлов на их истоках, учитывая интересы стран, лежащих ниже по течению, «насколько возможно».

Нормализуя отношения с Сирией, Турция объявила о начале строительства в 2010-м году на реке Аси, на турецко-сирийской границе, «Плотины дружбы», однако уже через год сирийско-турецкие отношения

были торпедированы поддержкой Анкарой вооружённой антиправительственной оппозиции. Попытки Турции превратить север Сирии и Ирака, включая города Алеппо и Мосул, в зону своего непосредственного влияния встречают жёсткое сопротивление Дамаска и Багдада.

Исламизация Турции и её интеграция в мусульманский мир имеют свою цену. Ветераны войн в Афганистане, Боснии и Чечне образовали в этой стране исламистское террористическое подполье, пользующееся симпатиями президента Эрдогана, наиболее известной частью которого является созданный в 1984-м году «Фронт исламских завоевателей Великого Востока». Радикальный Фонд гуманитарной помощи (ФГП), с 1992 года действующий в 120 странах мира как консультант Экономического и социального совета ООН, член Объединения неправительственных организаций исламского мира и Гуманитарного форума Организации исламская конференция, был открыто поддержан турецким руководством в ходе организации антиизраильской «Флотилии свободы».

Попытка ФГП «прорвать блокаду Газы» позволила руководству Турции начать процесс охлаждения отношений с Израилем, но вызвала критику влиятельного турецкого религиозного деятеля Фетуллы Гюлена, число последователей которого в 100 странах мира превышает 6 миллионов человек. Раскол между исламскими радикалами, на защиту которых встало руководство Турции, и умеренными исламистами движения «Нурджулар», возглавляемого Гюленом, был опасен для правящей ПСР, поскольку за Гюленом стоит «исламистский капитал» Турции, контролирующий не менее трети экономики страны. Однако Эрдогану удалось подавить оппозицию в рядах правящей элиты,

организованную Гюленом, арестовав и уволив с государственной службы десятки тысяч чиновников, являвшихся членами гюленовского «джамаата» — в том числе в силовом блоке и правоохранительных структурах.

Финансовые активы общины Гюлена с 80-х годов до настоящего времени выросли до $ 50 млрд позволив ему создать более тысячи учебных заведений в 65-ти странах мира, включая Турцию, Малайзию, Индию, Пакистан, США, Россию, страны Центральной Азии и ЕС. Дистанцирование нурсистов от правящей ПСР было так же показательно, как и «резкие повороты» руководства страны в преддверии референдума об изменении конституции в сентябре 2010 года. Выиграв его, ПСР покончила с политической ролью армии, подорванной арестами по делу «Эргенекон». В противном случае будущее партии было бы туманным — Конституционный суд Турции с 1963 года закрыл 24 партии, 4 из которых были близки ПСР, причём Партия благоденствия и Партия добродетели были запрещены в 1998-м и 2001-м годах.

Положение Эрдогана внутри страны осложняет, помимо всего вышесказанного, доминирование в кругах молодёжи марксистских, ультракемалистских и левых идей. Среди 2-х с половиной миллионов турецких студентов популярны Федерация Клубов идей кемализма, Союз молодёжи Турции, Движение патриотической демократической молодёжи, группы «Молодёжь Партии спасения» и «Революционная молодёжь», молодёжные и студенческие организации Компартии.

Националисты представлены в университетах организациями Партии националистического движения. ПСР сотрудничала только с объединениями «Исламистская молодёжь» и «Мусульманская молодёжь», на-

ходящимися под влиянием Ф. Гюлена, а после разрыва с ним потеряла позиции в молодёжной среде, опираясь в этих кругах только на собственное молодёжное крыло, непосредственно подчинённое Эрдогану.

Групповые и секторальные интересы усиливает экономическим кризисом и проблема меньшинств, являющихся фактором нестабильности, который зависит от турецко-курдского противостояния. Популистские шаги правительства в адрес христианских общин сопровождаются убийствами священников и агрессивной риторикой лидеров страны в отношении христианства, а призывы к изоляционизму и культивированию турецкого национализма, обращённые к многомиллионной турецкой диаспоре, носят провокационный характер.

При этом исследование этнического состава населения, проведенное Советом национальной безопасности, вопреки теории «единой турецкой нации» показало, что общее число представителей тюркских групп в стране — чуть более 50-ти миллионов. Курдов в Турции около 13 миллионов, черкесов 2 с половиной, боснийцев около 2-х, албанцев почти полтора, арабов около 900 тысяч, цыган — 700, армян 16 тысяч, евреев — 20, греков — 15, амшенов и сирийцев — 13. 85% населения сунниты. Большинство остальных — шииты, алавиты и йезиды (среди курдов).

Вероятность того, что к 2030-му году Турция займет место в числе ведущих государств мира, как это декларировали её лидеры, была достаточно высока — до того как Анкара вмешалась в гражданскую войну в Сирии, в результате которой на её территории появились миллионы беженцев и мигрантов, положение которых усугубил экономический кризис и резкое охлаждение отношений с Россией.

Демография и экономика Турции до начала реализации неоосманистских идей её руководства способствовали росту её влияния в мире, хотя поляризация общества по мере расширения сферы действия исламских норм и опасность раскола страны сдерживали её развитие. Однако будущее Турции на мировой арене в настоящий момент непредсказуемо. По крайней мере до того, как эта страна не вернётся к взвешенному внешне- и внутриполитическому курсу, что возможно только после ухода с политической арены её президента…

Глава 7
Восток: Китай

Ключевыми партнёрами Китайской Народной Республики на БСВ являются Саудовская Аравия, Турция, Иран и Пакистан. В отношениях с Китаем для руководства этих стран важно, что он, в отличие от Запада, не стремится изменить их образ жизни и политическую систему. КНР в регионе — потенциальный противовес США и конкурент ЕС. Пекин там играет по собственным правилам, не вступает в альянсы, прагматичен, ведёт открытую экономическую и скрытую военно-политическую экспансию.

Китайские государственные программы, в разы превышающие возможности конкурентов, дополняют проекты частных фирм КНР, некоторые из которых сопоставимы по своим возможностям с европейскими государствами. Китай избегает столкновения с США, ЕС, Индией, Японией, Южной Кореей, Бразилией и другими конкурентами, но не поддаётся давлению, тем более что инструментов воздействия на его позицию не существует ни у кого в современном мире.

Торгово-экономическое сотрудничество между КСА и КНР официально начато в 1988-м году. КНР и

КСА официально установили дипломатические отношения в 1990-м, а в 2008-м году они получили статус «стратегических и дружественных». В 1996-м была создана саудовско-китайская комиссия по торгово-экономическому, инвестиционному и техническому сотрудничеству. Саудовская Аравия участвует в работе созданного в 2004-м году по инициативе Пекина Китайско-арабского форума сотрудничества.

В 1999-м Эр-Рияд и Пекин провозгласили установление стратегических отношений в топливно-энергетической сфере, в 2006-м подписали меморандум о взаимопонимании по политическим консультациям, а в 2007-м меморандум о сотрудничестве в области добычи нефти, газа и полезных ископаемых. Его базой являются саудовско-китайские соглашения об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов, сотрудничестве в области образования, религии, здравоохранения и подготовки кадров.

Саудовские фирмы строят в Китае объекты инфраструктуры, предприятия нефтепереработки и нефтехимии. В свою очередь, более 40 китайских предприятий работают на рынке строительного подряда КСА. Крупнейший инвестиционный проект Китая в королевстве — строительство промышленного города у комбината по производству алюминия в провинции Джизан.

В 2008-м году Китай занял 3-е место в саудовском экспорте и 2-е в импорте, а КСА — крупнейший торговый партнер Китая в арабском мире. С 2010 года Китай — основной потребитель саудовской нефти. В 2014-м году из КСА в Китай было импортировано почти 50 млн тонн нефти, что составило 16,1% от импорта.

В условиях растущей ближневосточной нестабильности Пекин предложил Эр-Рияду создать на юго-востоке КНР стратегический резерв нефти за счёт поставок из Саудовской Аравии, вкладывает средства в нефтедобычу и нефтехимию КСА, ведёт разведку природного газа, строит комплекс предприятий в Джубейле (Восточная провинция). С мая 2015 года КСА пытается сместить РФ с первого места по поставкам нефти в Китай, снижая цену на нефть, однако лишь нанесло ущерб американской нефтедобывающей промышленности, а дефицит государственного бюджета самого КСА вырос до 20%.

Перспективы китайско-саудовского сотрудничества существуют в опреснении морской воды и ядерной сфере. В то же время военно-техническое сотрудничество между этими странами развито слабо, так как в этой сфере саудовское руководство ориентируется на США и другие страны Запада. Так, в 1999-м году Китай не смог добиться поставки в Саудовскую Аравию баллистических ракет с дальностью пуска до 5500 км взамен устаревших «Дунфэн-3».

В то же время в 2006-м между Пекином и Эр-Риядом были подписаны соглашения по вопросам безопасности и закрытый контракт по оборонным системам, а в 2008-м заключён контракт на поставку в Саудовскую Аравию 54-х самоходных гаубиц. В Эр-Рияде размышляют о сотрудничестве с КНР в создании системы ПРО, которая будет состоять из РЛС Х-диапазона и ракет перехватчиков «Хунци-19» и «Хунци-26», способных уничтожать баллистические ракеты и их головные части на последнем участке полёта.

В 2014-м году объём двусторонней торговли составил $ 69,15 млрд что в 230 раз больше по сравнению с показателями 1990 года. В настоящее время в КСА

осуществляют коммерческую деятельность более 160-ти компаний из КНР. Они участвуют в строительстве железных дорог, портов, электростанций (будет построена АЭС на три энергоблока с реакторами АСР-1400), жилых домов и сетей сотовой связи. В 2014-м китайские компании подписали контрактов на строительство на общую сумму в $ 9,47 млрд (прирост на 48,5% по сравнению с 2013-м годом), а за 10 месяцев 2015 года на $ 5,37 млрд.

Один из проектов КНР в КСА — строительство НПЗ на побережье Красного моря в городе Янбу. Контракт стоимостью $ 8,5 млрд реализуют CNPC, владеющая 62% акций (КНР) и ARAMCO с 37,5% акций (КСА). НПЗ будет занимать территорию в 5200 кв. км, ежегодно перерабатывая 20 млн тонн нефти. Доходы китайской стороны составят около $ 100 млн в год. Первая очередь завода была запущена 16 января 2015 года. Пока он в основном производит высокоочищенное дизельное топливо.

Китайские железнодорожные компании активно участвуют в строительстве линии лёгкого метро в городе Мекка (стоимость $ 1,773 млрд), а также высокоскоростной магистрали «Харамейн» (протяжённость 450 км, скорость движения поездов 360 км/ч), которая соединит Мекку, Джидду и Медину. Китайские строители предлагают КСА соединить Медину и Эр-Рияд, а также проложить железнодорожную линию, которая свяжет несколько северных городов с центром страны.

В 2013–2016 году КНР активизировала сотрудничество с Египтом. В 2014-м АРЕ и КНР объявили о достижении уровня «всеобъемлющего стратегического партнёрства»: их торгово-экономические отношения достигли $ 11,62 млрд. Китай является первым тор-

говым партнером Египта. В АРЕ работают более 1200 компаний из КНР.

В марте 2015 года правительство АРЕ объявило о реализации проекта (за 57 лет) строительства новых районов Каира в восточной части города. На первом этапе планируется инвестировать $ 45 млрд из них доля АРЕ — 24%. Площадь новых районов составит 700 кв. км, будет построено 350 тысяч квартир и 10 тысяч апартаментов. Планируемое количество жителей — 5 миллионов человек. По проекту между КНР и АРЕ подписано 7 меморандумов о взаимопонимании. Основной подрядчик — «Китайская государственная Центральная строительно-проектная компания» (CSCEC).

В энергетике Египта 90% электричества вырабатывается на электростанциях, а доля возобновляемой (солнечной) энергии составляет 1%. В планах китайских и египетских энергетиков довести долю солнечной и ветряной энергетики к 2020-му году до 20%, а также продвинуть строительство АЭС. КНР планирует наработать опыт на саудовских проектах, где будут применять новые реакторы АСР-1400 китайской разработки.

19 января 2016 года в Каир с официальным визитом прибыла делегация Минторга КНР, целью которой было подписание «Соглашения о сотрудничестве между предприятиями сферы торговли двух стран». Стороны подписали 12 торговых соглашений, по которым АРЕ поставит в КНР оливковое масло, фрукты, продукцию химической и металлургической промышленности, медицинское оборудование, мрамор и сырьё для текстильной промышленности на $ 60,4 млн.

За день до приезда в АРЕ председателя Си Цзиньпина управляющие советы «Торгово-экономической

зоны сотрудничества Суэц» и «Района технического и экономического развития города Тяньцзинь» подписали соглашение о создании «Зоны экономического сотрудничества» у Суэцкого канала. Предусмотрено два этапа, по результатам которых площадь ЗЭС составит более 10 кв. км, позволив разместить офисы и склады 150–180-ти компаний. Оценочная стоимость первого этапа $ 105 млн.

21 января 2016 года были подписаны контракты на общую сумму в $ 15 млрд касающиеся 15-ти проектов в электроэнегетике, транспорте, сельском хозяйстве, гражданской авиации и капитальном строительстве. Председатель КНР объявил, что объём китайских инвестиций в страны Ближнего Востока составит $ 55 млрд. Из них $ 15 млрд будут направлены на реализацию проектов по развитию промышленности, $ 10 млрд направлены в виде кредитов на развитие энергетики, $ 10 млрд на «предпочтительные» кредиты, $ 20 млрд войдут в инвестиционный фонд с участием Египта, Катара и ОАЭ. С участием Си Цзиньпина и ас-Сиси было подписано более 20-ти документов о двустороннем сотрудничестве.

АРЕ в 2016-м году лоббировала соглашения с КНР о создании искусственных спутников земли, строительстве новых кварталов Каира, развитии сети электростанций, электрифицированной сети железнодорожных перевозок и модернизации порта Александрия. Было подписано 51 соглашение по инвестпроектам. Народный банк КНР выделил Центробанку Египта кредит в $ 1 млрд и открыл ему дополнительную кредитную линию на $ 700 млн.

Отношения Китая с Ираком предметно характеризует визит в Пекин в 2015-м году премьер-министр Ирака Хайдера Джавада аль-Абади. Багдад заинтере-

сован в расширении военного сотрудничества с Пекином: регулярных поставках боеприпасов и запчастей для беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) «Радуга-4Б»/CH-4B производства КНР, которые используются ВС Ирака. В комплексе их вооружения противотанковые ракеты HG-10, малокалиберные ракеты и бомбы типа CS/BBE2.

На юге Ирака в сфере нефтедобычи работают корпорации PetroChina, Sinopec и CNOOC. Китайские компании готовятся к реализации проектов на нефтяных промыслах в южных районах Ирака общей стоимостью $ 140 млн. Треть всей реализуемой Ираком нефти поступает в КНР. Китайские компании ZTE и HUAWEI развивают в Ираке инфраструктуру связи и телекоммуникации. Gezhouba, Shanghai Electric и Tianjin Power Construction выполняют подряды по развитию электроэнергетики. CCCC Group поставляет тепловозы для железных дорог Ирака.

В 2010-м году руководством Турции и Китая было заявлено о намерении довести турецко-китайские отношения до уровня стратегического партнёрства и о создании нового механизма по совместной борьбе с терроризмом. Турция и КНР подписали Рамочное соглашение о расширении торгово-экономического сотрудничества, соглашения о подготовке среднесрочного и долгосрочного планов развития сотрудничества, совместной реализации инфраструктурных проектов в третьих странах, создании рабочей группы по проекту «Шёлковый путь» («Новый шёлковый путь» и «Морской шёлковый путь»), а также меморандум о намерении укрепить сотрудничество СМИ.

Турецко-китайское сотрудничество в энергетике, строительстве мостов и железных дорог включает участие КНР в создании скоростной железной дороги

Анкара — Стамбул. Турция обсуждает участие Китая в создании на её территории АЭС. КНР — третья страна после России и Ирана, с которой Турция заключила соглашение о переходе в двусторонней торговле на расчёты в национальных валютах. Однако КНР не рассматривается вопрос о создании зоны свободной торговли двух государств.

Анкара и Пекин намерены были увеличить товарооборот до $ 50 млрд к 2015-му и $ 100 млрд к 2020-му году. При этом дефицит торгового баланса в пользу Китая в двусторонней торговле в 2009-м году превысил $ 12 млрд, а реальный объём двусторонней торговли двух стран составил $ 28,96 млрд в 2012-м, $ 22,21 млрд в 2013-м и $ 27,74 млрд в 2014-м году.

Обсуждается транспортно-логистическое сотрудничество КНР с Турцией — участие китайских строительных компаний в инвестиционном проекте по строительству железнодорожной линии Эдирне — Карс (стоимость $ 35 млрд). Планируется обеспечить скоростной режим поездов на данной ветке до 250 км/ч, что позволит сократить время в пути в 3 раза. КНР планирует соединить турецкую железную дорогу со строящейся скоростной веткой Карс — Тбилиси — Баку (стоимость проекта $ 30 млрд). China National Machinery Import & Export Corp совместно с турецкими подрядчиками реализует проект по строительству скоростной железной дороги Стамбул—Анкара (стоимость $ 1,27 млрд).

Китайские бизнесмены предлагают турецким партнёрам модернизировать аэропорт Стамбула — построить третий терминал и довести объём перевозок до 120-ти миллионов пассажиров в год, что позволит сделать турецкий аэропорт лидером в Европе, а также инвестировать $ 10–12 млрд в проект угольного раз-

реза и электростанции Afsin-Elbistan, которая будет вырабатывать 8000 мегаватт электроэнергии, необходимые для развития промышленности и транспортной инфраструктуры Турции в условиях медленного развития «зелёных» энергетических технологий.

Подавление властями КНР волнений уйгуров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в 2009-м осложнило отношения Китая с Турцией. В рамках решения вопроса об их культурной интеграции в тюркский мир было принято решение об открытии в Урумчи турецкого консульства и налаживании прямого воздушного сообщения этого города со Стамбулом. При этом значительное беспокойство КНР вызывает практика выдачи посольствами Турции в Малайзии и Таиланде турецких паспортов уйгурским сепаратистам.

Пакистан рассматривает Китай как партнёра и союзника, начиная с индо-китайских пограничных конфликтов 1959 и 1962 годов. В 1963-м было подписано соглашение о демаркации границы между китайским Синьцзянем и частью Кашмира, контролируемой Пакистаном. В 1966-м начались поставки в Пакистан китайских танков и самолетов. Пакистан поддержал КНР в 1971-м году, когда решался вопрос о его статусе в ООН, выступив против американской формулировки «двух Китаев». В 70-е годы Китай помогал Пакистану развивать промышленность и энергетику. Тогда же началось строительство Каракорумского шоссе протяжённостью 1300 км, связавшего Гилгит с китайской границей (завершено в 80-х годах).

В 70–80-е годы Китай был главным источником поставок В и ВТ в Пакистан, лидеры двух стран обменивались информацией по афганской проблеме, Исламабад поддерживал Пекин по кампучийскому вопросу. После 1998-го, когда из-за испытаний пакистанской

атомной бомбы США прекратили экономическую помощь и поставки оружия этой стране, КНР вновь стала основным поставщиком вооружений и техники для пакистанских вооруженных сил. Пекин и Исламабад на протяжении десятилетий активно сотрудничают в военно-технической сфере, имея опыт успешных совместных проектов, к числу которых можно отнести одномоторный истребитель JF-17 «Молния», эсминцы F-22P (тип «Зульфигар»), танки «Халид» (МВТ-2000), учебно-тренировочные самолёты К-8 «Каракорум».

С 2007 года идут работы по модернизации одномоторного истребителя JF-17 «Молния» (производственное обозначение в КНР FC-1 «Злой дракон»). В исходной версии самолёт оснащён авиационной пушкой ГШ-23–2, основу ракетно-бомбового вооружения составили ракеты ближнего радиуса действия воздух—воздух «Гром-5Е 2», ракеты среднего радиуса действия воздух—воздух SD-10A, противокорабельные ракеты КД-83 (производства РФ) или С-402АКГ и С-802А (производства КНР).

В рамках первого этапа модернизации китайские инженеры предложили добавить устройство для дозаправки самолета в воздухе, а также модернизировать комплекс бортового радиоэлектронного оборудования для успешного взаимодействия с самолётами дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОиУ) ZDK-003 (пакистанская версия китайского «Кунцзин-200»). Один такой самолёт позволяет координировать действия до 8 эскадрилий истребителей. В ВВС Пакистана принято на вооружение три самолёта ДРЛОиУ ZDK-003 и более 120 истребителей JF-17 «Молния».

Низкая стоимость ($ 15–20 млн китайского JF-17 «Молния» выгодна для государства с таким ограничен-

ным военным бюджетом, как у Пакистана. По мнению китайских и американских специалистов, для обеспечения обороны границ и осуществления постоянного патрулирования ВВС Пакистана необходимо 250–300 самолётов данного типа. Кроме того, ряд стран Юго-Восточной Азии и Африки рассматривают варианты приобретения подержанных JF-17 за $ 10 млн. В январе 2016 года 8 истребителей приобрела Шри-Ланка (поставка в 2017-м году). ВВС Нигерии разместили заказ на 3 машины, стоимостью $ 25 млн (истребители из парка ВВС Пакистана после проведения модернизации).

Китай оказал Пакистану гуманитарную помощь после землетрясения 2005 года, выделил средства на размещение беженцев из Свата в 2009-м, а после наводнения 2010 года предоставил помощь для реконструкции пострадавших объектов, строительства домов и льготный кредит для восстановления инфраструктуры. В 2002-м году была достигнута договорённость о строительстве КНР в Пакистане к 2016-му году 4-х атомных электростанций.

В 2002-м для организации выхода Китая к Аравийскому морю и Индийскому океану началось сооружение порта Гвадар. В 2002–2003 годах за счёт китайского кредита там были построены 3 причала для стоянки морских судов, включая инфраструктуру для перевалки сырой нефти. В рамках 2-й очереди проекта в 2007-м году было построено 9 причалов и смонтировано оборудование для ночной навигации. В 2015-м году Пекин и Исламабад подписали договор о передаче китайской стороне в аренду 2281 га в городе Гвадар сроком на 49 лет. На этой площади китайские компании создадут зону свободной торговли (ЗСТ), где в течение 10-ти лет импорт и экспорт то-

варов будет осуществлять без уплаты таможенных пошлин в бюджет Пакистана.

В 2004-м году в рамках военно-технического сотрудничества Китай предоставил Пакистану кредит на строительство им 4-х эсминцев. В том же году Китай проявил интерес к разработке угольных месторождений в районе Тхар и сооружению на их базе теплоэлектростанции. В 2005-м году был подписан Договор о сотрудничестве двух стран в области экономики, обороны и использования атомной энергии в мирных целях, заложена АЭС «Чашма-2» и согласован проект модернизации Каракорумского шоссе, включая его доведение до порта Гвадар, постройку параллельно ему железной дороги и газопровода и проведение оптоволоконного кабеля.

В 2006-м было подтверждено китайско-пакистанское сотрудничество в разработке медного месторождения «Саиндак», проекте дамбы Гомал Зам, более 100 проектах разработки нефтяных и газовых месторождений, а также достигнута договорённость о совместном производстве истребителя JF-17 для военно-воздушных сил Пакистана на базе авиакомплекса в городе Камра.

В 2008-м году было заключено Соглашение о сооружении в Пакистане 6-ти атомных электростанций и намечены инвестиции в экономику Пакистана в рамках совместной разработки системы AWACS и поставки Исламабаду танков «Аль-Халид». Значителен китайский импорт из Пакистана сельскохозяйственной продукции, хлопчатобумажной пряжи и тканей, была согласована помощь в реконструкции 700 км пакистанских дорог. Между двумя государствами поддерживаются контакты в образовании и здравоохранении.

В 2009-м Китай и Пакистан подписали соглашение об исследовании космического пространства, а Металлургическая корпорация Китая выразила намерение участвовать в модернизации металлургического завода в городе Карачи. В 2010-м году Пекин объявил о намерении инвестировать в экономику Белуджистана и Панджаба и продолжить строительство порта Гвадар, подписав с Пакистаном 13 соглашений и меморандумов. В Исламабаде и Карачи планируется открыть филиалы крупнейших банков Китая. Определены 36 проектов, которые будут реализованы при поддержке КНР.

Пакистан — второй после Индии торговый партнёр Китая в регионе. Правда товарооборот между Индией и КНР за 25 лет сотрудничества вырос со $ 150 млн до $ 50 млрд. Двусторонняя торговля КНР и Пакистана отличается, несмотря на мировые экономические кризисы, стабильным ростом, однако сохраняет значительный дисбаланс. В 1995-м году доля Пакистана в двусторонней торговле составила $ 121,1 млн, а КНР $ 515,2 млн в 2004-м, доля Пакистана — $ 300,58 млн, а КНР — $ 1,488 млрд, в 2014-м году Пакистан экспортировал в Китай продукцию на $ 4 млрд, а импорт китайских товаров составил $ 12 млрд.

Китайские предприниматели в основном импортируют из Пакистана сырьё: хлопок, шерсть, джут и другие виды продукции сельского хозяйства, а экспортируют электронику, сельскохозяйственную и строительную технику, а также продукцию с высокой добавленной стоимостью. Пакистан заинтересован в увеличении объёмов поставок в КНР компонентов для фармакологии, продукции текстильной промышленности, полудрагоценных камней и продуктов пита-

ния. К 2020-му году стороны планируют достичь объёма двусторонней торговли в $ 20 млрд.

В настоящее время Исламабад не в состоянии самостоятельно реализовывать крупные инфраструктурные проекты; специалисты указывают, что для устойчивого развития экономики пакистанским властям необходимо привлекать около 10% от суммы ВВП страны ежегодно. В этих условиях предложение Пекина о создании Китайско-Пакистанского экономического коридора (КПЭК) важно и для Пакистана в целом, и для отдельных регионов страны. Основа КПЭК — сеть автомобильных и железных дорог (суммарная стоимость $ 13 млрд).

КПЭК необходим Китаю как страховочный вариант «Нового шёлкового пути» — стратегии, направленной на создание условий для обеспечения экономического роста КНР в условиях конкуренции на мировом рынке и регулярных экономических кризисов. КНР и Пакистан договариваются о создании свободных экономических зон (СЭЗ) в районе КПЭК, площадью 50 и более кв. км. Совместные предприятия, работающие на территории СЭЗ, будут соответствовать требованиям пакистанского законодательства.

Пекин рассчитывает к 2018 году дополнить эту транспортную систему 18 объектами электрической генерации: 9 угольных и 5 ветряных электростанций, 3 гидроэлектростанции и 1 солнечная. Согласно проектной документации компании «Чжунсин Энерджи» солнечная электростанция «Кваид-э-Ассам» в районе Холистан (планируется запуск в 2017-м году) будет вырабатывать 1 мегаватт электроэнергии, что позволит обеспечить 320 тысяч домов электроэнергией и создать от 15 до 33 тысяч рабочих мест.

Всего суммарная вырабатываемая мощность строящихся компаниями КНР объектов энергетической инфраструктуры Пакистана составит от 10 400 до 16 600 мегаватт, что позволит ликвидировать нехватку электроэнергии и практику веерных отключений промышленных предприятий. Эти объекты энергетической инфраструктуры позволят обеспечить стабильное и безопасное железнодорожное сообщение и развитие целых регионов Пакистана. Их ориентировочная стоимость составляет $ 33 млрд.

В соседнем с Пакистаном Афганистане, которые часто объединяются американскими экспертами в единое геополитическое пространство — АфПак, Китай заинтересован в стабилизации, как ради обеспечения безопасности транзитного коридора для реализации «Нового шёлкового пути», так и исходя из необходимости использовании ресурсной базы Афганистана для экономического развития западных регионов Китая.

В 200–12014 годах КНР предоставила Кабулу 2 млрд юаней финансовой помощи, а в 2015–2018 годах предоставит дополнительно ещё 2 млрд юаней. В этот период университеты КНР выделят 500 стипендий для обучения афганских студентов, а до 3-х тысяч человек пройдут обучение на курсах для сотрудников правоохранительных органов, МИД и Министерства сельского хозяйства.

Иран — один из ведущих торговых партнёров Китая на БСВ. В 2009-м году Иран обеспечивал 12% потребности КНР в нефти. С 2001 года корпорация «Синопек» разрабатывает нефтяное месторождение «Заварех-каншане» в 200 км от Тегерана. Государственная нефтеторговая компания Zhuhai Zhenrong Corp. заключила с Ираном соглашение на импорт

природного газа в объёме $ 20 млрд в течение 25 лет. Государственная компания SINOPEC Engineering Inc. в 2007-м году подписала с иранским Министерством нефти инвестиционный контракт на 25 лет на импорт 385 млрд кубометров природного газа и 150 тысяч баррелей сырой нефти в день из месторождения «Ядаваран».

В 2008-м году Тегеран озвучил намерение участвовать в формировании стратегических резервов нефти на территории Китая. В 2009-м было подписано соглашение на разработку месторождения «Северный Азадеган». В рамках ежегодных поставок в КНР 20 млн тонн сжиженного природного газа (около 31 млрд кубометров) с месторождения «Северный Парс» соглашение было подписано иранским Министерством нефти, но не утверждено Высшим экономическим советом. Взамен в 2009-м году Иранская нефтяная национальная компания подписала контракт с China National Petroleum Corporation (CNPC) на разработку месторождения «Южный Парс». Переговоры по развитию «Северного Парса» с последующей закупкой произведённого сырья и 12-ти блоков месторождения «Южный Парс» продолжаются.

Не исключено продление до КНР газопровода «Мир» Иран—Пакистан—Индия. Консорциум китайских компаний подписал контракт, в рамках которого Shanghai Zhenhua Heavy Industry Co. Ltd. (ZPMC) построила 10 морских и 7 наземных буровых установок и изготовила 2 подъёмных крана. КНР вложила средства в строительство завода по производству газового конденсата в свободной экономической зоне «Киш». Госкорпорация «Синопек» подписала с Иранской национальной нефтяной компанией соглашение по переоборудованию Тебризского и Исфаганского

нефтеперерабатывающих заводов и сооружению нефтепровода Некка—Тегеран протяжённостью 336 км, а после её выхода из консорциума к их реконструкции приступили частные китайские компании.

В 2009-м году поставки нефти из Ирана в Китай сократились почти вдвое на фоне роста закупок в Анголе. В дальнейшем уровень импорта КНР нефти из ИРИ был стабилен. В 2006–2010 годах КНР подписала с ИРИ контракты на модернизацию нефтеперерабатывающего завода Арак, а также развитие нефтяных месторождений Северный Азадеган, Ядаваран, Гармсар и 11-го блока газового месторождения «Южный Парс».

В 2009-м Иран обратился к Китаю с пакетом инвестиционных предложений на $ 48,2 млрд в энергетическом секторе, включая создание 7-ми новых нефтеперерабатывающих заводов. В том же году КНР приняла решение об участии в проектах по модернизации иранских нефтеперерабатывающих заводов (в том числе в Абадане). Были подписаны соглашение с Sinopec по предоставлению кредита нефтеперерабатывающей промышленности ИРИ и контракт с CNPC на повышение производительности иранских нефтяных полей.

Китай не поддержал односторонние антииранские меры США и ЕС, введённые в 2010-м году. КНР и Турция входят в число главных поставщиков бензина ИРИ. С сентября 2009 года Пекин обеспечивает не менее трети иранских потребностей в его импорте. Сверх того, от 30-ти до 40 тысяч баррелей бензина в сутки поставлялось китайцами в Иран через третьи страны, хотя швейцарские эксперты полагают, что продукция КНР в ИРИ не может заменить высокотехнологичные продукты из ЕС.

В 2009-м году китайские компании расширили долю рынка в Иране, в том числе благодаря таким госструктурам, как China National Petroleum Corporation и Zhen Hua Oil. Побочным итогом санкций стал рост деловой активности в ОАЭ малых торговых фирм, в том числе транспортных компаний из Японии, Сингапура, Индии и КНР. «Окном», помогающим Ирану обходить санкции, стал Гонконг, особый экономический режим которого позволил КНР извлекать пользу из сотрудничества с Ираном с минимумом рисков для китайского бизнеса на международной арене.

США и ЕС обвиняли КНР в попытках подрыва международного санкционного режима в отношении Ирана и поставок ему товаров двойного назначения. США применили своё законодательство против китайских компаний, экспортировавших в ИРИ химические материалы, которые могли быть использованы в военно-промышленном комплексе этой страны. При подготовке резолюции № 1929 в Совете Безопасности ООН Китай приложил все усилия, чтобы в её тексте остались только положения, связанные с режимом Договора о нераспространении ядерного оружия.

Военно-техническое сотрудничество Китая и Ирана развивалось до конца 90-х годов. Китайское оружие поставлялось через Иран шиитским группировкам БСВ. Под давлением США и вследствие заинтересованности Китая в сотрудничестве с Америкой и Израилем с 1997 года его проекты с Ираном в ядерной сфере были прекращены, а военно-техническое сотрудничество минимизировано. В 2004-м году был подписан меморандум ИРИ и КНР о сотрудничестве в области космических технологий и научных исследований. В 2008-м с помощью китайской ракеты был запущен иранский спутник Environment-1.

В 2005-м Иран вступил в качестве наблюдателя в Шанхайскую организацию сотрудничества. В 2006–2008 годах Пекин поддержал введение против Ирана санкций ООН, в 2008-м китайские банки на 4 месяца приостановили контакты с банками Ирана. КНР выступал против полного членства Ирана в ШОС, но не поддержал новых антииранских санкций.

В условиях санкций Китай был для ИРИ главным источником инвестиций и технологий. Используя это, Китай расширял экономическую экспансию в Иран, в том числе в сфере транспорта на основе «Протокола о взаимодействии в транспортной сфере» от 2003 года, включавшего вопросы строительства в ИРИ аэропортов, портов, автомобильных и железных дорог, нефте- и газопроводов.

КНР вложила средства в транспортную инфраструктуру Ирана, включая шоссе Тегеран—Север и метро в Тегеране, Исфагане, Мешхеде и Тебризе. Концепция «Большого Китая» и создание нового «Шёлкового пути» — азиатско-европейского трансконтинентального коридора через Турцию, Иран, Центральную Азию и Китай, частью которого должна стать железная дорога КНР — Казахстан — Узбекистан — Туркменистан — Иран, включила ИРИ изначально.

Китай реализует контракт на поставку вагонов метро в Мешхеде и проект по производству иранского «народного» автомобиля. China National Heavy Truck Corporation в 2006-м году поставила в ИРИ 10 тысяч тяжёлых грузовиков и подписала контракт с Iran Khodro Diesel на их сборку в Иране, а китайская South East (Fujian) Motor Co. Ltd. поставила в эту страну 8 тысяч микроавтобусов Soueast Delica.

КНР с 2006 года имеет прочные позиции на иран-

ском инвестиционном рынке, где работают более 1200 китайских компаний. В 2008-м году в Иране реализовывалось около 200 проектов с китайским участием. В 2005–2010 годах ИРИ и КНР подписали инвестиционные контракты на $ 120 млрд в строительстве, нефтехимии, судостроении, производстве цемента, водном и сельском хозяйстве — включая свободную экономическую зону «Арас», развитие портов Чабахар и Бендер-е-Хомейни, а также энергетике — в том числе на возведение 5 плотин.

Китай построил в Иране гидроэлектростанции «Талеган» и «Мулла Садра», за счёт китайского кредита будет построена гидроэлектростанция «Рудбар». КНР готова участвовать в разработке титановых месторождений ИРИ, а Иран — в строительстве инфраструктуры в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе. Вероятно, в одном из портов Ирана будет создана военно-морская база ВМС НОАК, которая будет обеспечивать деятельность китайских надводных кораблей и подводных лодок, осуществляющих патрулирование в западной части Индийского океана.

Существенную часть иранского экспорта составляют пропан, мрамор, сера и металлы: железная руда, чугун, алюминий, медь, хром и свинец. Часть товаров экспортируется в Иран через третьи страны, в основном ОАЭ, с учётом чего объём ирано-китайской торговли равен $ 30–36 млрд, превращая КНР в ведущего партнера ИРИ. В 2016-м году стороны подписали «Совместное заявление об установлении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между ИРИ и КНР», договорились поддерживать тесный диалог по вопросам политического, культурного и экономического сотрудничества.

КНР и ИРИ подписали «Меморандум о взаимопонимании по совместному продвижению Экономического пояса Шёлкового пути и Морского шёлкового пути в 21-м веке». По результатам визита главы КНР Си Цзиньпина в Иран в январе 2016 года было подписано 17 документов о сотрудничестве в таких областях, как энергоресурсы, электроэнергетика, финансы, связь и телекоммуникации.

Тегеран возлагает надежды на инвестиции из КНР, объём которых за 2016–2025 годы должен составить около $ 50 млрд, притом что объём двусторонней торговли к 2025-му году должен вырасти до $ 600 млрд. Правда в 2014-м году объём двусторонней торговли ИРИ и КНР составил около $ 50 млрд.

Иран является третьим поставщиком нефти в КНР (10% от нефтяного импорта Китая), а китайские компании поставляют в ИРИ продукцию тяжёлого машиностроения, транспортное оборудование, оборудование для химических производств и лёгкой промышленности. За 2013-й год КНР инвестировала в промышленность и базовую инфраструктуру Ирана $ 745 млн.

Не всегда сотрудничество китайских и иранских компаний протекало без вопросов. Пример китайского «долгостроя» в Иране — автодорога «Тегеран — Север» (121 км), строительство первого участка которой должно было быть выполнено в 2003–2006 годах. Параллельно планировалось построить 4-й участок, однако к 2014-му году удалось запустить движение только по одному участку дороги. 22 сентября 2015 года между «Китайской транспортной строительной корпорацией» и иранскими партнёрами был подписан «Меморандум о взаимопонимании» по 2-му и 3-му участку

автодороги «Тегеран — Север». Стоимость строительства — $ 2 млрд.

Подробное описание всех деталей сотрудничества Китая со странами БСВ заслуживает отдельной книги, но даже на примере крупнейших ближневосточных партнёров Пекина ясны масштабы и скорость его экспансии в регионе. Прагматизм, последовательность, готовность заменять частными подрядчиками государственные компании там, где их необходимо вывести из-под санкций, сочетаются с готовностью Китая реализовывать сложные технологические проекты за счёт собственных ресурсов.

Китай не конкурирует с американскими и европейскими компаниями, он демпингует и готов рисковать там, где Запад ограничивают права человека и другие факторы, не представляющие для Пекина преграды. В Судане и странах Магриба, Омане и Афганистане, малых монархиях Залива и Леванте Китай не менее активен, чем страны западного блока. В Израиле он наращивает присутствие вопреки США, сделавшим всё для того, чтобы израильско-китайское сотрудничество в военно-технической сфере, в том числе в авиационной и аэрокосмической области с участием России, не состоялось в 90-е годы и затормозилось в 2000-е.

Потенциал Китая на БСВ опирается на опыт, который его специалисты получили, сотрудничая с регионом на протяжении десятилетий, и возможности, которые открывает промышленное, финансовое и военное развитие КНР. Для продвижения на БСВ плана «один пояс, один путь» Китай в 2016-м году запустил проект «Сотни миллионов», в ходе которого Минэкономики и Минобразования КНР проведут 100 научных симпозиумов и конференций, в Китай будут приглашены 1000 представителей арабской молодёжи

и 1500 представителей политических партий. Для молодых людей из Саудовской Аравии, Египта и Ирана будет выделено в вузах Китая 10 тысяч мест, 10 тысяч именных стипендий и 10 тысяч мест для обменных программ в области культуры и искусств.

Пока на БСВ не появились китайские военные базы, но их создание лишь вопрос времени. Почва для этого подготовлена в Пакистане, Иране, странах Африканского Рога и Магрибе. Об этом свидетельствует подтверждение властями Джибути подписания соглашения о строительстве военно-морской базы (ВМБ) для ВМС НОАК. Ориентировочная стоимость работ $ 185 200 млн, при суммарных китайских инвестициях в развитие аэропорта, порта и железной дороги в Джибути около $ 9 млрд.

В 2011–2015 годах корабли 20 групп охранения ВМС НОАК заходили в порт Джибути для пополнения запасов, ремонта и отдыха экипажей более 60-ти раз. В рамках антипиратских миссий ими было сопровождено более 6-ти тысяч гражданских судов. Известно, что Пекин в феврале 2014 года достиг договорённости с руководством восточноафриканского государства по строительству ВМБ в порту Обок (залив Таджур). Такое расположение ВМБ позволит избежать столкновений военных кораблей и гражданских судов, а также обеспечит удобный проход дизель-электрических подводных лодок ВМС НОАК, осуществляющих боевое патрулирование в Индийском океане.

ВМБ в Джибути, необходимая ВМС НОАК для обеспечения антипиратских миссий в Аденском заливе и западной части Индийского океана, в сочетании с аэродромом позволит китайской военной авиации установить регулярное сообщение с планируемой ВМБ в Намибии и авиабазой в Зимбабве, а также

осуществлять полёты в дружественные КНР страны Африки (Кения, Танзания, Замбия, Зимбабве, Ботсвана). Аэродром в Джибути нужен КНР для обеспечения как контртеррористических (в Мали и Нигерии) и антипиратских (в районе Сомали) миссий, так и для миротворческих операций. База в Джибути необходима и для оперативной переброски военных медиков и эпидемиологов в страны Африки, где регулярно фиксируются вспышки опасных вирусных заболеваний.

ВМБ Джибути будет первой в системе китайских баз на побережье Африки, в которую будут входить Момбаса (Кения), Дар-эс-Салам (Танзания), Дурбан, Порт Элизабет и Кейптаун (ЮАР) и Виндхук (Намибия). Для осуществления патрулирования вдоль побережья «Чёрного континента» ВМС НОАК обладают достаточным количеством надводных и подводных кораблей, которым для обеспечения деятельности необходимы пункты материально-технического обеспечения. Пекин считает, что новая заграничная ВМБ — расширенный пункт материально-технического обеспечения, деятельность которого будут обеспечивать около тысячи военнослужащих ВМС НОАК.

Информация к размышлению

Ислам — течения и правовые школы

Первый раскол среди мусульман произошёл в 656-м году, когда после убийства третьего праведного халифа Усмана ибн Аффана халифом был избран зять пророка Мухаммеда Али ибн Абу Талиб. Подозревая его в причастности к убийству халифа Усмана, наместник Сирии Муавия ибн Абу Суфьян отказался присяг-

нуть ему на верность, результатом чего стала битва при Саффине. Проигрывая, Муавия уговорил Али ибн Абу Талиба остановить битву и начать мирные переговоры. Нерешительность Али возмутила его сторонников, 12 тысяч которых, покинув его армию, ушли в Ирак. Воинов, покинувших Али после битвы при Сиффине стали называть хариджитами (от араб. — *выступившие, покинувшие*).

В 661-м году праведный халиф Али ибн Абу Талиб был смертельно ранен хариджитом Ибн Мульджамом, после чего большинство мусульман признало халифом Муавию. Часть мусульман осталась верна Али, считая, что власть в Халифате должна принадлежать его потомкам. В итоге мусульмане разделились на суннитов (араб. — *ахлю-суннат ва-ль-джама'ах*), признавших законной власть Муавии и династии Омейядов, шиитов (араб. — *ши'а*), которые считают, что власть в халифате должна принадлежать потомкам Али (Алидам), и хариджитов, которые не примкнули ни к одной из групп.

На сегодня сунниты представляют подавляющее большинство мусульман (около 85%) и представлены в большинстве исламских стран (на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Центральной и Южной Азии и в других регионах). Основной отличительной чертой суннитов является приверженность в правовых вопросах одной из 4-х общепризнанных суннитских правовых школ (*мазхабов фикха*) и следование в вопросах веры асаритской, ашаритской или матурдитской школе (*мазхабу акиды*). К суннитам также относят салафитов (живущих в Саудовской Аравии Катаре, Кувейте и ОАЭ) и суфиев.

Шииты составляют вторую по численности группу мусульман (около 15%) и делятся на умеренных

шиитов-двунадесятников (*иснаашаритов*), верящих в 12-го, «скрытого» имама — Махди (живут в Иране, Азербайджане, на Бахрейне, в Ираке и Ливане), зейдитов (в Йемене, Саудовской Аравии, Иране и Ираке), а также крайних шиитов: исмаилитов, алавитов (в Сирии, Турции и Ливане), алевитов и некоторых других.

Шииты придерживаются принципа таки́йя или *такыйя* (араб.) — «мысленной оговорки», согласно которому мусульманин, живущий во враждебной среде, может принять её, сохраняя в душе истинную веру. Таким образом, шииты допускают внешнее (мнимое) отрицание собственной веры в обстоятельствах, угрожающих жизни верующего, что может использоваться для сокрытия подлинных взглядов и практикуется исмаилитами, алавитами и, с оговорками, другими шиитами во времена религиозных гонений.

Религиозные взгляды хариджитов во многом совпадают со взглядами суннитов, но хариджиты признают законными только двух первых халифов: Абу Бакра и Умара ибн Хаттаба, не признавая Усмана, Али и всех прочих (Омейядов, Аббасидов, Алидов и других). В современном мире хариджиты представлены ибадитами, которые составляют большую часть населения Омана. Прочие хариджитские течения: аджрадиты, азракиты, байхаситы, мухаккимиты, наджатиты, саалабиты, суфриты и другие (их помнят разве что историки ислама), — к настоящему времени исчезли либо представлены небольшими группами.

Кроме 3-х основных исламских течений существует ряд групп, принадлежность которых к исламу часто ставится под сомнение мусульманскими богословами. Это ахмадийя, друзы, бахаи, низариты и другие. Причём каждое исламское течение имеет свою право-

вую школу (*мазхаб*) со свойственной ей методологией вынесения шариатского решения. Первоисточниками во всех них являются Коран и Сунна пророка Мухаммеда, которая в разных мазхабах может отличаться в силу расхождений в используемых сборниках *хадисов*.

К второстепенным источникам шариата относятся: *иджма* (единогласное мнение учёных), *кияс* (суждение по аналогии), *истихсан* (правовое исключение), *истисхаб* (правовая презумпция), *масляха мурсаля* (общая польза), *урф* (*адат*, обычай), *садду зараи* (предотвращение вреда) и ряд менее известных и редко употребляемых. Да избавит читателя добрая воля автора от их перечисления.

Существует 4 основных суннитских мазхаба (ханафитский, шафиитский, маликитский и ханбалитский). 5-й суннитский мазхаб — захиритский, ныне полностью исчез. Все 4 школы признают правомерность друг друга. Суннит может выбрать любую из этих школ и следовать той, с которой соглашается. Кроме того, существует ряд шиитских мазхабов (джафаритский, зейдитский), ибадитский мазхаб и так далее.

Сунниты допускают передачу власти халифа в результате всенародного голосования и признают законность правления первых трёх праведных халифов. Они, как, впрочем, и шииты, отмечают праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам. В день Ашура (10-е мухаррама) сунниты соблюдают желательный пост по случаю избавления народа Израиля от фараона.

Они признают авторитетными 6 сборников хадисов (Сахих-Сита): Сахих аль-Бухари (умер в 256-м году хиджры, что соответствует 870-му году христи-

анского летоисчисления) — содержит 7397 хадисов; Сахих Муслима (умер в 261-м году хиджры — 875-м году); Сунан Ибн Маджаха (умер в 273-м году хиджры — 887-м году); Сунан Абу Дауда (умер в 274-м году хиджры — 888-м году); Джами аль-Тирмизи (умер в 279-м году хиджры — 892-м году) и Сунан аль-Насаи (умер в 303-м году хиджры — 915-м году).

К слову! Читатель, который пытается самостоятельно разобраться, что это за годы хиджры такие и за что на его бедную голову обрушил автор такую напасть, — не расстраивайся. Это просто наименование годов мусульманского летоисчисления, которое ведётся от хиджры (или Хиджры) — даты переселения пророка и первых мусульман из Мекки в Медину, 16 июля 622 года. Полегчало ли тебе, о светоч мудрости и любимый птенец учения? Тогда вперёд!

Жёнам на заметку. У суннитов временный брак (*мута*) запрещён. Сунниты признают, что он был разрешён пророком во время одного из военных походов, но вскоре был им отменён. Аят, на который ссылаются шииты в качестве доказательства дозволенности временного брака, большинство суннитских богословов трактуют как выплату калыма (*махр*).

Сунниты придерживаются 4-х признанных мазхабов: ханафитского, шафиитского, маликитского и ханбалитского. Они не признают непогрешимость людей и считают, что все люди, кроме пророков, имеют грехи. Что до паломничеств, сунниты считают обязательным паломничество к Запретной Мечети в Мекке и дозволенным посещение Мечетей Пророка и (к прискорбию израильтян) Аль-Аксы.

Шииты считают, что власть в Халифате должна передаваться только среди потомков праведного халифа Али и дочери пророка Мухаммеда — Фатимы, и не

признают законность правления первых трёх праведных халифов. Они отмечают день Ашура (Шахсей-вахсей), связанный с мученической смертью внука пророка Мухаммеда Хусейна ибн Али. Траурные мероприятия включают поминальные вечера, шествия и чтения хутбы о событиях Ашуры. В этот день шииты одеваются в чёрное и бьют себя в грудь, исполняя траурные песни. В Ираке и Пакистане распространена практика нанесения себе кровоточащих ран мечом или цепями.

У шиитов общепризнанными являются 4 сборника хадисов: «Аль-кафи», автор которого Абу Джафар Мухаммад ибн Йакуб ибн Исхак Кулейни Рази умер в 329-м году хиджры, содержащий около 16 тысяч хадисов; «Ман ля йахдуруху аль-факих» Абу Джафара Мухаммада ибн Али ибн Хусейна ибн Мусы Бабавейха Куми, умершего в 381-м году хиджры,— 5920 хадисов; «Тахзиб аль-ахкам фи шархи аль-макнаати лиш-шейх аль-муфид» Абу Джафара Мухаммада ибн Хасана ибн Али Туси (умер в 460-м году хиджры) — 13 590 хадисов и «Аль-истибсар фи ма ихталяфа мин аль-ахбар», или просто «Аль-истибсар», также принадлежащий перу шейха Туси,— 5511 хадисов. Шииты признают и большинство хадисов, приведённых в 6-ти суннитских сборниках.

Временный брак у шиитов разрешён. Внимание, о читающие эту книгу дамы! Они утверждают, что он был разрешён в аяте «...А за то, чем вы пользуетесь от них, давайте им их награду по установлению. И нет греха над вами, в чём вы согласитесь между собой после установления», не был отменён никаким другим аятом, и поэтому они практикуют его по сей день. Причём количество временных браков у шиитов не ограничено.

У шиитов распространён джафаритский мазхаб. Отличием джафаритов от суннитских мазхабов является неприятие тезиса о «закрытии врат иджтихада» (толкования), а также непризнание иджмы в качестве доказательств. Шииты верят, что имамы непогрешимы во всех делах, актах, принципах и вере. Что касается мест паломничества (*зияратов*), помимо Запретной Мечети, Мечети Пророка и Аль-Аксы шииты совершают паломничество в город Кербела (Ирак) к мавзолею имама Хусейна для совершения обряда его поминовения.

Хорошо ли тебе, о читатель? Проник ли ты сердцем своим в суть ислама? Понял ли, насколько многообразна основная религия описываемого нами Ближнего и Среднего Востока? Не беда, если ещё нет, — ибо автор уже готов представить тебе суфизм — удивительное интеллектуальное достижение этой мировой религии, лежащее в основе традиционного ислама во многих странах, включая нашу собственную.

Суфизм (от араб. *сулук, тазкиятун-нафс*) — направление в исламе, включающее учение очищения сердца от всего, помимо Б-га, — Пути познания и достижения Аллаха. Суфизм опирается на идею индивидуального достижения связи человека с Б-гом, но на практике часто подразумевает существование организаций (*тарикатов,* или орденов), лидеры которых имеют духовную преемственность от учителей древности.

В ряде стран суфизм составляет доминирующую часть исламской традиции, в других странах или религиозных кругах отношение к нему неоднозначно. Оппоненты считают суфизм искажением ислама христианскими и индуистскими традициями, а практику суфизма объявляют противоречащей исламу, включая

почитание умерших учителей, возведение им мавзолеев, молитвы на их могилах, экстатические пляски и концепцию растворения суфия в Б-ге.

Противоречащие исламу обряды отвергаются и признанными учёными суфиями, которые говорят о суфизме как об очищении сердца и воспитании искренности. Настоящий суфизм должен соответствовать шариату. При этом существует достаточное количество суфиев, в практике которых присутствуют указанные отклонения от ислама, что вызывает критику суфизма в целом. При этом суфийские ордена и традиции заметно отличаются друг от друга.

Ступени духовного пути суфия: *шариат* — исполнение законов ислама, *сулук (тарикат)* — послушничество в роли мюрида при шейхе *(ишане)*, *марифат* — познание Б-га не умом, а сердцем, и высшая стадия: *хакикат* — полное постижение истины. Синоним суфийского братства (ордена) — *тарикат* (араб. *сулук*): путь познания Б-га. Суфизм допускает множество таких путей. Выделяются 13 ведущих тарикатов: накшбандийа, кубравия, ясавийа, бекташи, кадирийя, мевлеви, накшбандийа увайсия, ниматуллахи, рифаийа, сухравардия, тиджанийа, чишти и шадилийя.

Накшбандийа — назван в честь шейха Бахауддина Накшбанда, мавзолей которого находится в Бухаре. Духовная генеалогия шейхов ордена восходит не к Али, как у большинства тарикатов, а к первому праведному халифу Абу Бакру. Накшбандийцы учат, что есть несколько *макам* — ступеней суфийского пути, на которых человек сначала читает молитву, контролирует дыхание, поведение и учится рационально распределять время. Высшая ступень — открытие сердца Всевышнему.

Кубравия — назван по имени основателя, Наджмаддин Кубра из Ургенча (1145–1221 годы). Распространён в Средней Азии.

Ясавийа — основан Ходжой Ахмедом Ясави (умер в 1166-м году), автора «Диван-и-хикмет» («Книга мудрости»). Распространён у тюркских народов Центральной Азии.

Бекташи — основан Хаджи Бекташи Вели (умер в 1270/1271 году) из Хорасана. Близок к шиизму (почитание Али), содержит элементы христианства (крещение). Изначально был распространён в Турции, Албании и Боснии. В фольклорной традиции Ближнего Востока бекташи часто приписывается роль вольнодумцев.

Кадирийя — основан персом Абд ал-Кадиром ал-Джилани (1077–1166 годы), трактует суфизм как морально-этическое учение. Орден окончательно оформился к концу XIII-го века. Мемориальный комплекс при могиле Абд ал-Кадира в Багдаде — резиденция наследственного главы братства. В ордене запрещено нищенство. Его эмблема — зелёная роза с 3-мя рядами лепестков (их в рядах соответственно 5, 6 и 7, что означает 5 столпов ислама, 6 основ веры и 7 слов в формуле зикра). Братство известно ритуалом громкого зикра (на Северном Кавказе их часто именуют «зикристами»), который состоит из чтения вслух касиды ал-Барзанджи в прославление пророка, молитв и хорового прославления (*мадаих*) патрона братства, завершающегося наставлениями его членам.

Мевлеви — основан в XIII-м веке в Турции Джалал ад-Дином Мухаммад Руми (1207–1273 годы) из города Балх, он же Руми, Мевляна или Мавлана Джалал ад-Дин Мухаммад Балхи.

Накшбандийа увайсия — основан знаменитым Бахаутдином Накшбандом (умер в 1389-м году) в Центральной Азии. Распространён в Пакистане, являясь ветвью тариката Накшбандийа. Его последователи считают, что он появился в Индии в XVII-м веке вместе с основной ветвью накшбандийа-муджаддидия, основанной последователями шейха Ахмада Сирхинди (1556–1606 годы).

Ниматуллахи — основан Шахом Ниматуллой Вали (годы жизни 13301431), погребённым в Механе. Духовная методика братства основывается на взывании и вспоминании Г-да (*зикр*), размышлении (*фекр*), самоанализе (*мохасеба*), медитации (*моракеба*) и литании (*вирд*). В ордене порицается отшельничество и ношение особых одежд. Он чрезвычайно терпим к неисламским конфессиям. Тарикат разделен на *ханаки* (общины), во главе которых стоят шейхи. Распространён в Иране и Индии.

Рифаийа — основан Ахмадом ар-Рифаи в XII-м веке. Популярен на арабском Среднем Востоке. Практикует экзорцизм: изгнание злых духов посредством зикра.

Сухравардия — основан Шихабеддином Абухафсом Омаром Сухраварди, учеником Аль-Газали. Особое внимание уделяется экстатическому постижению Б-га. Распространён в Индии.

Тиджанийа — основан в Северной Африке алжирцем Ахметом Тиджаном в 1781-м году.

Чишти — основан сирийцем Абу Исхаком в афганском городе Чишт в X-м веке. Распространён в Индии. Гробница Ходжи Муинуддина Чишти (1141–1230 годы) в индийском городе Аджмер является местом паломничества не только мусульман. Музыкальные ра-

дения (*сама*) в тарикате используются как средство медитации и привлечения людей к проповедям.

Шадилийя — основан Хасаном Шазили в XIII-м веке. Основной акцент в ордене делается на внутреннем самосовершенствовании, важную роль в котором играет «халва» — практика регулярного уединения (отшельничества), сопровождаемого постом. В братстве распространён зикр. Шадилиты верят, что принадлежность к этому тарикату предопределена от вечности.

Глава 8

Восток: Индия и другие…

В отличие от Китая, все прочие «незападные» игроки, действующие на БСВ, не могут играть по правилам, доступным сверхдержавам, хотя их экономический и военно-политический потенциал чрезвычайно велик. В особенности это касается Индии, Японии и Южной Кореи, хотя заметную роль в транзитной торговле и финансовой сфере БСВ играют Тайвань и Сингапур.

Рынок рабочей силы Израиля и стран ССАГПЗ освоен Таиландом и Филиппинами — странами, как и Индия, сталкивающимися с исламистским экстремизмом на своей собственной территории. Исламистские группировки региона активно действуют в мусульманских общинах Южной и Юго-Восточной Азии, вербуя там добровольцев в «Аль-Каиду» и «Исламское государство», а правящие режимы региона под давлением Саудовской Аравии и Катара попустительствуют распространению в ЮВА консервативного ислама вместо распространённых там плюралистических традиционных версий этого вероучения. Не случайно опасающийся своих соседей, балансирующий между Малайзией и Индонезией Сингапур, опи-

рался в подготовке вооружённых сил на помощь Израиля.

Единственной из перечисленных стран военной силой, присутствующей на БСВ в постоянном режиме в зоне АфПака, является Индия, на протяжении второй половины XX-го века несколько раз воевавшая с Пакистаном. Не исключено и возвращение Индии в среднесрочной перспективе в Восточную Африку, бывшую до 60–70-х годов зоной активного проникновения торгово-промышленного капитала и рабочей силы из Южной Азии, вытесненной оттуда местной элитой после завоевания британскими колониями Африки независимости. Пока, однако, её присутствие в регионе ограничено борьбой военно-морского флота Индии с сомалийскими пиратами и торговлей.

Более активную роль в регионе играет Япония, которая 1 июня 2011 года ввела в строй военную базу в Джибути — первый зарубежный военный объект этой страны после Второй мировой войны. База на 12-ти га включает авиационный ангар, казармы и обслуживающую инфраструктуру. В Джибути базируются два эсминца и два патрульных самолёта Сил самообороны Японии, численность её военнослужащих — более 200 человек. Японии принадлежат около 10% из 20-ти тысяч морских судов, ежегодно проходящих в зоне Аденского залива. Она присоединилась к борьбе с сомалийскими пиратами в июне 2009 года.

Крупнейшими на БСВ торговыми партнёрами Индии, Японии, Южной Кореи, Таиланда и Тайваня являются ОАЭ и Саудовская Аравия. Крупнейшие азиатские партнёры Бахрейна и Ирана — Япония, Индия и Южная Корея. Кувейта и Саудовской Аравии — Япония, Южная Корея, Индия, Тайвань и Сингапур. ОАЭ и Омана — Япония, Южная Корея, Индия и Таиланд.

Катара — Япония, Южная Корея, Сингапур и Индия. Йемена — Индия, Таиланд и Япония. Египта — Индия и Южная Корея. Судана и Джибути — Япония и Индия. Афганистана, Марокко, Иордании, Эритреи и Сомали — Индия. Крупный партнёр Мавритании — Япония. Довоенной Ливии — Южная Корея. Около половины нефти Ирака идёт в Индию, Японию, Южную Корею и на Тайвань.

До 90-х годов экономические интересы Индии, ориентировавшейся на СССР, не поддерживавший дипломатических отношений с Израилем, и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, избегавших арабского бойкота, ограничивали контакты с Иерусалимом большинства стран Южной Азии и Дальнего Востока. Исключениями были Таиланд, Тайвань, Сингапур и Южная Корея. В настоящее время баланс между арабским миром, Ираном и Израилем — основа политики этих стран. При сохранении сотрудничества США с Пакистаном растёт ядерное и военно-техническое сотрудничество Индии с США.

Япония и Южная Корея традиционно связывали сотрудничество с Тегераном с обеспечением энергетической безопасности. Принятие вслед за резолюцией СБ ООН № 1929 США и ЕС односторонних санкций в отношении Ирана осложнило это сотрудничество. Япония поддержала резолюции Совбеза ООН. В 2006-м году фирма Inpex сократила участие в проекте разработки месторождения «Азадеган» с 90% до 10%, а в 2010-м вышла из этого проекта. На рубеже 2006–2007 годов было заключено соглашение Токио и Лондона о противодействии реализации ядерных программ КНДР и ИРИ.

В 2007-м году Япония заморозила счета 10-ти компаний и 12-ти частных лиц Ирана. В преддверии

новых санкций японское руководство в 2009-м взяло курс на снижение объёмов нефти, закупаемой у Ирана, заморозило счета 88-ми юридических (включая IRISL и ее дочерние фирмы) и 24-х физических лиц ИРИ, прервало операции с 15-тью иранскими банками, заморозив счета и активы их японских представительств. Ограничениям подверглось сотрудничество с ИРИ в финансовой сфере, страховании, брокерской деятельности, торговле, инвестициях. Japan Bank for International Cooperation (JBIC) и Nippon Export and Investment Insurance (NEXI) отказались от предоставления экспортных кредитов для торговли с Ираном.

Южная Корея заняла другую позицию. В 2010-м году она ввела односторонние санкции в отношении ИРИ, запретив вести бизнес со 102 юридическими и 24-мя физическими иранскими лицами, пообещав проверять грузы, следующие в Иран и из Ирана, и временно прекратить инвестиции в иранскую энергетику. Однако она отказалась закрыть представительство банка Меллят в Сеуле, заморозив его деятельность в 2010-м году на два месяца и перейдя в торговле с ИРИ на воны, право на осуществление операций с которыми получили Центробанк Ирана, Industrial Bank of Korea и Woori Bank.

В 2010-м с Ираном вели бизнес около 2-х тысяч южнокорейских фирм, включая «Самсунг», Hyundai Heavy Industries и GS Engineering and Construction. Daelim Industrial Company в 2007-м заключила договоры на участие в модернизации нефтеперерабатывающего завода в Исфагане и строительство ёмкостей для хранения сжиженного природного газа в порту Томбак, а в 2009-м на развитие 12-го блока газового месторождения «Южный Парс».

После введения антииранских санкций Совбеза ООН, США и ЕС в 2010-м году GS Engineering and Construction расторгла контракт с компанией «Парс» по созданию мощностей для дезодорирования природного газа и вместе с Daelim Industrial и Doosan Heavy Industries выразила обеспокоенность развитием ситуации вокруг ИРИ.

В августе 2010 года южнокорейское Министерство экономики заявило о возможном оказании помощи (включая выдачу льготных кредитов) компаниям, пострадавшим от санкций со стороны США. Формально Сеул выполнял резолюции Совбеза ООН и создал законодательную базу для режима санкций в отношении Ирана, но для Сеула главное в отношениях с Ираном — экономическая безопасность самой Южной Кореи.

С 90-х годов Южная Корея начала активно развивать сотрудничество с Израилем. В 2001-м году Израиль и Южная Корея подписали соглашение о судоходстве. В 2008-м на корейском рынке действовали 828 израильских компаний. 75% израильского экспорта в Корею составляло оборудование, прочее — удобрения, фармацевтические препараты, металлы, сельскохозяйственная продукция и алмазы.

Сотрудничество двух стран включает военно-техническую сферу. Согласно контракту между Daewoo и Ta'as в Израиле построен завод, производящий автомобильные подушки безопасности. Сеул закупил партию БПЛА Israel Aircraft Industries, включая современные Harp.

Импорт в Израиль из Кореи состоит из легковых автомобилей и запчастей, бытовых электроприборов, компьютеров и мобильных телефонов, резины и пластиков, металлов и текстиля. С 1990 года Израиль

посетило больше туристов из Южной Кореи, чем из прочих стран Азии, — в основном христианские паломники.

Особые перспективы сотрудничества в сфере высоких технологий двух стран открылись в связи с тем, что достижения Израиля (изобретения и патенты) и Южной Кореи (производство и продажа) взаимно дополняют друг друга. Так, электрооптика El-Op использована в южнокорейских спутниках.

Перспективным является сотрудничество Сеула и Иерусалима в области информационной защиты, биомедицине, альтернативной энергетике и военно-промышленном комплексе. С 2001 года действует соглашение о создании объединённого фонда поддержки НИОКР. В 2002-м был подписан договор о сотрудничестве между израильским Технионом и южнокорейским Институтом электронных технологий.

Израиль — один из крупнейших рынков Южной Кореи на БСВ, а Южная Корея играет ту же роль для Израиля. Hyundai Industries выиграла контракт на постройку силовой установки для Dead Sea Works и по соглашению с Israel Electric Corporation построила угольный причал для электростанции в Ашкелоне. Израильская компания Power Design в сотрудничестве с Samsung Electronics обеспечила электропитанием 500 тысяч точек беспроводного доступа в Интернет, используя корейское оборудование.

В 2010-м году в рамках израильской программы NewTECH была обсуждена кооперация южнокорейской K-Water и израильской Mekorot. 4 из 12-ти крупнейших азиатских инвесторов в Израиле — южнокорейские. Это Samsung Electronics, Daewoo, LG Group и Hyundai.

Республика Индия и Государство Израиль были основаны с разницей менее года (Индия в августе 1947 года, Израиль в мае 1948-го). Ганди и Неру выступили против создания Израиля. 29 ноября 1947 года, на Генассамблее ООН Индия голосовала против раздела Палестины. После признания в 1950-м году Израиля, Индия не установила с ним дипломатические отношения, хотя в 1952-м было разрешено открыть израильское консульство в Бомбее. 29 января 1992 года Индия установила полные дипломатические отношения с Израилем.

Руководство ИНК, опасаясь потерять голоса избирателей-мусульман, относится к Израилю сдержанно. Левые партии, особенно Марксистская коммунистическая партия Индии, открыто враждебны еврейскому государству. Сотрудничество Индии с Израилем в настоящее время укрепляет идеология правящей партии: организованные группы хиндутвы, включая политическое крыло, с 40-х годов поддерживают Израиль, как союзника Индии в борьбе с исламским радикализмом.

Военно-техническое сотрудничество между Израилем и Индией было установлено в начале 90-х — инициатива исходила от индийской стороны. Индо-израильские военные связи значительно расширились в 1998-м году после прихода к власти партии Бхаратия Джаната и достигли современного уровня к 2005-му году. В 2004-м с возвращением к власти Индийского национального конгресса в индо-израильских отношениях возникла напряжённость, но это не сказалось на военном сотрудничестве. Следует отметить, что контакты спецслужб Израиля и Индии были установлены раньше, чем дипломатические отношения. Сотрудничество по линии спецслужб получило развитие

после террористической атаки на Мумбай в ноябре 2008 года.

Индия — один из крупнейших импортёров израильской военной продукции. С 2002 по 2007 год Индия купила у Израиля вооружения на сумму более $ 5 млрд. (в том числе на $ 1,6 млрд в 2006 году), В 2007–2013 годах стоимость военного экспорта Израиля в Индию составила $ 2,344 млрд, а в 2014–2017 годах должна составить $ 2,613 млрд. По итогам 2014 года Израиль занял 4-е место (после США, России и Франции) в индийском военном импорте. ВТС Израиля и Индии полностью коммерческое.

Успех израильтян в Индии обусловлен готовностью Израиля передавать Индии новейшие вооружения и передовые технологии без оговорок и ограничений и развитием двусторонней производственно-конструкторской кооперации. Плюсом Израиля был опыт модернизации образцов советского и российского оружия и военной техники, которые есть у Индии. Предложенные Израилем цены устроили Министерство обороны Индии. Дополнительными аргументами стали отсутствие взаимных претензий, общие интересы в сфере национальной безопасности (враждебное окружение и террористические угрозы), схожесть климатических и географических условий.

В Израиле считают, что минусом в сделках с Индией является передача ей технологий производства, но без этого заключение контрактов невозможно. Для таких израильских компаний, как «Эльбит», «Рафаэль», «Таасия авирит» Индия стала одним из важнейших источник доходов. Вопросами двустороннего военно-технического сотрудничества занимается индийско-израильская межправкомиссия по ВТС. Развивается сотрудничество обеих стран в подготовке военных

кадров. Разрабатываются совместные программы по боевой подготовке войск.

Пример сотрудничества — корабельный ЗРК средней дальности «Барак-8». В Израиле отмечают, что «без индийского финансового участия эта важнейшая система, обладающая экспортным потенциалом, не появилась бы на свет». В то же время, в 2006-м году, спустя 6 лет после подписания контракта «Barak», Центральное бюро расследований Индии открыло дело о взятках, которые могли повлиять на решение индийского министра обороны.

Стороны поддерживают регулярные контакты по линии министерств обороны. Важное значение имел визит в Индию в феврале 2015-го главы израильского военного ведомства М. Яалона — первый с 1992 года. В итоге визита ряд сделок и контрактов, находившихся в замороженном состоянии, были реализованы или вышли на финишную прямую. Так, с индийской стороной были оговорены условия сделки по продаже 2-х самолетов ДРЛОиУ и 4-х аэростатов, оснащённых РЛС. Сумма контракта — $ 1,5 млрд.

Израиль реализует свыше 30-ти программ по поставке вооружений и военной техники для Индии. Наиболее крупными являются соглашения о поставках Индии РЛС EL/M-2032 «Грин Пайн», входящих в состав ЗРК «Эрроу-2», самолётов ДРЛО и У «Фалькон», ЗРК «Спайдер», беспилотных летательных аппаратов «Херон-1» и «Сёрчер II», ЗРК «Барак» и зенитных управляемых ракет к ним в корабельном и сухопутном вариантах.

Индия — один из основных покупателей израильских разведывательных БПЛА. Израиль и Индия намерены продолжать совместные работы по созданию БПЛА на базе аппаратов типа «Херон» и «Сёрчер II».

Страны совместно разрабатывают обладающий возможностями ПРО зенитный ракетный комплекс «Барак» II NG, работают над проектами новых подводных лодок, созданием пограничных «электронных заборов». На выставке «Аэро Индия 2015» был представлен индо-израильский вариант модернизации ЗСУ-23–4 «Шилка». Предполагается, что модернизация позволит продлить срок эксплуатации индийских «Шилок» на 15 лет.

Индийская компания «Бхарат Форге» совместно с израильской компанией «Рафаэль» предлагают сухопутным войскам Индии модернизацию 1250 БМП-2. Израильское оборудование установлено на танках Т-72 и истребителях Су-30. Дели отказался приобрести систему ПРО «Железный купол» и ПРО для перехвата баллистических ракет средней дальности «Праща Давида», но одобрил разработку национальной системы ПРО с израильскими компаниями. Индия оказывает на Израиль давление с целью ускорить работы по проекту ЗРК LRSAM (Long Range Surface to Air Missile) для авианосца «Викрамадитья». Этот проект был начат в 2005-м году и его стоимость составила $ 600 млн. Техника должна была быть введена в строй в 2012-м, однако пока идут её испытания.

На индийском рынке израильское оружие успешно конкурирует с западным. Так, Индия отказалась от американского ПТРК «Джавелин», закупив в Израиле противотанковый ракетный комплекс «Спайк» компании «Рафаэль»: 8356 управляемых ракет, 321 пусковую установку и 15 тренажеров на $ 525 млн. Конкурируя с Израилем, США добились (в 2003-м году) расторжения соглашения о продаже им в Индию противоракетного комплекса «Arrow», хотя одобрили продажу системы воздушного предупреждения и кон-

троля Phalcon (AWACS). Опасна для Израиля возможность поставок в Индию американских БПЛА.

Основными направлениями сотрудничества Израиля и Индии в сфере высоких технологий являются: биотехнологии, здравоохранение, образование, исследование космического пространства, атомная энергетика, информационные технологии, технология окружающей среды, исследование искусственных материалов, военно-техническое сотрудничество.

Министерство экономического сотрудничества Индии и Министерство промышленности и торговли Израиля финансируют программы подготовки индийских студентов в области компьютеризации и информационных технологий. Израиль готовит индийских учёных в аспирантурах с условием, что, защитив диссертации, они несколько лет будут работать в израильских научно-исследовательских центрах.

Действует до 50-ти программ, в рамках которых идут посещения индийскими учёными Израиля. Поездки в Индию израильских учёных финансируются правительством Индии, включая перелёты. В рамках программы мастер-классов (их проведено более 100) идёт обучение израильтянами индийских групп, более 30-ти человек в каждой.

В космических исследованиях сотрудничество идёт в области инерционных систем, спутников для глубокой разведки и развития коммуникаций. В них участвует Индийская организация комического пространства (ISRO).

В сфере биотехнологий Индия опирается на Израиль как одного из основных партнёров. Израильские фирмы сотрудничают с компаниями в Бангалоре и Хайдарабаде. Одна из областей сотрудничества — биологическое топливо.

Начало стратегического партнерства между Дели и Вашингтоном было положено подписанием в 2005-м году ядерной сделки, в соответствии с которой США признали ядерный статус Индии. Дополнительным фактором сближения с Соединёнными Штатами стала поддержка Вашингтоном позиций Индии в Афганистане. В инфраструктуру этой страны, в том числе в восстановление электростанций, горнодобывающую промышленность и подготовку гражданских служащих и полиции, конкурируя с Пакистаном, в соответствии с подписанным между Индией и ИРА в 2011-м году «Соглашение о стратегическом партнёрстве», Индия инвестировала более $ 2,1 млрд.

Цели и задачи Индии в Афганистане: удерживать Афганистан от использования его Пакистаном как базы для террористических атак против Индии; ослабить и ограничить влияние Исламабада и «Движения Талибан» на афганскую внутреннюю политику; создание сети газо- и нефтепроводов из Центральной Азии через Афганистан, гарантирующих Индии энергетическую безопасность; влияние на экономику и внутреннюю политику Афганистана и расширение сферы влияния в Южной Азии в рамках претензий на место постоянного члена СБ ООН.

Индия — крупнейший импортёр катарского сжиженного природного газа (СПГ) в Азии. Индийско-катарская комиссия высокого уровня приняла решение об увеличении объёма поставок катарского СПГ в Индию ежегодно на 510 млн тонн. В 2010-м году товарооборот между Индией и Катаром составил $ 5,185 млрд. С 2006 по 2010 год он увеличился в 5 раз: катарский экспорт вырос с $ 901 млн до $ 4,468 млрд, а импорт — с $ 259 до $ 536 млн. Основа индийского экспорта — машины и оборудование, транспортные

средства, текстиль, продукты питания, руды и минералы. Индия импортирует энергоносители и топливо.

Функционирует Индо-катарская ассоциация бизнесменов. Предприниматели Индии инвестируют в нефтехимическую, банковскую и туристическую отрасли Катара. Авиакомпании «Катар Эйруэйс» и «Эйр-Индия» подписали соглашение о развитии корпоративных связей. В Катаре широко представлен индийский бизнес. Такие индийские компании, как «Вольтас», «Додсал», «Симплекс», «Тата Консультанси Энжиниерс» и «Пандж Ллойд» аккредитованы в Дохе и реализуют в эмирате крупные проекты. По подсчетам Департамента иммиграции Катара, индийская община (более 500 тысяч человек) — крупнейшая среди иностранных общин Катара.

Индо-турецкое сотрудничество имеет большой потенциал, но развивается медленными темпами. В ходе визита тогдашнего президента Турции А. Гюля в Индию в 2010-м году было отмечено, что торговый оборот двух стран составляет $ 3 млрд. Турецких подрядчиков привлекают планы строительства в Индии в среднесрочной перспективе 3,1 млн км автодорог стоимостью $ 32 млрд. Перспективно сотрудничество в энергетике, транспорте, информационных технологиях, программном обеспечении, связи, туризме и финансовой сфере. Действует соглашение о сотрудничестве объединений Торгово-промышленных палат.

В конце правления династии Пехлеви Индия была важным партнёром Ирана. Она вышла на первое место среди развивающихся стран по иранскому импорту и третье по экспорту, лидируя в импорте иранской нефти и нефтепродуктов. Партнёрство развивалось и в сфере инвестиций. Иран помог ей создать

первый современный нефтеперерабатывающий завод в Мадрасе.

В первое десятилетие после победы в Иране Исламской революции, когда упали объёмы его торговли с Западом, его место заняли развивающиеся страны, в том числе Индия. В эпоху президента Ирана Хатами (1997–2005 годы) отношения с Индией были стратегическим партнёрством, что отразила Тегеранская декларация 2001 года. Тогда стабилизировалось их сотрудничество в энергетике, металлургии, нефтегазовой и химической промышленности, транспорте. Страны установили режим наибольшего благоприятствования, подняв товарооборот до $ 3 млрд. Интересы Индии и Ирана во многом совпадают. Для них важно развитие транспортных коммуникаций. Иранский транзит даёт возможность доступа товаров Индии к внешним рынкам. Индия и Иран заинтересованы в многополярном мире и борьбе с терроризмом.

Однако Индия отошла от курса на стратегическое партнёрство с ИРИ. Разошлись взгляды Ирана и Индии по иранской ядерной программе. Это следствие сотрудничества Дели с США и такими противниками Ирана, как Саудовская Аравия и Израиль. В 2005-м году в МАГАТЭ Индия впервые проголосовала за антииранскую резолюцию и поддержала антииранские санкции ООН. Поддержка США в 2006-м индийской ядерной программы привела к выходу Индии из проекта газопровода Иран — Пакистан — Индия, альтернативой которому для неё призван стать газопровод ТАПИ, который должен связать Индию, Пакистан, Афганистан и Туркменистан (на момент написания данной книги о начале его строительства официально объявлено в Туркменистане).

Встреча в 2012-м году иранского Рахбара — аятоллы А. Хаменеи и премьер-министра Индии М. Сингха показала наличие серьёзных разногласий между странами. Помимо прочего, это замедлило реализацию проекта транспортного коридора «Север—Юг». Упали торговые показатели, хотя Индия осталась крупным импортёром иранских товаров, войдя в 2014-м в первую пятерку партнёров ИРИ. Индия в 2010-м прекратила расчёты с Ираном через Азиатский клиринговый союз и отказалась оплачивать нефть в СКВ, предложив рупии. Баланс двусторонней торговли в пользу Ирана привёл к образованию долга Индии в $ 8,8 млрд (частично погашен в конце 2014 года). Предложения Ирана вернуть деньги через Оман были отвергнуты.

В то же время уменьшение сотрудничества с Ираном крупных частных корпораций и госкомпаний Индии, чувствительных к санкциям, компенсируется мелким и средним бизнесом, действующим на иранском топливном рынке через ОАЭ. Президент Х. Роухани стремится активизировать взаимодействие с Индией, в которой живут почти 15% шиитов мира. Индия — второй после КНР импортёр иранской нефти, хотя в 2010–2011 годах она импортировала по 370 тыс. баррелей иранской нефти в день, в 2014–2015-м по 220 тыс., а в феврале 2015 года только 100 тысяч. Иран стал седьмым поставщиком нефти в Индию. Импорт товаров из Индии в Иран упал в разы.

Важным объектом ирано-индийского сотрудничества может стать морской порт на юго-востоке Ирана, у пакистанской границы, создание которого замедлилось в связи с введением против Ирана санкций. Соглашение об этом было подписано в годы президентства Хатами. Порт будет ориентирован на экс-

портно-импортные операции Индии со странами Центральной Азии через железно- и автодорожную сеть ИРИ. Проект реализуется в рамках экспорта через свободную экономическую зону Чахбахар. Тот факт, что порт иранский, позволит Индии избежать транзита грузов через Пакистан.

В Чахбахаре будет построен индо-иранский завод по производству карбамида (мочевины), мощностью 1,3 млн тонн карбамида в год. Индия предполагает инвестировать в него $ 800 млн. Для Ирана проект важен тем, что Чахбахар находится в депрессивной и проблемной с точки зрения безопасности провинции Систан и Белуджистан. Присутствие Индии в Чахбахаре для Дели — ответ китайскому присутствию в порту Гвадар, в 100 км от него, в пакистанском Белуджистане. При этом США, Катар, ОАЭ и Саудовская Аравия рекомендуют Индии не спешить с инвестициями в Иран, а КНР предлагает Ирану 70 млн евро за право участия в реконструкции порта и выкупа в дальнейшем 3540% его акций.

Дели поддержал в 2014-м году Тегеран в ООН при голосовании по резолюции по правам человека в ИРИ. Индия, наряду с РФ, КНР и АРЕ, высказалась против, так как 93% смертных приговоров в Иране выносят за контрабанду наркотиков. Индия с 2014 года ликвидирует задолженность по поставкам иранской нефти, составляющую в настоящее время более $ 3 млрд и готова оплачивать в счёт нефтяных долгов поставки продовольствия и лекарств для Ирана из третьих стран. Минфин Индии назначил для этого банк UCO.

В преддверии снятия санкций, в апреле 2015 года в Тегеране были проведены переговоры, на которых обсуждались инвестиции Индии в энергетические

проекты Ирана и её участие в разработке иранского газового месторождения «Фарзад Б». Торговый оборот Индии с ИРИ даже в кризисные годы составлял более $ 20 млрд. Страны ССАГПЗ пытаются понизить уровень индо-иранского сотрудничества, апеллируя к тому, что индийская диаспора в монархиях Персидского залива растёт, становясь важным источником притока денег в Индию, суннитов в Индии около 120-ти миллионов человек, а её торговый оборот с арабскими монархиями приблизился в 2014-м году к $ 130 млрд, в том числе из-за замены ими Ирана на индийском рынке нефти. В то же время снятие санкций ООН с Ирана в 2015-м году разблокировало ирано-индийское сотрудничество.

В настоящее время отношения Индии, Японии, Южной Кореи и стран ЮВА с государствами БСВ переживают изменения. В основе их лежит возникновение индо-американской оси на фоне ослабления партнёрства США с Пакистаном и конкуренции обеих стран с Китаем. Сохранение Южной Кореей позиций в Иране, несмотря на усиление связей с Израилем. Особая роль «малых Китаев»: Гонконга, Сингапура и Тайваня. Быстрое выстраивание японо-израильского и сворачивание ирано-японского сотрудничества в период действий антииранских санкций ООН. Увеличения, после введения в отношении Ирана санкций, объёмов экспорта нефти из стран ССАГПЗ в Индию, Японию и Южную Корею.

Конкуренция этих стран между собой, соперничество США и ЕС, Ирана и государств Персидского залива, израильского и американского военно-промышленных комплексов составляет фон этих процессов, которые могут ускориться в случае перехода конфликта Ирана со странами ССАГПЗ в «горячую фазу».

Информация к размышлению

Религиозные и религиозно-политические течения в исламе

Особенности религиозных и религиозно-политических течений ислама влияют на всё, что происходит на БСВ. Между тем мало кто знает, кто такие салафиты и крайние шиитские течения, среди которых выделяются исмаилиты, друзы, алавиты, зейдиты и сектанты гулат. Ибадиты известны ещё меньше. «Братья-мусульмане» по неведомой причине числятся у многих экспертов «умеренными мусульманами». Понятия, связанные с политическим и радикальным исламом, упускаются из виду «специалистами», работающими в ведомствах и организациях, которым положено знать их наизусть. Что представляет собой традиционный ислам на территории России, о котором говорят чиновники, им самим не слишком известно. Исправить эту повальную безграмотность невозможно, но можно рассказать об этом тебе, читатель!

Ваххабиты, или салафиты (араб. — *предки, предшественники*) — последователи ханбалитского мазхаба. Это религиозно-политическое движение, признанное сектой во многих странах, является официальной идеологией Саудовской Аравии. Оно сформировалось в XVIII-м веке и названо по имени Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба ат-Тамими (1703–1792 годы), являвшегося последователем Ибн Таймийа (1263–1328). Как правило, сами они называют себя салафитами. Аль-Ваххаб полагал, что настоящий ислам практиковался только первыми тремя поколениями последователей пророка Мухаммеда (*Ас-Саляф ас-Салих*), и протесто-

вал против всех последующих инноваций, считая их ересью.

Абдель Азиз ибн Сауд — основатель и первый король Саудовской Аравии (1932–1953 годы) превратил ваххабизм в господствующую исламскую доктрину в стране, хотя до него на её территории действовало множество течений и школ ислама, большинство населения на востоке и северо-востоке составляли шииты, а часть — христиане и евреи (были изгнаны или уничтожены в процессе формирования королевства).

Ваххабиты считают запретным паломничество к могилам святых, которое рассматривают как поклонение мёртвым; нежелательным и порицаемым (*макрухом*) отмечать день рождения пророка Мухаммада. Политическое разделение исламской уммы рассматриваются ими как раскольничество и нарушение исламского единства (*фитна*), откуда их резко отрицательное отношение к любым правительствам исламских стран. Они считают борьбу с правительствами долгом верующих на уровне религиозной догмы.

Главный догмат ваххабизма — вера в безусловно единого Бога (*таухид*). Основной задачей ваххабиты считают борьбу за очищение ислама от различных чуждых, с их точки зрения, примесей культурных, этнических и других особенностей традиций мусульманских народов. Они отвергают любые нововведения (*бида*), полагая их недозволенными исламом, отрицают возможность «посредничества» между Аллахом и человеком, а также суфизм.

Борясь «за уничтожение идолов» в ходе восстаний в Мекке и Медине в XIX-м веке, они разгромили постройки над могилами суфиев. В 1998-м году, продолжая эту кампанию, саудовские власти распорядились

сровнять с землёй и залить бензином могилу матери пророка Амины бинт Вахб, что привело к волне протестов среди мусульман во всём мире. По всему миру сторонники салафизма уничтожают исторические памятники, и неисламские, и исламские. В Афганистане талибы уничтожили статую Будды в Бамиане, в Ливии, Сомали, на Синае и в Тимбукту, в Мали и Сирии — памятники древности и античности, средневековые мавзолеи и библиотеки, имеющие мировую ценность.

В арабском мире, в том числе в Египте, Ливии, Тунисе и на палестинских территориях, салафиты конкурируют с «Братьями-мусульманами», что отражает соперничество между Катаром и Саудовской Аравией в рамках «ваххабитской оси». Это же происходит в Африке южнее Сахары («Боко харам в Нигерии», «Аш-Шабаб» и «Ахль Сунна валь-Джамаа» в Сомали и другие) и радикализации исламских общин Запада и постсоветского пространства.

С начала 80-х годов в пропаганду салафитского ислама Саудовская Аравия вложила больше средств, чем СССР в распространение идей социализма за всё время своего существования. В современном мире насчитывается около 20-ти миллионов салафитов. И это всё о них — по крайней мере в данном разделе книги.

Исмаилизм — совокупность религиозных движений в шиизме, восходящих к концу VIII-го века. Каждое движение имеет свою иерархию имамов. В IX-м веке исмаилиты раскололись на фатимидских исмаилитов, признававшей скрытых имамов, и карматов, считавших, что имамов должно быть 7. В конце XI-го — начале XII-го веков карматы прекратили существование — их перебили как еретиков.

После смерти в 1094-м году фатимидского халифа ал-Мустансира исмаилиты раскололись на низаритов (восточных исмаилитов), поддержавших приход к власти старшего сына ал-Мустансира — Низара, и на мусталитов, признавших имамом фатимидского халифа ал-Мустали.

Наиболее известной из средневековых низаритских сект стали хашашины, или, как их часто называют на Западе, ассасины, возглавлявшиеся «Старцем Горы». Эта секта успешно собирала дань с христианских и мусульманских владык Восточного Средиземноморья под угрозой убийства находящимися под воздействием наркотиков смертниками… и была полностью уничтожена монголами, на которых попыталась эту практику распространить.

В 1830-м году Ага Хасану Али Шаху, 46-му имаму исмаилитов, шахом Персии был дарован почётный наследственный титул Ага-Хана. В настоящее время его носит Ага-хан IV. Исмаилитов более 15-ти миллионов, в том числе в Иране, Центральной Азии, Сирии, Индии и других странах. В Бадахшане (Таджикистан) почти всё коренное население — исмаилиты.

Одна из философско-теологических догм исмаилитов гласит, что Аллах время от времени вселял божественную сущность в ниспосланных им пророков — *«натиков»* (буквально это значит «проповедник»): Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса и Мухаммеда. Исмаилиты утверждают, что Аллах ниспослал в мир 7-го пророка-натика — Мухаммеда, сына Исмаила. Каждого из пророков-натиков сопровождал так называемый *«самит»* (буквально «молчальник»). Самит никогда не говорит от себя, но толкует проповедь пророка-натика. При Моисее, согласно исмаилитам,

самитом был Аарон, при Иисусе — Петр, при Мухаммеде — Али ибн Абу Талиб.

Согласно исмаилитам, должно прийти 7 пророков, а между их появлениями миром правят 7 имамов, через которых Аллах даёт объяснение учений пророков. Возвращение 7-го пророка явит последнее божественное воплощение, после чего воцарится божественный разум, несущий всеобщую справедливость и благоденствие правоверным. Для религиозной доктрины исмаилитов характерна концепция неограниченной свободы воли, отказ от детерминизма и признания самостоятельного существования атрибутов Б-га, характерного для доминирующих направлений в исламе.

Друзы — арабоязычная этноконфессиональная группа в Ливане (около 500 тысяч), Сирии (более 800 тысяч), Израиле (более 120-ти тысяч) и Иордании. Общины друзов живут в США, Канаде, Франции, Великобритании, Западной Африке, Карибском бассейне и других странах. Их общая численность — более 3-х миллионов человек. Религия — «друзизм», в XI-м веке откололась от исмаилитов Египта и Южного Ливана под влиянием Мухаммеда бен Исмаила Наштакина ад-Даразй. Современные друзы без особого пиетета относятся к Даразй и сами себя называют не «друзами», а «мувахиддунами» (или «Ахль ат-таухид»), то есть «единобожниками», или «объединившимися».

Переход друза в другую религию запрещён. Друз только тот, чей отец и мать друзы. Принять их веру невозможно, нет института перехода в неё. Друзы верят в переселение душ и утверждают, что каждой душе была представлена возможность принять друзское вероисповедание в период «отворённых врат» (то ли до XV-го века, то ли только до XIII-го). Ряд источни-

ков утверждает, что, согласно друзским верованиям, у женщин нет бессмертной души, однако другие сообщают, что друзы полагают, что душа беспола и может возрождаться и в мужском, и в женском теле.

Для души у друзов определены понятия, близкие к отсутствию свободы воли, она, возникнув от искры вечной воли, бессмертна. Все деяния души в течение её перевоплощений будут учтены на Страшном суде. Для них, по всей видимости, характерна концепция неограниченной свободы воли, отказ от детерминизма и признания самостоятельного существования атрибутов Б-а, характерного для доминирующих направлений в исламе.

Друзы совмещают единобожие с признанием последнего божественного воплощения в фатимидском халифе аль-Хакиме. Основным достоинством для человека считается истина. Друзы предположительно верят, что Б-г раскрывает себя в последовательных инкарнациях и первым его проявлением был Универсальный Разум, который воплотился в Хамзе ибн Али. Почитая Ветхий и Новый Завет и Коран, друзы читают свои священные книги в домах для собраний (*хальва*) по четвергам после захода солнца.

Некоторые обряды культовой практики друзов проводятся в малодоступных местах, в строгой тайне. В европейском востоковедении считают, что культовой книгой друзов является «Расаиль аль Хукма» («Письма о знании»), копия которой находится в завёрнутом состоянии в местах паломничества, но прикасаться к ней имеют право только друзы, прошедшие специальную подготовку.

Дезинформация иноверцев во благо общины у друзов не является предосудительной. Друзское обще-

ство — это замкнутая организация, возглавляемая *уккаль* («умные, знающие»), которые руководят массой верующих (*джуххаль* — «невежественные»). Высшие духовные авторитеты друзов именуются *аджавид* — «совершенные». Уккаль можно стать лишь по достижении 40 лет, пройдя серию курсов и программ религиозного и философского обучения.

Для друзов обязательна моногамия, молитва необязательна и может быть заменена медитацией, пост заменён периодами молчания (смысл — воздержание от открытия истины непосвящённым), закят не регламентирован (и воспринимается как взаимопомощь). Друзы отмечают только два праздника: общемусульманский праздник жертвоприношения и общешиитский траурный день Ашура.

Алави́ты (алауи́ты), они же нусайри́ты, *«кызылбаши»* или «Али-Алла» (обожествляющие Али), — это исламские секты, стоящие на грани между крайним шиизмом (*гулат*) и отдельной религией. Многие салафитские теологи считают, что алавиты впали в неверие *(джахилию)*. Алавиты сирийские (левантийские, западные или «солнечные») и турецкие (малоазиатские, восточные или «лунные») отличаются друг от друга.

В Сирии алавитов насчитывается около 3 миллионов человек (группы племён Хаятыя, Калябия, Хаддадия и Мутавира), в Ливане около 200 тысяч, на израильских Голанах — около 10-ти тысяч. Численность алавитов в Турции, где они с 1826 года преследовались на грани геноцида, оценочно составляет до 10–12 миллионов человек, хотя всё население этой страны официально считается турками. В Иране и Азербайджане живут небольшие группы алавитов.

Считается, что это течение основано Абу Шауибом Мухаммадом ибн Нусайром (умер в Басре около 883 года), приверженцем 11-го имама аль-Хасана аль-Аскари. Алавиты прозелитов не принимают, информацию о своей религии не распространяют и применяют практику *такия*, позволяющую им соблюдать обряды других религий, хотя в Сирии и заключают смешанные браки — особенно с христианами.

Есть сведения, что священная книга алавитов, «Китаб аль-Маджму» содержит 16 сур и является подражанием Корану. Специалисты полагают, что в основе учения алавитов — представление о «Вечной Троице»: Али — воплощение Смысла, Мухаммад — воплощение Имени, и Сальман аль-Фарси, сподвижник пророка и первый неараб (перс), принявший ислам, — воплощение Врат («Аль-Баб», «Врата» — титул ближайшего сподвижника всякого имама).

Алавиты почитают Ису (Христа), христианских апостолов и ряд святых, празднуют Рождество и Пасху, на богослужениях читают Евангелие, причащаются вином, используют христианские имена. У них имеются 4 конфессиональные организации, поклоняющиеся Луне, Солнцу, вечерней и утренней заре.

Они делятся на тех, кто поклоняется свету *(«нур»)* и тьме *(«зульм»)*. Считается, что алавиты признают переселение душ (*танассух*). По их поверьям, после смерти душа человека переселяется в животное (душа дурного человека — в животных, которых употребляют в пищу); после 7-кратной инкарнации душа праведного попадает в звёздную сферу, а грешника — в сферу демонов.

Алавиты разделяются на избранных, обладающих знанием («особых», или *«хасса»*), и «рядовых» *(«ам-*

ма»). Судебную власть и ряд обрядов осуществляют имамы, за ними по рангу идут шейхи — «накибы» (представляющие Мухаммада) и «наджибы» (представляющие Сальмана). *Хасса* может быть только тот, кто родился от отца и матери алавитов.

Обряды алавитов по некоторым сведениям свершаются по ночам в часовнях (*кубба*, на арабском — «купол»), на возвышенных местах. Мечети у них существуют для проформы и часто не посещаются. Исламские обряды у алавитов упрощены. Пост рамадана длится у них только полмесяца, ритуальные омовения отсутствуют, а намаз только два раза в день. У них отменены многие исламские запреты, включая запрет на алкоголь.

В Сирии во времена французского мандата Лиги Наций в августе 1920 года была создана «автономная территория алавитов» со столицей в Латакии, 12 июня 1922 года объявленная «Государством алавитов», а в 1930-м году переименованная в «Санджак Латакия». 5 декабря 1936 года эта территориальная единица вошла в состав Сирии, причём шейхи алавитских племен приняли декларацию о принадлежности алавизма к шиитскому исламу. После того как в 1970-м году Хафез аль-Асад в ходе военного переворота стал президентом Сирии, в 1973-м имамы шиитов-двунадесятников приняли фетву о том, что на алавитов распространяются юридические правила отношений между шиитами, что означало официальное признание их мусульманами.

Зейдиты — приверженцы одной из умеренных шиитских сект, образовавшихся в VIII-м веке. Её основателем был Зейд ибн Али (внук 3-го шиитского имама Хусейна). Зейдизм получил широкое распростране-

ние в Иране, Ираке и Хиджазе, где зейдиты сформировали государства: Идрисидов в Северной Африке в (789–926 годы), Табаристане (863928) и Йемене (в 901-м году). Ветвь зейдитов — нуктавиты — распространена в Иране.

На севере Йемена зейдитские имамы правили до 1926 года. В богословии зейдиты следуют мутазилитам, причём во многих вопросах учение зейдитов схоже с суннизмом. В противоположность остальным шиитам, зейдиты не признают учения о «скрытом» имаме и «благоразумном скрывании» своей веры *(такийя)*, отвергают антропоморфизм и учение о безусловном предопределении.

Численность зейдитов — 7 миллионов человек. Они населяют северо-восток Йемена и присоединённую к Саудовской Аравии в 20-х годах XX-го века йеменскую провинцию Ассир. Лидер зейдитов Йемена — шейх Абдул-Малик аль-Хути.

Гулат (араб. *преувеличение*, множественное число — араб. *гулув*) — термин, которым обозначается ряд крайних шиитских сект в исламе, объединяемых верой в то, что потомки Мухаммада по линии Али — шиитские имамы — обладают качествами божественности. В их число входят алевиты, гурабиты, дамийты, базигиты, йафуриты и кайсаниты. И верования их воистину странны и запутанны, как след охотящейся песчаной лисицы на бархане. Да простит автору это цветистое сравнение читатель, но он может прочесть написанное ниже и убедиться сам. Проще не скажешь.

Так вот, алевиты верят, что представителем Б-га был Али, а не Мухаммад. Гурабиты (от араб. *ворон*) что Али был похож на Мухаммада, «как один ворон на другого», поэтому Джабраил ошибочно предоставил

пророчество Мухаммаду. Дамийты, что Али был Б-гом, а Мухаммад его посланником. Базигиты верят, что 6-й Имам Джафар аль-Садык был Б-гом, а все предшествующие имамы его посланниками. Йафуриты — что Му'аммар из Куфы (кто он такой?!) был Б-гом. Наконец, кайсаниты верят в имамат, который после смерти Хусайна ибн-Али перешёл на Абу аль-Касим Мухаммад ибн Ханафийя, после смерти которого они распались на несколько групп.

Как мы уже писали, хариджизм (от араб. — *выступившие, покинувшие*) — религиозно-политическое движение, изначально радикального толка. Основано оно было в правление халифа Али после битвы при Сиффине, часть воинов которого, недовольных результатом третейского суда, объявили себя врагами и Али, и Муавии, начав против них военные действия. В конце VII-го века, после расколов, среди хариджитов сформировалось несколько течений: мухаккимиты, азракиты, наджадатиты, байхаситы, аджрадиты, саалабиты, ибадиты, суфриты и другие. Ныне их численность составляет до 3-х миллионов человек. Хариджизм господствует в Омане, где он представлен ибадитами, утратившими активную нетерпимость к иноверцам.

Ибадиты (или *абадиты*) возникли в VII-м столетии в Ираке. Их доктрину сформулировал Абдаллаха ибн Ибада. В борьбе против Халифата они создали свои имаматы, в том числе имамат Рустамидов в североафриканском Тахерте (VIII-й — начало X-го веков). Ибадиты составляют около двух третей населения Омана. Общины ибадитов есть в Алжире, Тунисе и Ливии, а также на острове Занзибар в Танзании, бывшем частью Омана до 1964 года.

Ибадиты верят, что мусульмане не увидят Б-га в Судный день, что противоречит основам суннитской веры, а также в то, что тот, кто попадает в ад, будет там вечно. Сунниты же верят, что попавший в ад мусульманин будет жить в нём, пока не очистится от недостатков, после чего попадет в рай.

К религиозно-политическим идеологиям и движениям, о которых мы упомянем вкратце, на уровне терминов, относятся исламизм, панисламизм, «Братья-мусульмане» и махдизм. Исламизм — религиозно-политическая идеология и практика, направленные на создание условий, при которых любые противоречия внутри обществ и государств с мусульманским населением и межгосударственные отношения с их участием будут решаться на основе норм шариата. Панисламизм — идеология, в основе которой лежат представления о духовном единстве мусульман вне зависимости от их социальной, национальной и государственной принадлежности и о необходимости их политического объединения под властью высшего духовного главы — халифа.

Махди́ (араб. «ведомый [по пути Аллаха]») — провозвестник близкого конца, последний преемник пророка Мухаммада. Целиком его имя произносится как: Махди Сахиб аз-Заман (подлинное имя Мухаммеда). В Коране Махди не упоминается, однако идея мессии широко толкуется в хадисах. Изначально он отождествлялся с Иисусом, который должен возвестить приближение Судного дня. Потом стал мыслиться как самостоятельный образ обновителя веры. В ранний период ислама Махди воспринимался как ожидаемый правитель, который должен восстановить первоначальную чистоту ислама.

Широкое распространение мессианские идеи получили в шиитском исламе, где вера в пришествие Махди слилась с верой в возвращение «Сокрытого Имама». В шиизме Махди — конкретное лицо, с появлением которого связывается восстановление справедливости на земле, а у суннитов это неопределённая личность, связываемая с идеалом будущего. Причём в ортодоксальном суннитском исламе Махди — потомок пророка, который будет одним из лидеров мусульман и придёт во время второго пришествия Исы (Иисуса). Он не несёт мессианских задач, это человек своей эпохи, который пойдёт на Даджала (Антихриста).

В шиитском учении Махди — потомок пророка, сын своей эпохи и 12-й Имам. Он будет пребывать в сокрытии до часа, назначенного Б-гом, после чего придёт на землю, чтобы руководить мусульманами, установив царство справедливости и благоденствия. Махди является у шиитов Мессией. Так, в Персии Баб, религиозный реформатор, в 1848-м году объявил себя Махди. В 1850-м он был расстрелян властями, но его учение, «бабизм», продолжало распространяться. В бахаизме Баб считается одним из пророков Б-га.

Мессианские идеи вдохновляли социальные и религиозные движения в мусульманском мире веками. На них были основаны династии Фатимидов в Северной Африке (909–1171 годы) и Альмохадов в Северной Африке и Испании (1130–1269). Последнее значительное махдистское движение — это восстание в Восточном Судане в конце XIX-го века под руководством Мухаммеда Ахмеда, провозгласившего себя Махди. Ему удалось в 1883-м году, после победы над египетским войском при Кашгиле, отнять Судан у Египта.

После его смерти в 1885-м его наследником стал Абдуллах.

Поведаем подробнее о «Братьях-мусульманах» (араб. *Аль-Ихван аль-Муслимун*) — международной религиозно-политической ассоциации, основанной в марте 1928-го Хасаном аль-Банна в Египте. С 1933 года её штаб-квартира располагается в Каире. После смерти аль-Банна в 1949-м, в 1950-м году идеологом движения стал Сейид аль-Кутб (казнён в 1966-м). В 1954-м году после покушения на президента Насера деятельность «Братьев» в Египте была запрещена. Они участвовали в организации терактов и антиправительственной деятельности, включая убийство президента Садата.

С 1984 года «Братья» принимают участие в парламентских выборах в Египте — в составе легальных партий. В 2005-м году «Братья», выступая как независимые кандидаты, получили 20% мест в парламенте АРЕ. 4 декабря 2011 года партия одержала победу в первом туре парламентских выборов, набрав 40% голосов, а затем победила во втором туре. В июне 2012-го представитель «Братьев-мусульман» Мухаммед Мурси был избран президентом Египта — и продержался на этом посту ровно год, пока не был свергнут военными.

В Иордании «Братья» составляют крупнейшую фракцию в парламенте, последовательно выступая за ограничение власти короля. На палестинских территориях отделением «Братьев» является Движение исламского сопротивления (ХАМАС), с 2007 года контролирующее сектор Газа. В Ливии в 2011-м они участвовали в свержении Муаммара Каддафи. В Сирии с середины 70-х ведут борьбу с правительством, в том

числе террористическими методами. В 1982-м году в городе Хама «Братья» подняли антиправительственное восстание, при подавлении которого было убито от 25-ти до 40 тысяч человек. В настоящее время они играют активную роль в гражданской войне, пытаясь свергнуть Башара Асада.

Выходцы из числа «Братьев» занимали и занимают высокие посты в международных террористических исламистских организациях, включая «Аль-Каиду» и её региональные структуры. Они опираются в основном на финансовую и политическую поддержку Катара, а также Турции, которой с начала 2000-х годов управляет Партия справедливости и развития — клон «Братьев-мусульман». Решением Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 года «Братья-мусульмане» признаны террористической организацией, деятельность которой на территории России запрещена.

Что до России, большинство российских мусульман — сунниты, придерживающиеся ханафитского (65%) и шафиитского (30%) мазхабов. Ханафитами являются татары, башкиры, казахи, ногайцы, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, черкесы, адыгейцы, мусульмане-осетины, часть ингушей, около трети азербайджанцев и представители народов Средней Азии. Шафиитами — большая часть чеченцев и ингушей и все дагестанцы, кроме татов и ногайцев. Шииты джафаритского толка — две трети российских азербайджанцев, часть татар и небольшая группа лезгин.

На Северном Кавказе, особенно в Дагестане, Чечне и Ингушетии, распространён суфизм. В Чечне и Ингушетии это тарикаты накшбандийя и кадирийя, а в Дагестане, в основном среди аварцев, ещё и шадилийя.

Тарикаты состоят из религиозных групп — вирдов, которых в Чечне более 30-ти. Самое многочисленное суфийское братство в Чечне — кунтахаджинцев (зикристов), последователей кадирийского тариката шейха Кунта-Хаджи Кишиева и его дочерние вирды Баммат-Гирей-Хаджи, Чиммирзы и Мани-шейх.

К кадирийскому тарикату в Ингушетии относятся последователи Батал-Ходжи. До 1991 года в Чечено-Ингушетии наиболее влиятельным был накшбандийский тарикат, а с начала 90-х годов — кадирийский. В Дагестане шейх Саид-Аффанди Ацаев (Чиркейский) до своей гибели от рук салафитских террористов возглавлял два тариката — накшбандийя и шадилийя.

Глава 9
«Международники»: ЕС, НАТО и ООН

Европа влияет на положение дел в странах БСВ не меньше, чем регион влияет на Европу. Как правило, общеевропейские проекты и программы, в рамках которых в регионе действуют отдельные государства ЕС, традиционно связаны с защитой прав человека и «продвижением демократии и верховенства закона». Что рикошетом ударило по Евросоюзу на финальной стадии «Арабской весны», когда через Ливию и Турцию — на Италию и Балканы пошёл многомиллионный поток мигрантов и беженцев, с 2015 года усиленный турецким президентом Эрдоганом.

Впрочем, при непосредственном конфликте экономических и нравственных интересов приоритет отдаётся экономике. Это видно на примере энергопроекта Desertec с солярными технопарками в Эль-Аюне и Кабо-Бохадоре, на территории оккупированной Марокко Западной Сахары, реализация которого идёт невзирая на протесты правозащитников. Интересы европейского бизнеса могут уйти на второй план из-за давления Вашингтона в отношениях с Россией, под предлогом ситуации на Украине, но там, где этот геополитиче-

ский компонент отсутствует, европейцы открыто действуют в собственных интересах.

Правда, формально первым пакетом Европейской комиссии и Европейской внешнеполитической службы (EAD) по реализации программы «Партнёрство с Южным Средиземноморьем во имя демократии и всеобщего процветания» является «развитие гражданского общества». Евросоюз — главный донор ПНА и агентства БАПОР, занимающегося проблемой палестинских беженцев в ООН, в качестве «коспонсора мирного процесса» оказывает давление на Израиль и поддерживая требования к нему палестинских организаций. Значительная часть стран ЕС признала «палестинское государство в границах 1967 года».

Военнослужащие государств — членов ЕС участвовали и участвуют в миротворческих миссиях на Кипре, в Западной Сахаре, Судане и Ливане, действиях коалиций в Ираке и Афганистане. Это участие ограничено: приоритет ЕС отдаётся подготовке местной армии и полицейских формирований, их снабжению, вооружению и экипировке. Так, на поддержку афганской полиции ЕС с 2002 года выделил, в основном «Фонду по поддержанию закона и порядка в Афганистане» (LOTFA), значительные средства (более половины их предоставила ФРГ).

Ряд стран — членов ЕС в 2001-м году принял участие в контртеррористической операции в Афганистане. Брюссель поддержал резолюцию № 1386 Совета Безопасности ООН о создании Международных сил содействия безопасности (МССБ), а Великобритания, Германия и Нидерланды осуществляли оперативное руководство ими в начальный период их формирования. Решением Совета Евросоюза в декабре 2001 года был введен пост спецпредставителя по Афганистану,

в 2002-м году при ЕС аккредитован афганский посол. Среди объявленных приоритетов ЕС в Афганистане была борьба с наркопроизводством.

В 2003–2004 годах Еврокомиссия, помимо средств на поддержку полиции, выделила деньги на развитие восточных регионов Афганистана, укрепление афгано-иранской границы и развитие сельского хозяйства. Евросоюз привлекает в Исламскую Республику Афганистан донорские средства. В 2006-м году в Лондоне — на конференции по Афганистану, инициированной Европейским сообществом, были приняты Международный план по Афганистану и декларация ЕС — Афганистан. За счёт ЕС в ИРА проводились разминирование, реконструкция дорог, восстановление ирригационных систем, очистка от мусора и доставка в города питьевой воды, поддержка начальных школ и больниц, раздача семян и продовольствия в сельских районах, помощь бездомным детям и афганским беженцам в Пакистане и Иране. Результаты реализации этих проектов, правда, достаточно скромны.

Сложности, которые испытывает ЕС в связи с экономическим кризисом, балансирование на грани банкротства ряда его членов, противоречия между ключевыми государствами по вопросу поддержки «слабых звеньев» и миграционный кризис ослабили заинтересованность и снизили возможности Брюсселя в участии в программах переустройства БСВ. «Арабская весна» окончилась для большей части европейских инвесторов, которые вложили средства в послереволюционные Тунис, Египет и Ливию, потерями, которые разорили ряд крупных и многие средние и мелкие компании.

Проблемы Шенгенской зоны обострил выезд за пределы Италии эмигрантов из Ливии и Туниса, а вол-

на эмигрантов и беженцев, попавших туда по Балканскому маршруту в 2015–2016 годах поставили само единство Европы под вопрос, ответа на который на момент написания настоящих строк у официального Брюсселя нет. Волнения арабских и африканских нелегалов в Италии и Испании, проблемы эмигрантов с БСВ в Греции, попадающих туда через турецкую границу, стали дополнительным фактором напряжённости в этих странах, охваченных волной социального протеста. Сокращение вложений в БСВ, снижение участия ЕС в региональных проектах и нарастание противоречий между членами Европейского союза и их ближневосточными соседями, включая Турцию, — доминирующая тенденция начала второго десятилетия XXI-го века.

На Ближнем и Среднем Востоке, как и в остальных районах операций Североатлантического альянса, его бесспорным лидером являются Соединённые Штаты. При этом конфронтация в Сирии Турции и России поставила альянс на грань конфликта с Москвой, сознательно спровоцированного Анкарой. В военных операциях НАТО в Афганистане, Ираке и Ливии велика роль Великобритании, а в Ливии в 2016-м году активизировались Франция и Италия. Германия активна в «гуманитарных миссиях НАТО» и несёт значительную часть финансовых расходов блока, но от участия в ливийской войне воздержалась, скомпенсировав это увеличением афганского контингента бундесвера в миссии ISAF в Афганистане, отправив туда разведывательные самолеты AWACS и 300 военнослужащих.

В миссии ООН UNIFIL участвовали 300 немецких военнослужащих, которые патрулировали до 30 июня 2011 года побережье Ливана, а в Судане, в том числе в Дарфуре, в миссии UNMIS присутствовал немецкий

контингент. Как указано выше, Франция, соперничая с США, выступила инициатором военных действий в Ливии, фактически «втолкнув» в операцию по свержению Каддафи Вашингтон. Президент Барак Обама не мог допустить, чтобы операцию НАТО в Ливии возглавил не он, а президент Франции Николя Саркози, лишь в 2009-м году вернувший Францию в состав военной структуры НАТО, из которой её в 1966-м вывел Шарль де Голль.

Ключевой частью стратегии НАТО на БСВ с начала 2000-х годов являлась деятельность альянса в Афганистане. На Лиссабонской встрече стран — членов НАТО в ноябре 2010 года были приняты Стратегическая концепция альянса на 10 лет, Соглашение о долгосрочном партнёрстве в сфере безопасности и обсуждена новая Система противоракетной обороны.

В Афганистане войска НАТО численностью до 130-ти тысяч человек, входящие в состав Международных сил содействия безопасности (МССБ), находились до 2014 года, поддерживая режим Хамида Карзая и его преемника Ашрафа Гани Ахмадзая в их попытках вовлечения в правительство пуштунских лидеров из числа «умеренных талибов». Передача контроля над безопасностью афганскому правительству, в распоряжение которого следовало предоставить 300 тысяч местных военнослужащих, подготовленных НАТО, планировалась с июля 2011 года.

При этом Пакистан и Афганистан просили МССБ и руководство США отложить начало вывода войск из Афганистана и предпринять меры для развития приграничного пуштунского племенного региона. Осложнение отношений с Исламабадом после ликвидации Усамы бен-Ладена снизило уровень координации НАТО с руководством Исламской Республики Пакистан.

Разногласия с Пакистаном вызвал и его отказ расширить операции против талибов на Северный Вазиристан.

Руководство пакистанской армии озвучило угрозу возможных осложнений в случае использования американских БПЛА на территории ИРП и неприятие усиления роли Индии в Афганистане. Острую реакцию Исламабада вызвала информация о планах США по захвату ядерных объектов Пакистана в случае возникновения критической ситуации в обеспечении их безопасности. Итогом стало сокращение возможностей транспортировки грузов НАТО по пакистанскому коридору и снижение уровня экономической и военной помощи Пакистану — в том числе из-за отказа последнего отказаться от поддержки талибов, ведущих в Афганистане партизанско-диверсионную войну против американских военных.

Одним из следствий такого развития событий стало обострение ситуации на севере Афганистана, вплоть до границ с республиками Центральной Азии, которые, сохраняя сотрудничество с Россией в сфере обеспечения безопасности (кроме готового ориентироваться на Турцию, США, ЕС, Иран и вообще на кого угодно, кроме России, Туркменистана), завязали (или начали восстанавливать) отношения с США как ведущей военной силой НАТО. На территории бывшего «Северного альянса» начали действовать талибы (особенно активно в 2015-м году, с расколом «Движения Талибан», после объявления о смерти его лидера, муллы Омара), и боевики ИГ (как проводник влияния Катара, соперничающего с Пакистаном в вопросах влияния на талибов).

Ещё одним следствием ситуации в Афганистане стало давление США на членов НАТО по вопросу уве-

личения финансирования операции в Афганистане (и расходов альянса как такового) и разворачивания там военно-медицинской инфраструктуры. Из 28-ми членов НАТО только 5 стран вносят положенные взносы в размере 2% от валового внутреннего продукта. Основные затраты НАТО несут США (26%), ФРГ (13%) и Великобритания. В 2015–2016 годах, из-за обострения миграционного кризиса в прибрежных водах Греции и Италии, внутренней ситуации в Ливии (укрепления там позиций ИГ) и ухудшения ситуации на Украине (при провоцировании обострения ситуации в Восточной Европе по инициативе Польши и государств Прибалтики), финансовые проблемы НАТО возросли, как и участие в его финансировании США.

Вовлечение НАТО в операцию «Одиссея. Рассвет» в Ливии (первоначально под командованием АФРИКОМ) негативно повлияло на репутацию Североатлантического альянса. Завершение операции по свержению Муаммара Каддафи в Ливии позволило подвести итоги того, что он представляет собой как военная сила. В условиях отсутствия внешней угрозы уровня СССР НАТО характеризуют низкий уровень координации и нежелание участников альянса поддерживать инициаторов любой войны. Неготовность к ведению длительных боевых действий с применением высокоточного оружия, исчерпание дорогостоящих боеприпасов в короткие сроки при несопоставимости уровня поражённых целей и затраченных для этого средств ставят под вопрос целесообразность стратегии НАТО в современных условиях ближневосточного театра военных действий.

Низкий уровень допустимых человеческих потерь открывает перед противниками блока широкие возможности воздействия на общественное мнение Запа-

да и давления на руководство НАТО с использованием террористов-смертников. Характерны и в Афганистане, и в Ираке слабость его местных союзников, не способных воевать без поддержки западной авиации и спецподразделений, приверженность их руководства радикальной идеологии. Фактически НАТО в Ливии воевал в интересах «Аль-Каиды», а в Ираке в интересах Ирана. Повторение этого сценария в Сирии в пользу саудовско-катарско-турецкой оси могло стать для блока серьёзным испытанием, от которого НАТО избавило только появление там ВКС России — за что, впрочем, никто в Брюсселе Москве не благодарен.

Сотрудничество стран региона с НАТО определяется их историей, личными приоритетами лидеров, политикой самого блока и отдельных стран, входящих в альянс. Единственной ближневосточной страной — членом НАТО является Турция, что дает ей возможность влиять на его политику (в рамках традиционного противостояния с Францией, нарастающего давления на Германию и дистанцирования от США). Именно Турция выступила за проведение операции против Ливии в формате коалиции «НАТО + арабские страны», поддержав операцию при условии, что она не окончится оккупацией Ливии. В Сирии Турция играет роль единственного прифронтового государства из тройки инициаторов гражданской войны.

Длительное сотрудничество с НАТО Израиля делает его единственной страной региона, вооружённые силы которой достигли полной оперативной и технологической совместимости с альянсом. Помимо Израиля это можно сказать только об отдельных подразделениях Иордании, Марокко и стран ССАГПЗ. Прочные связи с НАТО в арабском мире поддерживают Иордания, Ирак, страны ССАГПЗ, Египет, Тунис, Марокко,

Мавритания и Джибути. Великобритания строит базу радиоэлектронной разведки в Сомалиленде, несмотря на непризнание этого анклава мировым сообществом. Франция сокращает контингент Иностранного легиона в Джибути и Чаде. Расширяет контакты с альянсом Алжир.

Одна из форм сотрудничества стран БСВ с НАТО — Средиземноморский диалог с участием Алжира, Египта, Израиля, Иордании, Мавритании, Марокко и Туниса, в рамках которого проводится обмен информацией в сфере борьбы с терроризмом. Другая — Стамбульская инициатива, принятая в 2004-м году с ориентацией на страны ССАГПЗ для содействия им в борьбе с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения, проведения учений и помощи в подготовке погранохраны, участниками которой являются Бахрейн, Катар, Кувейт и ОАЭ, при возможном присоединении к ним Саудовской Аравии.

В числе учений НАТО с армиями арабских государств выделяются «Брайт стар», которые раз в 2 года проводятся на территории Египта, «Безопасность и бдительность на море» и — с 2008 года при участии военно-морских сил Алжира, Мавритании, Марокко и Туниса — «Феникс экспресс» на Средиземном море. Среди совместных антитеррористических учений и операций выделяется американская «Транссахарская контртеррористическая инициатива» со странами Сахеля. Алжир, Израиль и Марокко участвуют в операции НАТО «Активные усилия», патрулируя Средиземное море. Страны Магриба участвуют в мероприятиях группы «5+5» (государства Магриба + Испания, Италия, Франция, Португалия и Мальта). С рядом арабских стран НАТО обменивается разведывательной

информацией, а Кувейт и Бахрейн подписали соглашения с НАТО об обмене информацией в сфере борьбы с терроризмом.

НАТО содействует странам БСВ в подготовке национальных военных кадров. В Ираке блок обучает местных силовиков, предоставляет вооружения и военную технику, снаряжение и экипировку: в Багдаде во взаимодействии с командованием вооруженных сил США и правительством Ирака под контролем Совета НАТО работает «Миссия по реализации обучения». В Великобритании учатся иорданские офицеры, а на основе программ военного колледжа в Сандхерсте, на территории Иордании, организуется по стандартам НАТО офицерское военное училище. С 2007 года офицеры Катара обучаются на ближневосточном факультете военного колледжа НАТО в Риме, а в Дохе планируется открытие филиала французского военного колледжа Сен-Сир, в котором будут учиться курсанты из стран ССАГПЗ.

В школе НАТО в Германии и колледже в Италии обучаются представители стран БСВ — членов программы по вопросам миротворчества, экологии, контроля над вооружениями, безопасности в Европе и планирования предотвращения чрезвычайных ситуаций. Часть подразделений вооружённых сил Марокко, включая офицеров, проходит подготовку во Франции, а в Марокко в военных училищах и академии ряд дисциплин преподают французы. Французские офицеры выполняют при королевской Академии генштаба функции советников.

В последние годы страны БСВ увеличили импорт вооружений и военной техники, активизировав военные связи с альянсом. Крупнейшим импортёром военной продукции в Магрибе является Алжир, подписав-

ший в 2006–2009 годах соглашения на приобретение за рубежом вооружений и военной техники на $ 6,8 млрд, а в 2010-м году на $ 2,16 млрд. Особое развитие получили военные связи АНДР с Великобританией, Италией и Францией.

Марокко пытается поддерживать баланс сил с Алжиром. В 1998–2005 годах оно подписало соглашения на закупку за рубежом вооружений и военной техники на $ 900 млн, а в 2006–2009 годах — на $ 4,7 млрд. Помимо США и Франции, поставщиками вооружений и военной техники для королевства являются Нидерланды, Испания, Италия и Бельгия.

Тунис приобретает вооружение и технику для своей армии у США и Франции, а в 2009-м году подписал с НАТО соглашение о сотрудничестве в военной сфере. В том же 2009-м возобновилось сотрудничество с Североатлантическим альянсом Мавритании, прерванное в 2008-м году после военного переворота — поставщиком вооружений и военной техники для этой страны выступили Испания и Германия.

В 2002–2005 годах Ливия подписала соглашения на приобретение вооружений и военной техники на $ 900 млн в 2006–2009 годах — на $ 1,6 млрд с Францией, Италией, Германией и Великобританией. Однако после свержения правительства Каддафи страна де-факто перестала существовать и поставки вооружений и военной техники в Ливию из стран Запада запрещены. При этом враждующие ливийские группировки получают значительные объёмы В и ВТ из соседних стран.

Поставки вооружений в Египет в 2008–2010 годах вели США, Норвегия и Германия. После свержения режима «Братьев-мусульман» в 2013-м году Соединённые Штаты заморозили поставки В и ВТ в АРЕ,

однако постепенно разблокировали их под давлением Саудовской Аравии, как основного союзника Каира в борьбе с прокатарскими террористами на Синае. Израиль в 2010-м году реализовал крупные контракты по военно-техническому сотрудничеству со странами НАТО, среди которых выделялись США и Германия. Поставки военной техники в Ирак вели США, Италия, Германия.

Страны ССАГПЗ намерены израсходовать на закупки одной лишь военно-морской техники в 2012–2017 годах до $ 8 млрд. Основными поставщиками вооружений и военной техники для Бахрейна выступают США и Германия. Ряд кораблей будет построен на верфях компании ADSB из Абу-Даби. Поставки вооружений в Катар осуществляют США, Германия, Франция и Нидерланды — с верфи голландской компании Damen в катарском порту Рас Лаффан. Кувейт закупает вооружения и военную технику у США, Германии и Великобритании. ОАЭ — в Италии, Германии, Франции и Турции, а также у собственной компании Abu-Dhabi Shipbuilding. Оман сотрудничает с Великобританией, Германией и США.

Крупнейшие военные расходы в регионе осуществляет Саудовская Аравия, военный бюджет которой составляет 35–40% госрасходов, или 12–15% валового внутреннего продукта. Большая часть её военного импорта приходится на США, Великобританию и Германию, при активизации на момент написания настоящих строк Франции. На долю Омана, Саудовской Аравии и ОАЭ приходится около 80% немецкого экспорта в секторе «Наиболее востребованные виды вооружения». В число импортёров немецкой военной техники входят Иордания, Сирия, Йемен, Пакистан и Турция.

Следует отметить, что современные вооружения, приобретённые странами ССАГПЗ, плохо осваиваются национальными вооружёнными силами, боеспособность которых, за исключением отдельных подразделений, невысока — что они полностью продемонстрировали в ходе интервенции в Йемен в 2015–2016 годах. Следствием этого стало решение ОАЭ о формировании профессионального наёмного контингента для подавления возможных волнений на территории страны. Его спровоцировало самоустранение Запада от вмешательства в «арабские революции» в Тунисе и Египте, а также волнения на Бахрейне. Правда использование части этих наёмников в Йемене повлекло значительные человеческие потери с их стороны.

Монархии Залива активно стремятся к участию в акционерном капитале производителей вооружений из числа стран НАТО, ограничиваемому в США, но возможному в Европе, в том числе в Германии. Так, поддержав приобретение госфондом IPIC из Абу-Даби 30% акций предприятия MAN (город Эссен), руководство Ferrostaal пригласило инвестора участвовать и в оборонных проектах. Это же касается слияния концерна Thyssen-Krupp с крупнейшим в ФРГ судостроителем Blohm & Voss (город Гамбург) при поддержке судостроительной компании Abu Dhabi Mar (ОАЭ).

Организацию Объединённых Наций, основанную 26 июня и начавшую работу 24 октября 1945 года — преемницу Лиги Наций, общественное мнение рассматривает как мировой парламент. Судя по результатам деятельности ООН, нет ничего более далёкого от действительности, чем такое восприятие этой малоэффективной бюрократической структуры, живущей по своим, далёким от реальной жизни законам. Дорогостоящие миротворческие структуры ООН никого

ни от чего не защищают. Комиссии и комитеты занимаются не осмысленной деятельностью, а интригами, выбиванием и осваиванием бюджетов. Организация коррумпирована, чиновники торпедируют самые серьёзные и неотложные проекты, политкорректность, возведённая в степень, доведена до абсурда.

ООН, пережив эпоху противостояния военно-политических блоков, когда она служила полем битвы идеологических систем и платформой для диалога сверхдержав в моменты, когда их противостояние заходило в тупик, во многом — раритет мироустройства, сложившегося после завершения Второй мировой войны. Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея выпускают резолюции, которые никто не выполняет и на которые мало кто, помимо участников процесса, обращает внимание.

Для тысяч бюрократов, дипломатов, журналистов, политиков и политологов Организация Объединённых Наций — серьёзная структура. Для тех, кто использует её в своих интересах, будь это Лига арабских государств, ищущая обоснование для атаки НАТО на Ливию и Сирию, или противники Государства Израиль, готовящие очередную антиизраильскую резолюцию, — полезный инструмент. Для десятков тысяч разбросанных по миру мелких чиновников — рабочее место.

Присутствие ООН на БСВ на протяжении десятилетий не разрешило ни одного регионального конфликта, однако государства региона чрезвычайно активны в её структурах. Это в первую очередь связано с противостоянием исламского мира с Израилем, делегитимация которого в ООН дошла до пика в ходе проведения Дурбанской и Женевской конференций против расизма. Характерным примером отношения ООН

к Израилю стала «комиссия Голдстоуна», обвинившая Иерусалим в военных преступлениях по результатам расследования операции «Литой свинец» в Газе, от выводов которой руководитель этой комиссии отказался весной 2011 года, хотя ООН оставила их в силе.

Структуры ООН, имеющие отношение к БСВ, можно разделить на 3 группы: 6 организаций и миротворческих миссий, в руководящих органах и воинском контингенте которых участвуют государства региона, 5 миротворческих миссий, действующих в регионе, а также агентства, занимающиеся беженцами.

Среди 16-ти членов правления, входящего в первую группу Института ООН по проведению исследований и тренингов (UNITAR), основанного в 1963-м году, находятся Алжир и Иран. Из 44-х членов открытой в 2003-м Миссии ООН в Либерии (UNMIL) БСВ представляют Египет, Иордания, Йемен и Пакистан. Все они и Тунис входят в число 42-х членов действующей с 2004 года Миссии ООН по Кот д'Ивуар (UNOCI).

Пакистан находится в числе 14-ти членов основанной в 2006-м году Миссии ООН по Тимору-Лесте (UNMIT). Египет, Пакистан и Тунис — члены действовавшей в 2007–2010 годах Миссии ООН в ЦАР и Чаде (MINURCAT). Алжир, Египет, Иордания, Йемен, Марокко, Пакистан и Тунис — в составе 52-х членов Миссии ООН в ДРК (MONUSCO), основанной в 2010-м году.

Среди структур ООН, действующих непосредственно на БСВ, работающая с 1949 года группа военных наблюдателей в Индии и Пакистане (UNMOGIP) из 8 членов. В 1964-м были основаны Миротворческие силы на Кипре (UNFICYP) из 11-ти участников. С 1978-го — Силы ООН в Ливане (UNIFIL), сформиро-

ванные 31-й страной, в том числе Катаром, Кипром и Турцией.

В 1991-м году начала работу Миссия ООН в Западной Сахаре (MINURSO), членами которой являются 30 стран стран, включая Джибути, Египет, Иорданию, Йемен и Пакистан. Действующая с 2005 года Миссия ООН в Судане (UNMIS) включает 60 государств, в числе которых Египет, Иордания, Иран, Йемен, Катар, Марокко и Турция.

Беженцами в ООН занимаются 2 структуры. Основанное 8 декабря 1949 года Агентство по палестинским беженцам (UNRWA), занимающееся только палестинцами, включает в руководство представителей 23-х стран, в том числе Египта, Иордании, Ливана, Саудовской Аравии, Сирии и Турции. Статус наблюдателей в Агентстве имеют ЕС, Лига арабских государств и ООП.

Офис Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR), основанный 3 декабря 1949 года и начавший работу с 1 января 1951-го, занимается всеми прочими беженцами планеты. В его исполком входит 79 стран, среди которых все постоянные члены Совета Безопасности ООН и такие страны, как Алжир, Джибути, Египет, Израиль, Иордания, Иран, Йемен, Кипр, Ливан, Пакистан, Сомали, Судан, Тунис и Турция.

Эта структура даёт возможность понять систему работы ООН на БСВ со всеми её перекосами, повышенный интерес к проблеме палестинских беженцев за счёт всех прочих групп и то, в каком формате складываются альянсы, группы интересов, лобби и коалиции в системе бюрократии ООН. Несмотря на все свои недостатки, она оказывает серьёзное влияние на политику национальных правительств и международных структур, не входящих в её состав, через ди-

пломатов, карьера которых полностью или частично связана с аппаратом ООН, её агентствами и подразделениями.

«Мир ООН» мало похож на окружающие реалии, что приводит к низкой эффективности её инициатив. ООН действует в виртуальном политическом пространстве, пытаясь подогнать действительность под свои догмы. В условиях «Арабской весны» миссии ООН со своими обязанностями справиться не смогли, избегая конфронтации с исламистскими экстремистами, закрывая глаза на их деятельность, а иногда и прямо сотрудничая с ними. Однако, успешно или нет, ООН действует на БСВ, и её деятельность там заслуживает рассмотрения на конкретных примерах.

Разъединением Израиля и его соседей занимаются Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (ОНВУП) между арабскими странами и Израилем, Силы ООН по наблюдению за разъединением (СООННР) вооружённых сил Израиля и Сирии на Голанских высотах (в начале гражданской войны в Сирии 2010-х годов покинули позиции, эвакуировавшись в Израиль) и Временные силы ООН в Ливане (ВСООНЛ).

ОНВУП был создан на основании резолюции СБ ООН № 50 в 1948-м году. Военные наблюдатели ОНВУП приданы силам ООН на Голанских высотах и в Ливане. Группа наблюдателей работает на Синайском полуострове. За соблюдением условий мирного договора между АРЕ и Израилем наблюдают специальные международные силы, не подчинённые ООН. Штаб-квартира миссии находится в Иерусалиме, представительства в Бейруте и Дамаске.

СООННР созданы в соответствии с резолюцией СБ ООН № 350 от 1974 года. Мандат этой миссии продле-

вается СБ ООН раз в полгода. Они контролируют район протяжённостью 80 км и шириной от 1 до 10 км. Штаб этой миссии был до начала гражданской войны в Сирии размещён в лагере Фауар (на момент написания настоящей книги данных по его местонахождению нет), в Дамаске есть её представительство. СООННР размещены в 2-х лагерях, несут службу на 44-х позициях и 11-ти наблюдательных пунктах и раз в 2 недели проверяют зоны ограниченного военного присутствия вооруженных сил Сирии и Израиля, а также проводят разминирование территории, вверенной под их контроль.

ВСООНЛ были созданы на основе резолюции СБ ООН № 425 от 1978 года. В соответствии с резолюцией СБ ООН № 1701 от 2006 года их полномочия были расширены, численность увеличена, создано Морское оперативное соединение. Мандат миссии ежегодно продлевается Совбезом ООН. Штаб расположен в ливанском городе Эн-Накура. Морское оперативное соединение состоит из 5-ти боевых кораблей и вспомогательного судна военно-морских сил Германии, Греции, Италии и Турции. ВСООНЛ наблюдают за режимом прекращения огня, препятствуют незаконному военному присутствию в южных районах Ливана, пресекают контрабандную доставку туда оружия и боеприпасов.

Политику ООН в Афганистане реализует Миссия по содействию Афганистану (МООНСА), учреждённая в 2002-м году. Общая численность сотрудников миссии — более 1300 человек. Её штаб-квартира находится в Кабуле, региональные отделения — в Бамиане, Гардезе, Герате, Джелалабаде, Кандагаре, Мазари-Шарифе и других населённых пунктах Афганистана, отделения — в Исламабаде и Тегеране.

МООНСА состоит из канцелярии спецпредставителя и подразделений по политическим вопросам, вопросам чрезвычайной помощи и экономического восстановления. В состав канцелярии входят группы советников по правовым вопросам и военных советников (последняя поддерживает связь с Международными силами содействия безопасности и отвечает за строительство вооружённых сил Афганистана), отдел по связям с общественностью и группа по правовому обеспечению деятельности миссии.

В начальный период оккупации Афганистана координировал зарубежную помощь этой стране Совместный координационно-мониторинговый совет (СКМС) из 28-ми человек, созданный правительством и международным сообществом на 5 лет (2006–2011 годы) в рамках лондонского Соглашения по Афганистану.

От Исламской Республики Афганистан в его состав вошли 7 человек: советники президента по экономическим вопросам (сопредседатель) и национальной безопасности, министры финансов, экономики, иностранных дел, просвещения, юстиции. От международного сообщества — 21 человек, включая спецпредставителя Генерального секретаря ООН (сопредседатель), представителей 6-ти основных доноров (США, Японии, Великобритании, Германии, ЕС и Индии) и соседей Афганистана (Пакистана, Ирана и Китая).

Зарезервированы были места для участников процесса-недоноров (Саудовской Аравии, Турции и России), НАТО, КС, 4-х основных поставщиков воинских контингентов (Канады, Нидерландов, Италии и Франции), Всемирного банка и Азиатского банка развития. Решения принимаются консенсусом.

СКМС состоял из 46-ти рабочих и 13-ти консультативных групп, контролирующих основные направления Соглашения по Афганистану: безопасность, государственное управление и верховенство закона, инфраструктуру, образование, здравоохранение, сельское хозяйство, социальную защиту, развитие частного сектора, гендерные вопросы, борьбу с наркотиками, региональное сотрудничество, антикоррупционные мероприятия и охрану окружающей среды. Исходя из сложной структуры и забюрократизированности процедур принятия решений, работа СКМС оказалась неэффективной, уступая по результативности Встречам спецпредставителей по АфПаку — ключевых участников урегулирования в Афганистане, которые контролировали США.

Рассматривая деятельность ООН в Судане, следует остановиться на Миссии ООН в Судане (МООНВС) и смешанной операции Африканского союза (АС) и ООН в Дарфуре (ЮНАМИД). Миссия в Судане, учреждённая на основании резолюции СБ № 1590 от 2005 года для поддержки Всеобъемлющего мирного соглашения между правительством Судана и Суданским народно-освободительным движением/армией (СНОД/СНОА), действует в 6-ти секторах пограничных районов Северного и Южного Судана. Её возглавляет спецпредставитель Генерального секретаря ООН. Штаб-квартира размещена в Хартуме. Представительства МООНВС действуют в столице Южного Судана Джубе и других городах региона.

Смешанная операция АС и ООН проводится на основании резолюции Совбеза № 1769 от 2007 года в интересах «содействия скорейшему и эффективному осуществлению Мирного соглашения по Дарфуру и обеспечению защиты гражданского населения».

Мандат ЮНАМИД, ежегодно продлеваемый Совбезом ООН, включает наблюдение за ситуацией вдоль границ Судана с Чадом и Центрально-Африканской Республикой.

Руководит ЮНАМИД совместный спецпредставитель АС и ООН, подчиняющийся Генеральному секретарю ООН и председателю Комиссии АС. Координация деятельности АС и ООН осуществляется через Совместный механизм координации и поддержки в Аддис-Абебе (Эфиопия). Штаб миссии и миротворческого контингента размещён в Эль-Фашере (Северный Дарфур). Зона ответственности ЮНАМИД разделена на сектора: Север (штаб в Эль-Фашере), Запад (Эль-Гонейн) и Юг (Ньяла). Миссия имеет представительства в 55-ти, а миротворцы дислоцированы в 30-ти населённых пунктах (по 10 в секторе).

Миротворцы ЮНАМИД представлены воинскими подразделениями Буркина-Фасо, Египта, Нигерии, Руанды, Сенегала, Эфиопии и ЮАР. Гражданская полиция действует в составе 19-ти подразделений. По контракту с ООН в Дарфуре работают лётчики российской авиакомпании «ЮТэйр». Следует отметить сложную оперативную обстановку, в которой действуют в Судане миссии ООН и АС, которые не могут защитить даже собственный контингент, не говоря о мирных жителях. ООН констатирует факты их уничтожения и зафиксировала свидетельства геноцида, на основании которых Международным уголовным судом была предпринята попытка судебного преследования президента Судана Омара аль-Башира, которую он благополучно проигнорировал.

Миссия ООН по проведению референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС) была учреждена в соответствии с резолюцией № 690 СБ ООН от 1991 года. В том

же 1991-м году при посредничестве ООН Марокко, считающее Западную Сахару неотъемлемой частью своей территории, и Народный фронт освобождения Сегиет-эль-Хамра и Рио-де-Оро (Фронт ПОЛИСАРИО) достигли договорённости о прекращении огня. Помимо разделения конфликтующих сторон и проведения референдума, миссия должна была обеспечить освобождение западносахарских политзаключённых, наблюдать за обменом военнопленными в сотрудничестве с Международным комитетом Красного Креста и осуществлять программу репатриации вместе с Верховным комиссаром ООН по делам беженцев.

В нарушение изначального плана, референдум так и не был проведён. Комиссия МООНРЗС по идентификации его участников в 1993–1999 годах выполнила свою работу, но процесс буксует до настоящего времени. Генеральный секретарь ООН через специального посланника периодически ведёт переговоры с представителями конфликтующих сторон. Штаб-квартира Миссии расположена в городе Эль-Аюн (Западная Сахара). 9 опорных постов наблюдателей ООН размещены по обе стороны вала, построенного Марокко вдоль границы с Мавританией и Алжиром, который отделяет западную зону, контролируемую Марокко, от восточной, управляемой Фронтом ПОЛИСАРИО. В алжирском городе Тиндуф находится отделение связи МООНРЗС, поддерживающее связь с руководством Фронта ПОЛИСАРИО и алжирской администрацией.

Численность миссии на конец 2010 года составляла 230 человек, которым было придано 259 человек международного и местного гражданского персонала и 20 добровольцев ООН. Миссия ежегодно проводит до 8,5 тысячи наземных и 600 вертолётных патрулирований. Действует Центр МООНРЗС по координации

деятельности, связанной с разминированием. Миссия помогает Международному комитету Красного Креста в поиске лиц, пропавших без вести, и оказывает гуманитарную помощь беженцам-«сахрави» в районе Тиндуфа. В марте 2016 года кризис в отношениях между Марокко и офисом Генерального секретаря ООН привёл к фактической остановке деятельности миссии.

Практически все наблюдатели сходятся на том, что работа ООН на БСВ представляет собой имитацию деятельности. Односторонние или двусторонние действия отдельных государств вне рамок ООН эффективней, менее затратны и имеют больше шансов на успех, позволяя учитывать изменения в обстановке и гибко реагировать на них. Проблемы ООН заложены в её структуре и механизме принятия решений, не позволяющем учитывать текущую ситуацию, часто коренным образом изменившуюся со времени создания той или иной миссии. Доверие к ООН подрывают такие финансово-коррупционные скандалы, как злоупотребления вокруг программы «Нефть в обмен на продовольствие». ООН слабеет, теряет авторитет, и её провалы на БСВ лишь подчеркивают эту объективную реальность.

Информация к размышлению

Иран как сверхдержава

Современный Иран — не только шиитское революционно-теократическое государство, которым он был на протяжении более трёх десятилетий, прошедших с революции 1979 года, но и страна, идеология которой базируется на имперском прошлом и персидском национализме. В тактическом плане на БСВ

Исламская Республика Иран добилась значительных успехов. Уход американских войск из Ирака и Афганистана позволил Тегерану закрепить своё влияние на значительной части их территории — в первую очередь в Ираке.

Ряд арабских режимов, противостоявших Ирану, пал в ходе «Арабской весны», как мубараковский Египет (возвращение к власти в АРЕ военных в 2013-м году не привело к восстановлению конфликтного потенциала Каира и Тегерана в прежнем объёме). ОАЭ, Кувейт и Марокко вынуждены заниматься своими собственными проблемами, а не иранской региональной экспансией, хотя она является главной проблемой Саудовской Аравии и Бахрейна. Третьи нейтральны, как Алжир, Катар, Оман и Ирак, которые поддерживают с Ираном устойчивые отношения. Катар действует и против Ирана, и против Саудовской Аравии. Что касается его восточных соседей, Иран наладил отношения с Афганистаном (инвестиции и гуманитарная помощь) и Пакистаном (поставки газа).

Внешнеполитическая активность президента Ахмади Нежада принесла Ирану определённые результаты в Азии, Африке и Латинской Америке, однако напрягла его отношения с мировым сообществом, поставив ИРИ на грань региональной войны. Причём по поводу союзников Иран не обольщается: ни один из них не будет ставить под угрозу собственное существование ради Тегерана, что ярко продемонстрировал отказ входившего в проиранский альянс до осени 2011 года движения ХАМАС поддержать режим Асада в Сирии.

Несмотря на санкции ООН, которые нанесли существенный урон иранской экономике, Иран успешно развивал свою ядерную программу, пока американ-

ское руководство, смирившись с невозможностью повлиять на него прямым давлением, не приняло решение заключить с ИРИ «ядерную сделку». Накопление расщепляющих материалов, запас которых в 2011-м году, по мнению израильской разведки, позволял ИРИ изготовить до 5-ти зарядов, испытания ракет-носителей и продвижение работ над изготовлением ядерной боеголовки контрастировали с отсутствием успехов «шестёрки» международных посредников в приостановке ядерной программы Ирана. Успешным в этой связи был лишь компьютерный вирус Stuxnet, поразивший ряд иранских ядерных объектов. В любом случае, завершение Россией под контролем МАГАТЭ строительства АЭС в Бушере превратило ИРИ в первую после Пакистана ядерную державу Ближнего Востока. Следует отметить помощь Пакистана в продвижении ядерной программы Ирана через «сеть Абдул Кадыр Хана» — «отца пакистанской ядерной бомбы».

Подписание «шестёркой» в 2015-м году при президенте Хасане Роухани соглашения с Ираном об ограничении его ядерной программы, разрекламированное как победа международного сообщества, на деле являлось признанием его поражения. Иран превратился в пороговое государство с возможностью изготовления ядерного оружия в момент, когда такое решение будет принято его военно-политическим руководством. Не случайно Саудовская Аравия и Израиль восприняли это соглашение как предательство со стороны США, отказ администрации президента Барака Обамы от обязательств его предшественников и свидетельство того, что в вопросах безопасности они могут полагаться только на собственные силы.

Несмотря на потенциал российско-иранских отношений в сфере экономики, российские интересы

в Иране, реализация которых осложнялась санкциями ООН, политической нестабильностью и напряжённой ситуацией в отношениях ИРИ с соседями, на протяжении длительного времени оставались на уровне $ 2–3 млрд торгового оборота при минимальном объёме взаимных инвестиций. Снятие с ИРИ санкций ООН, санкции США и ЕС в отношении РФ, а также контрсанкции России, активизировало двустороннюю торговлю. Особую роль сыграли действия России в Сирии в 2015–2016 годах, укрепив ВТС России и Ирана, имеющий по мнению экспертов колоссальный потенциал, как вследствие высокого уровня отечественных систем В и ВТ, так и из-за недоверия руководства Ирана к стабильности поставок из стран Запада.

Основные партнёры ИРИ, при внешнеторговых связях этой страны, включающих Турцию, Пакистан, Южную Корею, страны арабского мира, ЕС и даже США и Израиль (последний через турецких посредников), — Китай и Индия. Волнения шиитов на Бахрейне, в Восточной провинции Саудовской Аравии и других странах арабского мира заставили говорить о «руке Тегерана», который вступил в столкновение с Эр-Риядом. Гражданская война в Йемене ослабляет КСА и может быть использована Ираном против Саудовской Аравии, если военные действия всерьёз затронут территорию королевства. Ответом на это стали контракты на поставку военной техники и вооружений в КСА и ОАЭ, подписанные ими с Западом, интервенция силовых структур ССАГПЗ на Бахрейн и заключённый в конце марта 2011 года договор о коллективной безопасности арабских стран Залива.

В перспективе вероятность прямого столкновения Ирана и Саудовской Аравии, в которое могут быть вовлечены и другие монархии Залива, достаточно вы-

сока. В этом случае «Аль-Каида», талибы, белуджская «Джондалла», суннитские радикалы в Ираке и Афганистане (в первую очередь джихадисты-интернационалисты ИГ) и курдские боевики «Пежак», действующие с территории Ирака, активизируют антииранскую деятельность. Позиция, которую займут ориентирующиеся на Катар последователи шейха Юсефа Кардауи из числа «Братьев-мусульман» в конфликте такого рода неясна. ХАМАС будет нейтрален.

В Ливане руководству ИРИ удалось добиться перевеса над саудовским лобби, хотя перевес шиитов и их союзников — части друзов, суннитов и христиан, над ушедшим в оппозицию блоком Саада Харири не столь велик. Однако Саудовская Аравия на начало 2016 года считала Ливан потерянным в пользу Ирана, в связи с чем заморозила оплату В и ВТ для ливанской армии и запретила туристические поездки своих граждан в эту страну. При этом логика сирийской гражданской войны требовала от Ирана и ливанских шиитов перекрыть границу с Сирией, через которую шла переброска оружия и суннитских боевиков.

В Йемене хоуситы и подразделения гвардии, поддерживающие экс-президента А. А. Салеха при минимальной поддержке со стороны Ирана и инструкторов «Хизбаллы» нанесли существенный ущерб в живой силе и технике возглавляемой Саудовской Аравией коалиции и её союзникам, включая переброшенных в Йемен из ОАЭ наёмников из частной военной компании «Блэкуотерс». Войска «Аравийской коалиции» завязли в этой стране, а военные действия там разоряют КСА, при том что Ирану поддержка хоуситов практически ничего не стоит.

Силовое подавление оппозиционного «Зелёного движения» в Иране, возникшего после спорных пре-

зидентских выборов 2009 года, в результате которых президент Махмуд Ахмади Нежад во второй раз пришел к власти, не привело к его разгрому. Высокий протестный потенциал сохраняется в студенческой среде. Однако режим прочен и положению верховного религиозного лидера — рахбара и президента ничто, кроме разногласий между ними, не угрожает, хотя консервативное крыло властей не смогло уничтожить идеологических противников внутри страны. На выборах 2016 года альянс их оппонентов — сторонников реформ и президента Хасана Роухани — занял ключевые позиции в парламенте и, что важнее, в Совете экспертов, принимающем решения по назначению рахбара.

Определённую опасность для Ирана имеет местный национализм, имеющий давнюю историю и прочные корни. Протесты в арабском мире стали примером для курдов, азербайджанцев, туркменов, белуджей и других жителей «национальных окраин» Ирана. Многомиллионная иранская диаспора в странах Запада включает и сторонников, и противников режима. Большинство эмигрантов — противники правящей власти, однако рассчитывать на их помощь в свержении режима, как надеялись в Вашингтоне и Брюсселе, не приходится вследствие персидского национализма. Насчитывающая же сотни тысяч иранская община в странах Залива рассматривается правительствами государств ССАГПЗ как пятая колонна Тегерана.

Не исключено, что в случае эскалации конфликта между Ираном и Саудовской Аравией Тегеран нанесёт смертельный удар геронтократии Эр-Рияда, спровоцировав распад Саудовской Аравии, хотя маловероятно, что он сможет воспользоваться плодами

этой победы. Закрепление Ирана как ведущей силы возможно только на территории с доминирующим шиитским населением. Возможность распада самого Ирана, о котором часто говорят западные средства массовой информации, не исключена, но вероятность её высока только в случае прямого военного столкновения Ирана с США. Сценарий такого рода может быть реализован в случае коллапса Саудовской Аравии или иранской атаки объектов США в Заливе, которая может быть произведена с использованием ракет среднего радиуса действия, судов-брандеров, самолетов-камикадзе, террористов и спецподразделений.

Учитывая высокую мотивацию и боевой опыт иранских военнослужащих и бойцов КСИР, в случае прямых столкновений они могут нанести экспедиционным корпусам стран Запада серьёзный урон в живой силе и технике, тем более что западная тактика действий была изучена иранцами на примере афганской и иракской кампаний последних десятилетий. При этом вооружённые силы ИРИ понесут невосполнимые потери. Однако в настоящий момент президент Роухани и рахбар Хаменеи настроены на диалог с Западом — в том числе ради восстановления экономического потенциала ИРИ.

Оснащённые десятками тысяч ракет плацдармы в Газе и Южном Ливане, контролируемые ХАМАСом и «Хизбаллой», представляют значительную опасность для Израиля, увеличивая вероятность его столкновения с Ираном. В случае этого столкновения численный перевес иранской армии будет скомпенсирован устаревшей военной техникой, которой она вооружена: основные усилия по достижению победы будут приложены израильтянами в дистанционной войне,

с применением ракет, подлодок и авиации, а также электронных систем вооружений.

Ядерная война между Ираном и Израилем маловероятна, хотя в будущем не исключена. Израиль полагает, что ИРИ сможет вести ограниченную ядерную войну не ранее 2020 года. Оптимисты предполагают, что войны между ними не будет, поскольку иранское руководство дойдёт до «предвоенного уровня», заморозив ядерную программу ИРИ. При этом согласно иранской военной доктрине Израиль — «страна одной бомбы». В случае получения ядерного оружия искушение нанести по Израилю удар, использовав эту «одну бомбу», может оказаться сильнее прагматических планов, тем более что неудачные операции Запада в Афганистане, Ираке и Ливии продемонстрировали лимиты его военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке.

Глава 10
Международная кооперация

Участие стран региона в международных организациях позволяет им не только налаживать связи в пределах какой-либо его части или всего исламского мира, но и влиять на мировую политику через многочисленные «клубы», в которых они участвуют как наблюдатели, ассоциированные или полноправные члены. Даже поверхностный взгляд на эту систему позволяет выявить ряд закономерностей, объясняющих многое из происходящего на БСВ. Помимо прочего, выделяются региональные лидеры и аутсайдеры, доноры и получатели финансовой помощи. Так, в число 13-ти ассоциированных членов Парижского клуба (с 1956 года, Paris Club) входят Абу-Даби, Израиль, Кувейт, Марокко и Турция.

Израиль и Турция вошли в состав Организации экономического сотрудничества и развития (с 1960 года, Organization for Economic Cooperation and Development — OECD). Турция и Саудовская Аравия входят в созданное в 1999-м году объединение стран, являющихся ведущими экономиками мира, G-20. Наблюдателями Шанхайской организации сотрудниче-

ства (с 2001 года, Shanghai Cooperation Organization — SCO или ШОС) являются Иран и Пакистан.

Особую роль на БСВ, где самые богатые и самые бедные государства планеты являются соседями, играют финансовые структуры. Среди 56-ти членов Банка международных расчетов (с 1930 года, Bank for International Settlements — BIS) — Алжир, Израиль, Саудовская Аравия и Турция. Принятый для развития Азии и Тихоокеанского региона в 1950-м году План Коломбо (26 членов, Colombo Plan — CP) включил Афганистан, Иран и Пакистан.

Группа Африканского банка развития (с 1964 года, African Development Bank Group — AfDB), объединяющая ряд банков и фондов континента, включает 53 региональных участника, в том числе Алжир, Джибути, Египет, Ливию, Мавританию, Марокко, Сомали, Судан, Тунис и Эритрею, а в числе 24 нерегиональных — Кувейт и Саудовская Аравия.

В числе 48-ми членов Азиатского банка развития (с 1966 года, Asian Development Bank — ADB) — Афганистан и Пакистан, а среди 19-ти его нерегиональных членов — Турция. Арабский фонд экономического и социального развития (с 1968 года, Arab Fund for Economic and Social Development — AFESD), 20 членов + ООП — все страны, входящие в состав ABEDA (перечислены ниже), Джибути, Йемен и Сомали (до 1993 года).

В число 56-ти + ООП членов Исламского банка развития (с 1973 года, Islamic Development Bank — IDB) входят все исламские страны БСВ, кроме Эритреи. Арабский банк экономического развития Африки (с 1974 года, Arab Bank for Economic Development in Africa — ABEDA, он же — Banque Arabe de Developpement Economique en Afrique — BADEA) охватывает

деятельностью 17-ти стран: Алжир, Бахрейн, Египет, Иорданию, Ирак, Катар, Кувейт, Ливан, Ливию, Мавританию, Марокко, Оман, ОАЭ, Саудовскую Аравию, Сирию, Судан и Тунис, а также ООП.

Кувейт входит в число 10 членов Банка развития центральноафриканских государств (с 1975 года, Central African States Development Bank — BDEAC, он же Banque de Developpement des Etats de l'Afrique Centrale). Арабский валютный фонд (с 1976 года, Arab Monetary Fund — AMF), имеет в составе 21 страну и ООП (те же, что AFESD и Коморы). Европейский банк реконструкции и развития (с 1991 года, 63 члена, European Bank for Reconstruction and Development — EBRD) работает с Египтом, Израилем, Марокко и Турцией. В числе 12-ти членов Банка черноморской зоны экономического сотрудничества (с 1992 года, Black Sea Economic Cooperation Zone — BSEC) — Турция, а среди 17-ти наблюдателей — Египет, Израиль и Тунис.

Существенной для мирового сообщества является политическая кооперация стран БСВ, в том числе по религиозному (ОИК), этническому (ЛАГ) и региональному (ССАГПЗ, САМ, АС) принципу. Созданная в 1945 году Лига арабских государств (League of Arab States — LAS или Arab League — AL), состоящая из 21-й арабской страны и ООП, имеет в качестве наблюдателей Бразилию, Венесуэлу, Индию и Эритрею. В Организацию исламского сотрудничества (с 2011 года — была создана как Организация исламская конференция в 1969-м году, 56 членов + ООП, Organization of the Islamic Conference — OIC) входят все исламские страны БСВ, а среди 12-ти её наблюдателей — Турецкая мусульманская община Северного Кипра.

В состав Совета сотрудничества арабских государств Залива (с 1981 года, Cooperation Council for the

Arab States of the Gulf или Gulf Cooperation Council — GCC, известного в РФ как ССАГПЗ) входят 6 монархий Аравийского полуострова. Союз Арабского Магриба (с 1989 года, Arab Maghreb Union — AMU) состоит из Алжира, Ливии, Мавритании, Марокко и Туниса. В Африканском союзе (с 2001 года, 53 страны, African Union — AU, бывшая Организация африканского единства) БСВ представляют Алжир, Джибути, Египет, Западная Сахара (Арабская Демократическая Республика Сахрави), Ливия, Мавритания, Сомали, Судан, Тунис и Эритрея.

Роль БСВ как мирового поставщика углеводородов сказывается на позиции ОПЕК и подкрепляется ОАПЕК и САЭЕ. В Совете арабского экономического единства (с 1957 года, 11 стран + ООП, Council of Arab Economic Unity — CAEU): Египет, Ирак, Иордания, Йемен, Кувейт, Ливия, Мавритания, ОАЭ, Сомали, Судан и Сирия. 8 из 12-ти участников Организации стран — экспортёров нефти (с 1960 года, Organization of Petroleum Exporting Countries — OPEC) — страны БСВ: Алжир, Иран, Ирак, Кувейт, Ливия, Катар, КСА и ОАЭ. В состав 11-ти членов Организации арабских стран — экспортеров нефти (с 1968 года, Organization of Arab Petroleum Exporting Countries — OAPEC) вошли все арабские члены ОПЕК, Бахрейн, Египет, Сирия и Тунис (позже вышел).

Проводником французского влияния в регионе служит Международная организация франкоговорящего мира (с 1970 года, 53 страны, International Organization of the French-speaking World — OIF или Organisation Internationale de la Francophonie), в которую входят Джибути, Египет, Ливан, Мавритания, Марокко и Тунис, а в числе её ассоциированных членов — Кипр. Участие стран БСВ в геополитических

проектах «великих держав» иллюстрирует и присутствие Марокко в числе 17-ти членов основанного в 2000-м году по инициативе США Сообщества Демократий (Community of Democracies — CD).

Особую роль в системе международных структур играет Турция. Это единственная страна БСВ, которая входит в число 28 членов созданного в 1949-м году блока НАТО (North Atlantic Treaty Organization — NATO) и 29 — созданного в 1958-м Агентства по ядерной энергии (Nuclear Energy Agency — NEA, известного также как OECD Nuclear Energy Agency). Турция имеет эксклюзивное для региона членство в составе 37-ми стран, входящих в работающий с начала 70-х годов Комитет Цангера (Zangger Committee — ZC), разрабатывающий руководящие принципы экспортного контроля Договора по нераспространению ядерного оружия (NPT/ДНЯО).

Она входит также в Международное энергетическое агентство (с 1974 года, 29 стран, International Energy Agency — IEA); борющуюся с отмыванием денег Финансовую оперативную группу (с 1989 года, 36 членов, Financial Action Task Force — FATF), основанную в Париже на саммите G-7; связанный с НАТО Совет евро-атлантического партнерства (с 1991 года, 50 стран, Euro-Atlantic Partnership Council — EAPC, начавший работу как North Atlantic Cooperation Council — NACC).

Характерными для международной кооперации структурами являются целевые группы, некоторые из которых названы по числу их участников. 23 участника Группы-77 (с 1964 года, 129 стран + ООП, G-77) — страны БСВ (в G-77 не входят Израиль, Кипр, Иран, Турция и Эритрея). Организация экономической кооперации (с 1985 года, 10 членов, Economic Cooperation Organization — ECO) объединяет постсоветские му-

сульманские республики и граничащие с ними Афганистан, Иран, Пакистан и Турцию.

В G-15 (с 1989 года, 18 членов, создана на базе Движения неприсоединения) входят Алжир, Египет и Иран, а в G-24 (с 1989 года), помимо этих стран — Ливан, Пакистан и Сирия. Развитие-8 (с 1997 года, Developing Eight — D-8) объединяет крупнейшие исламские неарабские экономики: Бангладеш, Египет, Индонезию, Иран, Малайзию, Нигерию, Пакистан и Турцию. В состав G-11 (с 2006 года, 12 членов) входят Иордания, Марокко, Пакистан и Тунис.

Ряд международных организаций, в том числе тех, с которых началась история международного сотрудничества, включает большинство или всех членов ООН, включая государства БСВ. Это Международный союз электросвязи (с 1865 года, 192 члена, International Telecommunication Union — ITU); Межпарламентский Союз (с 1889 года, 154 члена + ООП, Inter-Parliamentary Union — IPU) — кроме Эритреи и Сомали (ассоциированное членство у Переходного арабского парламента); Международный олимпийский комитет (с 1894 года, 204 страны и ООП, International Olympic Committee — IOC).

Помимо них упомянем такие структуры, как Международная организация труда (с 1919 года, 183 члена, International Labor Organization — ILO); Международная федерация Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (с 1919 года, 185 стран + ООП, International Federation of Red Cross and Red Crescent Societies — IFRCS); Международная организация уголовной полиции (с 1923 года, 186 стран, International Criminal Police Organization — Interpol).

К этой же группе относятся Международный валютный фонд (с 1944 года, 187 стран, International

Monetary Fund — IMF); Международная организация гражданской авиации (с 1944 года, 190 стран, International Civil Aviation Organization — ICAO); Всемирный Банк (с 1945 года, 187 членов, International Bank for Reconstruction and Development — IBRD); Всемирная организация здравоохранения (с 1946 года, 193 члена, World Health Organization — WHO).

Упомянем Всемирную метеорологическую организацию (с 1947 года, 183 страны, World Meteorological Organization — WMO); Международную организацию по стандартизации (с 1947 года, 109 стран, International Organization for Standardization — ISO); Международную морскую организацию (с 1948 года, 168 стран, International Maritime Organization — IMO, бывшая Intergovernmental Maritime Consultative Organization — IMCO) — кроме Афганистана.

Отметим Всемирную таможенную организацию (с 1950 года, 178 членов, World Customs Organization — WCO, бывший Customs Cooperation Council — CCC); Международную финансовую корпорацию (с 1955 года, 182 члена, International Finance Corporation — IFC); Международное агентство по атомной энергии (с 1956 года, International Atomic Energy Agency — IAEA или МАГАТЭ) — кроме Джибути и Сомали; Международную ассоциацию развития (с 1960 года, 171 член, International Development Association — IDA).

Международные объединения такого рода дополняют Движение неприсоединения (с 1961 года, 117 стран, Nonaligned Movement — NAM); Международный фонд сельскохозяйственного развития (с 1974 года, 165 стран, International Fund for Agricultural Development — IFAD), Международная организация спутниковой связи (с 1964 года, 150 стран, International Telecommunications Satellites Organization — ITSO);

Всемирная организация интеллектуальной собственности (с 1967 года, 184 страны, World Intellectual Property Organization — WIPO).

Страны БСВ входят и в такие структуры, как Всемирная туристическая организация (с 1975 года, 154 страны, World Tourism Organization — UNWTO); Многостороннее агентство по гарантированию инвестиций (с 1988 года, 175 стран, Multilateral Investment Guarantee Agency — MIGA) — кроме Сомали.

Плюс есть ещё Всемирная торговая организация (с 1994 года, 153 члена, World Trade Organization — WTO, преемница General Agreement on Tariff and Trade — GATT) — кроме Сомали и Эритреи; а также Организация по запрещению химического оружия (с 1997 года, 188 членов, Organization for the Prohibition of Chemical Weapons — OPCW), документы которой Израиль подписал, не ратифицировав.

В число 65-ти наблюдателей Организации американских государств (с 1890 года, Organization of American States — OAS, бывший International Union of American Republics) входят 12 стран БСВ: Алжир, Египет, Израиль, Йемен, Катар, Кипр, Ливан, Марокко, Пакистан, Саудовская Аравия, Тунис и Турция. Постоянная палата третейского суда (с 1899 года, 111 стран, Permanent Court of Arbitration — PCA) включает 18 государств региона.

В Международную гидрографическую организацию (с 1919 года, 80 стран, International Hydrographic Organization — IHO, бывшее International Hydrographic Bureau) входят 15 ближневосточных стран. Во Всемирную торговую палату (с 1919 года, 89 национальных комитетов, International Chamber of Commerce — ICC) — 17. Во Всемирную федерацию профсоюзов

(с 1945 года, 109 стран + ООП, World Federation of Trade Unions — WFTU) — 20 стран БСВ и ООП.

Международная организация миграции (с 1951 года, 132 страны, International Organization for Migration — IOM, бывший Provisional Intergovernmental Committee for the Movement of Migrants from Europe) включает 19 стран региона. В Международной организации мобильной спутниковой связи (с 1999 года, International Mobile Satellite Organization — IMSO) состоят 18. В Международной конфедерации профсоюзов (с 2006 года, 312 членов из 156 стран + ООП, International Trade Union Confederation — ITUC, в рамках которой объединились International Confederation of Free Trade Unions — ICFTU и World Confederation of Labor — WCL) — 14 государств БСВ и ООП.

Кипр, Иран, Ливия, Мавритания, Марокко и ИРП входят во Всемирную конфедерацию труда (с 1920 года, 105 членов, World Confederation of Labor — WCL). В число «сторонников» Всемирного суда (с 1946 года, 55 стран, International Court of Justice — ICJ) входят Кипр, Джибути, Египет, Пакистан, Сомали и Судан. Ряд стран БСВ участвует во Всемирной продовольственной программе (с 1961 года, 36 членов, World Food Program — WFP).

Кипр и Турция входят в Группу ядерных поставщиков (с 1974 года, 46 членов, Nuclear Suppliers Group — NSG, известная как London Suppliers Group or the London Group). Те же Кипр и Турция являются членами ОБСЕ (с 1975 года, 56 стран, Organization for Security and Cooperation in Europe — OSCE, бывшей Conference on Security and Cooperation in Europe — CSCE), а в число 12-ти партнёров организации входят Афганистан, Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Марокко и Тунис.

Афганистан и Пакистан входят в Южноазиатскую ассоциацию регионального сотрудничества (с 1983 года, 8 членов, South Asia Cooperative Environment Program — SACEP), они же являются членами (а Иран — наблюдателем) Южноазиатской ассоциации регионального сотрудничества (с 1985 года, 8 стран, South Asian Association for Regional Cooperation — SAARC). Членами Межправительственного органа по вопросам развития (с 1986 года, 6 стран, Inter-Governmental Authority on Development — IGAD, бывший Inter-Governmental Authority on Drought and Development — IGADD) являются Джибути, Сомали и Судан (Эритрея приостановила участие в нём в 2007-м году).

Турция — член, а Израиль — наблюдатель Юго-Восточной европейской инициативы по сотрудничеству (с 1996 года, 13 стран, Southeast European Cooperative Initiative — SECI). Наконец, членами Международного уголовного суда (с 2002 года, 114 стран, International Criminal Court — ICC) являются Афганистан, Кипр, Джибути и Иордания.

Описанная выше схема не является статичной. Международные организации изменяют состав участников, названия, спонсоров и патронов с регулярностью, заставляющей предполагать в ней закономерность. Они образуют, вместе с ООН, НАТО и ЕС, систему, в которой трудоустроены десятки тысяч чиновников, составляющих аппарат этих структур.

Именно эти люди в соответствии со своими представлениями о приоритетах, личными и ведомственными интересами, догмами и стереотипами, инерцией запущенных ранее финансово-организационных процессов, внутри- и межведомственной борьбой, складывающимися и разрушающимися альянсами

формируют повестку так называемого «международного сообщества». Они же это сообщество представляют, а точнее, подменяют в собственных или корпоративных интересах.

Информация к размышлению

АфПак

Американская ближневосточная военно-политическая доктрина не случайно рассматривает Афганистан и Пакистан как единое целое — АфПак. Тесно связанные исторически, оба эти государства, если Афганистан, представляющий совокупность не подчиняющихся центральному правительству территорий и племён вообще можно так назвать, представляют собой очаг нестабильности мирового значения.

«Крестовый поход против международного терроризма», начатый президентом Бушем при поддержке мирового сообщества после теракта «9/11», в Афганистане в конечном счёте провалился. Обстановка в регионе значительно осложнилась, по сравнению с периодом до начала операции, за счёт роста наркопроизводства, расширения зоны деятельности террористических организаций на Пакистан и Индию и ослабления Пакистана с возможной дезинтеграцией его в среднесрочной перспективе.

Правительство Афганистана коррумпировано, непрофессионально, неэффективно и открыто поддерживает контакты с талибами и наркоторговцами. Большая часть руководства страны занимается производством наркотиков. Уровень нарушений на выборах чрезвычайно высок. Легитимность президента близка к нулю. Поддержка официального Кабула админи-

страцией США дискредитировала Вашингтон в глазах местного населения и племенных элит — правящий режим не имеет шансов на выживание без помощи извне.

После вывода из Афганистана западных военных контингентов основными претендентами на власть в пуштунских районах являются талибы, а контролируемые бывшим «Северным альянсом» провинции подчиняются Кабулу чисто номинально. Как следствие, в районах проживания шиитов-хазарейцев велико влияние Ирана, на юго-востоке — Пакистана, в ряде восточных и северо-восточных регионов — Индии.

Сотрудничество Нью-Дели и Кабула окрепло осенью 2011 года, после терактов, в ходе которых был убит ряд ключевых фигур администрации Карзая, и охлаждения антитеррористического сотрудничества США и Пакистана, взявшего под покровительство группировку «Хаккани». Американцы рассчитывали, что союз Афганистана с Индией сбалансирует влияние в этой стране Пакистана, опирающегося на Китай, создав после ухода американских войск в Афганистане ситуацию неустойчивого равновесия.

В ходе активной фазы военной операции западной коалиции против талибов и «Аль-Каиды» они не были разгромлены, несмотря на уничтожение некоторых лидеров и фигур второго порядка. Исламисты отвели основные силы на Территорию племён (FATA) и в Северо-Западную провинцию Пакистана. Превратив «Аль-Каиду» в международный бренд, они расширили зону влияния «зелёного интернационала» до североафриканского Сахеля и Индонезии.

Число афганских беженцев составляет до 2-х миллионов в Иране и более 4-х миллионов в Пакистане

(официальные данные меньше в разы), а большая часть временно перемещённых лиц на территории самого Афганистана не зарегистрирована международными организациями. Границы этой страны с Ираном и Пакистаном прозрачны и пересекаются кочевниками в регулярном режиме — свыше полутора миллионов человек ежедневно.

Медресе и мечети деобандского толка, а также лагеря беженцев в пуштунских районах Пакистана — основная тыловая база талибов. В афгано-пакистанском пограничье, периодически конфликтуя с талибами и местными племенами, действуют исламские «интербригады», в составе которых немало новообращённых мусульман из Европы и республик бывшего СССР. В числе этих структур находятся группировки, близкие к ИГ, среди боевиков и командиров которых велико влияние Катара и Турции. Они представляют основную угрозу республикам Центральной Азии.

Операции западной коалиции в Афганистане выявили слабые места в оперативной деятельности НАТО, включая неготовность армий большей части входящих в альянс стран (включая западногерманский бундесвер) к ведению боевых действий в условиях диверсионно-партизанской войны на пересечённой местности. Основная боевая нагрузка по противостоянию талибам и их союзникам в Афганистане легла на «англосаксонский блок», включая армию США, британский и канадский спецназ.

Нескоординированность военных и гражданских властей, открытое противостояние Пентагона и Государственного департамента привели к конфликту командования войск с администрацией США. После принятия решения о выводе американских войск из Афганистана значительная, если не подавляющая,

часть военных операций коалиции, включая направленные на уничтожение плантаций опиумного мака и нарколабораторий, представляла собой имитацию, ориентированную на прессу. Это же относилось к борьбе с талибами, активность которых несколько снизилась в ожидании возвращения к власти после ухода американцев.

Перспективу такого развития событий подтвердили заявления правительства Карзая и западных лидеров о необходимости проведения переговоров с «умеренными талибами». Следствием заигрывания с исламистами стало уничтожение Миссии ООН в Мазари-Шарифе в начале апреля 2011 года и точечные операции исламистов по ликвидации руководства ключевых городов и провинций Афганистана. При правительстве Ахмадзая ситуация только ухудшилась — в том числе потому, что слабая подготовка, недостаточная численность и отсутствие мотивации афганской армии и полиции практически исключили успешное ведение ими самостоятельных действий. Уровень дезертирства и вовлечённости афганских силовиков в криминальную деятельность, включая передачу оружия боевикам и наркоторговлю, зашкаливает.

Снижение численности западных войск на территории Афганистана привело к взрывному росту нестабильности не только на его территории, но и по периметру границ, включая Пакистан и приграничные районы Ирана, поскольку, как и вывод из страны советского воинского контингента в конце 80-х годов, было воспринято исламистами как победа. Их беспрепятственному продвижению в Китайский Туркестан и Центральную Азию не слишком мешает даже буферная зона, которую представляют северные тюркоязычные провинции Афганистана и Нуристан.

Возвращение «Аль-Каиды» к довоенному уровню влияния в Афганистане после массового оттока её боевиков в Ирак, Магриб, на Аравийский полуостров и Африканский Рог не произошло: талибы не готовы были предоставить ей эту возможность. При этом «Аль-Каида», несмотря на уничтожение весной 2011 года в пакистанском Абботабаде Усамы бен-Ладена, так и не была разгромлена. Несмотря на победные реляции руководства США, она прошла успешный «ребрендинг». В случае начала в Афганистане нового витка гражданской войны высока вероятность возвращения оттуда иностранных боевиков в страны их происхождения, включая Россию.

Основу экономики Афганистана составляет и в обозримой перспективе будет составлять выращивание опиумного мака и каннабиса и производство на их основе наркотиков. Афганистан обеспечивает до 95% мирового рынка героина. Российские интересы в Афганистане ограничены участием в пресечении наркотрафика, при минимальном вовлечении в боевые столкновения российских войск. Призывы к участию России в восстановлении Афганистана не имеют никаких экономических оснований и явно рассчитаны на коррупционные схемы.

Остающийся на территории страны воинский контингент НАТО — точнее американский, играет скорее символическую роль, нуждаясь в каналах снабжения в тем большей мере, чем более осложняется ситуация в Пакистане. Нестабильность, усугубляемая демографическим кризисом (один из самых высоких показателей прироста населения при наименьшей продолжительности жизни в исламском мире), препятствует транзиту углеводородов Центральной Азии на мировой рынок через территорию Афганистана. В перспек-

тиве не исключено установление над рядом его районов прямого контроля Китая, Ирана и Пакистана или распад этой страны, который может спровоцировать аналогичные процессы и в соседнем Пакистане.

Положение Пакистана сложно и противоречиво. Он слишком серьёзен в военном отношении, чтобы Запад рискнул пытаться оказать на него прямое воздействие, но внутреннее положение в стране неустойчиво, а добрая половина территории не контролируется ни центральными, ни местными властями. Население не любит иностранцев, элита не доверяет им, но без их помощи ИРП не справится со своими проблемами. По данным Плановой комиссии Пакистана, 35%, а по сведениям Центра исследований и безопасности до 70% населения страны находится ниже черты бедности, составляющей $ 2 в день. Миллионы выходцев из Пакистана живут за его пределами, в том числе около 2-х миллионов в аравийских монархиях.

Балансируя между США и ЕС, Китаем и арабским миром, Ираном и Индией, Исламабад настаивает на неприкосновенности границ Пакистана для иностранных войск, хотя их ежедневно пересекают сотни тысяч человек: контрабандисты, террористы и живущие в пограничье племена. Беженцы из Вазиристана на 500 тысяч, а из района Сват на 2 с половиной миллиона человек увеличили число временно перемещённых лиц на территории Пакистана — жертв природных бедствий и военных конфликтов, ситуация с которыми приблизилась к гуманитарной катастрофе. При этом Исламабад сделал жест доброй воли, продлив на 3 года пребывание в пограничных с Афганистаном районах миллиона семисот тысяч афганских беженцев в дополнение к зарегистрированным в Пакистане на 2007-й год 2-х миллионов 200 тысяч афганцев.

Беженцы и временно перемещённые лица не только перегружают и без того несбалансированный бюджет Пакистана и дестабилизируют ситуацию в стране в целом, но и являются кадровым резервом радикальных исламских и сепаратистских движений. Последнее тем более опасно, что межэтнические и религиозные конфликты в стране, включая теракты против христиан и шиитов, — часть её повседневной жизни. При этом, если обстановка в Кашмире контролируется армией, напряжённая обстановка на западных границах Пакистана не даёт оснований для оптимизма. Так, лидеры белуджей требуют создания «Великого Белуджистана» из пакистанской провинции Белуджистан и иранской — Белуджистан и Систан.

Проведённая властями Британской Индии в 1893-м году граница с Афганистаном — «линия Дюранда» не признаётся пуштунами, говорящими о создании «Великого Пуштунистана» на базе земель пакистанских и афганских племён. Компромисс же местных маликов с федеральным правительством, основанный на невмешательстве Исламабада во внутреннюю жизнь племён по неизменному с 1901 года Уголовному законодательству зоны племён, был разрушен введением в этот акт в августе 2009 года поправок, распространивших юрисдикцию Пакистана на их земли.

Современная внутренняя политика в Пакистане определяется борьбой кланов. Пример — противостояние Пакистанской народной партии экс-президента Асифа Али Зардари, представляющего интересы семьи Бхутто — землевладельцев Синда, «Мусульманской лиге» Наваза Шарифа, поддерживаемого городской буржуазией Панджаба и главой Верховного суда Чо-

удхри. В этой борьбе Зардари потерпел поражение — в 2013-м году его сменил на посту президента ставленник Шарифа Мамнун Хуссейн.

После того как 28 ноября 2009 года истёк срок действия Указа Первеза Мушаррафа о национальном примирении, в 2007-м году предоставившего политическую амнистию более чем 8-ми тысячам чиновников и бизнесменов, 16 декабря 2009 года вердикт Верховного суда разрешил возобновление уголовных преследований против них. В списке оказались президент и ряд министров, в том числе обороны и внутренних дел.

9 апреля 2010 года 18-й поправки к Конституции, по которой президент, потеряв право назначения губернаторов и руководителей вооруженных сил, роспуска центрального и региональных правительств, стал номинальным главой государства, который может распустить парламент только по рекомендации премьер-министра. При этом пока гражданские политики Пакистана сражаются за власть, свыше 120-ти тысяч военнослужащих пакистанской армии борются с радикальными исламистами. Более 1300 из них погибли в боях и терактах.

В конечном счёте нестабильность, неизменно сопровождающая в Пакистане гражданское правление, скорее всего, в очередной раз закончится приходом к власти военных. Это засвидетельствует провал очередной попытки демократизации Пакистана под давлением извне, но для безопасности ядерных объектов и борьбы с исламистским терроризмом будет оптимальным исходом. Как отметил в этой связи Дэвид Килкаллен, бывший офицер австралийской армии, специальный советник Джорджа Буша и консультант

Барака Обамы: «В случае коллапса Пакистана он превзойдёт все, что мы до сих пор видели в том, что мы называем войной с террором сегодня».

Экономика Пакистана находится в состоянии стагнации и без внешней помощи не может быть восстановлена. Высокий уровень бюрократии, коррупция и нестабильность ухудшают инвестиционный климат. Основными партнёрами Исламской Республики Пакистан в экономической сфере являются Китай, Великобритания и США. Уровень её интеграции в англоязычный мир и миллионы пакистанцев, живущих за рубежом, в основном в Великобритании, США и странах Залива, увеличивают её шансы на внешнюю поддержку. Сельское хозяйство, промышленность, инфраструктура, включая порты и трубопроводы, банковская сфера и военно-промышленный комплекс Пакистана представляют определённый интерес для инвесторов, но присутствие России в этой стране ограничено — в том числе из-за сотрудничества Москвы с Индией.

Пакистанская армия одна из наиболее профессиональных в исламском мире, «обкатана» в военных конфликтах с Индией, хорошо вооружена и имеет громадный мобилизационный резерв — единственный в своем роде на Ближнем и Среднем Востоке. В случае внешней угрозы страна может опереться на поддержку со стороны Китая. Будучи формально союзником США в противостоянии с радикальными исламистами, Пакистан возражает против любых операций коалиции на своей территории. ИРП поддерживает конструктивные отношения с Ираном, противостоя наркотрафику и сепаратизму белуджей, развивает экспорт из ИРИ природного газа и выстраивает приграничную инфраструктуру.

Поддержка спецслужбой ISI моджахедов в их борьбе с советским присутствием в Афганистане и талибов в 90-е годы привела к формированию системы взаимных интересов между пакистанскими силовиками и афганскими исламистами. При этом высокий уровень сепаратизма в Синде, Белуджистане и пограничных с Афганистаном районах, а также отделение от Пакистана в 70-е годы Восточной Бенгалии — Республики Бангладеш позволяют предположить возможность распада страны в случае дальнейшего ослабления политического центра, если возвращение армии к власти не снизит эту угрозу.

Конфликт с Индией из-за Кашмира в Индии дополняют террористические атаки пакистанских исламистов, самой уязвимой целью которых оказался в 2008-м году многомиллионный Мумбай. В то же время очередная индо-пакистанская война маловероятна как вследствие фактора ядерного сдерживания, так и из-за постепенной нормализации отношений Дели и Исламабада — вопреки агрессивной риторике в отношении друг друга. Символом нормализации стало посещение премьер-министром Пакистана Навазом Шарифом впервые в истории инаугурационных торжеств премьер-министра Индии Нарендры Дамодардаса Моди в 2014-м году.

Особые отношения между Исламской Республикой Пакистан и арабскими монархиями Залива, в том числе Оманом, Саудовской Аравией и Объединёнными Арабскими Эмиратами, — следствие их многолетнего экономического и военно-политического сотрудничества. Последнее включает присутствие пакистанских подразделений в армиях стран ССАГПЗ, участие военных инструкторов из Пакистана в подготовке вооруженных сил «заливников», а также сау-

довское финансирование пакистанской ядерной программы.

В основе экономических связей лежит торговля, инвестиции стран Залива в пакистанскую экономику и трудовые мигранты из Пакистана, работающие на территории монархий Аравийского полуострова, ежегодные перечисления которых составляют значительную часть поступлений валюты в Пакистан. Не исключено, что в случае прямого военного столкновения арабских монархий Залива с Ираном Исламабад сбалансирует военный перевес Тегерана (не вступая с ним в войну) и выступит посредником между конфликтующими сторонами. Во всяком случае в разгар саудовско-иранского противостояния 2015–2016 годов такое намерение им было выражено.

Отступление третье

О Клинтоне в Москве и Буше в Петербурге

Президентов Соединённых Штатов посылать подальше не принято — если вы, разумеется, не его жена или его школьный друг. Хотя есть подозрение, что школьные друзья президентов США уже не общаются с ними так свободно, как в их общей юности. Не та должность. Так что остаются жёны. Особенно в случае Билла Клинтона, супругу которого отечественные дипломаты в 90-е сильно не любили, имея для этого все основания.

Тем более не принято разворачиваться и уходить со встречи с президентом Соединённых Штатов, если вы абориген, а он приехал в вашу страну и вам назначено. Особенно когда на дворе 90-е годы, а страна называется Россия. Ведь эта встреча даёт уникальные возможности, упускать которые не принято — не поймут. Впрочем, их и в Америке упускать не принято.

Можно побыть несколько минут в обществе живого американского президента. Пожать настоящую руку — ухоженную и тёплую, настоящего американского президента, спортивного и подтянутого. Сказать ему какую-нибудь Самую Важную На Свете Вещь, которая, по вашему идиотско-

му, никому, кроме вашей семьи, не интересному мнению, должна его страшно увлечь и совершить переворот в его президентском видении мира.

При этом, что бы вы ему ни сказали, это его по определению не интересовало, не интересует и никогда интересовать не будет, и он забудет о вас ещё до того, как вы закончите мямлить свою чушь на хорошем или плохом — в зависимости от школьной успеваемости и маминой настойчивости, английском. Работа у него такая, руки жать и делать вид, что его интересует всё то, что ему по наивности пытаются рассказать. Ничего личного.

Наконец, в конце встречи вы можете сфотографироваться с американским президентом, повесить это фото в кабинете на стену или поставить на комод. С этим фото можно до конца жизни уверенно врать друзьям и внукам о том, как много он извлёк из вашей встречи, как жадно слушал всё, что вы ему сказали, как благодарил за советы и как часто с тех пор приглашал в Кэмп-Дэвид или в Белый дом. Жаль, что вам всякий раз было недосуг, а то бы, конечно, вы с ним...

Нельзя сказать, чтобы встреча с туземцами, вне зависимости от их разновидности, так уж была нужна президенту США Биллу Клинтону. Но он был президентом, и надо было соблюдать протокол. Что важно — он был демократическим президентом. Президенту нужны друзья и спонсоры. Что не менее важно — демократической партии нужны друзья и спонсоры. Друзья — это спонсоры, а спонсоры, особенно крупные — лучшие друзья президентов Америки. Они деньги дают.

Среди друзей и спонсоров — и партии, и самого президента, важное место занимали евреи. Они раздражали, они иногда просто бесили, но некоторые из них были чрезвычайно полезны и все без исключения очень обидчивы.

Он осознавал это даже до истории с Моникой Левински, а после того как эта мелкая интрижка оказалась причиной самого большого позора в его жизни и чуть не стоила ему карьеры, понял наверняка. Что называется, впечатал в подкорку.

Особенно среди евреев раздражали лоббисты. Израильское лобби он нейтрализовал простым и действенным способом, набрав евреев в администрацию и правительство, в том числе на ключевые посты, и отдав им на откуп палестино-израильский и арабо-израильский «мирный процесс». Разумеется, это были левые, иногда на грани приверженности коммунистической идеологии, но все с хорошим образованием, богатые или очень богатые. Многие по происхождению израильтяне.

Гарвард и Стэнфорд, Джорджтаун и Йель обеспечивали престижный диплом, не мешая быть троцкистами, социалистами или анархо-синдикалистами — во 2-м и 3-м поколениях. Это было даже модно. Во всяком случае, головной болью они были для израильского руководства, а не для него, а обвинить их в антисемитизме или антисионизме было невозможно. А значит, невозможно было обвинить в этом и его.

За свою карьеру, за возможность прижать к ногтю историческую родину, которую они по-своему любили или говорили, что любят, они готовы были придушить любого израильского министра или генерала, который был тем, чем ни они, ни их родители стать не смогли, — и потому покинули Израиль или никогда не собирались туда приезжать. Очень полезная черта. На Ближнем Востоке это называлось «полезные идиоты».

Но, обеспечив себе прочный тыл в главном вопросе, еврейскому лобби стоило идти навстречу в мелочах. К примеру, во время визита в Россию имело смысл включить

в программу традиционную с незапамятных времен встречу с местными евреями, о которой всегда просила аппарат президента США Национальная конференция в защиту советских евреев, безобидный и подчас даже полезный рудимент добрых старых времён противостояния сверхдержав, по привычке обивавший пороги на Капитолийском холме.

«Нэшнл канференс» пережила страну, наименование которой составляло часть её названия, и, как и все американские организации времён «холодной войны», оказалась практически без работы. Однако, как известно, а может быть, и неизвестно читателю, еврейские организации в диаспоре возникали и множились со скоростью, которую обеспечивали амбиции подраставших поколений активистов, но практически никогда не умирали. Всегда находился кто-то, готовый подхватить и нести падающее знамя — ради сохранения традиции, во имя амбиций, из личных сентиментальных соображений или просто неизвестно чего ради.

Бороться за право выезда советских евреев в Израиль было бессмысленно — выезд из республик бывшего СССР был открыт для всех, и сотни тысяч евреев уезжали из стран, когда-то запертых за «железным занавесом». Ехали куда угодно: в Израиль и Соединённые Штаты, Германию и Канаду, Австралию и Новую Зеландию — времена «отказа» закончились, похоже, навсегда. Советский государственный антисемитизм зачах без прямой поддержки властей предержащих, что же касалось антисемитизма бытового, он существовал во всех странах, где были евреи, и во многих из тех, где их никогда не было.

Культурной и религиозной жизни бывших советских евреев мешало только отсутствие денег и кадров: эмиграция выбивала в первую очередь социально активных. Как след-

ствие заниматься борьбой за права евреев бывшего СССР было всё труднее, тем более что российско-американские отношения отнюдь не были похожи на отношения советско-американские: «друг Борис» был обидчив и непредсказуем, но «друг Билл», в конечном счёте, всегда находил с ним общий язык. Дешевле обходилось.

При всём том, был СССР или его больше не было, существовали советские евреи или превращались в евреев русских, украинских и белорусских, имелись у них проблемы или нет, приехавший в любую постсоветскую столицу — тем более в Москву — американский президент должен был поставить в графике ритуальную галочку и с евреями встретиться. По недалёкому от истины представлению американской еврейской бюрократии, это могло «в случае чего» остановить негативные процессы, когда и если кто-нибудь из местных чиновников-антисемитов вздумал бы вернуть старые советские времена.

Опять-таки для аппарата Белого дома эти встречи были столь традиционны, что проще было сохранить их, чем отменять и объяснять потом американской еврейской общине, что именно имелось — или не имелось в виду. Да и для руководства «Нэшенелов» полезно было лишний раз напомнить о своём существовании первому лицу страны во время «русского» визита. Знали бы разоблачители «еврейского заговора», чем на самом деле большую часть времени занимается таинственное и грозное еврейское лобби — эти «властители мира», согласно Протоколам сионских мудрецов — они повесились бы от тоски и разочарования...

Как следствие, встреча с президентом США была высокой честью, причащение которой приятно грело в преддверии собственных президентских выборов: на дворе стоял 1996-й год. Ельцин готовился к битве с Зюгановым, «се-

мибанкирщина» только-только формировалась, а Российский еврейский конгресс собрал под свои знамёна всех, кого стоило собирать, и открыл свой первый офис с видом на Киевский вокзал в бизнес-центре гостиницы «Рэдиссон-Славянская», любимого московского отеля дипломатов, ювелиров, гангстеров и американских президентов.

Именно там и была назначена короткая, но, как было подчёркнуто, чрезвычайно важная встреча с Биллом Клинтоном. Поскольку, как на грех, в Москве отсутствовали разъехавшиеся по своим делам олигархи, входившие в президиум Конгресса, приглашены были все те, кто с точки зрения Госдепартамента, сотрудников американского посольства и сопровождающих визит «Нэшенелов», мог достойно представлять российскую общину, занимая соответствующий пост и сколь-нибудь владея распространённым в США английским языком.

В итоге назначенной на обеденное время встречи ждали три политкорректно подобранные группы. Первую составляли лидеры враждующих между собой, как враждуют они всегда и везде, еврейских общественных организаций. Вторую — раввины, украшением которых был учёный молодой красавец из приличной швейцарской семьи, деливший время между паствой, светской жизнью и политикой наподобие известного героя Дюма, который никак не мог понять, хочет ли он стать аббатом или мушкетёром. Третью — два остававшихся на хозяйстве руководителя Конгресса: исполнительный вице-президент — бывший демократ-парламентарий, и председатель Совета директоров, что было на тот момент одной из общественных нагрузок автора.

К концу третьего часа ожидания обстановка несколько накалилась. Поскольку график президента был расписан по минутам, как и положено графику президента, но все его встречи непредсказуемо смещались, как и положено

в России, никто уже не мог сказать, когда он всё-таки доберется до отеля, где его ждал полный зал представителей американской общины в Москве, а также представители политической общественности, демократической общественности, еврейской общественности и еще какие-то совсем уж непонятные люди.

В кулуарах творился сумасшедший дом. Свита президента и пресса, российские и американские специалисты по обеспечению безопасности, охранники отеля и официанты перемешались в сложных сочетаниях. Ожидающие встречи с президентом и ошалевшие от всего этого безобразия постояльцы обеспечивали плотную атмосферу, насыщенную табачным дымом и раздражением. Телевизионные кабели змеились под ногами. Штативы софитов вырастали из каждого угла.

Светские разговоры наскучили быстро. Позволить присутствовавшим отойти отдохнуть в офисе, как предложили сопровождавшим через полтора часа, не удалось: организаторы сделали страшные глаза, стойко выдерживая стиль «туземцы ждут сагиба». При этом свита президента регулярно обещала появление Клинтона «с минуты на минуту», объясняя его задержку «сбившимся графиком из-за встречи с лидером оппозиции господином Зюгановым».

Встречаться с ним уже не хотелось. Вообще. Большой любви к Зюганову присутствующие в те годы не испытывали, про то, что точность — вежливость королей, знали твёрдо и не очень понимали, чего ради они должны ждать окончания судьбоносной встречи лидера капиталистического мира с лидером компартии, которая на момент визита не славилась ни интернационализмом, ни прочими достоинствами времён старых большевиков.

В конечном счёте, когда выяснилось, что президент уже на подходе, и девочка из Госдепартамента попыталась вы-

строить представителей еврейской общины России в ряд прямо в коридоре, около служебного выхода из зала, где ждали Клинтона его московские соотечественники, представлявшие американскую общину российской столицы, скандал всё-таки разразился.

Поняв, что, по мнению американской стороны, встреча высокого гостя с российским еврейским начальством должна происходить в формате «пробегающий мимо по своим делам президент Соединённых Штатов задержался, чтобы пожать руки простым российским людям», причём их роль доверено сыграть именно российским евреям, руководство Российского еврейского конгресса в лице обоих его представителей взбунтовалось, развернулось и ушло.

Расстроенным сопровождающим объяснили, что в своей стране российские евреи никак не могут встречать президента США на предложенной для этого закулисной помойке, поскольку это есть неуважение, в том числе и к нему. С чем все, кто хочет остаться, могут на этой помойке оставаться и встречаться там с кем хотят, а те, кто не готов рассматривать девочку из Госдепартамента в качестве ангела Господнего с карающим мечом, пошли отсюда к лешему.

Крику после этого было много, но американскую визу автору давать всё-таки не перестали, хотя и не без обсуждений этой темы, окончившихся после предложения рассказать американской прессе, что представлял собой визит в Москву Билла Клинтона в 1996-м году. После победы Ельцина на президентских выборах описание встречи с Зюгановым вряд ли могло помочь президенту-саксофонисту в укреплении отношений США с Россией.

Что характерно, это была не первая и не последняя встреча автора с Клинтоном, которая не состоялась. За 4 года до описываемых событий в Вашингтоне, во время про-

ведения там Всемирного еврейского конгресса, квота российской делегации на проход в Белый дом была внезапно урезана, и автор предпочёл визит на молл — «Музейную милю» толкотне с «целованием перстня» всё того же президента Клинтона.

Позднее он узнал, что худшие его предположения оправдались: происходившее, согласно описанию присутствующих, более всего напоминало сцену «Клеопатра и статисты на съёмках фильма», где роль Элизабет Тэйлор играл Билл Клинтон, а в качестве статистов выступали гости. И уж совсем безобразной была отмена в последний момент посещения американским президентом церемонии открытия Мемориальной синагоги памяти жертв холокоста на Поклонной горе в 1998-м году.

Тогда на ней, всего через несколько недель после августовского дефолта, присутствовали все, кто представлял собой что-либо значимое в еврейском мире и в России. Знаменитые раввины и ученые. Крупнейшие бизнесмены и всемирно известные деятели культуры. Политики и генералы. Парламентарии и члены правительств. Президент России Борис Ельцин — один Г-дь Б-г знает, каких усилий стоило согласовать его участие в церемонии в момент визита в Москву Клинтона.

Собственно говоря, они должны были вдвоём открыть мемориал. Ельцин пришел. Клинтон — нет. Президент России произнес речь — трогательную и простую, из тех, которые сделали его тем, кем он был, и склонил голову перед памятью павших в войне 6 миллионов евреев. Чем занимался в это время президент Соединённых Штатов, неизвестно, да и неинтересно. Ни автору. Ни кому бы то ни было из присутствовавших.

Позднее этот человек, ближневосточная политика которого привела к интифаде Аль-Аксы в Израиле и теракту

«9/11» в Америке, обвинял в провале бывшего венцом его внешнеполитических усилий на Ближнем Востоке «мирного процесса» именно «русских» израильтян. Что даёт достаточно полное представление о нём самом и истинной роли американского демократического истеблишмента в создании тупиковой ситуации, стоившей тысяч жизней израильтян и палестинцев.

После всего этого безобразия автор не слишком любит и не доверяет американским демократам, лично Клинтону и его жене, сменившей сильно сдавшего мужа на политическом Олимпе в качестве госсекретаря президента Барака Обамы и, на весну 2016 года, явного претендента на президентский пост от своей партии. Помнится, в 90-е годы бойкие на язык дипломаты откровенно называли её «Хилларюгой», что много говорило о ней и об отношении к ней российского дипкорпуса. Судя по её карьере в начале нового столетия — это была очень точная характеристика.

Как ни парадоксально, преемник Клинтона президент Джордж Буш-младший оказался его полной противоположностью. Полной противоположностью по сравнению с поездками Клинтона оказался и его визит в Россию в 2002-м году. Разумеется, страна, в которую он приехал, разительно отличалась от той, которую посещал Клинтон. Да и визави у него был принципиально другой. Но главное отличие американских президентов друг от друга было в них самих.

Показательно дружелюбный, но полностью замкнутый на себя и своё ближайшее окружение самовлюблённый Клинтон и его жена, улыбка которой напоминала об оживших марионетках из сказок Гофмана, представляли идеальный пример светскости в худшем понимании этого слова. Может, для американских избирателей он и казался олицетворением чего-то, им близкого, а для их жён был «обаяшкой». Ну так для кого-то и крокодил хорош.

На самом деле обаятельный, простоватый лишь на поверхностный взгляд Буш и его умная, образованная и лишённая всякой фальши супруга для тех, кто был знаком с Клинтонами, представляли абсолютный контраст с ними. Что ярко проявилось в ходе посещения санкт-петербуржской хоральной синагоги, куда они приехали, как и обещал их аппарат, и где задержались на добрых 2 часа, потому что им было просто интересно в этом роскошном здании дореволюционной архитектуры, когда-то бывшем главной синагогой Российской империи.

Ближневосточная политика Буша оказалась не более успешной, чем у Клинтона. Кто в этом виноват: переоценившие военные и экономические ресурсы Америки «неоконы», напористый, как бык, вице-президент Дик Чейни с его нефтяными интересами, которые он пробивал где нужно и не нужно, или госсекретари — Колин Пауэлл и Кондолиза Райс, — оценит история. Но с ними по крайней мере можно было говорить.

Американская политика вполне последовательна: демократы ломают ваши рёбра, улыбаясь, душат вас в дружеских объятиях и уверяют, что делают это ради вашей собственной пользы. Республиканцы честно бьют в челюсть — иногда без объяснений, иногда снисходя до того, чтобы поговорить. Автор, говоря по чести, предпочитает второе. Ханжества и вранья тут меньше, хотя результат, как правило, тот же самый.

Госсекретарь США Конди Райс — Кондолиза, которая смогла обаять и Муаммара Каддафи, и Ариэля Шарона, до разговоров снисходила. Талантливая и великолепно образованная, умная и жёсткая, в России с «местными» она, тренируясь, говорила только на русском — хорошем, с правильной грамматикой и большим словарным запасом.

И говорить с ней было по-настоящему интересно, вне зависимости от реакции.

Соответственно, пока Буш с супругой бродили между синагогальных колонн, рассматривая лепку и восторгаясь сочетанием белого и бледно-жёлтого в интерьере, госсекретарь Райс выслушала всё, что имел сказать ей автор о перспективах будущей американской оккупации Ирака. Благо для Института Ближнего Востока об этом писали люди, знавшие Ирак не понаслышке. И никакого оптимизма они не испытывали — что Кондолиза Райс и позволила ей сообщить.

После чего, тщательно выговаривая слова на хорошем русском языке (в России она разговаривала только по-русски, благо владела им совершенно свободно), она сказала: «Вы тут, в СССР и России, никогда не жили в условиях демократии. Вы не можете понять и представить, как демократия влияет на людей. Мы принесём в Ирак настоящую демократию — это именно то, что им нужно. Всё будет хорошо». Обаятельно улыбнулась (что никогда и ничего не значило — улыбки американских политиков вообще мало что значат) и пошла навстречу президенту — визит заканчивался, пора было выходить к прессе, ждавшей у крыльца.

С тех пор прошло много лет. Кондолиза Райс, чьи предки были рабами в южных штатах, была не просто хорошим госсекретарём, но готовилась быть первой женщиной и первой представительницей афроамериканцев — президентом США. Правда, готовилась напрасно. Её карьеру буквально на взлёте подкосили кровопролитные дорогостоящие войны в Афганистане и Ираке, из-за которых Америка встретила экономический кризис ослабленной, понеся значительные человеческие и финансовые потери. И никого из избирателей, спонсоров предвыборной кам-

пании или республиканских бонз не волновало, насколько эти провалы были следствием ошибок или объективных причин. Политика вообще не прощает ошибок, а политика американская вдвойне.

На инаугурации Обамы она не была. Скорее всего, просто не смогла вынести вида Барака Обамы и Хиллари Клинтон, которые олицетворяли, стоя вместе в качестве лидеров Соединённых Штатов, именно те голоса избирателей, отданные за женщину и за человека из национальных меньшинств, которые, как она была уверена, должны были принадлежать ей и только ей. Демократия же, о которой она говорила в Санкт-Петербурге, идёт по Ближнему Востоку семимильными шагами, открывая путь к власти исключительно радикальным исламистам. Всё то, что говорил ей автор, к сожалению сбылось. Автор был бы чрезвычайно рад, если бы его пессимистичные прогнозы проваливались. Увы — они сбываются с прискорбной последовательностью.

Усама бен-Ладен ликвидирован, но война в Афганистане проиграна, хотя официальная американская пропаганда говорит иначе, используя обтекаемые обороты и стараясь не педалировать ни тему наркотиков, ни возвращение к власти талибов, ни активность «Аль-Каиды». Саддам Хусейн свергнут и казнён, а Ирак оставлен американскими войсками, но это пиррова победа, поскольку оставлен он на произвол судьбы. Влияние Ирана на территории Ирака велико, единая страна фактически уничтожена и крупнейшая сила на её территории — радикально-средневековое «Исламское государство».

Война с международным терроризмом вошла в вялотекущую фазу. При этом Вашингтон готов сотрудничать с одними террористами против других, ещё худших, что торпедирует остатки доверия к политике Соединённых Штатов во всём мире. Поскольку союзники Америки верят ей едва

ли не меньше, чем её конкуренты. Во всяком случае предложение экс-командующего войсками США в Ираке и Афганистане генерала Дэвида Петрэуса, ставшего директором ЦРУ, использовать в Сирии «Джабхат ан-Нусру» (то есть чистой воды «Аль-Каиду») против «Исламского государства» симпатий к её политике не прибавило. Хотя могло бы немало повеселить бен-Ладена, доживи он до этого дня.

Америка пока самая сильная мировая держава, но это только пока. Россия, с которой Вашингтон под конец каденции президента Обамы вошёл в жёсткие противоречия, восстанавливает военный потенциал, окончательно разочаровавшись в перспективах интеграции в западный клуб и наращивая отношения с Китаем и Ираном. Последний, несмотря на санкции, сменившиеся «ядерной сделкой», вот-вот получит ядерную бомбу и, не исключено, атакует непрерывно провоцирующую его Саудовскую Аравию, вошедшую с ним в неразрешимый конфликт. Та в свою очередь начала ставить США жёсткие ультиматумы, шантажируя их тем, что она «вынуждена» будет «разрабатывать собственное ядерное оружие» (а точнее, получит его из Пакистана).

Палестино-израильский «мирный процесс» мёртв, и безопасность Израиля под угрозой — гораздо большей, чем до его начала. Турция стремительно исламизируется, а её лидер провоцирует столкновение НАТО с Россией и подрывает стабильность Европы, направляя туда сотни тысяч мигрантов. НАТО едва не надорвался, свергая Каддафи в Ливии, и был на грани повторения такой же авантюры в Сирии. Пакистан ненадёжен как союзник США и хорошо ещё, что он пока не превратился в их открытого противника. Россия и Китай ведут собственную политику, всё меньше координируя её с США. Да и как можно успешно делать это со страной, чьи обещания её руководство

нарушает, договорённости пересматривает, а партнёрские отношения ограничивает только тем, что нужно самим Соединённым Штатам?

Всё это крайне грустно, поскольку только Г-дь Б-г знает, какие перспективы могли открыться перед Россией, если бы она могла полагаться на Америку, а не ждать от неё одного подвоха за другим. Впрочем, на Ярославском форуме в сентябре 2011 года Збигнев Бжезинский высказал идею коллективной системы безопасности «от Ванкувера до Владивостока»... Что ни о чём не говорит, поскольку Земля круглая и он с успехом мог иметь в виду союз США и стран Тихоокеанского региона, не включающий Россию. Хотя, надо признать, фраза красивая и отечественные политики и дипломаты её подхватили. Ну что поделать, если мечта о союзе со странами «цивилизованного мира» в отечестве нашем живее всех живых...

Опыт автора в общении с американскими президентами и госсекретарями заставляет подозревать старого идеологического врага Москвы, вся жизнь которого была продолжением восстания Костюшко, именно в этом. Иезуитство такого рода было бы вполне достойно этого жёсткого, умного и хитрого человека и его страны, за интересы которой все её руководители искренне ратуют, всё больше ослабляя и её саму, и весь цивилизованный мир, вне зависимости от того, воюют они или остаются вне схватки. Это как со слоном в посудной лавке. Он может поворачиваться куда угодно: влево, вправо... Может вообще топтаться на месте. Посуде всё равно не уцелеть.

Часть III
Конфликты и проблемы

Что представляют собой этнические конфликты с политической подоплёкой? Как развиваются отношения берберов и арабов в Магрибе; азербайджанцев и персов в Иране; греков и турок на Кипре, курдов с арабами, турками и персами в Ираке, Сирии, Иране и Турции; пуштунов с узбеками, таджиками и хазарейцами в Афганистане? Что происходит в отношениях между кочевым и оседлым населением в Судане? Как решается в разных странах региона проблема племён? Каково настоящее и будущее христиан, йезидов, мандейцев, парсов, бахаистов, анимистов и евреев, живущих в окружении мусульман? Кто оживил «великий раскол» исламского мира на шиитов и суннитов? Каковы перспективы взаимоотношений друзов, алавитов, исмаилитов, суфийских братств и религиозных орденов с суннитским большинством? Что движет исламскими радикалами в борьбе против умеренных мусульман и «неверных»? Какое будущее ждёт христиан Святой земли и её саму? Что представляют собой региональные конфликты, в которые втянуты государства БСВ? Есть ли выход из противостояния оккупирующего Западную Сахару Марокко и борющегося за ее освобождение при поддержке Алжира Фронта Полисарио? Чем обернётся для Африканского Рога борьба Эритреи с Эфиопией и вмешательство Эфиопии в гражданскую войну в Сомали? Возможна ли стабилизация ситуации в противостоянии Израиля, Сирии

и Ливана? Как долго Турция будет оккупировать Северный Кипр и закончится ли в обозримой перспективе её противостояние с РПК? Чего ждать от эскалации конфликтов Ирана с Израилем, странами арабского мира и афганскими наркоторговцами? Какие последствия будет иметь проблема племён в пограничье Пакистана, Афганистана и Ирана? Разрешим ли вопрос Кашмира в индо-пакистанских отношениях? Как действуют на БСВ исламисты и какие перспективы в регионе у политического ислама? Что представляют собой ядерные проблемы БСВ? Что представляют собой ядерные проекты Ирана и Пакистана? Почему «Глобальный ноль» и «Безъядерный Ближний Восток» Барака Обамы упоминают Иран и Израиль, игнорируя Пакистан? Приближается ли БСВ к ядерной войне? Как долго продержится режим нераспространения после получения Ираном ядерной бомбы? Насколько эффективна работа МАГАТЭ и других международных организаций, работающих над нераспространением ОМУ, и в какой мере их «успехи» случайны?

Глава 11
Конфликты внутренние: религии и народы

В начале XXI-го века проблема меньшинств на Ближнем и Среднем Востоке стоит острее, чем в конце XIX-го. Практика халифов, Чингисидов и оттоманских султанов, позволявшая им управлять огромными территориями, опираясь на кочевые племена, державшие в узде брожение городского населения, и иноверцев, составлявших торговые меньшинства, ушла в прошлое. Как и соответствовавшая ей веротерпимость. Для большинства сегодняшних правителей БСВ еретик хуже иноверца, хотя участь и иноверцев, и инородцев в регионе воистину оставляет желать лучшего.

Век с небольшим назад в Британской и Французской колониальных империях, султанской Турции и шахской Персии место было для всех. Национальные и религиозные меньшинства, горожане и жители деревень, оседлое население и кочевые племена составляли мозаику, элементы которой находились в сложных отношениях друг с другом. Они враждовали и конкурировали между собой, некоторые выпадали из одной имперской системы и переходили в другую, но

за исключением коротких периодов всеобщего разрушения и распада основ, сами эти системы позволяли существовать всем составляющим их группам.

Лояльность к верховному правителю и его наместникам в провинциях в большинстве случаев была достаточным основанием для права на жизнь. Система налогов, узаконившая повышенные сборы с немусульман, шариат и традиционное право (на российском Кавказе известное, как адат) закрепляли стабильность. Сравнительно немногочисленная правящая элита, имперская, провинциальная и местная, нуждалась в меньшинствах, противопоставляя их основному населению. «Разделяй и властвуй» — принцип не только Римской и Британской империй...

Именно меньшинства организовывали торговлю и сбор налогов. Служили в администрации и выступали посредниками в отношениях с метрополиями. Из них набирались элитные гвардейские части, охранявшие правителя и столицу. Они контролировали границы — особенно замирённые кочевые племена, которые как нельзя лучше подходили для сражений со своими собратьями, находившимися по ту сторону лимеса, — как у римлян. Вероисповедание, национальные обычаи и внутренняя система управления меньшинств для старых империй значения не имели. XX-й век обрушил всё это — вместе с самими империями.

Возникновение на их руинах национальных государств изменило статус этнических меньшинств. Теократизация этих государств стала началом конца меньшинств религиозных. Демократизация политической жизни — сначала светская, а затем исламская, означала переход институтов управления под исключительный контроль большинства и распространение образования в широких кругах населения — за счёт

вытеснения и уничтожения прежних элит, в первую очередь представителей меньшинств. Прогресс? Кому как. Это как с Германией. Кому Гитлер — великий национальный лидер. Экономику исправил, военные победы неоспоримы, подъём нации... Только евреям с цыганами от этого было мало пользы. На растопку они пошли в Третьем рейхе — в полном соответствии с идеями фюрера немецкой нации.

Впрочем, вернёмся к нашему региону. Историческое ядро Оттоманской Порты прошло через описанный выше процесс одновременно с Австро-Венгрией, в первой половине XX-го века. Остальной регион — во второй половине того же столетия. Причём представители национальных и религиозных меньшинств играли серьёзную роль во всех революционных и реформаторских движениях БСВ. Так уж сложилось — бабочки всегда летят на огонь. И всегда в этом огне сгорают. Что странного в том, что победа этих движений, как и в Европе, обозначила для подавляющего большинства создававших их людей отнюдь не новые горизонты, а крах мира, в котором их безопасное существование было возможным...

Переход власти на территории БСВ под контроль военных хунт и авторитарных режимов на протяжении всего XX-го столетия сопровождался конфискациями и национализациями, этническими и религиозными погромами и чистками, следствием которых было уничтожение и исход меньшинств — кому повезло из этого «нового мира» вовремя убежать, если было куда бежать. Механизм исхода был разным, зависел от особенностей жизни той или иной группы населения в отдельно взятой конкретной стране, её отношений с внешним миром и готовности этого мира вмешаться в происходящее, когда начиналась резня

(резня начиналась всегда, хотя вмешиваться цивилизованные страны нигде и никогда не спешили), но общие закономерности везде были одними и теми же.

Итальянцы, французы, англичане, немцы и другие представители европейских держав, жившие на Ближнем Востоке, вернулись в Европу или эмигрировали за пределы региона — в основном в Северную или Латинскую Америку. Турецкие армяне были уничтожены или бежали, частью в Иран и арабские провинции Порты, ставшие независимыми государствами. Греки были выселены за пределы Турции, а понтийские — причерноморские греки разделили судьбу армян. Евреи почти полностью эмигрировали из всех без исключения стран региона в Европу, Северную и Южную Америку и Израиль.

Эмиграция стала лучшим, а иногда единственно возможным выходом для парсов, бахаистов, ахмадийя, сабиев и других малых групп. Не стали исключением и христиане, число которых с 25–30% населения региона в начале XX-го века к концу его сократилось до 10% в Египте и значительно меньших долей в таких странах и регионах, бывших колыбелью восточного христианства, как Ирак, Ливан и Палестина. В начале 2016-го положение христиан на Ближнем Востоке стало настолько трагичным, что было охарактеризовано руководством Соединённых Штатов и чиновниками ООН как геноцид. Кому из них это помогло…

По завершении описываемого процесса регион потерял миллионы человек, включая значительную часть интеллектуальной и предпринимательской элиты. В конечном счёте помимо Израиля и Кипра сравнительно безопасными для меньшинств в регионе остались авторитарные Сирия и Ирак (до свержения режима Саддама Хусейна и начала в Сирии граждан-

ской войны), традиционно открытые для иностранцев малые монархии Персидского залива, а также Иран, по завершении там активной фазы исламской революции. Причём процессы эти были характерны далеко не только для Ближнего Востока.

В описываемый период европейцы, китайцы, индусы, персы и арабы вынуждены были бежать из колоний, на протяжении столетий бывших их домом. Европейцы и китайцы покидали французские колонии в Индокитае. Европейцы — британские колонии в Индии. Те же европейцы, арабы, индусы и китайцы — британские в Юго-Восточной Азии и Тропической Африке, а также голландские в Индонезии. Некоторые из них остались в получивших независимость колониях и доминионах — их судьба оказалась печальной. Во всяком случае, белые фермеры в Зимбабве испытали это на себе в полной мере, став примером всему миру.

При этом сама проблема ближневосточных меньшинств никуда не делась после того, как часть их исчезла или сократилась до минимальных размеров. В новых условиях меньшинствами оказались насчитывающие десятки миллионов человек берберы и курды, борьба которых за национальную автономию привела к взрыву сепаратизма, поставив под угрозу существование таких государств, как Алжир, Турция и Ирак. И если в те дни, когда дописывалась эта книга, курды, отвоевавшие себе фактическую независимость в Ираке, отвоёвывали её в Сирии, их соотечественники, живущие в Турции, продолжали жить на правах париев.

Одним из ключевых факторов, формирующих политическую повестку региона, к концу XX-го века стало противостояние шиитов и суннитов. Притеснение шиитов в суннитских регионах и суннитов в шиит-

ских, в первую очередь в Иране, — характерная особенность БСВ. Проблема шиито-суннитского противостояния отличается от страны к стране и от общины к общине. Позиции исмаилитов и представителей суфийских орденов также не слишком устойчивы на большей части БСВ. Положение друзов Ливана и Сирии, ибадитов Омана и зейдитов Йемена сравнительно стабильно. Сирийские алавиты, несмотря на войну, пока правят — если не всей страной, то хотя бы прибрежными провинциями. Точно так же суннитская династия Бахрейна управляет при поддержке Саудовской Аравии шиитским большинством.

Ослабление с конца 70-х годов прошлого века традиционных монархий и авторитарных военизированных ближневосточных режимов, опиравшихся на национализм в сочетании с апелляцией к местным традициям (включая религиозные ордена, племенные и клановые связи) либо исламу или социализму (вариант — этатизму), открыло дорогу к власти радикалам-исламистам, обострив противостояние государства с меньшинствами до крайности. Причём для арабских династий Залива политический ислам оказался едва ли не более опасным врагом, чем шиитский Иран.

Исламская революция и политический ислам, сменившие в начале XXI-го века социалистическую революцию и социалистическую систему в борьбе за насильственное переустройство мира, реализовались в рамках 2-х проектов: шиитского и суннитского. Олицетворением первого стала исламская революция в Иране и его противостояние с Израилем, Западом, суннитскими радикалами, монархиями и светскими автократиями арабского мира: Ираком, Египтом, Саудовской Аравией и ОАЭ, начавшееся в 80-х годах XX-го века и не затихшее 35 лет спустя.

Инструментами этого противостояния с иранской стороны стали палестинский ХАМАС (до обострения ситуации в Сирии, когда он предал Асада и потерял иранскую поддержку), ливанская «Хизбалла» и йеменские хоуситы. Символом и оружием второго проекта, суннитского, стала «Аль-Каида», а также её союзники и клоны: афганские и пенджабские талибы, «Хизб-ут-Тахрир» и «Джамаат Ислами», сомалийские «Аш-Шабаб» и «Ахль Сунна валь-Джамаа», «Аль-Каида в странах исламского Магриба» и «Аль-Каида на Аравийском полуострове», египетские «Братья-мусульмане», пакистанская «Лашкар и-Тойба» и другие.

В теории этот «зелёный интернационал» организован для борьбы с тем же Израилем и ради построения всемирного Халифата. На практике он воюет с Западом, правительствами исламских стран, шиитами, немусульманскими общинами стран исламского мира и государствами, «угнетающими мусульман», включая Китай, Индию и Россию. Причём в Сирии в 2010-х годах в полной мере обозначились его основные спонсоры: Катар, Саудовская Аравия и Турция, пытающиеся построить — кто новый Халифат, кто новую Оттоманскую Порту.

Шиитский проект исламской революции был реализован в рамках централизованной государственной политики. Суннитский до самого последнего времени осуществляло сообщество, не имеющих единого центра, автономных организаций и групп. Впрочем, эволюция турецкой Партии справедливости и развития даёт все основания говорить о поддержке со стороны ПСР суннитского исламского проекта. В рамках окончательного расставания Турции с кемализмом и её присоединения к миру исламской политики эта страна, конкурируя с Саудовской Аравией и Катаром,

имеет все шансы занять положение противовеса Ирана — традиционное для неё на протяжении последних 5-ти веков.

Даже поверхностное описание конфликтного потенциала БСВ, связанного с проблемой меньшинств, оставляет мало сомнений в том, что она имеет для региона такое же значение, как межгосударственные конфликты, отношения с бывшими метрополиями, демографический, социальный и экологический кризисы, являясь их неотъемлемой частью, а иногда — первопричиной и основой.

Границы империй разделяли курдов и берберов, загава и беджа, пуштунов и белуджей, азербайджанцев и армян, но это было объяснимо и ощущалось не столь болезненно: существование в имперской модели имело свои преимущества для всех. Национальные государства, которые одни народы получили, другим они были только обещаны, а третьи не имели никаких шансов на реализацию своих амбиций и подверглись дискриминации, поставили новые вопросы.

Курды, армяне и греки не получили границ государств, гарантированных им в 1920-м году согласно Севрскому договору, но Армения и Греция всё-таки на карте существовали — пусть в урезанных пределах, а вот Курдистан, разделённый между Ираном, Ираком, Сирией и Турцией, так и не возник. Мехабадская республика 1945–1947 годов была разгромлена, а соглашение об автономии курдов в составе Ирака 1970 года не выполнено Багдадом. И только в наши дни, почти через век после окончания Первой мировой войны контуры иракского Курдистана возникли, а сирийского возникают на политической карте Ближнего Востока.

Вошедшие в состав Пакистана белуджи оказались на вторых ролях в стране, правящую элиту которой

составляли выходцы из Пенджаба, Синда и беженцы из Индии — мухаджиры. Афганских белуджей оттеснили от власти пуштуны и таджики, в Иране они не могли конкурировать с персами и азербайджанцами. И это только один пример из истории многомиллионных народов БСВ, разделённых государственными границами… В Северной Африке берберы Марокко сохранили то привилегированное положение, которое они занимали при французах, но берберы алжирские, несмотря на их активное участие в борьбе за независимость, были оттеснены от власти и вынуждены бороться против арабизации, за сохранение своей национальной идентичности.

Некоторые из представителей этих народов смогли эмигрировать. Курды — в Германию (вместе с турками), белуджи в Великобританию и Оман (привилегии подданных государств, вошедших в Содружество наций, никто не отменял), берберы во Францию, где в настоящий момент находится основной центр культурной жизни этого народа. Однако, огромному большинству народов БСВ, в отличие от живших там европейцев и представителей торговых меньшинств региона, уезжать было просто некуда.

Как следствие, проблема Западной Сахары и войны с партизанами-«сахрави» Фронта ПОЛИСАРИО (или Полисарио — встречается в литературе и такое написание), действующими с территории Алжира, главная проблема современного Марокко. Причём в 2016-м году она вызвала острый кризис в отношениях между Марокко и ООН, ставший следствием неосторожного высказывания Генерального секретаря этой организации Пан Ги Муна, нарушившего её нейтралитет в отношении западносахарского конфликта.

Борьба алжирских берберов, поддерживаемых

Францией и в скрытой форме тем же королевством Марокко против арабизации, осложняющая противостояние алжирской армии с исламистами в длящейся третье десятилетие вялотекущей гражданской войне — одна из главных проблем Алжира. И с учётом надвигающейся смены поколений правителей этой страны — не самая маленькая.

Восстание туарегов — «Вторая туарегская война», которая, как и столкновения племен в Судане и Чаде, была срежиссирована Ливией, и «талибанизация» Сахеля ставят под вопрос стабильность внутренних районов всей бывшей Французской Северной Африки. Разгром Ливии и убийство Муаммара Каддафи развязали руки всем, кого подкармливал лидер ливийской революции, поддерживая баланс сдержек и противовесов в свою пользу. Закончилось это войной наркоторговых кланов, сепаратистов и джихадистов за власть и влияние в Мали, Чаде, Нигере, Нигерии, Камеруне и других африканских государствах — при полном бессилии мирового сообщества, включая Францию и Соединённые Штаты.

Конфликт «белых» и «чёрных мавров», проявлением которого является рабство, формально запрещённое ещё в 1980 году, и борьба мавров и «африканцев» за правобережье реки Сенегал дестабилизируют Мавританию, занимающую стратегическую часть североафриканского атлантического побережья. Периодическая смена власти в этой стране в результате частых военных переворотов не прибавляет ей стабильности и, судя по всему, последнего слова в росте конфликтного потенциала Сахары и Сахеля эта страна ещё не сказала. По крайней мере её военно-политическое руководство известно своими нестандартными решениями, от установления дипломатических отношений

с Израилем в пику арабскому миру до их внезапного разрыва в пользу Ирана.

Успех террористических атак исламских радикалов на еврейские общины Марокко, Туниса и Турции демонстрировал бессилие властей этих стран в борьбе с местными «аль-каидистами» даже до начала «Арабской весны» и войны в Сирии, в ходе которой Турция стала основным транзитным маршрутом джихадистов со всего мира в Сирию и Ирак. Египет не может защитить от местных исламистов последнюю крупную христианскую общину БСВ — коптов, с трудом справляется с недовольством нубийцев и беджа, осложняемым пограничным спором с Суданом вокруг треугольника Халаиб, и не контролирует Синай, бедуины которого противостоят египетской армии при открытой поддержке Катара, Турции и палестинского движения ХАМАС, контролирующего Газу.

В Судане наступление Сахары, спровоцировавшее войну племён в Дарфуре, увеличило угрозу продолжения распада страны вслед за референдумом 2011 года, увековечившим противостояние исламского севера с христианским и анимистским югом, урегулировать которое безрезультатно пытались США, Франция, Россия, Китай, Катар, Египет, Ливия, Африканский союз и ООН. Отделившийся от Судана по результатам упомянутого референдума нефтедобывающий Южный Судан, вопреки всем благостным прогнозам политиков и чиновников ООН, вместо мира и процветания, основанного на природных ресурсах, скатился в кровопролитную трайбалистскую гражданскую войну.

Этноконфессиональное соперничество в Эритрее превратилось в норму её существования. Однако оно меркнет на фоне войны «всех против всех» в переставшем существовать в качестве единого государ-

ства Сомали. Непосредственными участниками конфликтов на Африканском Роге являются Эфиопия, Кения, Саудовская Аравия, Катар и террористический «зелёный интернационал», при активной закулисной деятельности Ирана. В итоге сомалийские проблемы распространяются на прилегающие территории Кении и Эфиопии, а миллионы сомалийских беженцев терроризируют кенийские города и отягощают положение охваченного гражданской войной Йемена.

Соперничество Ирана и Саудовской Аравии за влияние в Йемене спровоцировало конфликт с КСА зейдитских племён Северного Йемена, справиться с которыми правительство Саны оказалось так же неспособно, как и с сепаратистами Южного Йемена. Интервенция возглавляемой Саудовской Аравией коалиции аравийских монархий и их «группы поддержки» в лице контингентов АРЕ и Марокко, а также наёмников, в начале 2016 года захлебнулась, однако попытки закончить эту войну, достигнув компромисса с хоуситами, были в марте того же года сорваны саудовскими «ястребами» во главе с сыном короля Мухаммедом бин-Сальманом. Чем закончится йеменская авантюра для саудовского королевства, существование которого она ставит под угрозу — большой вопрос.

В Саудовской Аравии, атакуемой изнутри «членами заблудшей секты», в роли которой в 2015–2016 годах выступала не подконтрольная её Управлению внешней разведки «Аль-Каида», а куда более опасное «Исламское государство», под вопросом лояльность шиитов Восточной провинции, исмаилитов Наджрана и зейдитов Ассира. Поддерживаемое Ираном соперничество шиитов и суннитов в монархиях Персидского залива осложняется демографическим дисбалансом между их гражданами и выходцами из стран арабско-

го мира, Южной и Юго-Восточной Азии, составляющими в ОАЭ, Кувейте и Катаре абсолютное большинство населения.

Единственной страной Аравийского полуострова, в которой проблема меньшинств в 2010-х годах была неактуальной, является Султанат Оман, в 80-е годы погасивший конфликт в Дофаре, поддерживавшийся Южным Йеменом, СССР и КНР. В то же время соседство с охваченным гражданской войной Йеменом, почтенный возраст бездетного султана Кабуса и обозначившиеся в преддверии надвигающейся смены правителя страны проблемы престолонаследования могут спровоцировать нестабильность на территории этой страны. Благо ибадитский ислам, которого придерживается правящая в Омане элита, чужд всем его соседям (ибадитский Маскат скорее может опираться на шиитский Тегеран, чем на салафитов Эр-Рияда).

Главная и, похоже, вечная проблема Израиля — отношения с палестинцами контролируемых им территорий Иудеи и Самарии и нелояльной к государству частью арабов-мусульман, являющихся его собственными гражданами. Вражда этноконфессиональных групп в соседнем Ливане, на ситуацию в котором в разной степени влияют США, Франция, Саудовская Аравия, Сирия и Иран, остро проявляется в конфликте с живущими на территории этой страны в лагерях беженцев палестинцами коренного населения и противостоянии суннитов, друзов, христиан и шиитов.

Сирия, подавив в 80-е годы выступления исламистов, смогла на определённый период взять под контроль центрального правительства курдов, палестинских и иракских беженцев, но внутренние противоречия взорвали эту страну. Российские ВКС помогли правительству Асада удержаться у власти и на момент

написания настоящей книги армия Сирии успешно ведёт наступление на позиции поддерживаемых Турцией, Саудовской Аравией и Катаром джихадистов, но единственное разумное решение, призванное добиться стабилизации — федерализация страны, так и не было принято. Причём её отвергли и правительство, и оппозиция. За выступили меньшинства, в первую очередь курды. Против — арабы.

Основные проблемы Ирака — противостояние арабов и курдов, создавших на севере страны квазигосударство, а также суннитов и шиитов. Туркоманы, палестинцы, христиане всех толков, йезиды и другие национальные и конфессиональные меньшинства в постсаддамовском «демократическом» Ираке дискриминируются, являются объектом преследований (христиане и йезиды — геноцида) и эмигрируют из страны. Миллионы беженцев и перемещённых лиц, конфликты между суннитскими племенами и «Аль-Каидой», доминирование в суннитских районах «Исламского государства», споры между шиитскими шейхами и группами шиитов, ориентирующихся на Иран, отягощают ситуацию.

Проблемы этой страны осложнятся после окончательного ухода из страны воинского контингента США (рудиментарное присутствие которого на момент написания автором этих строк сохраняется) и неизбежного последующего раздела Ирака на зоны влияния Ирана, Турции и арабских монархий Залива. Ключевой вопрос сохранения страны: присутствие во властных структурах Ирака суннитов и нормализация их отношений с курдами и шиитами не имеет видимого решения. Именно агрессивное доминирование шиитов породило в некогда светском Ираке проблему ИГ, и одними силовыми методами решить её не удаст-

ся. Возможные варианты: увековечение раскола страны или геноцид миллионов иракцев не устраивают никого из внешних наблюдателей, однако приемлемого и реалистичного выхода из ситуации нет. Разве что в Ираке появится диктатор, сравнимый с Саддамом Хусейном...

Для правящего режима Хашимитской Иордании, опирающегося на бедуинские кланы, черкесов и чеченцев, проблемной частью населения являются палестинцы, составляющие большинство населения страны. Наличие на её территории в добавление к палестинским беженцам миллионов беженцев из Ирака и Сирии в условиях скудных природных и финансовых ресурсов Аммана подрывает стабильность и угрожает династии потерей власти. Водный кризис в Иордании нарастает, исламисты в лагерях беженцев вербуют сторонников и местное население всё это раздражает до крайности — при том, что Амман вынужден балансировать между Вашингтоном и Лондоном, Эр-Риядом и Иерусалимом.

Турция на протяжении десятилетий подавляет на своей территории курдский национализм, грозящий самому существованию страны, в которой, помимо курдов, живут этнические меньшинства, насчитывающие миллионы человек. Отказ в признании ираноязычных курдов отдельным народом, язык, алфавит, обычаи и национальные праздники которого отличаются от принятых у тюркоязычных турок, сочетается с непоследовательными попытками руководства ПСР продемонстрировать готовность смягчения политики в отношении курдов и других национальных меньшинств страны.

Война с Рабочей партией Курдистана, военно-террористическая деятельность которой вкупе с кон-

тртеррористическими акциями турецкой армии унесли более 45-ти тысяч жизней, ведётся не только на территории Турции, но в и Иракском, а также Сирийском Курдистане. Перемирие между официальной Анкарой и РПК, заключённое в 2000-х годах, имело все шансы перерасти в долгосрочный мир, но в 2016-м году оно было разорвано президентом Эрдоганом и восстановление турецко-курдских отношений до его ухода из политики вряд ли возможно. При этом турецкая внешняя политика отягощена кипрской проблемой: обострение в 70-х годах на этом острове противостояния греков с турецким меньшинством населения привело к оккупации Северного Кипра турецкой армией, которая до сих пор контролирует его территорию.

Решение проблем конфессиональных меньшинств Ирана включало законодательную регуляцию жизни и общественно-политической деятельности живущих в Исламской Республике евреев, парсов и христиан, игнорирование суннитов и подавление признаваемого многими религиозными авторитетами Кума язычниками бахаистов и йезидов. По-разному — в зависимости от провинций, которые населяли те или иные меньшинства и текущей внутриполитической ситуации, решались в ИРИ проблемы сосуществования персов с арабами Хузестана, тюркоязычными азербайджанцами и туркменами, курдами, лурами, белуджами и представителями других ираноязычных групп.

Выступления жителей национальных окраин Ирана, спровоцированные исламской революцией 1979 года, войной с Ираком и памятью о просоветских Гилянской республике 20-х и Мехабадской 40-х годов, были жёстко подавлены силовым путём. Азербайджанцы — наиболее крупное и влиятельное иранское меньшинство — были инкорпорированы во властные

структуры страны, включая высший уровень. Прочие этнические группы получили представительство в местных органах власти — без оформления каких бы то ни было культурных или территориальных автономий.

Периодические антиправительственные выступления племён на неспокойной восточной, афгано-пакистанской границе, контроль над которой Тегеран при шахском режиме установил только в конце 60-х — начале 70-х годов, подавляются Корпусом стражей исламской революции. В первую очередь это касается племён и кланов, контролирующих каналы доставки наркотиков из Афганистана, и террористов-белуджей из радикальной суннитской организации «Джондалла» (иногда называемой в специальной литературе «Джундалла» или «Джандалла»), финансируемой Саудовской Аравией.

Проблема религиозных и национальных меньшинств Афганистана — проблема войны «всех против всех». Благо сколь бы то ни было значимые меньшинства в этой стране испокон веков контролировали территорию своего проживания, при более чем скромной роли центральной власти — будь то власть королевская или все последовательно сменявшие её режимы, правившие в Кабуле. Баланс, существовавший в Афганистане до конца 70-х годов прошлого века, в рамках которого государствообразующую роль в стране играли пуштуны, и в первую очередь сменяющие друг друга в правящей династии племена дуррани и гильзаев, необратимо разрушился за 35 лет войны.

Талибы, «афганские арабы» и представители других иностранных исламистских групп, входящих в «Аль-Каиду» или действующих самостоятельно; шейхи и муллы, сориентированные на Пакистан или Иран;

племена, поддерживающие отношения с США и их партнёрами по НАТО или борющиеся с ними, составляют сложнейшую мозаику, объединяемую единственным фактором: производством и экспортом наркотиков. Афганистан фактически целиком состоит из меньшинств, и все его проблемы — это проблемы меньшинств, их отношений между собой и с соседними странами (как правило, крайне напряжённых).

Так, Афганистан оказывает разрушительное воздействие на Пакистан, граница с которым не существует ни де-факто, ни де-юре, поскольку срок действия соглашения, согласно которому «линия Дюранда» в 1893-м году отделила Британскую Индию от Афганистана, истёк в 90-х годах XX-го века. Традиционные для Исламабада проблемы сепаратизма в Синде и Белуджистане, противостояния с Индией из-за Кашмира, миллионов беженцев и перемещённых лиц из Афганистана, терактов, организуемых радикальными исламистами против шиитов, христиан и других религиозных общин, противостояния армейского руководства с юридическим истеблишментом и оппозиционными партиями, в последние годы обострились.

Военные действия против исламистов в Северо-Западной Пограничной Провинции Пакистана, на «территории племён», не только стали причиной появления миллионов новых беженцев и перемещённых лиц в Пакистане, но и перенесли террористическую активность в его внутренние районы, включая крупнейшие города. Основные военные и, что гораздо серьёзнее, ядерные объекты этой страны оказались в зоне нестабильности, что при слабых, коррумпированных и охваченных внутренней борьбой гражданских правительствах, сменивших военный режим Первеза Мушаррафа, особенно опасно.

Каждая из перечисленных выше стран имеет присущие только ей особенности, но общие закономерности, присущие всему региону БСВ, хорошо заметны. Одна из них — зависимость энергетических проектов от решения проблем меньшинств. Сепаратизм белуджей представляет опасность для проекта ирано-пакистанского газопровода — не говоря уже о газопроводе ТАПИ. Террористическая деятельность курдов срывает поставки в Турцию газа и нефти из Ирана и Ирака. Стратегический характер этих проектов для Турции, ИРИ и Пакистана хорошо объясняет, почему Анкара, Тегеран и Исламабад проявляют такое упорство в силовом замирении этих территорий.

Другая закономерность — проблема племён, значимая не только для Африки, но и для стран региона. Традиционно игнорируемый политкорректным Западом трайбализм имеет важнейшее значение для понимания идущих в регионе процессов, включая происходящее в арабском мире, зоне АфПака и сопредельном Иране. Глобализация, обеспечив доступ к новейшему вооружению и средствам связи традиционных социумов, помимо прочего превратила проблему ближневосточных меньшинств в проблему негосударственных вооружённых формирований повышенной боеспособности.

Предоставив в 80-е годы афганским моджахедам спецсредства для борьбы с СССР и обучив их современным методам ведения боя, Запад открыл ящик Пандоры, заложив фундамент не только современного международного терроризма, но и проблем войны с террором. В ходе этой войны племя на равных противостоит подразделению коммандос, деревня в горах или пустынном оазисе превращается в укреплённый район с эшелонированной, в том числе подземной,

обороной, а пиратский «москитный флот» парализует океанские коммуникации, успешно противостоя современным ВМФ — что продемонстрировали далеко не одни только сомалийские пираты.

Столкновения с противником такого рода американской армии и её партнёров по коалиции в Ираке и Афганистане, израильского ЦАХАЛа в Южном Ливане и секторе Газа, международной военно-морской группировки в западной части акватории Индийского океана выявили необходимость серьёзной корректировки стратегии и тактики ведения военных действий. Главным условием победы государства в войне такого рода является изоляция противника и лишение его поддержки извне. Партизанские группировки не могут противостоять регулярной армии на протяжении длительного времени, не получая оружия и боеприпасов. Главным условием их выживания является поддержка со стороны какой-либо страны, способной организовать снабжение и обучение их личного состава на уровне, сопоставимом с армией, против которой они воюют.

В противостоянии с Израилем государством, организующим против него «войны по доверенности», которые ведут ХАМАС и «Хизбалла», является Иран. Другим примером успешной операции такого рода можно считать войну на саудовской территории йеменских хоуситов. В Сирии, как упомянуто выше, джихадистские формирования, воюющие против правительственных войск, поддерживают Турция, Саудовская Аравия и Катар — при доминировании в снабжении и поддержке террористических группировок турок.

В 80-е годы советский контингент в Афганистане воевал с противником, которого поддерживал весь исламский мир, Запад и Китай. Сегодняшних талибов не

поддерживает ни одна «великая держава», и главные проблемы, с которыми сталкивалась западная коалиция в Афганистане, — определение целей и методов ведения войны. Последняя не может вестись как «гуманитарная операция», не выигрывается без жертв, в том числе среди гражданского населения, и не имеет шансов на успех, когда ресурсы, сроки действий и полномочия командования действующей армии изначально ограниченны — с чем столкнулся оккупировавший Афганистан межнациональный западный воинский контингент.

При этом, как показывает опыт Израиля, альянс антиглобалистов, активистов пацифистских движений, политиков левого толка и исламистов успешно противостоит попыткам подавления террористических движений в международных организациях и на дипломатической арене и способен проводить эффективные операции, примером которой является «Флотилия свободы». Успешно вести военные действия с иррегулярным противником можно, только действуя с достаточной мерой жёсткости на протяжении всего периода времени, который нужен для его полного разгрома, игнорируя любые попытки прервать военную операцию «во имя соблюдения прав человека».

Именно это сделало военно-политическое руководство Шри-Ланки, разгромив «Тигров Тамил-Илана» в кровопролитной, непрерывной и сравнительно короткой кампании, подчинённой единственно принципу военной целесообразности, после десятилетий безуспешного противостояния по правилам «мирового сообщества». Так же действовал и действует и Китай в борьбе с сепаратизмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Тибете. Что не прибавляет КНР симпатий правозащитников, но позволяет ценой сравни-

тельно малой крови избегать масштабных потрясений с куда большими человеческими жертвами.

Ещё одна составляющая успеха в решении проблемы меньшинств — физическое присутствие государства на спорной территории, полный контроль над действующей там системой образования и СМИ на протяжении длительного времени и формирование лояльной «центру» национальной и конфессиональной элиты. Именно это сделала Москва в Чечне, Тегеран в иранском Азербайджане и не сделал Иерусалим на палестинских территориях. Попытка дистанцироваться от непосредственного участия в решении проблемы, передоверив упомянутые функции «мировому сообществу», «коспонсорам» или «международным организациям», всегда и везде выводит конфликт на новый уровень и увековечивает его. Тем более что задачей «миротворцев», как правило, является не разрешение конфликта, а сам процесс — как в палестино-израильском или западносахарском случаях.

Последним фактором, который нужно упомянуть в контексте решения или попыток решения проблем меньшинств, учитывая то, что способные самостоятельно решать эту задачу торговые меньшинства регион большей частью давно покинули, является экономика. Вопрос не в том, чтобы проблема была «завалена деньгами», как это принято в современной западной или российской практике. Эти средства в конечном счёте не будут инвестированы в реальный сектор, но неизбежно приватизированы верхушкой приближённых к «центру» местных правящих кланов. В лучшем случае они будут украдены или пойдут на организацию наркоторговли, в худшем будут израсходованы сепаратистами на террористическую и военно-диверсионную деятельность.

Пример Афганистана, Ирака, палестинцев, а также ряда других народов, стран и территорий однозначен. Организация эффективной системы управления и прозрачной экономики, способной вывести депрессивные регионы проживания меньшинств современного БСВ на самофинансирование, — реальная задача в случае проведения в жизнь долгосрочной стратегии. К сожалению, эффективную стратегию такого рода в регионе в настоящее время демонстрирует на собственных окраинах лишь Китай. С другой стороны, Пекин и в реконструкции всей экономики КНР при сохранении политической стабильности и управляемости страны является явным исключением из мировой практики. Отчего китайская государственность и существует не одну тысячу лет…

Информация к размышлению

Неисламские регионалы

Особняком в регионе стоят ближневосточные «чужаки» — Израиль и Кипр. Членство в ЕС и особые отношения с Россией укрепляют положение Кипра, а длящаяся с 1974 года турецкая оккупация Северного Кипра ослабляет. Однако эскалация кипрского конфликта маловероятна. Диалог между общинами турок и греков-киприотов даёт основания для осторожного оптимизма, хотя ожидать объединения острова в скорой перспективе не приходится. Во всяком случае, все усилия ООН по проведению референдума по объединению Кипра в преддверии вступления его греческого юга в ЕС провалились из-за позиции греческого населения острова.

Южный, греческий Кипр является для Ливана, Сирии и Израиля нейтральной территорией, на которой контактируют представители различных политических сил, в том числе воюющих друг с другом партий и кланов. Обнаружение на кипрском шельфе месторождений природного газа и охлаждение отношений Израиля с Турцией привели к сближению Никосии с Иерусалимом. Итогом этого стали контакты руководства двух стран и запрет, наложенный руководством Республики Кипр, на попытки использования её территории антиглобалистами и исламистами для подготовки «флотилий свободы», пытающихся организовать бесконтрольную доставку грузов в сектор Газа.

Кипр являлся одним из крупнейших финансовых центров, обслуживающих потребности российского капитала, предоставляя ему защиту инвестиций, до начала финансового кризиса 2000-х, когда чиновники ЕС, выкрутив руки кипрскому правительству, заставили его пойти на реформу банковской системы, разорившую российских вкладчиков. С «тучных времён» на острове проживает значительное число российских граждан, вложивших средства в кипрскую недвижимость и инфраструктуру. Обладая всеми плюсами Ливана, мононациональный греко-православный Кипр лишён его политических рисков — по крайней мере для русскоязычных экспатов.

Присутствующие на острове европейские корпорации дополняют российский бизнес, осваивающий Кипр, обеспечивая высокие стандарты качества местной продукции и услуг. Экономическое же положение турецкого Кипра, хотя и улучшилось с ослаблением его блокады по инициативе ООН, пока остаётся до-

статочно сложным. Единственным резервом для него являются турецкие инвестиции. Помимо Турции, отношения с самопровозглашённой, как её часто называют, забывая о роли в её создании Анкары, Турецкой Республикой Северного Кипра поддерживают только Абхазия и Азербайджан.

Израиль, несмотря на небольшие размеры и численность населения, — военно-политическая и экономическая сверхдержава Ближнего Востока, присутствие которой в регионе — единственный фактор, способный объединить враждующие страны арабского мира. Да и для значительной части неарабского исламского мира он играет символическую, чтоб не сказать ритуальную, роль общего врага. Правда противостояние монархий Персидского залива с Ираном заставило их обратить внимание на Израиль, как единственную региональную силу, способную помериться с ИРИ на равных. Парадоксальна история БСВ, но правило «враг моего врага — мой друг» никто не отменял.

Волнения и государственные перевороты, начавшиеся в 2011-м году в арабских странах, — опасный сигнал для еврейского государства. В отличие от Запада израильское руководство не тешит себя иллюзиями по поводу отношений с «демократизирующимися» странами арабского мира, понимая, чем чревата для региона потеря стабильности. Отставка Мубарака и «охота на ведьм» в Египте, жертвой которой стало большинство его ближайших соратников, открыли дорогу к власти в этой стране антиизраильскому альянсу «Братьев-мусульман» и коррумпированных чиновников. Так что переворот, вернувший к власти в Каире военных, оказался для еврейского государства неожиданным, но очень существенным бонусом.

Куда более опасна для Иерусалима ситуация в Иордании, точнее, возможность её изменения под давлением экономического и политического кризиса, вызванного притоком беженцев из Ирака и Сирии. Падение режима Хашимитов создаст на восточной границе Израиля враждебный плацдарм, не отделённый от внутренних районов этой страны Синайским полуостровом, где египетская армия ведёт ожесточённую войну с исламистами. Не меньшей опасностью является распад ПНА, вероятность которого близка в обозримое время. Слабое руководство Рамаллы без военной поддержки Израиля может быть смещено исламистами в кратчайшие сроки. Это сделает неизбежной израильскую оккупацию Иудеи и Самарии — Западного берега реки Иордан, во избежание появления там режима ХАМАСа.

Интенсивные обстрелы Израиля из Газы ставят на повестку дня уничтожение ХАМАСа в секторе и восстановление израильского контроля над этой территорией и границей с Египтом — «Филадельфийским коридором», хотя правительство Израиля упорно отказывается от этого ради того, чтобы не возвращаться в Газу, ограничиваясь проводимыми раз в 23 года военными операциями, по масштабам более значимыми, чем многие из войн, которые Израилю приходилось вести за свою историю. Ухудшение положения на ливанской границе может заставить Израиль начать войну против «Хизбаллы». В обоих случаях первоочередная задача Иерусалима — уничтожение ракетных арсеналов и укрепрайонов в Газе и Южном Ливане.

Проблемы руководства Сирии и Саудовской Аравии также ослабляют безопасность Израиля. В Сирии вместо избегающего войны с Израилем режима

Асадов к власти могут прийти исламисты, либо страна расколется с непредсказуемыми последствиями. Единственным препятствием этому на момент написания настоящих строк были действия ВКС России, позволившие сирийской армии перейти в наступление и создать платформу для перемирия, которое призвано открыть дорогу политическому процессу национального примирения. С другой стороны, падение и распад КСА откроет дорогу доминированию на Аравийском полуострове «Аль-Каиды», «Исламского государства» и Ирана, что в любом случае означает появление на южной границе Израиля опасных и непредсказуемых противников.

Прямой военный конфликт Израиля с Ираном не исключён, но маловероятен: компьютерные атаки оказались не менее действенным оружием против иранских ядерных объектов, чем авиаудар. Конфликт между ними приобрёл форму «войны по доверенности» Ирана против Израиля и ответных операций последнего, в том числе ликвидаций конвоев с оружием, поставляемым Ираном в Газу и Южный Ливан. Израильские подводные лодки с ракетами на борту барражируют иранское побережье, авиация проводит тренировки над Средиземным морем и на Балканах, отрабатывая операции на дальних дистанциях, — готовность Израиля к войне с Ираном достаточно высока.

Вопрос отношений Израиля с арабским миром непрост. На протяжении десятилетий, когда эти отношения формально не существовали, была выстроена система контактов через палестинских посредников и международные организации, включая комитеты и комиссии ООН, состоящая из постоянно действующих каналов связи не только с Египтом и Иорданией,

поддерживающими с Израилем дипломатические отношения — «холодный мир», но и со странами, которые с гневом отвергли бы любые предположения о регулярных связях с «сионистским врагом».

Старейшими из контактирующих с Израилем арабских стран являются Марокко и Тунис. После заключения «соглашений Осло» формальные и неформальные отношения были построены с Оманом, Катаром, Кувейтом, Бахрейном, ОАЭ и Эритреей. На волне иранской угрозы они возникли на неформальном, но высоком уровне с руководством Саудовской Аравии. Даже такие нестабильные государства, как Ливия, Судан и Йемен, имели связи с Израилем по направлениям, представлявшим интерес для их руководства.

Дипломатические отношения Израиля с Мавританией под нажимом Ирана были разорваны, однако Алжир неофициально, но успешно добивался, чтобы отечественные самолёты, поставляемые ему в рамках модернизации алжирской армии, были снабжены израильским электронным оборудованием. Благо соответствующие авиасистемы Москва и Иерусалим выпускают с 90-х годов, несмотря на противодействие американской политической элиты и ВПК. Как выяснилось летом 2011 года, даже Иран на протяжении послереволюционного периода имел с Израилем торговые отношения через систему посредников.

Существенной проблемой для Израиля является лояльность израильских арабов, включая депутатов кнессета, подорванная в 90-е годы совместными действиями израильского левого лагеря и ПНА по их «палестинизации». Характерным является лояльное отношение к Израилю исповедующих ислам представителей этнических меньшинств: друзов, черкесов

и бедуинов, а также большинства христиан — в том числе арабов и армян. Не случайно в 2014-м году арабы-христиане добились введения в израильской паспортной системе отдельного обозначения их национальной принадлежности — «арамеи», дистанцируясь от арабов-мусульман.

Провал надежд на создание палестинского государства характеризует неприятие арабами Иерусалима планов по превращению их кварталов в будущую столицу Палестины со сменой гражданства жителей. Приметой начала 2010-х годов стал рост числа арабской молодёжи из мусульманских семей, служащей в израильской армии или проходящей альтернативную службу. Это касалось и молодых людей из ещё одного сектора израильского общества, традиционно игнорирующего государственные институты: еврейской ультраортодоксии. Интеграция в государственную систему арабов-мусульман и евреев-ультраортодоксов имеет принципиальное значение для будущего Государства Израиль.

Попытка покончить с арабо-израильским противостоянием, заключив в 1994-м году «соглашения Осло», итогом которых должно было стать создание рядом с Израилем палестинского государства, провалилась. Лидеры левого лагеря, уверенные в том, что отношения с Ясиром Арафатом имеют долгосрочную перспективу, были полностью переиграны им, что стало ясным после начала в 2000-м году интифады Аль-Аксы — вооружённого палестинского восстания, покончившего с «палестино-израильским мирным процессом» де-факто.

Результатом попыток израильтян договориться с Организацией освобождения Палестины стали тер-

рористическая деятельность палестинцев на территории Израиля и уничтожение боевиками или эмиграция под давлением администрации ПНА десятков тысяч палестинцев, в первую очередь христиан, пытавшихся быть лояльными еврейскому государству. Ещё одним итогом этого эксперимента стала гибель тысяч израильтян и палестинцев в терактах и контртеррористических операциях.

Разрыв устоявшихся экономических и социальных отношений между Израилем и палестинскими территориями, потеря палестинцами около 200 тысяч рабочих мест в Израиле и гражданская война между палестинскими движениями ФАТХ и ХАМАС — итог миротворческих иллюзий экс-президента Израиля Шимона Переса и поддержанной им группы «молодых лидеров Партии труда», большая часть которых вышла из левацкого движения «Шалом Ахшав».

Охлаждение отношений руководства Израиля с администрацией США и лидерами ЕС, признание рядом стран Палестины государством в границах 1967 года, инициируемое Лигой арабских государств и ПНА давление на Израиль в ООН ухудшают дипломатическое положение Иерусалима. Прочное положение правящей коалиции, укрепление консервативного и ослабление левого крыла в парламенте, развитие, вопреки давлению извне и изнутри, поселенческого движения, принятие законодательных актов, осложняющих деятельность, направленную против государства, — укрепляют.

Сбалансированность финансовой системы в сочетании с уровнем, достигнутым израильской оборонной промышленностью, сектором высоких технологий и сельским хозяйством, — гарантии стабильности

экономики страны. Выстраивание партнёрства с Россией, обнаружение на израильском шельфе крупных газовых месторождений и открытие на территории страны третьих в мире по объёму месторождений сланцевой нефти позволяет Израилю пройти ближневосточный кризис вне зависимости от того, какое время он займёт и на какие территории распространится. При этом армия и другие силовые ведомства Израиля готовы к военным конфликтам любой интенсивности с любыми возможными противниками.

Израиль — единственная страна региона, входящая в число технологически развитых государств. Сельское хозяйство, промышленность, включая военно-промышленный комплекс, алмазообработку и сферу высоких технологий, медицина, система образования и науки, развитая инфраструктура, уровень интеграции в мировую экономику и потенциал рабочей силы выводят его в число мировых лидеров по ключевым показателям. Характерно, что количество новых высокотехнологичных компаний в Израиле превышает их число в ЕС и является вторым в мире после Соединённых Штатов.

Армия и спецслужбы Израиля справляются с решением проблем безопасности, несмотря на высокий уровень террористических и военных угроз. Израиль не понёс убытков в ходе начавшегося в 2008-м году мирового экономического кризиса. Уличные протесты лета 2011 года, так называемые «творожные демонстрации», выделили его на фоне большинства стран мира, где шли аналогичные социальные выступления. В Израиле они были связаны не с сокращением государственных расходов, а с требованиями их увеличить. Говоря попросту, население потребовало по-

делиться с ним накопленными государством финансовыми ресурсами.

Тесные отношения российской и израильской экономической и политической элиты подкрепляются безвизовым режимом. В Израиле живёт более миллиона русскоязычных жителей бывшего СССР, многие из которых сохранили российское гражданство. Десятки тысяч менеджеров и предпринимателей из Израиля живут в России. Сотрудничество средств массовой информации, общее культурно-цивилизационное прошлое, туризм и паломничество православных верующих на Святую землю формируют фон российско-израильских отношений.

Потенциал сотрудничества Израиля с Россией не реализован в полной мере, в том числе из-за сопротивления руководства США заключению договоров в сфере безопасности, военно-технического сотрудничества и высоких технологий. В начале 2010-х годов в этих вопросах произошел прорыв. Итогом его стали договорённость о закупке Российской армией в Израиле БПЛА и строительстве завода по их производству в Казани. Введение против России в 2014-м году санкций США и ЕС, которые Израиль не поддержал, значительно укрепило двусторонние отношения в области торговли и создания совместных проектов и программ.

Развитие получили сотрудничество с Израилем корпорации «Роснано» и фонда «Сколково», проекты в области туризма и сельского хозяйства. Активизировалась работа российско-израильской межправительственной комиссии и делового совета. Была создана межпарламентская комиссия по безопасности, и началось регулярное сотрудничество Советов безо-

пасности двух стран. С начала операции ВКС России в Сирии в октябре 2015 года координация оборонных ведомств Израиля и Москвы на всех уровнях, включая высший, приобрела постоянный характер, дав серьёзный толчок российско-израильским отношениям.

В то же время целый ряд направлений российско-израильского сотрудничества не доведён до практической реализации, а в обеих странах существует влиятельное политическое и журналистское лобби, борющееся с расширением их контактов. Позиция руководства отечественного МИДа в отношении признания палестинского государства ухудшила перспективы реализации важных для Москвы направлений взаимодействия с Израилем, в том числе в военно-технической сфере. В то же время она мало чем отличалась от позиции ООН, ЕС и Государственного департамента Соединённых Штатов.

Глава 12
Межгосударственные конфликты

Первопричина многих межгосударственных конфликтов БСВ уходит в глубь веков. Проблемы Западной Сахары — клубок противоречий между племенами «сахрави», Марокко и Алжиром, а в начале западносахарского противостояния в него была вовлечена ещё и Мавритания. Отношения Эфиопии с её соседями — пограничные проблемы распадающейся империи эфиопских негусов.

Атакуемый при малейшей возможности, особенно под предлогом нарушения прав человека, не только врагами, но и «союзниками» Израиль — экономическая и военная сверхдержава Ближнего и Среднего Востока и его вечный аутсайдер, представляющий собой мишень для непрерывных нападок прессы и политиков региона. Гиганты БСВ — Турция, Иран и Пакистан сталкиваются с проблемами политической стабильности, терроризма на границах, внутригосударственного сепаратизма и сопротивления их соседей попыткам этих трёх стран сформировать зону своего исключительного влияния.

Вопрос о том, кому принадлежит малонаселённая территория Западной Сахары с громадными запасами фосфатов и богатым промысловой рыбой океаническим шельфом, великолепно иллюстрирует проблему двойных стандартов ООН и мировой политической элиты — из-за чего представителей ООН в начале 2016 года марокканские власти и попросили покинуть эту территорию, которая на протяжении нескольких десятилетий оккупирована Марокко и активно заселяется марокканскими колонистами. Фактически вокруг её проблемы к настоящему времени сложился своеобразный статус-кво.

Партизаны-сахрави из Фронта ПОЛИСАРИО, при поддержке Алжира базируясь на территории этой страны, заставили Мавританию, которая первоначально претендовала на участие в разделе освобождаемой Испанией колонии, отказаться от этих намерений. Непрерывно атакуя марокканские войска и колонистов, они заставили королевство возвести на оккупированной территории цепь укреплений, к западу от которой правит Марокко, а к востоку власти не существует. Эта часть Западной Сахары открыта для марокканской армии, западных военных, сахрави, наркоторговцев, террористов, контрабандистов и перевозчиков африканских нелегалов, пытающихся через Марокко попасть в Европу.

Предсказуемый провал референдума о будущем Западной Сахары, который пыталась организовать ООН в 1992-м году, подчеркнул слабую результативность её миротворческой деятельности. Освобождение спустя четверть века пребывания в плену у сахрави марокканских военнослужащих, захваченных в период эскалации конфликта, могло быть достигнуто значительно раньше, если бы средства, затраченные на Миссию

ООН по Западной Сахаре, были использованы для их выкупа. Лишь в настоящее время суммы, запрашиваемые «Аль-Каидой Магриба» и другими исламистскими группировками Сахары и Сахеля за захватываемых ими для получения выкупа пленников, достигли тех десятков миллионов долларов, в которые обходится работа миссий ООН.

В настоящее время проблема Западной Сахары неразрешима. Марокко не готово дискутировать вопрос создания на её территории независимого государства и может согласиться лишь на предоставление ей автономии, сохраняя в неприкосновенности своё военное присутствие, контроль над экономикой и системой безопасности, а также живущее там марокканское этническое большинство, сформированное за счёт колонизации. Сахрави готовы продолжать борьбу, тем более что положение их в системе региональных сдержек и противовесов достаточно устойчиво.

Западносахарские партизаны оттягивают на юг, в Сахару, значительную часть марокканской армии, ослабляя её присутствие на мароккано-алжирской границе в районе средиземноморского побережья. Их иррегулярные подразделения представляют собой постоянно действующий на стороне Алжира военно-политический фактор. В этом качестве они могут рассчитывать на постоянную поддержку соперничающей с марокканской монархией алжирской военной хунты, тем более что военное воздействие извне на Марокко или Алжир, обладающие мощными армиями, практически исключено.

Изначальная марксистская ориентация Фронта ПОЛИСАРИО не оставила ему пространства для манёвров на Западе и в исламских монархиях Залива, которые заинтересованы в марокканской армии

и стабильности на территории королевства. При этом поддержка сахрави со стороны Алжира, оставшегося последним светским режимом Магриба, открыто противостоящим радикальным исламистам, может быть только пассивной. В настоящее время эта страна не может позволить себе обострения отношений с Марокко, которое в случае военного конфликта поддержат Запад и монархии арабского мира, благо механизм их совместных действий в Южном Средиземноморье отлажен в Ливии.

Современная Эфиопия — страна, чья внешняя политика в соответствии с её географическим положением и историей балансирует между Африкой и Большим Ближним Востоком. На протяжении всего XX-го века она была империей, которая боролась за свою независимость и целостность. Вначале против Италии, а затем с соседями — бывшими британскими и итальянскими колониями и собственными мятежными провинциями, восстания в которых поддерживались с территории Сомали, Судана и Джибути.

Периодически Эфиопия переходила в наступление на этих соседей, однако в итоге её бывшая автономия Эритрея получила независимость, отрезав Эфиопию от моря. Мусульманский Огаден остался под управлением Аддис-Абебы, а соперничавшее с Эфиопией за эту её провинцию Сомали распалось на множество независимых анклавов, часть которых попала под управление исламистов.

Выбить отряды Союза исламских судов из сомалийской столицы Могадишо удалось только после эфиопской интервенции, совершённой при поддержке Запада, с постепенной заменой воинских подразделений «исторического противника» Сомали — Эфиопии на армии таких стран Африканского союза, как Уган-

да и Бурунди. Развитие гражданской войны в Сомали и появление на местной политической арене в качестве доминирующей на юге этой страны силы исламистского движения «Аш-Шабаб» заставили Эфиопию вернуться в Сомали, однако вскоре её роль в районе порта Кисмайо отошла к Кении (заплатившей за это терактами в Найроби и на приморских курортах).

Существенными успехами Эфиопии на дипломатическом фронте в 2011-м году стали падение режимов Каддафи и Мубарака, а также раскол Судана. Ослабление Каира и Хартума позволило властям Аддис-Абебы без оглядки на них пересмотреть в свою пользу и пользу своих соседей договор о распределении вод Нила, отдававший львиную долю стока Египту и Судану.

Как следствие в отсутствие военной опасности с севера строительство гидроузлов на верховьях этой реки будет реализовано в сравнительно короткий срок. Южный Судан пока «держит нейтралитет» в водной войне, однако мало сомнений в том, что Джуба с опорой на Запад, Китай и африканских соседей не упустит своего шанса примкнуть к участию в транснациональном энергетическом консорциуме, снабжающем электроэнергией добрую половину континента.

Напряжённые отношения Эфиопии с Эритреей и соседними сомалийскими территориально-политическими анклавами, часть которых склонна использовать её в противостоянии с соседями, исламистами или пиратами, а другая видит в этой стране врага, осложняют ситуацию на Африканском Роге. В итоге борьбы за доминирование в регионе единственными морскими воротами Эфиопии, которая во всех прочих отношениях является региональной сверхдержавой, остаётся порт Джибути, прикрываемый от вторжений

соседей западными военными базами и контролирующими их воинскими контингентами.

Сохраняя с Россией прочные отношения, Эфиопия всё больше углубляет их с Западом. Для последнего она является единственной страной региона, армия которой может, в случае необходимости, проводить сравнительно масштабные операции на исламской периферии Африканского Рога. Существенно, что операции эти по объективно-историческим причинам не могут носить долговременный характер. Так, присутствие эфиопских войск в Сомали и, тем более, Эритрее на постоянной основе полностью исключено. Это оставляет широкие возможности для активности в Сомали пиратских группировок и радикальных исламистов, враждующих между собой или заключающих тактические союзы, в зависимости от политической конъюнктуры.

Особой темой являются беженцы и перемещённые лица, миллионы которых находятся в регионе за пределами мест постоянного проживания на грани голодной смерти, усугубляемой эпидемиями и засухой 2011 года. Лагеря беженцев являются центрами вербовки исламистов, очагами криминальной деятельности и коррупции, в том числе вокруг распределения гуманитарной помощи.

Занимающиеся ею международные организации бессильны пресечь эти процессы, тем более что в регионе сосредоточены крупнейшие лагеря беженцев планеты: только к северу от столицы Кении Найроби в лагере Дадааб сосредоточено около 400 тысяч сомалийцев. На протяжении ближайших десятилетий границы Эфиопии с соседними странами будут прозрачными для военизированных группировок, террористов и беженцев, причём её границы с Эритреей

и находящимся в состоянии анархии Сомали будут границами войны.

Государство Израиль выделяется на фоне всех прочих стран региона, входя в узкий круг развитых стран и отличаясь военным потенциалом, который позволяет ему вести войну на нескольких фронтах. Развитие «мирного процесса» и попытка завершить конфликты с арабскими странами, включая вывод израильских войск и эвакуацию поселений с Синайского полуострова и из сектора Газа, а также эвакуацию израильского ЦАХАЛа из Южного Ливана, привели не к миру, а к укреплению радикалов.

Это относится и к Египту, потерявшему после свержения Хосни Мубарака контроль над Синаем, и Иордании, где власть Хашимитов ослабевает за счёт усиления «Братьев-мусульман». Ситуация ещё хуже в Газе, где ФАТХ побеждён ХАМАСом, и Ливане, власть на юге которого де-факто захватила «Хизбалла».

Надежды на создание рядом с Израилем демилитаризованного палестинского государства оказались несостоятельными: клептократический режим ФАТХа в Рамалле является для него источником наибольших проблем во внешней политике. Обращение Абу-Мазена в ООН в сентябре 2011 года с требованием предоставления Палестине полноправного членства в этой организации, спровоцировало беспрецедентное давление на Израиль, в том числе со стороны его традиционных союзников.

Израиль сохранил в исламском мире единственную роль — объединяющего фактора и всеобщего врага. Усиление в регионе политического ислама, включая его радикальные структуры, постепенно обесценивает как мирные договора Израиля с Египтом и Иорданией, так и посредничество США и ЕС в по-

пытке избежать конфликтов на межгосударственном уровне: провокации на границах Израиля рассчитаны как раз на втягивание в конфликт с ним под давлением «улицы» армий стран-соседей.

Парадоксальным образом потенциальное свержение не только дружественных, но и таких враждебных, но стабильных и предсказуемых режимов региона, как сирийский, противоречит интересам Израиля. Как показали последствия мирового экономического кризиса, который Израиль прошёл значительно лучше США и стран ЕС, а также государств «Арабской весны», обанкротившей западных инвесторов в затронутых ею странах, но миновавшей Израиль, отношения которого с ними были минимальны, региональная изоляция этой страны является скорее плюсом, чем минусом. Единственным существенным фактором для израильской экономики является сворачивание сотрудничества с Турцией по целому ряду чувствительных направлений — в первую очередь оборонного характера.

Предсказывать, как именно будет развиваться конфликтная ситуация на БСВ, когда и в какой мере она затронет Израиль и каким будет ответ этого государства на внешние вызовы, чрезвычайно сложно, поскольку это будет в большой мере зависеть от того, на что будет готово в противостоянии с противниками руководство самого Израиля. Если оно вернётся к стандартам первых десятилетий существования страны, это будет означать сворачивание «процесса Осло», возвращение контроля над палестинскими территориями, управляемыми пока что ПНА и ХАМАСом, и начало формирования на них местной власти, сориентированной на сотрудничество с Израилем, — процесс, занимающий 23 десятилетия.

Ослабление Асада в Сирии сводит к нулю вероятность переговоров о возвращении ей Голанских высот и делает возможным масштабную «зачистку» «Хизбаллы» — без возвращения израильского контроля над «зоной безопасности» в Южном Ливане. В случае распада Сирии, вероятность которого не исключена, возможен союз Израиля с какими-либо из территориальных структур, которые могут возникнуть на её месте, как вероятен он в условиях резкого охлаждения отношений с Турцией с иракским Курдистаном. Это же касается Кипра, Греции и балканских государств, опасающихся усиления Анкары.

Во внешнюю политику Израиля вписывается поддержка курдов и сотрудничество с Арменией и её диаспорой по вопросу признания геноцида армян. В то же время влияние, которым пользуется в Армении Иран, не оставляет места для широкого военно-технического сотрудничества Израиля с этой страной. Резкое ухудшение отношений с Израилем, участие в операции в Ливии и обострение отношений с Сирией, кампания против боевиков в иракском и сирийском Курдистане, ультиматумы ЕС по кипрской проблеме и создание военно-морской группировки в Восточном Средиземноморье обозначают основные направления турецкой военно-политической доктрины.

Турция отстраивает систему доминирования в зоне национальных интересов, которую руководство этой страны полагает необходимой для создания «новой Османской империи». До этого на протяжении десятилетий турецкая политика могла быть охарактеризована как активная оборона. Сегодня — это политика наступательная и последовательно агрессивная. Ранее Турция не раз угрожала Сирии в случае локальных конфликтов из-за водных ресурсов или на-

мёков Дамаска на сирийскую принадлежность отданного туркам французскими колониальными властями в 1939-м году Хатая. Была на грани войны с Грецией, членом НАТО, из-за проблем судоходства в акватории находящихся у турецкого побережья греческих островов. Вводила войска в Северный Ирак после атак курдских боевиков на турецкие населённые пункты, полицейские посты и военные гарнизоны. Конфликтовала с Болгарией из-за притеснения местных турок.

Однако даже оккупация Северного Кипра — наиболее масштабная и долговременная военная акция Турции после Второй мировой войны, произошла только после попытки совершения там государственного переворота, в случае успеха которого Кипр мог быть присоединён к Греции с необратимыми последствиями для турок-киприотов.

Сегодня внешнеполитическая риторика Анкары стала откровенно агрессивной, великодержавной и шовинистической. Военно-политическое наступление на всех фронтах, которое она ведёт, очень напоминает реваншизм Третьего рейха 30-х годов XX-го века. Это сходство становится разительным, если проанализировать обращённые к европейской турецкой диаспоре заявления лидеров страны, словно списанные с текстов фюрера немецкого народа о «Фатерланде».

Пантюркистская агитация в «этнически близких» странах и регионах напоминает о действиях Третьего рейха в Силезии, Судетах, Эльзасе, Лотарингии и скандинавских странах. Разумеется, всякие параллели верны только до определённого предела, однако баланс сил на турецких границах и складывающееся сотрудничество-соперничество исламских геополитических блоков чрезвычайно напоминают конец 30-х годов в Европе.

Конечно, лидеры Турции и Ирана не копируют Сталина и Гитлера, ведут свои страны схожим с их европейскими предшественниками курсом по собственным причинам и обстоятельствам, и многие из этих обстоятельств объективны. Однако милитаристский популизм, возведённый в ранг государственного приоритета, имеет свои законы. Вопрос не в том, будет ли Турция вовлечена в региональные конфликты различной интенсивности, как она вовлечена в сирийскую гражданскую войну, но лишь в том, когда и в какой степени это произойдет.

Новый виток конфликта вокруг Кипра, связанный с намерениями Никосии добывать природный газ на шельфе острова, исключает возможность достижения национального примирения и объединения страны. Нагнетание обстановки по инициативе Анкары произошло после оценки турецкими экспертами запасов газа в Восточном Средиземноморье ($ 7 триллионов) как достаточных для ведения войны. Контроль над Северным Кипром даёт Турции не только доступ к этим запасам, но и плацдарм за пределами собственных границ, который может быть использован для продвижения турецких интересов в Леванте и Северной Африке. Прекращение турецкой оккупации Северного Кипра в настоящее время исключено и любые попытки мирового сообщества добиться этого вызовут силовую реакцию.

Из-за роста внешнеполитической агрессивности Турции Греция, мотивируя свои действия необходимостью пресечения потока нелегальных эмигрантов, прибывающих на её территорию с турецкой стороны, обустроила сухопутную границу с этой страной линией обороны, возведя на всём её протяжении укрепления, в состав которых входит противотанковый ров.

Впрочем, мигранты и беженцы из Турции были переброшены в 2015-м году в обход этой линии укреплений, по морю, на ближайшие к берегам Турции греческие острова.

Размещение в Турции американской системы ПРО, включая радар, контролирующий воздушное пространство Ирана, является для того серьёзной угрозой и доказательством готовности Эрдогана к любому исходу регионального противостояния, в котором его страна будет защищать только собственные интересы. То же самое касается существующих на турецкой территории военных баз Соединённых Штатов. Благо мгновенный переход Турции от союза с Израилем, добрососедских отношений с Сирией и дружественных с Ливией к враждебным со всеми этими странами свидетельствует о возможности такого же изменения курса в отношении Ирана.

Серьёзной угрозой безопасности Исламской республики Иран служит нарастающее давление племён — в первую очередь белуджских — со стороны Афганистана и Пакистана. На восточной границе Ирана Корпус стражей исламской революции противостоит террористам, сепаратистам и наркоторговцам — часто в лице одних и тех же группировок. Эти конфликты не приводят к противостоянию с Афганистаном или Пакистаном на государственном уровне.

Кризис в иранской внешней политике связан с отношениями ИРИ с Израилем и арабским миром. Конфликт с Иерусалимом — результат сознательного выбора руководства страны в попытке превратить Тегеран в идеологический и духовный центр не только шиитского, но и всего исламского мира. Эта тема десятилетиями эксплуатировалась лидерами арабских

стран, а со второго десятилетия XXI-го века и политическим руководством Турции, однако лишь ирано-израильский конфликт имеет все шансы перерасти в региональную войну, поскольку для ИРИ отношения с США, в отличие от Турции и арабского мира, не являются сдерживающим фактором.

Жёсткая антиизраильская риторика президента Ахмади Нежада в отношении Израиля вышла далеко за рамки политических деклараций его предшественников и дополнилась прямой поддержкой противостоящих Иерусалиму военно-политических группировок и политических движений по всему миру, хотя накал противостояния снизился с началом сирийской гражданской войны и приходом к власти президента ИРИ Хасана Роухани. Несмотря на неформальные контакты, поддерживаемые Израилем и Ираном в третьих странах, вероятность прямого военного столкновения между ними высока. Тем более что она соответствует интересам Саудовской Аравии и её союзников, которые в этом случае имеют значительно более высокие шансы на продолжение существования правящих в этих странах династий, чем в случае их собственного столкновения с ИРИ.

Арабский мир, в первую очередь Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Марокко являются открытыми противниками Ирана. Тегеран поддерживает шиитские арабские общины, противостоящие правящим суннитским режимам, в том числе в КСА и на Бахрейне. В Ираке он претендует на ведущую роль на юге и в центральных районах и в ближайшей перспективе может заменить там США в качестве главной военно-политической силы. В Персидском заливе угрожает соседям блокадой Ормузского пролива, уничтоже-

нием их производственных и портовых комплексов и удерживает принадлежащие ОАЭ острова. Однако истоки конфликта — это в первую очередь столкновение иранского и саудовского проектов доминирования в исламском мире, и это делает его необратимым.

В прямом столкновении с ИРИ у стран ССАГПЗ нет никаких шансов. Присутствие в регионе США, Великобритании и Франции, а также альянс с Турцией позволяют им выстроить баланс отношений с Ираном на базе НАТО. Противостоять НАТО Иран может только в рамках «асимметричной войны» — опыт его войны с Ираком 1980–1988 годов показывает, что Иран к ней готов. Готовы ли к такой войне его вероятные противники — за исключением Израиля, у которого нет другого выхода, неизвестно. Правда, подписание с Ираном «ядерной сделки» даёт ему шанс выйти из регионального противостояния, превратившись в региональную сверхдержаву мирным путём. И зависеть это будет только от курса, выбранного иранским руководством.

Внешнеполитические проблемы Пакистана сосредоточены на двух направлениях: Индии и Афганистане. Баланс сил в Кашмире, раздел которого закреплён на протяжении десятилетий, поддержка со стороны Китая и ядерный потенциал ИРП сводят риск военного конфликта Пакистана с Индией до минимума. Даже пограничные инциденты и активность на территории Индии пакистанских исламистских террористических групп не привели к масштабной войне, на что изначально были рассчитаны их организаторами. Индия и Пакистан поддерживают отношения, которые, несмотря на периодические обострения, постепенно снижают конфликтный потенциал.

Закрепление пакистанского влияния в Афганистане после вывода оттуда войск западной коалиции является одним из главных приоритетов его внешней политики. Именно это заставляет ИРП поддерживать отношения с афганскими исламистами, базирующимися в афгано-пакистанском приграничье, минимизировать операции против них собственной армии и добиваться того же от американцев. Правда, как показывает опыт, в конечном счёте это ведёт к укреплению позиций радикальных исламистов во внутренних провинциях Пакистана, включая крупные города и саму столицу.

Племена в окраинных регионах Пакистана практически независимы от центральных властей. Сепаратизм провинций нарастает, и попытки поставить их под контроль приводят к дальнейшему расшатыванию единства страны и ослаблению лояльности армии — и без того не слишком высокой в отношении действующего гражданского руководства. Как следствие, возможность распада Исламской Республики Пакистан достаточно высока. Тем более что эта страна имеет соответствующий исторический опыт — отделение от неё при поддержке Индии в 1971-м году Республики Бангладеш…

Информация к размышлению

Периферия — ближняя и дальняя

Традиционное для профессиональных организаций и ведомств «практическое востоковедение» рассматривает Ближний и Средний Восток, ограничивая себя географическими рамками — в лучшем случае всего региона, а иногда какой-либо его части. Между

тем процессы, идущие на исламской периферии — на Балканах, в Африке, Закавказье, Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, чрезвычайно важны для понимания происходящего в регионе. Как и деятельность сетевых исламистских структур, активных не только в исламском мире, но и за его пределами. Экономическая и политическая роль новых исламских игроков часто преуменьшается. Однако она растёт, как растёт и их значение для обеспечения международной безопасности.

Ведущими игроками «второго ряда» исламского мира являются Индонезия и Малайзия — мусульманский «Дальний Восток». Малайзия со времен Мохаммада Мохатхира — амбициозного и авторитарного премьер-министра, превратившего эту страну в одного из «дальневосточных тигров», сочетает экономическую политику, опирающуюся на эксплуатацию государственными компаниями запасов углеводородов, официальный этноконфессиональный протекционизм в пользу малайцев-мусульман и демонстративную фронду в отношении Запада и Китая.

Индонезия, население которой превышает 250 миллионов человек, — крупнейшая страна мусульманского мира и член G-20. Джакарта в 1998-м году покончила с 33-летним правлением Хаджи Мухаммеда Сухарто, однако экономика страны развивается медленными темпами и её внешняя политика по-прежнему ориентируется на США. Дискриминационный курс, который оба государства проводят в отношении индусов, китайцев, христиан и племён, исповедующих традиционные культы (в Индонезии — на Калимантане и Новой Гвинее), провоцирует эмиграцию образованной молодёжи из числа меньшинств,

сепаратизм и партизанскую деятельность в отдалённых районах.

Под влиянием распространения в регионе из Саудовской Аравии и Пакистана салафитских идей в обеих странах усилилось влияние исламистских радикалов. Они провоцируют конфликты мусульман с властью в Таиланде с территории Малайзии и вступают в альянсы против центральных властей с сепаратистами в индонезийском Ачехе. Ведут борьбу с неисламским коренным населением на христианском Амбоне и индуистском Бали. Организуют теракты против западных и китайских компаний и иностранных туристов. Причём и Малайзия, и Индонезия придерживаются в отношении исламистов двойных стандартов, преследуя их после резонансных терактов и позволяя действовать там, где их интересы совпадают с политикой Куала-Лумпура и Джакарты.

Стремясь к увеличению своего веса на международной арене, Малайзия и Индонезия добиваются этого через Организацию исламского сотрудничества, контакты с Лигой арабских государств, Турцией, Пакистаном, Саудовской Аравией, ОАЭ, Катаром, Ираном и другими ведущими игроками исламского мира, одновременно поддерживая высокий уровень координации своей политики с Западом. Как следствие они выступали с направленными против Израиля заявлениями, как Мохатхир, принимали участие в таких пропалестинских акциях, как «флотилии свободы», осуждали антииранские санкции ООН и, подобно Индонезии, заявляли о готовности участия в миротворческой деятельности в Ливии после прекращения там военных действий.

Этноконфессиональные конфликты, проблемы экономики и сепаратизм могут поставить под во-

прос целостность Малайзии и Индонезии. При этом на их территории всё более активны международные исламистские структуры, в том числе «Исламское государство», в составе которого в Сирии и Ираке отмечены соединения террористов из Юго-Восточной Азии. ИГ активно вербует сторонников в Индонезии, Малайзии и на Филиппинах. Пресечение распространения с их территории в регионе радикального исламизма — общий интерес Китая, Запада, включая Австралию и Новую Зеландию, и государств Юго-Восточной Азии, в том числе Таиланда, Сингапура и Вьетнама.

«Дальневосточные тигры» — часть исламской периферии Ближнего и Среднего Востока. В неё на восточной окраине региона, в районе Индийского и Тихого океанов, помимо этих стран входят: беднейшая страна Южной Азии — Бангладеш, сравнимый по богатству только с нефтяными монархиями Персидского залива Бруней, превышающая большинство стран исламского мира по численности мусульманская община Индии и ряд значительно меньших общин государств Юго-Восточной Азии.

Бангладеш испытывает такое же давление радикального ислама, как Пакистан. Близость к Индии и Юго-Восточной Азии, распространённость «отходничества» — преимущественно в страны Залива, многомиллионная диаспора в США, Великобритании и тех же странах Залива превращают страну в плацдарм, используемый «Аль-Каидой» и ИГ для вербовки будущих шахидов. Причём опасность этого традиционно недооценивается, работа мировых спецслужб в этой стране не выдерживает критики, а уровень террористической активности на её территории непрерывно растёт.

Под давлением извне радикальные исламистские настроения распространяются и в регионах традиционной веротерпимости — Таиланде и на южных Филиппинах. В то же время составляющие 13,4% (по официальным данным — неофициальные оценки близки к 20%) из более чем миллиарда жителей Индии мусульмане, несмотря на притеснения, которым они подвергаются (примером которых является Гуджаратский погром 90-х годов), в абсолютном большинстве лояльны к своей стране. Отметим при этом, что процентное соотношение радикалов и лоялистов не отражает уровня потенциальной угрозы, тем более что активно проводимые в жизнь при открытой поддержке премьер-министра Индии Нарендры Моди индуистскими радикалами принципы «Хиндутвы» («Индии для индусов») резко усиливают межконфессиональную напряжённость в «крупнейшей демократии мира».

Южное «подбрюшье» БСВ составляют Тропическая Африка и Сахель. Последний является тылом исламистских группировок, старейшая из которых — «Аль-Каида в странах исламского Магриба», тесно связанная с радикалами в Марокко, Алжире, Ливии и Тунисе. Война между режимом Каддафи и бенгазийской оппозицией позволила АКИМ получить доступ к ливийским арсеналам, что превратило группировку в наиболее сильную вооружённую структуру Сахеля. При этом западные эксперты часто принимают на веру джихадистские лозунги, которыми прикрывают свои интересы сепаратисты, а также многочисленные криминальные группировки и наркокартели Сахары и Сахеля.

Тропическая Африка, включая крупнейшую страну этой части континента, Нигерию, — зона историче-

ского конфликта между христианами и мусульманами, усиленного трайбализмом. Возможности, которые Африка предоставляет для пополнения радикальных группировок как их ресурсная база и тыл — до ЮАР включительно, превращает Чёрную Африку в важный плацдарм исламистов. После устранения конкурентов в лице Египта и Ливии «дирижёрами» в Африке остались Саудовская Аравия в партнёрстве с США и Катар, опирающийся на Францию. Свою игру в регионе в поставках оружия и разработке сырья, в том числе уранового, ведёт Иран и, с нарастающим успехом, Турция.

Северной периферией Ближнего и Среднего Востока являются Центральная Азия, Закавказье и Балканы. Постсоветские мусульманские республики, Синьцзянь-Уйгурский автономный район (Восточный, или Китайский Туркестан), Албания, Косово, Македония и Босния — поле конкуренции различных исламских проектов. Турция, Иран, Саудовская Аравия, Катар и Пакистан имеют здесь свои взаимопересекающиеся интересы. Регион привлекателен для исламистских структур, от «Братьев-мусульман» до «Аль-Каиды» и ИГ, однако на большей его части из-за противодействия местных правительств исламисты могут достичь лишь ограниченных успехов.

Особенно уязвимы перманентно нестабильные зоны, прошедшие гражданскую войну: Таджикистан, Киргизия и Балканы, а на последних Босния. В отдельных районах этих стран салафиты живут в компактных поселениях, за пределами действия государственных законов. В других, как в постсоветских республиках, Китае и неисламских странах, входивших в состав бывшей Югославии, не имеют таких возможностей — по крайней мере на момент написания настоящей

книги. Хотя стремятся к автономии и по мере сил пытаются добиться создания там шариатских зон, обеспечивающих её, как они обеспечили её в Европе.

Влияние Ирана и Турции в Центральной Азии и Закавказье ограниченно. В Таджикистане Иран имеет прочные позиции в экономике, но в религиозной сфере инициативы шиитских властей ИРИ блокируются местными суннитскими лидерами. Азербайджану в сближении с Ираном мешает позиция последнего по Карабахскому конфликту (Тегеран последовательно балансирует между Арменией и Азербайджаном) и неприятие Баку доминирующей политической роли как ислама, так и пантюркизма. При этом периодически Анкара и Баку прокламируют близость на почве общего тюркского прошлого, но попытки президента Эрдогана доминировать в их отношениях последовательно их портят.

Туркменистан ограничивает сотрудничество с Ираном инфраструктурными проектами и газовым транзитом. Неформальное влияние на местную элиту оказывается Анкарой и Тегераном через их культурные центры. Основной проблемой региона является контрабанда оружия, наркотрафик и роль, которую он выполняет как транзитная зона для перемещения в Европу, Россию и Китай террористов.

С 2015 года на южной, афганской границе от Туркменистана до Таджикистана отмечено нарастание исламистской угрозы, которая заставляет говорить о подготовке к «Центральноазиатской весне» — силовому смещению светских правительств и попытке перераспределить потоки энергоносителей. Справиться с исламистами без поддержки извне в случае реализации этого проекта правительства региона не смо-

гут — и это заставляет их выбирать между Россией и США в качестве потенциальных союзников.

Отметим, что в борьбе «центров силы» на БСВ после исчезновения из числа претендентов на лидерство Ирака и Сирии и ослабления Ливии и Египта осталось две группы проектов, определяющих будущее региона: религиозно-финансовые и имперские. Первые — инициативы Саудовской Аравии и Катара, отражающие сложное переплетение экономических и политических интересов их высшего руководства. Вторые демонстрируют Турция и Иран. Ограничение и пресечение интересов этих стран — предмет конкуренции исламистских «сетевиков» и заинтересованности соперничающих между собой «великих держав». Меняющийся расклад сил между догматичным Эр-Риядом, более современной Дохой, динамичной, всё более исламизирующейся Анкарой и Тегераном представляет чрезвычайно любопытную картину для внешнего наблюдателя.

Глава 13
Немного об А-бомбах — шиитской и суннитской

Возможно ли было силовым путем остановить иранскую ядерную программу? Был ли шанс у мирового сообщества убедить Иран сделать это добровольно, без подписания в 2015-м году «ядерной сделки»? Ответ на оба эти вопроса сугубо отрицательный. Иранская ядерная программа в корне отличается от японской, южнокорейской или нидерландской. Можно было соглашаться с экс-директором израильского Моссада Меиром Даганом, который полагал, что Иран получит возможность производства ядерной бомбы к 2015-му году. Можно было спорить. Но то, что на момент написания этих строк у Исламской Республики достаточно расщепляющих материалов для производства 510 ядерных боезарядов, она далеко продвинулась в производстве носителей и ведёт работы над боеголовками, более чем реально.

Опасность для США и Европы со стороны Ирана представляется чисто гипотетической. Иранская ядерная бомба — индульгенция для правящего в Тегеране режима, гарантирующая его неприкосновенность. Се-

годняшний Иран — агрессивный режим имперского типа, претендующий на статус региональной сверхдержавы, культивируя экспорт исламской революции для внешнего употребления в шиитском мире и персидский национализм для употребления внутреннего. Непосредственную угрозу он представляет только для своих соседей по Персидскому заливу и, в силу идеологических причин, для Израиля.

Как представляется, остановить его «у порога» изготовления ядерного оружия не удастся, как не удастся предложить что-либо взамен. Не было ничего, что могло бы остановить в аналогичной ситуации Советский Союз времен Сталина и Китай эпохи Мао. Ядерное оружие для Ирана — символ прорыва в «первые ряды», билет в «ядерный клуб» и подтверждение статуса «великой державы». Дело не только в правящей элите — оппозиция, когда и если бы она имела шанс прийти к власти, причем не только религиозные лидеры «Зелёного движения», но и либералы, точно так же развивала бы ядерную программу, как «неоконсерваторы» президента Ахмади Нежада, разве что без его воинственной риторики. Вопрос лишь в том, применит ли Иран ядерное оружие, получив его, против Израиля?

Израильское руководство рассматривает любые варианты развития событий в отношениях с Ираном, включая силовые, сколь бы недостаточными ни представлялись усилия в этом Израиля без поддержки со стороны США. Впрочем, история с компьютерным вирусом, поразившим иранскую ядерную станцию в Бушере, демонстрирует новые сценарии развития событий. В принципе, удар по иранским ядерным объектам не исключён. Как представляется, Израиль в одиночку способен гарантированно поразить не ме-

нее трети и не более половины их. Соединённые Штаты, в свою очередь, могли и могут уничтожить все известные иранские ядерные объекты, а также, в случае принятия соответствующего решения, разрушить военный и экономический потенциал Ирана.

Вопрос об асимметричном ответе ИРИ оставим в стороне. Даже блокирование Ормузского пролива не станет фатальным для мировой экономики: к высоким ценам на энергоносители она приспособилась, а пролив будет деблокирован за 34 месяца. Однако, если удар будет нанесен не по Ирану в целом, что представляется маловероятным, а только по иранским ядерным объектам, он будет эффективным лишь в случае проведения наземной операции, в текущей ситуации исключенной. Американские войска и блок НАТО проявили себя как неэффективная военная сила в Ираке и Афганистане. Операция НАТО в Ливии продемонстрировала отставание альянса от задач, которые ставит перед ним регион. Провал «миротворцев» в Западной Сахаре, Судане и Ливане вообще ставит под вопрос дееспособность воинских контингентов Запада на Ближнем и Среднем Востоке.

Для ведения действий на территории Ирана, которые являются единственным способом гарантированной «зачистки» его ядерных объектов, необходима двухмиллионная армия. Причём армия, готовая воевать, как американцы и, в отдельных случаях, англичане, а не «демонстрировать флаг», как войска Италии, или вести «гуманитарные операции», как немецкий бундесвер. Такая армия в современном мире есть только у Китая. Но Иран, ядерный или неядерный, не представляет для КНР никакой угрозы, являясь партнёром, поставщиком углеводородов и перспективным рынком инвестиций и товаров. Участие

Китая в военной операции против Ирана полностью исключено, да и к экономическим санкциям против Тегерана Пекин присоединился в минимально возможной без урона своего статуса на международной арене степени.

Санкции эти оказали на Иран значительное воздействие, снизив его возможности по продвижению к ядерному статусу и замедлив темпы этого продвижения. Не стоит, однако, преувеличивать итоги попыток принуждения ИРИ к отказу от развития ядерной программы экономическими методами. Замедлить, но не остановить — предел возможности санкций, компьютерной атаки, израильского военного удара или американской ракетно-бомбовой атаки, без наземной операции. Причём не стоит полагать, что атака такого рода или экономическое давление могли бы в Иране привести к смене режима.

Поддержка Западом любого иранского политика или политического движения сделает его нелегитимным в глазах избирателей. Удар по Ирану консолидирует массы вокруг руководства страны. Президент США Барак Обама с иранской ядерной бомбой смирился так же, как с потерей влияния в Ираке и Афганистане после вывода оттуда американских войск. Да и разрушение режима нераспространения, неизбежное после появления у ИРИ ядерного оружия, не слишком его волновало. Именно поэтому он посчитал оптимальным заключение с Ираном соглашения, которое оставляло иллюзию того, что Тегеран пошёл навстречу Западу, а не того, что Запад смирился с неизбежным.

Единственным возможным «светом в окне» в сложившейся после подписания «ядерной сделки» ситуации для того, чтобы «развести по углам ринга» Иран

и Израиль, является перспектива подписания Ираном и Израилем «в разных комнатах» под патронажом «великих держав» обязательства о ненападении друг на друга с применением ядерных технологий. Эта декларация минимизирует возможность ведения Иерусалимом и Тегераном ядерной войны. Проблема в том, что Израиль при необходимости гарантии такого рода Ирану предоставит — и это неоднократно подтверждалось высшим руководством этой страны, однако Иран не предоставит ответные гарантии, поскольку не готов заключать с Израилем соглашения любого рода.

Позиция Ирана основана на опасности для режима отступления от идеологии, стержнем которой является непризнание права Израиля на существование. Так что миру предстоит смириться с ядерным Ираном и возможностью большой региональной войны между ним и Израилем — в будущем с возможным применением ядерного оружия. Это будет мир, где около 30-ти государств из 40, имеющих технологическую возможность производства ядерного оружия, могут последовать примеру Ирана и будут его иметь, при том, что порог его применения будет значительно снижен.

Что касается Пакистана, ядерная безопасность и уровень исламистского терроризма не только на территории Исламской Республики Пакистан и её соседей, но и в США, ЕС и России во многом зависят от того, кто правит в Исламабаде, что делает руководство пакистанской армии, с кем и в какой степени сотрудничают пакистанские спецслужбы. На протяжении первых 3-х десятилетий его существования Пакистан рассматривался мировой политической элитой

лишь как антипод Индии. Затем — как тыл войны против СССР в Афганистане и «куратор» афганского «котла с неприятностями» после ухода оттуда советских войск. Сегодня он формально — союзник НАТО в борьбе с талибами, «Аль-Каидой» и ИГ, но среди террористов, задерживаемых в США и Великобритании, всё больше пакистанцев.

Ядерные объекты Пакистана, безопасность которых рассчитывалась на основе сценариев конфликта с Индией, недостаточно защищены от удара из Афганистана. Свидетельством этого стали атаки террористов на авиационный комплекс в Камре близ Исламабада в 2007-м и 2009-м годах, склад ракет с ядерными боеголовками на базе в Саргодхе в ноябре 2007 года и оружейный комплекс в Вахе, где собираются ядерные боеприпасы, в августе 2008-го.

Для предотвращения угроз такого рода Управление стратегического планирования Ядерного командования Пакистана приняло ряд мер. В мирное время ядерное оружие разобрано, боеголовки дезактивированы, отделены от ракет-носителей и хранятся в засекреченных, хорошо охраняемых местах. В случае угрозы войны риск успеха террористической атаки повышается, поскольку в Пакистане при передаче ядерных активов от гражданских структур армии приоритет отдаётся секретности, а не усилению конвоев, уязвимых для внешнего противника.

Проблема усугубится, если до перемещения боеголовки будут собраны: в разобранном состоянии пакистанские ядерные боеприпасы, вероятно, оснащены механическими, а не электронными кодоблокирующими устройствами. Разумеется, даже в случае захвата ядерного боеприпаса талибами или «Аль-Каидой»,

для того чтобы использовать его, нужно знать коды и смонтировать устройство на самолёте или ракетеносителе. В противном случае он может быть использован только как «грязная бомба» или радиологическое оружие.

Куда выше риски, связанные с человеческим фактором. Один из них — возможность утечки расщепляющихся материалов на стадии производства, которую могут осуществить учёные-ядерщики. Если это будет делаться постепенно, не исключён успех таких действий: учёт всех ядерных материалов, изготовленных в Пакистане за последние 20 лет, невозможен, и прецедент Абдул Кадыр Хана подчёркивает это. Угроза носит практический характер: исламисты вербуют в свои ряды учёных и армейских офицеров. Пример этого — «дело физиков-ядерщиков», в ходе расследования которого был установлен факт встреч в Афганистане в ноябре 2001 года отставных сотрудников Пакистанской комиссии по атомной энергии Султана Башируддина Махмуда и Абдул Маджида с бен-Ладеном, другими руководителями «Аль-Каиды» и лидерами «Движения Талибан».

Для снижения угроз такого рода в Пакистане приняты Программа надёжности человеческого фактора и План действий по ядерной безопасности. Государственный переворот, осуществлённый радикальными исламистами, в Пакистане маловероятен: на выборах они не набирают более 11% голосов избирателей. Политическое убийство, провоцирующее конфликт с Индией, которое позволило бы радикалам развязать ядерную войну или взять под контроль ядерные арсеналы страны, также не имеет шансов на успех. Управление ядерными активами в Пакистане дивер-

сифицировано, его осуществляют не менее 10-ти высокопоставленных военных и гражданских чиновников, в критической ситуации замещающих друг друга.

Вопрос о безопасности ядерного комплекса Пакистана (около 120-ти зарядов, носители всех типов и оборудование полного ядерного цикла), функционирующего в закрытом режиме и контролируемого узкой группой представителей высшего военного руководства страны, имеет мировое значение. Ряд ядерных объектов, в том числе урановые копи Исса-Хел и Кабул-Хел, атомная электростанция в Чашме и полигон Чагаи-Хиллз в провинции Белуджистан, где Пакистан провел ядерные испытания в мае 1998 года, расположены у западной границы, в зоне активных действий белуджских сепаратистов. Отсутствие у мирового сообщества планов в отношении ядерной программы Пакистана в случае его дезинтеграции усугубляется противодействием дискуссиям на эту тему со стороны пакистанского военного командования.

Информация к размышлению

Теория и практика джихада

В своё время именно проводимая шахом в Иране по западным рекомендациям модернизация привела к возникновению там Исламской республики. Точно так же формирование при поддержке Запада оси Саудовская Аравия—Пакистан для противостояния СССР в Афганистане породило моджахедов, создало «Аль-Каиду» из «афганских арабов», привело к власти талибов и вернулось в США терактом «9/11». Как там у древних скандинавов было с мировым змеем, ко-

торый сам себя кусал за хвост? Подобное порождает подобное, и исламский терроризм, порождённый для того, чтобы убивать «шурави», начал убивать американцев.

«Братья-мусульмане» и другие религиозно-политические движения исламского мира, приходящие к власти в одной арабской стране за другой на основе самых что ни на есть честных демократических выборов, — политическая реальность сегодняшнего Ближнего Востока. Исламисты успешно противостоят светским режимам, монархиям и традиционалистам, а демократизация становится основой дестабилизации и усиления радикального политического ислама. Политологам и политтехнологам западной школы это кажется странным. На самом деле всё это в старые времена описал ещё Лафонтен, а до него античные греки: змею приручить нельзя. Сколько её ни отогревай на груди — укусит.

Запад, с его либеральными иллюзиями и попытками влиять на ситуацию в регионе, не понимая сути происходящего там, стал источником финансирования и политического влияния исламистов. Теория и практика джихада по-прежнему делят планету на мир меча и мир ислама. Меняются заказчики и исполнители, но не основы миропонимания местного населения. И, кстати, политический ислам, вопреки отечественным «полезным идиотам», лоббирующим союз с ним против Запада, вряд ли может быть союзником России в противостоянии с США и их союзниками. Россия для него ничем не лучше. Хотя кому тут что докажешь...

Возникшие на Ближнем и Среднем Востоке исламистские структуры — от умеренных, как тунисская

«Ан-Нахда», до радикальных, наподобие ставшей интернациональным брендом «Аль-Каиды», распространились и укоренились далеко за пределами региона. Сегодня именно Запад — их основная финансовая, а зачастую и кадровая база. Европейские исламские общины шлют огромные деньги на джихад тем, кто воюет «с неверными» в Сирии, Ираке и Афганистане. Да и поток европейских джихадистов, едущих на войну в Двуречье к ИГ и «Джабхат ан-Нусре» впечатляет своими размерами. Волна политических конфликтов в арабском мире и Африке используется исламистами Европы для возвращения в светские республики БСВ, где они были ослаблены или уничтожены авторитарными режимами.

Возвращение джихадистов на их «исторические родины» в Машрике и Магрибе имеет перед собой в качестве стратегической задачи построение там исламских государств или (задача-минимум) закрепление во власти. Формирование устойчивого большинства в местном парламенте или парламентской фракции, достаточно крупной для участия в коалиционном правительстве, с постепенной исламизацией правящей элиты и введением норм шариата на основе демократического голосования — менее быстрый, но более надёжный путь к конечной цели (государству, основанному на законах шариата), чем теракты и революции. Хотя крови на этом пути в конечном счёте может пролиться не меньше.

Оптимистичные прогнозы западных аналитиков и израильских левых политиков относительно будущего светской демократии на БСВ, основанные на отсутствии зелёных знамён в рядах протестующих в Египте и Тунисе в ходе «Арабской весны», имеют

мало общего с действительностью. Осторожность и постепенность, сочетание умеренных заявлений в отношении Запада, медленное наращивание уровня конфликта с Израилем без чрезмерного напряжения экономики и потери боеспособности армии, зависящих от сохранения отношений с США, опора на политическое и дипломатическое лобби на Западе — основа современной политики исламистов, дорвавшихся до рычагов управления. Что, придя к власти, блестяще продемонстрировал в Турции Реджеп Тайип Эрдоган.

С 50–60-х годов XX-го века — со времён президента Эйзенхауэра, первого западного лидера, использовавшего политический ислам в «холодной войне» и первых лет существования «мюнхенской мечети», ставшей европейской штаб-квартирой «Братьев-мусульман», была построена основа сетевой структуры этой организации. Она была создана руками таких лидеров, как Саид Рамадан, Махди Акеф и Рашид Ганнуши. Система эта до сих пор действует по всему западному миру. Этноконфессиональные гетто, мечети, исламские общинные центры и студенческие клубы в Европе, Северной и Латинской Америке стали такой же базой исламистов, как поставляющие им боевиков лагеря беженцев в Африке и на БСВ.

Особенностью исламистской системы является тесная связь террористического подполья с наркоторговлей и криминальными этническими группами. Отдельные ячейки отличаются высокой, а иногда и полной автономией, не связаны с одним-единственным центром, опираются на самофинансирование, семейные и личные связи участников со странами исхода (так, МИД Великобритании ежегодно фиксирует око-

ло полутора миллионов поездок граждан этой страны в Пакистан).

Значительная часть финансовых средств в этой системе передаётся по неформальным каналам «хавалы», без использования банковской системы. Нарастающую роль в вербовке и подготовке кадров, идеологической обработке мусульманского населения и борьбе за молодёжь играет Интернет, в котором в настоящее время действует более 11-ти тысяч исламистских сайтов на различных, в том числе европейских, языках. «Виртуальный джихад» в Европе давно заменил традиционные сетевые террористические организации. Причём концепция «индивидуального джихада», при которой любая структура отсутствует в принципе, а исламист «дозревает» до состояния, при котором готов совершить теракт, за домашним компьютером, практически не оставляет шансов силовикам на превентивные действия.

В странах Запада различные исламистские группы и организации делят сферы влияния в зависимости от происхождения местных мусульманских общин. В Испании они опираются на выходцев из Марокко и Алжира. Во Франции — из Марокко, Алжира, Туниса, Сирии и Ливана. В Италии — из Туниса и Ливии. В Германии — из Турции, Ирана и арабских стран. На территории Бенилюкса основу радикалов составляют арабы и сомалийцы. В Швейцарии и Латинской Америке — арабы и иранцы. В Великобритании и Канаде — арабы, пакистанцы и выходцы из других стран бывшей Британской Индии. В Скандинавии сильны позиции пакистанцев и сомалийцев. В Греции и на Кипре — сирийцев, ливанцев и палестинцев. В США — выходцев из Южной Азии, Ливана, Сирии,

Ирана и Сомали. Интеллектуальные центры ислама на Западе — Париж и Лондон. Среди радикальных муфтиев в мечетях много палестинцев и пакистанцев. Штаб-квартира наднационального руководства — Швейцария.

Современная структура международных исламистских организаций напоминает Коминтерн или воплощение на практике «Протоколов сионских мудрецов» — одной из самых популярных книг, распространяемых радикальными исламистами в исламском мире и за его пределами. Стратегия контроля над местной исламской общиной, тиражируемая от страны к стране, включает в список первоочередных объектов школы, мечети и благотворительные фонды. Их основными спонсорами выступают, как правило, Саудовская Аравия, Катар и Турция, а в случае шиитов — Иран. Школа позволяет контролировать и рекрутировать молодёжь. Мечеть — верующих. Благотворительный фонд — деньги и тех, кто эти деньги жертвует. А также тех, кто нуждается в пожертвованиях.

Радикальные организации исламского мира, включая военно-политические и террористические группировки, имеют на Западе филиалы или представительства, которые стремятся наладить контакты с правительствами и спецслужбами стран пребывания. Теракты на территории этих стран, как правило, совершают не базирующиеся там на постоянной основе «умеренные» исламисты, а формально не связанные с ними радикальные группировки, что представляет собой не более чем распределение функций. «Умеренные» в одной стране часто выступают в качестве радикалов в другой, используя особенности законода-

тельной практики стран Евросоюза. Особенно помогает им законодательство Франции, Великобритании и стран Скандинавии.

Даже «Ан-Нахда», воссозданная 1 марта 2011 года Ганнуши, самая влиятельная после роспуска бывшей правящей партии политическая сила Туниса, привержена жёсткому толкованию Корана, «не исключала» введения шариата, включая телесные наказания, и поддерживала получение женщинами меньшей доли наследства. Что говорить об остальных… При этом радикальные группировки, копившие силы к уходу США из Ирака и Афганистана и пропустившие первый этап волнений в арабском мире, вследствие которых сменилась власть в Тунисе и Египте, резко интенсифицировали свою деятельность, увидев результаты «Арабской весны».

«Аль-Каида в странах исламского Магриба», возглавляемая Абу Мусабом Абдель Вадудом, попыталась уничтожить президента Мавритании Мохаммеда ульд Абдель Азиза и начала готовить теракты в Алжире и Франции. В ливийской Киренаике было объявлено о возникновении в Эль-Байде и Дерне «исламских эмиратов» и укрепила позиции салафитская «Аль-Джамаа аль-Исламия аль-Мукатиля», в составе которой воевали ветераны афганской «Ливийской бригады», насчитывавшей свыше тысячи человек. В Сомали интересы Саудовской Аравии представляла «Ахль Сунна валь-Джамаа», а поддерживаемое через Эритрею Катаром движение «Аш-Шабаб», связанное с пакистанской «Аль-Каидой», контролировало юг страны, включая порт Кисмайо.

В Йемене большинство улемов и шейхов, во главе с лидером исламистов шейхом Зиндани, поддержало

против президента А. А. Салеха оппозиционную «Лику Муштарака». «Братья-мусульмане» организовали массовые выступления протеста в Иордании — впервые с «Чёрного сентября» 1970 года и Сирии — первый раз после разгрома их мятежа в городе Хама в 1982-м году.

Правда, к началу 2016 года волна сошла на нет. «Братья-мусульмане» потеряли Тунис и Египет (последний в пользу военных), не смогли стать ведущей политической силой в Сирии, а в Ливии были поставлены на грань выживания в столкновениях с салафитскими группировками и светскими частями генерала Х. Хафтара. В Йемене оппозиционный союз племён распался. В конечном счёте «Братьям» пришлось опираться исключительно на Катар и Турцию, да и те одновременно поставили на «Исламское государство».

Примером возникновения самовоспроизводящейся системы организации джихада служит современный Пакистан. Лавинообразное расширение системы религиозного образования в этой стране и провал её реформы, инициированной в 2001-м году президентом Первезом Мушаррафом, стали победой религиозных экстремистов. Лишь 507 из более чем 15-ти тысяч пакистанских медресе, зарегистрированных Федеральным ведомством религиозного образования, вместо 8 тысяч запланированных, приняли участие в реформе. Что, говоря простым русским языком, означает её полный провал и несостоятельность пакистанского государства в попытке установить контроль над исламистскими радикалами.

Катастрофичность ситуации подчёркивает неразбериха в учёте, проводимом государственными ведомствами и общественными организациями. Все-

пакистанская Ассоциация теологических семинарий включает более 20-ти тысяч медресе, не считая 5-ти тысяч незарегистрированных, но, по данным Федерального министерства по делам религий, государственную регистрацию получили менее 10-ти тысяч. Формально после терактов в Лондоне в июле 2005 года, где прослеживался пакистанский след, все медресе, не прошедшие государственной аудиторской проверки до 31 декабря 2005 года, подлежали закрытию, а студенты-иностранцы — депортации. Фактически этот указ был проигнорирован в масштабах всей страны.

Речь идёт о почти 3-х миллионах учащихся и десятках тысяч преподавателей, причём более 2-х с половиной миллионов студентов принадлежат к 12-ти с половиной тысячам ортодоксальных медресе неосалафитского типа движений «Деобанди» и «Ахли-Хадис», выступающих за создание государства исключительно на принципах «очищенного» ислама. Их представляют такие группировки, как «Лашкар-и Тойба», «Хизвит Техрир», «Джайеш-и Мухаммад», «Харкат-ул Муджахидин», Сипайи — Сахаба Пакистан» и военизированная «Лашкар-и-Джангви», действующая в Панджабе, из 35-ти округов которого активность экстремистов растет по меньшей мере в 26-ти.

Влияние радикалов, которые в 80-е годы XX-го столетия были сильны лишь в Северо-Западной Пограничной Провинции и Кашмире, сегодня распространилось по всему Пакистану. Борьба за систему религиозного образования — часть их противостояния с властями. Символом её стали события в столице: штурм армией в июле 2007 года Красной мечети, студенты и преподаватели которой потребовали

введения в стране шариатского правления, и двойной теракт боевиков-смертников в октябре 2009-го в Международном исламском университете. Последующие события, включая теракты в школах для детей военных и серия волнений и демонстраций радикалов в столице Пакистана в 2010-х годах продолжили эту традицию.

Подготовка смертников в Пакистане поставлена на поток. В учебных лагерях на территории Северного и Южного Вазиристана, в агентствах Оракзай, Баджаур и Моманд нередки европейцы пакистанского происхождения, приехавшие на историческую родину в качестве студентов. Часть их изначально придерживалась радикальных взглядов, другие приобрели их во время учёбы. Именно смертник провёл резонансный теракт против христиан на пасху 2016-го года в Пенджабе.

Примерно в 20% пакистанских медресе, контролируемых радикальными исламистами, помимо религиозных предметов преподаётся военное дело, изготовление и использование взрывных устройств. Многие выпускники, в том числе принадлежащие к обеспеченным и образованным слоям общества, участвуют в джихаде на территории Афганистана или Ирака. Значительная часть их возвращается в страны, откуда они приехали, формируя там террористические сети, состоящие из самостоятельно действующих одиночек.

Такие всё чаще встречающиеся «спящие кроты» с подлинными документами страны проживания ничем не отличаются от соседей, не поддерживают связь с единомышленниками, не получают финансирования извне, принимают решения о проведении теракта на произвольно выбранном ими объекте вне какой-ли-

бо системы. Они представляют значительно большую угрозу, чем организованные террористические ячейки. Теракты, которые они готовят, могут быть предотвращены лишь непосредственно перед совершением, иногда случайно. Как и произошло в случае с неудавшимся взрывом автомобиля на Таймс-сквере, который пытался организовать живущий в США сын вице-маршала пакистанских военно-воздушных сил Файсал Шахзад.

Исламские радикалы широко представлены в британских университетских кампусах, к их числу принадлежат многие из сотен тысяч пакистанцев, въехавших в Великобританию для получения образования в 2000-х годах. 52 человека стали жертвами взрывов в Лондоне в июле 2005 года, организованных 4-мя выходцами из Пакистана. Взрыв кафе в Тель-Авиве, организованный студентами Лондонского королевского колледжа Омаром Шарифом и Азифом Ханифом, — самый известный теракт за пределами Соединённого Королевства, организованный пакистанцами с британскими паспортами.

География экспорта из Пакистана террористов-смертников, разделяющих идеологию «Аль-Каиды», чрезвычайно широка. Она включает Афганистан, Индию, Центральную Азию, Африку, арабские страны, Канаду, США, Великобританию, ряд других стран и регионов, в том числе Россию, на территории которой готовится действовать созданная в Северном Вазиристане группировка «Джамаат Булгар», состоящая из выходцев из Башкирии, Поволжья, Татарстана и автономий Северного Кавказа.

Ветераны 55-й интернациональной — «арабской» бригады «Аль-Каиды» тренируют будущих террори-

стов в более чем 160-ти лагерях, созданных этим движением и талибами в «зоне племён» на афгано-пакистанской границе. Ряд баз там принадлежит «Чёрной гвардии» — элите «Аль-Каиды». Поддержку каидистам в этом районе Пакистана оказывает «Лашкар-и Тойба» — «Ополчение правоверных». Этнические пакистанцы, американец Д. Колеман и канадец Т. Рана, готовились к терактам против США и Израиля на пакистанских базах этой организации. Одним из её основателей был А. Азам — «духовный отец» Усамы бен-Ладена и других «арабских афганцев», инициатор создания «Бюро по обслуживанию моджахедов» — «Мактаб аль-Хидмат», предтечи «Аль-Каиды».

Именно «Лашкар-и-Тойба», операции которой охватывают Синд, Кашмир и Северо-Западную Провинцию, организовала в ноябре 2008-го теракт в Мумбаи, в результате которого погибло 180 человек, включая 28 иностранцев. Арестованный по этому делу лидер организации Хафиз Мухаммад Саед был освобождён в июне 2009 года Высшим судом Панджаба, что вызвало острый кризис в пакистано-индийских отношениях. Пресса открыто указывала на роль, которую сыграл в принятии этого решения экс-глава Верховного суда Пакистана судья Догар, находящийся в конфликте с амбициозным действующим главным судьёй страны Ифтихаром Мухаммадом Чоудхри.

Особое место среди военизированных исламистских группировок Пакистана занимают талибы, насчитывающие в своих рядах не менее 15-ти тысяч боевиков. 2009-й год был отмечен созданием Панджабо-пуштунского альянса талибов на базе консолидации Движения талибов Пакистана — пуштунов и «Панджабских талибов» — панджабцев, воевавших

в Афганистане в составе пакистанской военизированной группировки «Харкат-ул Джихад-ул Ислами». Истоки объединения восходят к подавлению армией в 2007-м году беспорядков в исламабадской Красной мечети, после которого более 5-ти тысяч учащихся панджабских медресе скрылись в Южном и Северном Вазиристане, на территории, подконтрольной пакистанским талибам.

Активизация террористической деятельности талибов, каидистов и близкой к ним группировки «Хаккани» вызвала действия американцев и пакистанской армии, следствием которых стала смена на протяжении полугода 3-х лидеров пакистанских талибов: уничтоженных БПЛА Бейтуллу Мехсуда и его преемника Хакимуллу Мехсуда в феврале 2010 года сменил Маулеи Нур Джамал. При этом на начало 2016 года эксперты отмечали раскол талибов и появление в Афганистане неподконтрольных Пакистану группировок, ориентирующихся на Катар. Смерть верховного лидера «Движения Талибан» муллы Омара несколько лет скрывалась его окружением именно для того, чтобы пакистанские спецслужбы могли сохранить контроль над ДТ, не делясь им с Дохой.

Сталкиваясь с угрозой потери власти правительства на всей территории страны, включая крупнейшие городские центры, Исламабад проводит против исламистов «зачистки» с использованием тяжёлой техники, авиации и десятков тысяч солдат. Так, операции 2008–2009 годов на Территории племён федерального управления (FATA) — в Южном и Северном Вазиристане, стали следствием атак боевиков «Техрик-е-Талибан Пакистан», «Исламского движения Узбекистана» и «Аль-Каиды» на генеральный штаб, военную академию и штаб-квартиру спецслужб Па-

кистана в Равалпинди, в 15-ти км от столицы. Говоря проще, радикальные исламистские группировки, которые готовились Пакистаном для использования в Кашмире против Индии и в Афганистане против воинского контингента СССР, осознали свою силу и начали борьбу за власть «на местах».

Разгром в долине Сват Северо-Западной Пограничной Провинции «Движения за установление шариата» — «Техрик Нифаз-и-Шариат» стал итогом нарушения исламистами заключённого с правительством Пакистана соглашения о функционировании судов шариата наряду со светскими судами. После того как президент Асиф Али Зардари подписал соответствующий договор, лидер Движения Маулана Суфи Мухаммад объявил об увольнении всех судей в Малаканде, кроме практикующих исламское право, а менее чем через месяц сторонники Движения взяли под контроль административные центры Свата и дошли до Бунера, в 100 км от Исламабада. Получающий возможность ухватить палец неизбежно пробует откусить всю руку...

Вовлечение радикальных структур в протестные движения в исламском мире вслед за «умеренными» вовсе не означает их отказа от джихада против Запада. Ряд факторов осложняет применение террористическими организациями ядерного оружия, чего боится западное сообщество. При этом «Аль-Каида» и такие группы, как «Техрик-е-Талибан Пакистан» («Пакистанское движение Талибан») и ИГ пытаются получить химическое (в Ливии и Ираке), биологическое (в Индонезии) и ядерное (в Пакистане) оружие, последнее — в виде «грязной бомбы». Использование ими химического оружия в Сирии, отмеченное даже инспекторами не слишком поворотливой ООН (зарин

и иприт) демонстрирует, что они вполне способны добиться успеха.

Конкуренция и открытое противостояние исламистских организаций из-за борьбы за спонсоров, идеологических и конфессиональных разногласий не исключают тактического совпадения интересов и возможности борьбы против общего врага, в качестве которого для большинства из них выступают США и Израиль. При этом деятельность радикальных структур, как показывает пример «Аш-Шабаб», могут, наряду с авторитарными арабскими режимами, исходя из текущих интересов, поддерживать страны, которые Запад рассматривает как своих союзников. Последнее осложняет борьбу с терроризмом, хотя подтверждает тезис о том, что радикальные исламисты — лишь разновидность «умеренных» и все вместе взятые, они представляют часть внешнеполитических проектов конкурирующих между собой арабских монархий и авторитарных светских режимов.

Глава 14
Диаспоры на Западе

Огромное влияние на внешнюю и внутреннюю политику современной Европы оказывают диаспоры стран БСВ, живущие на её территории. Крупнейшими из них являются арабы (более 7-ми миллионов, в том числе миллион алжирцев и 900 тысяч марокканцев во Франции), турки (около 6-ти миллионов, в том числе 3 миллиона в Германии) и пакистанцы (3 миллиона, из них почти 2 в Великобритании). Не меньшее число «новых европейцев», подавляющее число которых не стремится интегрироваться в принимающее общество, составляют близкие к перечисленным группам по политическим предпочтениям мусульмане из Африки, Афганистана, Бангладеш, Индии и стран Юго-Восточной Азии. Кроме социальной нагрузки, проблем с криминалом и наркоторговлей, они являются идеальной средой для распространения в Европе радикального исламизма.

Эти общины выступают в качестве базы для экстремистов и террористических групп, поставляя контингент для джихада в Ираке, Сирии и Афганистане. Умеренные лидеры оттеснены в Европе на периферию исламской общественной жизни. Итогом стал взрыв-

ной рост популярности в ЕС партий, борющихся с исламизацией Европы и эмиграцией. Маршруты, которые используют на пути в Европу выходцы из стран БСВ, идут через Испанию (включая её марокканские владения, города Сеута и Мелилья), Италию (морем) и Балканы (при поддержке Турции, а также исламистских групп и общин Албании, Косова, Македонии и Боснии).

В 70–80-е годы европейские левые партии, включая британских лейбористов, из популистских соображений поддержали консервативных мусульманских лидеров, провели исламистов в национальные парламенты и призвали общины иммигрантов открыто практиковать их традиции, де-факто поощряя конфликт с коренными жителями. В итоге в настоящее время в Британии, число мусульман в которой составляет 5% населения — около 3-х миллионов человек, более трети мусульман, обучающихся в университетах, считают оправданным убийство во имя интересов религии.

ХАМАС с начала 90-х годов создал свои структуры в Великобритании, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Дании. Результатом стало создание Лиги обороны Англии, подъём популярности ультраправой Британской национальной партии и заявление (вслед за президентом Франции Николя Саркози и канцлером Германии Ангелой Меркель) премьер-министра Дэвида Кэмерона о необходимости пересмотра политики мультикультурализма. Бунты и погромы августа 2011 года, прокатившиеся по кварталам британских городов, заселённым общинами выходцев из бывших колоний, показали, насколько этот призыв запоздал. Рост «евроскептицизма» англичан во многом стал итогом неспособности правительства сделать что-либо для прекращения исламизации страны.

В Германии в начале 2000-х годов число исламистов в 3 раза превышало число правых и более чем в полтора раза — левых экстремистов, а их организационная структура была эффективнее. Наиболее крупные исламистские объединения страны — «Братья-мусульмане», ХАМАС и «Хизбалла». «Братья» начали эту деятельность с момента создания исламской общины в Германии (IGD) в 1960-м году, координируя ее с 1973-го в рамках работы Исламского центра в Мюнхене (IZM). Число «Братьев-мусульман» в Германии — около 2-х тысяч. К их работе подключены Союз трудящихся мусульман в европейских странах (UELAM) и Союз мусульманских студенческих организаций в Европе (UMSO). ХАМАС в Германии (до тысячи членов) был сформирован в 1981-м году на базе палестинского филиала «Братьев-мусульман» (палестинская община страны составляет более 100 тысяч человек).

Число спонсируемых Ираном немецких сторонников «Хизбаллы», обвиняемой в организации терактов в Париже, Буэнос-Айресе и Берлине, в начале 2000-х годов составляло около 800, а в настоящее время — более 3-х с половиной тысяч человек. Её поддерживает руководство IZH, связанное с Советом исламских общин Гамбурга. Организационная база состоит из 30-ти мечетей и объединений исламской культуры, в том числе берлинской мечети имама Резы, гамбургского Исламского центра и Центра имама Махди в мюнстерском Хилтрупе. Информационную поддержку этой деятельности оказывает телеканал ливанской «Хизбаллы» Al-Manar, вещающий на Германию через египетского и саудовского провайдеров.

Стремительными темпами нарастает прозелитизм. Европейцы активно переходят в ислам, в первую оче-

редь во Франции и Дании. В основном это связано с переходом в ислам женщин, выходящих замуж за живущих в странах ЕС мусульман. Многие из них, добиваясь повышения социального статуса в общинах мужей, сопровождают их на джихад в Афганистане, Сирии и Ираке, а овдовев, остаются приверженцами радикалов и выделяются в рядах исламистов активностью, действуя как вербовщицы и пропагандисты (около 20% возвращающихся джихадистов — особенно в Германии и Франции).

Особую категорию приверженцев радикального ислама и кадровый резерв террористов-самоубийц «Аль-Каиды» и ИГ составляют дети и подростки из семей смешанного происхождения. Идеологическая обработка этой возрастной категории начинается с дошкольного возраста, с использованием Интернета, включая мультипликационные фильмы и музыкальные клипы на основных европейских языках.

По данным европейских экспертов, во Франции в начале 2010-х годов 70 тысяч человек ежегодно переходили в ислам, при том, что в 2004-м году во Франции жило только 60 тысяч «новых мусульман». Как показал потрясший Норвегию теракт правого радикала Андерса Брейвика, убившего летом 2011 года несколько десятков норвежцев из леволиберальных кругов, поддерживающих свободу иммиграции, отсутствие парламентских инструментов, призванных остановить исламизацию Европы и сохранить её традиции, открывает широкие возможности для экстремистов. Впрочем, поток мигрантов из Африки и с Ближнего и Среднего Востока 2015–2016 годов показал, что в будущем теракт Брейвика может оказаться историей из «добрых старых времён» Европы.

Согласно данным немецкого Федерального ведом-

ства по защите Конституции, число исламистов в Германии стремительно увеличивается. В 2010-м году в ФРГ активно действовали 29 исламистских организаций, насчитывавших до 40 тысяч членов, в том числе 450 исламистских радикалов, представлявших собой объекты разработки спецслужб. В начале 2010-х годов в стране, по информации Федерального уголовного ведомства (ВКА), расследовалось 350 дел исламистов, а под наблюдением находилось около 1100 человек, в том числе 127 потенциально опасных. К 2016-му году эти цифры увеличились на порядок по всем странам ЕС — поток джихадистов из Евросоюза в Сирию и Ирак и обратно стал настоящей проблемой Евросоюза.

В Нидерландах более 25% выходцев из Марроко и Турции — безработные, а более 50% молодых марокканцев состоит на учёте в полиции. Отношение иммигрантов к стране характеризует убийство в 2004-м году исламистом, подозреваемым в причастности к террористической группировке, в Амстердаме режиссера Тео Ван Гога, снявшего фильм о положении женщины в исламском мире. В итоге основанная в 2006-м году Партия свободы Геерта Вилдерса в 2009-м на выборах в Европарламент получила 17% голосов, заняв 5 мест из 25-ти по национальной квоте. В 2010-м на муниципальных выборах она довела представительство в нижней палате Генеральных штатов с 9 до 24-х депутатов. Вилдерс объявил о создании антиисламской коалиции «Международный альянс свободы», члены которого должны поддерживать Израиль, с представительствами в США, Канаде, Франции, Германии и Великобритании.

Запрет на строительство минаретов в Швейцарии и ношение хиджабов во Франции и Бельгии, анало-

гичные действия общественных объединений и политических партий в других странах Европы говорят о высоком конфликтном потенциале в отношениях европейцев с диаспорами БСВ. Потенциал этот связан отнюдь не с колониальным прошлым или поддержкой Израиля, но с идеей «нового Халифата», частью которого Европа, по убеждению исламистов, должна стать. Причём податливость европейских политиков и их готовность отступать перед любыми, даже самыми абсурдными требованиями, убеждают исламистов, что они успешно продвигаются к своей цели.

Поддержка требований, выдвигаемых арабским миром к Израилю, показательная лояльность к исламистам и предоставление им политического убежища по любому требованию и в любом количестве обостряют противостояние европейцев с их новыми соседями. Пример Швейцарии и Австрии, Восточной Европы и Балкан, Бенилюкса и Скандинавии, включая Данию — жертву «карикатурного скандала», спровоцированного палестинским муфтием Копенгагена, показательное свидетельство этого.

В борьбе с исламистской экспансией в ЕС национальные интересы имеют приоритет над общеевропейскими, что подтвердил конфликт Италии и Франции из-за приёма тунисских и ливийских беженцев, прибывающих на остров Лампедуза. Отказ Брюсселя поддержать Рим, добивающийся распределения живущих на территории «старой Европы» иммигрантов из стран БСВ по вступившим в ЕС странам Восточной Европы, — опасный сигнал для Шенгенского пространства. Меры по восстановлению государственных границ, принятые государствами Балкан весной 2016-го,— «второй звонок» миграционного кризиса.

Похоже, что «европейский проект» может не пережить турецкий эксперимент по исламизации Европы с помощью мигрантов и неспособность европейских лидеров что-либо ему противопоставить, кроме предложения денег Анкаре, требующей минимум $ 20 млрд вместо 3-х или 6-ти, которые ей предложены бундесканцлером Ангелой Меркель и её коллегами. Откупаться от рэкетиров — плохая традиция, и Германии как лидера Европы она касается в полной мере. Впрочем, в своё время Римская империя именно так пыталась откупиться от варваров с севера и востока. Чем это закончилось, известно — её не стало…

Информация к размышлению

Этноконфессиональный баланс и триада власти

На протяжении десятилетий демографические закономерности, определяющие соотношение сил на БСВ, оставались неизменными: в развитых по местным меркам странах рождаемость у мусульман была выше, чем у христиан, а среди самих мусульман у шиитов выше, чем у суннитов. Разумеется, существуют свои особенности. Демографические показатели христиан арабского Машрика, Кипра, Ирана, Турции и даже Пакистана не совпадают с данными по Южному Судану, являющемуся типичной африканской страной. Рождаемость суннитов Ирака или Сирии нельзя сравнивать с показателями суннитских Сомали, Судана, Южного Йемена и Афганистана. Шиитские районы Северного Йемена и Ирака разительно отличаются от Ирана с его падающей рождаемостью.

От схемы шииты—сунниты—христиане есть множество локальных отклонений. И всё же она может считаться базовой для стран БСВ, образующих ядро региона. Особенности его периферии, характерные для Африки и Индостана, частью которых она является в такой же мере, как Ближним и Средним Востоком, отражают условность границ между геополитическими таксонами, в отсутствие непреодолимых преград в виде океанов. Но это теория, а практика конкуренции этноконфессиональных групп на БСВ замешена на крови. Их сосуществование относится к эпохам расцвета региональных империй, колониальной оккупации, умеренных монархий или авторитаризма. В начале XX-го столетия христиане составляли 25–30% населения Машрика. В Ливане их было более 60%. В Сирии — 40%. В крупных христианских городах Палестины — от 70 до 90% и более.

Через 100 лет ситуация изменилась. Многомиллионная христианская община Турции сократилась до минимума: греки были выселены или исламизированы, армяне физически уничтожены или бежали. В арабском мире христиане и прочие этноконфессиональные меньшинства процветали под защитой британских и французских колониальных властей или израильтян, умеренно притеснялись авторитарными правителями и перешли в глухую оборону после их свержения или перехода под контроль собственных лидеров в Палестине при Арафате и его преемниках.

В Ливане десятилетия гражданской войны и ближневосточные демографические законы привели к тому, что число ливанских христиан за пределами этой страны больше, чем осталось в её границах, а среди мусульман доминируют шииты. Христианство на пале-

стинских территориях, контролируемых ПНА, реликт, а в Газе оно практически исчезло. Аналогичная судьба в случае падения режима Асада ожидала христиан Сирии. Единственными странами БСВ, где крупные общины христиан существуют в «штатном» режиме, являются Израиль и Иран. Христианство в арабском мире и Пакистане не имеет будущего отнюдь не только из-за демографии, хотя она играет в его печальной судьбе свою роль.

То же самое касается евреев: сотни тысяч их в начале XX-го века жили в странах БСВ. В совокупности несколько десятков тысяч осталось в Иране, Турции, Марокко и Тунисе. Несколько сотен живут в Сирии. Остальные эмигрировали в Израиль, Европу, Северную или Латинскую Америку. При этом в Израиле и на палестинских территориях можно отметить любопытный феномен: рождаемость в арабском секторе падает, а у евреев стабильна. Объясняется это просто: арабы отошли от расширенной патриархальной модели воспроизводства, а евреи перешли к постиндустриальной, характерной для экономически и социально развитых обществ. Как следствие, с 1960-го по 2009-й год с 9-ти детей на женщину в фертильном возрасте (возрасте деторождения) соответствующий показатель снизился у арабов Израиля и ПНА до 3-х с небольшим, а у евреев с 3-х до 2,9-ти.

Доминирующее положение, которое на протяжении десятилетий занимали в Ираке и Ливане сунниты, осталось в прошлом: демография поставила их в положение обороняющихся перед лицом местной шиитской экспансии. Численное превосходство шиитов в саудовской Восточной провинции и на Бахрейне не перешло в политическое доминирование только из-за силового подавления их выступлений, попытки ко-

торых в 2011-м году поставили перед лицом гражданской войны Манаму и угрожали Эр-Рияду. При этом демография тесно смыкается с политикой: шиитские регионы получают военную, финансовую и политическую поддержку Ирана, суннитские — арабских монархий Залива.

Демографические изменения не влияли бы так на современную политическую реальность, если бы фактор веры на исламском Ближнем и Среднем Востоке не играл такой роли. Проблема региона в том, что религиозные войны, которые у евреев окончились во II-м, а у христиан в XVII-м веках, в мире ислама в начале XXI-го столетия идут полным ходом как на БСВ, так и за его пределами, в диаспоре. Оккупация или иностранный правитель, столица которого находится за пределами БСВ или хотя бы вне конфликтных зон, для населения региона веками означали стабильность. Независимость, напротив, давала возможность сведения всех накопившихся счетов, особенно когда малочисленные подчинённые группы становились большинством. Итоги не радуют.

Борьба за власть на БСВ ведётся между руководством армий и спецслужб, традиционалистами и лидерами исламистских группировок. Большинство правящих элит региона относится к первой группе. Причём свержение верховных лидеров, как показал пример Туниса и Египта в ходе «Арабской весны», отнюдь не означает автоматической потери её представителями власти. Перераспределение полномочий и ресурсов означает приход на первые роли «заднескамеечников» из офицерского корпуса и генералитета. Часто среди них на ведущие роли выдвигаются представители небольших племён или религиозных меньшинств, не играющих заметной роли в торговой и землевладель-

ческой элите, подобно каддафа в Ливии, тикритцев в Ираке или алавитов в Сирии.

Традиционалисты играют решающие роли в управлении «на местах». Их ряды формируют консервативные лидеры религиозных орденов, сохраняющих традиции умеренного патриархального ислама с его суфийской составляющей и местными культами, шейхи и вожди племён и племенных объединений, наследники торговых и аристократических родов. С военными диктаторами и правящими династиями они сотрудничают при условии сохранения их имущества и привычной сферы полномочий.

В то же время конформизм в отношении властей легко сменяется в этой среде оппозиционными настроениями, бунтами или революционными волнениями при покушении на традиции в попытке проведения ускоренной модернизации или присвоении правящим кланом слишком большой доли национального богатства. Примером конфликта первого типа является столкновение в 1979-м году иранского шаха с «базаром» из-за «Белой революции». Второго — «Арабская весна» 2011 года в Тунисе и Египте, а также политический процесс в Турции, закрепивший власть за ПСР.

Исламистские радикалы, как правило, противостоят и силовикам, и сторонникам традиционного уклада. Укоренившееся на Западе политкорректное разделение исламистов на экстремистов и умеренных весьма условно: придя к власти, умеренные открывают дорогу радикалам, а зачастую и сами переходят в их ряды. При этом инфильтрация исламистских идей в силовые ведомства, как это видно на примере Египта, Пакистана и других стран региона, происходит даже в случае борьбы с этим явлением верховного командования. Чистки в армии и её освобождение

от сторонников политического ислама были обычным явлением при Хосни Мубараке в Египте, Саддаме Хусейне в Ираке, Хафезе Асаде в Сирии. Однако эта борьба прекращается после падения авторитарных режимов, после чего исламизация силовых ведомств идёт ускоренным путем.

Некоторые из них превращаются в этноконфессиональные военизированные группировки, как в современном Ираке, где большая часть подразделений МВД является шиитскими «эскадронами смерти», а в армии шииты доминируют во всех провинциях, кроме Курдистана. При этом вырастает роль негосударственных религиозных военизированных подразделений и племенных милиций — Ливан, Ирак, Судан, Афганистан и Пакистан дают этому пример. Что до Ирака, доминирование шиитов в государственных ведомствах и силовых структурах спровоцировало феномен «Исламского государства» с которым Багдад на начало 2016 года не мог справиться.

Сторонники «чистого ислама», которых за пределами БСВ чаще всего называют ваххабитами: салафиты или неосалафиты на протяжении периода, прошедшего после теракта «9/11», перешли от сверхзадачи построения исламского Халифата к реальным проектам, связанным с увеличением своего влияния в отдельных странах исламского мира. Борьба с шиитами и неисламскими общинами, противостояние с западными воинскими контингентами и теракты, призванные добиться вывода западных армий из мусульманских регионов БСВ, — основа их текущей деятельности.

Дискуссия о допустимости и целесообразности ведения военных действий против мусульман, терпимости к местным обычаям и возможности использования их в собственных целях, если обычаи эти про-

тиворечат «чистому исламу», ведётся в рядах лидеров «зелёного интернационала» тем активнее, чем шире их деятельность захватывает регионы исламского мира, далёкие от ваххабитского пуританства, и неисламские регионы. Не менее широкое поле деятельности исламистов всех типов — Интернет.

«Аль-Каида» и ИГ стали брендом и наладили систему распространения идеологии, напоминающую многоуровневый маркетинг, в котором их руководящие органы выступают в качестве консалтингового центра, а непосредственной деятельностью занимаются самофинансирующиеся автономные местные структуры по «франчайзингу». Эта бизнес-схема неудивительна, если учесть, какое количество среди радикальных исламистов насчитывается людей, получивших хорошее западное образование, имеющих опыт маркетинга и работы в современных корпорациях.

Несмотря на значительное число регионов, захваченных радикальными исламистами, государств, целиком находящихся под их контролем, пока нет. Газа, управляемая ХАМАСом, стала первой территорией, где правят «Братья-мусульмане», ответвлением которых является эта организация. Ирак и Сирию им захватить полностью не удалось, хотя многие эксперты полагают, что местные суннитские радикалы к этому и не стремились, добиваясь в первую очередь контроля над районами, населёнными их единоверцами, стратегическими ресурсами (водными артериями и месторождениями углеводородов) и ключевыми дорогами.

В исламском мире, таким образом, движение по кругу между коррумпированными военными автократиями, гражданскими режимами и исламистскими властями, составляет основу политического цикла,

повторяющегося на протяжении десятилетий. Теории о демократии как основе построения гражданского общества современного типа, копирующего западные образцы, хорошо звучат в университетских аудиториях и на международных форумах, но не имеют отношения к действительности. Что означает: жизнь сложнее идей о том, что политический либерализм западного типа является вершиной эволюции человечества и прогресс означает копирование этого типа государственного устройства.

Глава 15
Ближневосточный мирный процесс

По мере приближения окончательного краха иллюзий мирового сообщества и израильтян насчёт возможности разрешения палестино-израильского конфликта при помощи построения рядом с Израилем мирного палестинского государства, израильский левый лагерь безуспешно пытается найти выход из лабиринта, в который сам себя загнал, реализуя миф о «ближневосточном мирном процессе». Попытки эти так же мучительны, как идея родить ежа, и так же трагикомичны. Хотя неизменно оканчиваются человеческими жертвами — за спекуляции и эксперименты политиков неизбежно платят граждане.

Потеря Израилем безопасности обернулась для левых партий этой страны потерей избирателей, уставших ждать на протяжении более чем 2-х десятилетий обещанных «дивидендов мира», обернувшихся «жертвами мирного процесса», как именуют его авторы гибнущих в результате терактов и борьбы с ними евреев и арабов. Признать, что страна на протяжении поколения двигалась по неверному пути, разрушавшему

и разрушающему израильское общество, спровоцировав раскол и деградацию палестинского социума, левые политики Израиля не могут. Продолжать двигаться по этой «дороге в ад» — самоубийство для страны.

Все израильские премьеры с 1992 года шли на выборы под лозунгами безопасности и реализма в отношениях с палестинцами, и неизменно нарушали свои предвыборные обязательства, встав во главе правительства. Секрет этого прост: израильтяне хотят мира и верят, что он возможен, не хотят управлять палестинцами и не очень хотят жить в одном государстве с израильскими арабами, не готовы ссориться с Европой и особенно с США. И что тут делать не слишком понятно — хотя израильское общество и израильтяне как таковые продемонстрировали беспрецедентную способность наступать на одни и те же грабли.

Каждый из них уверен, что Израиль в любой момент разгромит любого противника, на что в палестинском случае понадобятся 2 дивизии плюс авиация и разведка (и это абсолютная правда). При этом ни один израильский политик не представляет, что делать с победой, после которой придётся брать на себя управление и обустройство палестинских территорий, избавиться от которых Израиль хочет любой ценой. Что превосходно понимают их палестинские визави, воюющие против еврейского государства именно потому, что разгрома они не боятся: что, в самом деле, после этого израильтяне будут с ними делать?

Вопросы мира и войны в Израиле во многом зависят от личных предпочтений, клановых интриг и отношений того или иного премьер-министра с прессой и прокуратурой. Эти сплоченные и агрессивные корпорации, исповедующие левую идеологию, склонны закрывать глаза на обвинения в адрес «голубей ми-

ра», за которые четвертуют их правых оппонентов. Политики в Израиле не более бескорыстны, чем во всех прочих странах, и уязвимы для давления таких всевластных, неконтролируемых и де-факто несменяемых чиновников, как глава Суда справедливости или юридический советник правительства, амбиции и полномочия которых напоминают испанского Великого инквизитора.

При этом отличительной чертой израильской политической кухни является отсутствие корпоративной дисциплины и предельный эгоцентризм политиков, готовых в любой момент подставить не только противников, но и коллег из собственного лагеря — этого «террариума единомышленников». Для тех, кто стоял у истоков «мирного процесса», он был тактической комбинацией, призванной лишить власти конкурентов. Никто из них не предполагал и не был способен предположить, чем вся эта авантюра закончится. Точнее — не закончится, поскольку никакого конца тут не предвидится и в помине.

Перес, которому теоретики-миротворцы из левацкого движения «Шалом Ахшав» предложили поставить на Арафата, превратив его из террориста в партнёра по переговорам, хотел избавиться от правительства национального единства, в рамках которого был вынужден сосуществовать с Ицхаком Шамиром и его «Ликудом». Но выстроенная на этом фундаменте система связей израильского истеблишмента с руководством ПНА, международными и европейскими донорами, США и другими коспонсорами «мирного процесса», лидерами Египта, Иордании и арабских стран, официально не имеющих с Израилем дипломатических отношений, превратилась с годами в настоящий гордиев узел.

Само по себе палестинское государство мало кого волнует, хотя страны, где палестинцы живут, включая Израиль, в принципе хотели бы иметь территорию, куда их можно было бы переселить, избавившись от связанных с ними проблем. Другое дело — *процесс* создания этого государства. Регулярно принимаемые и столь же регулярно нарушаемые двусторонние и многосторонние обязательства являются его политической основой. Ежегодные многомиллиардные транши благотворительной помощи, на которые, если бы она шла на те цели, на которые выделяется, можно было бы построить средних размеров государство европейского уровня, является основой финансовой. Несколько десятков тысяч чиновников ООН и других международных организаций и фондов, занимающихся палестинскими беженцами и обустройством Палестины, экспертов из академических учреждений и общественных организаций, правозащитников и журналистов, политиков и дипломатов — кадровой.

За десятилетия «борьбы за права народа Палестины» на ней выросло, сделало карьеру и ушло на покой несколько поколений представителей «мирового истеблишмента». Бороться с этим так же бесполезно, как утверждать в X-м веке, что Земля — шар. Выстраивая внятные условия, обращенные к палестинским партнёрам (при существующем в Израиле консенсусе по поводу того, что никаких реальных партнёров на палестинской стороне у Иерусалима нет), израильский премьер Биньямин Нетаньяху сыграл роль Коперника: его требования можно отвергнуть, но трудно оспорить. Что, впрочем, мало помогает Израилю: иррациональность в мировой политике — правило, а не исключение, и логика — не самое сильное место в деятельности ООН.

Можно только вспоминать, что, в отличие от современных левых постмодернистов, их давние предшественники — «отцы-основатели» современного Израиля, левые прагматики XX-го века, пережившие холокост, знали подлинную цену международных гарантий, верили только в собственные силы и, общаясь с соседями по Ближнему Востоку, разговаривали с ними с единственной принятой в регионе позиции — позиции силы и собственных интересов. Они не занимались строительством палестинского государства — это не было их задачей. Зато построили Государство Израиль.

Вопреки тому, что пишет левая пресса по всему миру, решить проблему сосуществования израильтян и палестинцев военным путём можно при соответствующей политической воле, готовности брать на себя ответственность и нести её в соответствии с региональными реалиями, а не с мертворождёнными теориями, созданными в Вашингтоне, Брюсселе или Женеве. Скорее всего, таким путем её в конечном счете и решат. Вопрос только в том, когда. Но рождение государственности, вопреки устоявшемуся в международной практике мифу, не происходит по мановению руки американского президента или Генерального секретаря ООН. Точнее, всё то, что рождается по их хотению и велению, не переживает испытания историей.

Как ни парадоксально, с точки зрения автора именно ставшие притчей во языцех израильские поселения — включая «незаконные форпосты» в Иудее и Самарии, демонстрируют подлинный, построенный на региональных традициях и реальной ситуации механизм симбиоза израильтян и палестинцев. Шумиха израильской прессы и левых израильских партий

вокруг этих населённых пунктов, дающих палестинскому населению Западного берега, как было в своё время и в Газе, единственные в своём роде экономические возможности, — не более чем реакция неудачников-аутсайдеров на успех соперников из противостоящего политического лагеря.

Антипоселенческие выпады палестинской Рамаллы — попытка сохранить монополию на власть на местном уровне и распределение финансовых потоков — централизованное, забюрократизированное и немыслимо коррупционное. Заявления арабских столиц о недопустимости поселенческой деятельности — рассчитанное на местную улицу прикрытие контактов с Иерусалимом в военной и разведывательной сфере, в рамках неформального антииранского альянса. Риторика политиков и дипломатов США и стран Европы — реверанс в адрес исламского мира. Ну, спекуляции и ложь в политике никто не отменял — и вряд ли когда-нибудь отменит.

Остановить развитие поселений на Западном берегу реки Иордан невозможно, ибо поселенческое движение в Израиле — реальность объективная. Но если «мирный процесс» умер, «палестинское государство» напоминает зомби, договориться о статусе Иерусалима, границах, беженцах и даже просто о признании Израиля еврейским государством не получается и не получится, а говорить политикам о чём-то нужно — почему бы не поспорить о поселениях? Толку ноль. Но процесс, или, как говорится на современном молодёжном сленге, «движуха» идёт. Печальная реальность — но у автора для читателя другой нет…

Отступление четвёртое

Бомба для Ирана

Информация о том, что военная ядерная программа Ирана имеет пакистанские корни, была воспринята Натаном Щаранским без эмоций. Точнее, никак не была воспринята. Пропущена мимо ушей. Проигнорирована. На неё был задвинут болт такого размера, который мог пригодиться в качестве крепления на Бруклинском мосту. Что для него было реакцией характерной. Не в первый раз в своей жизни он реагировал так на сведения, не совпадавшие с его картиной мира. И не в последний.

Коротышка — «полтора метра в прыжке» — с большими амбициями «Толик» Щаранский, бывший узник Сиона, лидер «русской» партии «Исраэль ба-алия», член только что пришедшего к власти правительства Биньямина Нетаньяху, человек, отвечавший за внешнюю политику Израиля, находился в Москве не для того, чтобы выслушивать сказки о пакистано-иранских ядерных связях. И совершенно неважно, кто ему их рассказывал. Хоть лично Спаситель — Машиах в ходе второго пришествия. Хоть царь Давид. Хоть Моше-рабейну или Моше Даян, воскресни они для этой цели.

Он точно знал, что проблема Израиля в отношениях с Ираном — это не мифический «пакистанский след»,

а Бушер. Русские строили в Бушере ядерную станцию. Они должны были отказаться от контракта. В этом была его задача. Его миссия. Цель его визита. И для того чтобы добиться этой цели, он давил, настаивал, требовал. С нулевым результатом, но это только подбадривало. Маленькие ростом люди обычно отличаются повышенным упорством, и Щаранский не был исключением.

Его сбивали с толку. Утверждали, что бушерский проект будет реализован под контролем МАГАТЭ. Пытались объяснить, насколько этот контракт важен для российских атомщиков. Рассказывали об отрасли, находящейся на грани краха. О моногородах, которые не слишком выгодный с экономической и безумно сложный с технологической точки зрения проект Бушера спасал от голода. Пытались говорить об альтернативных западных проектах, предоставление которых России могло быть поводом для пересмотра соглашений с Тегераном. Давали гарантии. Взывали к разуму и совести.

Ему предложили подписать беспрецедентное российско-израильское соглашение по ядерной безопасности, которое выводило обе страны в этой области на уровень стратегического партнёрства, полностью исключавший возможность утечек ядерных технологий военного назначения из России во враждебные Израилю страны. В первую очередь подразумевалось — в Исламскую Республику Иран, раз уж израильтян это так беспокоило. Поскольку контакты с Израилем были для России важны, Москва готова была в полной мере учесть опасения Иерусалима.

Соглашение одобрили Борис Ельцин и Виктор Черномырдин. Против него не возражал Евгений Примаков. Ему дали положительную оценку руководители российских спецслужб. Такое соглашение кто угодно подписал бы с закрытыми глазами. В старые, советские времена любой израильский премьер-министр, министр обороны или

иностранных дел продал бы за него душу. Но только не Щаранский, который, раз во что-то упёршись, переставал видеть всё вокруг. Он понимал одно: его обманывают. Отводят глаза. Отвлекают от Бушера.

Он отказался. Или Россия не будет строить Бушер, или он не подпишет никаких соглашений. Да и вообще, ещё вопрос, кому такое соглашение больше нужно. И не надо говорить с ним о компенсациях — не его это тема. Обсуждать её он не уполномочен и считает разговор о компенсациях очередной уловкой. Никто ничего никому компенсировать не будет. Ни Израиль. Ни Америка. Нечего тут, по его мнению, компенсировать. Не за что и некому.

Ну да, в конце концов, он лично, конечно же, пользуется некоторой популярностью в американском истеблишменте и готов поговорить с кем-нибудь на эту тему, но ответ, скорее всего, будет отрицательным, и, честно говоря, он это понимает. Российская сторона, конечно, разочарована и обескуражена таким подходом, но это не его, а российская проблема. По крайней мере с его точки зрения. Вот примерно так и поговорили…

Говоря по чести, он на самом деле, как и весь Запад, к которому Щаранский причислял если не Израиль в качестве страны, то себя лично, не понимал, зачем давать России, которая, судя по всему, находилась на последней стадии коллапса, какие-то гарантии и тем более платить какие-то компенсации. Не в коня был корм — и видно это было невооружённым глазом. Не жилец была Россия, и демонстрировала это не стесняясь.

Эта страна могла распасться в любой момент. Она практически потерпела поражение в развязанной по инициативе кремлёвского начальства локальной гражданской войне в Чечне. Управлялась не столько правительством, сколько группой олигархов. Стояла на грани дефолта. Не могла справиться с террористами. Да и вообще, с учётом

размера внешнего долга и состояния экономики, должна была быть благодарна за любое внимание извне, даже негативное, а не выкобениваться как выпь на болоте и ставить какие-то условия.

В свете добровольно взятой им на себя высокой миссии борьбы с иранским Бушером информация о Пакистане раздражала. В первую очередь тем, что отвлекала от главного. Но и тем, что это наверняка была дезинформация. Обычная неуклюжая дезинформация, слепленная «на коленке» КГБ, подсовываемая через «правильный» источник и призванная завлечь его на ложный путь, ослабив давление на Кремль на главном направлении. Причём с его точки зрения настолько шитая белыми нитками, что её и проверять не стоило.

Он согласился встретиться в своём гостиничном номере в «Президент-отеле» с человеком, который затронул эту тему, не предполагая, что тот будет говорить именно об этом. Возможно, если бы он знал заранее, о чём пойдет речь, то отказался бы от встречи. Но она уже шла, и единственное, что он мог придумать — быстро и жёстко, в присущем ему уверенном стиле закрыть вопрос. Он его и закрыл, указав на несвоевременность дискуссий по Пакистану, Китаю и любой другой теме, касающейся иранской ядерной программы, кроме Бушера.

Указал на то, что понимает и ценит искренность собеседника — истинного патриота еврейского народа и еврейского государства. Что помнит старые времена, когда он, Щаранский, только что вышел на свободу и его встречали молодые московские еврейские активисты, включая его сегодняшнего собеседника. Что Российский еврейский конгресс, в котором тот является председателем Совета директоров, организация в Израиле уважаемая и советы её руководства будут всегда выслушаны и приняты с благодарностью.

Подтвердил, что занимающиеся Ближним Востоком эксперты института, которым руководит собеседник, — люди, несомненно, профессиональные. Возможно, даже слишком профессиональные. Что собеседник, в качестве президента института, несомненно, верит своим экспертам. И, скорее всего, слишком верит. А верить профессионалам-ближневосточникам с советским опытом работы за плечами он бы лично не стал. И собеседнику не советует. Мало ли чего те порасскажут. Не всё ж им головы Израилю морочить. Не те нынче времена.

Так что у него, Щаранского, человека, много что видевшего в этой жизни, в том числе от организации, являющейся явным источником предоставленной ему информации, нет ни малейшего желания этой информации доверять, эту информацию проверять или иным способом тратить на неё своё крайне дорогое время. Конец деловой части — начало светской беседы с воспоминаниями о добром старом прошлом и приветами общим знакомым. А кстати, как там... Да, а знаешь, у нас как раз случилось... И прочее в том же духе.

Многокомнатный престижный номер в «Президент-отеле», горбачёвской постройки монстре красного кирпича на огороженной территории, главной ценностью которого была охрана, не пропускавшая с улицы посторонних, что гарантировало сравнительно незначительное присутствие в холле уголовников и девушек лёгкого поведения, был полон народу. Обстановка была несколько романтичная — не каждый бывший «Узник Сиона» возвращался на места «боевой славы», в Москву, «на коне» через несколько лет после выхода из заключения.

Общество, как писал по совершенно другому поводу Булгаков, было смешанное. Свита министра включала активистов партии ИБА и неизменного Рому Полонского, состоявшего при Щаранском чем-то вроде адъютанта на

протяжении всей своей и его карьеры. Израильтян из московского посольства — сотрудников службы безопасности, мидовцев из «Мисрад ахуц» и отвечавших за контакты с местными евреями представителей «Лишки» — «Конторы по связям». Каких-то неизвестных — гостю, а не министру. Общей знакомой министра и его гостя по временам «отказа» Наташи Сегев, руководителя израильского культурного центра в Москве.

Пожалуй, именно она, организатор сегодняшней встречи, была единственной, кто всерьёз выслушал рассказ о пакистанских ядерных контактах с Ираном. К сожалению, она могла только назначить встречу. Заставить Щаранского задуматься о чём-то, что не укладывалось в его картину мира, она не могла. Судя по рассказам людей, которые его хорошо знали, это вообще было под силу единственному человеку, и человеком этим была его жена. Но это был явно не тот случай.

На дворе стояло начало второй половины 90-х годов. Только что созданный Российский еврейский конгресс — РЕК был крупнейшим благотворительным фондом и самой влиятельной еврейской организацией России. Миллионы долларов, вложенных в организацию её основателями, складывались в десятки миллионов, причём тратились они большей частью на дело, что для еврейской благотворительности было вовсе необязательно.

Встречи с президентами Соединённых Штатов, России, Франции и Израиля, премьер-министрами Великобритании, и тех же России и Израиля, канцлерами Германии и королями, стоявшими во главе европейских и арабских монархий, создавали ощущение того, что в этом мире возможно всё. Американские миллиардеры и российские олигархи, генеральный секретарь ООП и высшие чины ООН, министры и генералы, дипломаты и ректоры университетов сменяли друг друга в офисе автора.

Россия была ещё совсем новенькая — точно по Киплингу. Элита училась носить смокинги и вести себя за границей. Бизнесы открывались и прогорали с головокружительной быстротой. Чиновники ещё не стали бизнесменами и относились к бизнесменам с пиететом: иногда как к партнёрам, иногда как к врагам. Пресса была абсолютно свободна, хотя журналистов периодически убивали. Телевидение могло обрушить или создать карьеру.

Организованная преступность и занимавшаяся ею милиция ещё не стали единым целым. Наиболее продвинутые бандиты только начали становиться мэрами, парламентариями и губернаторами. Парламент пока был местом для дискуссий, хотя некоторые из них навевали мысли, что лучше бы он был чем-нибудь другим. Для кого-то время развала и анархии. Для кого-то время надежд и свободы. Тебя могли уничтожить, но ты говорил и делал, что хотел.

Отношения России с Израилем развивались бешеными темпами. Сотни тысяч эмигрантов составили костяк «Большой алии», обустраивая страну, которая до их приезда уже смирилась с практически неизбежной левантизацией. Алию из Советского Союза призывали, но никто не ожидал, что она на самом деле состоится. А она состоялась. И хотя никто в самом Израиле ещё не верил в «израильское экономическое чудо», процесс уже пошёл.

Огромная, богатая ресурсами и технологиями страна с развитой промышленностью и наукой, ещё не разваленным образованием и неплохой медициной впервые в истории оказалась в буквальном смысле за их плечами. У них никто не отбирал дипломы и квартиры. Они могли уезжать и возвращаться обратно. Заводить бизнес на «исторической родине» и за её пределами, в любой развитой стране мира, и, получив практический опыт зарабатывания денег, создавать его аналог на родине «доисторической».

Их никто не позорил на собраниях и не исключал из партии — да и партии, из которой их могли исключить, больше не существовало. Как не существовало страны, которой она кое-как правила несколько десятков лет. Директора их заводов и научно-исследовательских институтов видели в них стратегический ресурс развития, источник потенциальных инвестиций и своих представителей за границей — которыми многие из них в конечном счёте на самом деле стали.

Посольство Израиля вернулось в Москву, в особняк на Большой Ордынке — сухощавый разведчик-джентльмен Арье Левин стал первым израильским послом в СССР, а затем и в России. Посольство СССР — и России разместилось в доме на Ха-Яркон, напротив стоящего на знаменитой тель-авивской набережной отеля Шератон — толстый экстравагантный усач, журналист и жизнелюб Александр Бовин стал первым советским и российским послом в Израиле.

Авантюристы всех мастей, почуяв перспективу освоения больших денег, появившихся в России, или привлечённые советской легендой об Израиле как центре западных финансовых и властных институтов, взапуски носились между Москвой и Тель-Авивом. Выглядели они серьёзно. Иногда очень серьёзно. Изредка между ними встречались и по-настоящему серьёзные люди, но они зачастую были куда больше похожи на авантюристов. Поди разбери, кто из них кто.

Наперегонки с ними между двумя странами перемещались в поисках новообращённых и финансовых дотаций от «новых русских» и «новых евреев» раввины и христианские священники всех мыслимых деноминаций, среди которых представители Русской православной церкви, ограниченные её официальным статусом, занимали отнюдь не первое место. Ибо, как сказал то ли премудрый Соломон,

то ли Экклезиаст, то ли они оба в разное время: многие мудрости дают многие печали.

Весь этот кочующий Вавилон подпитывало наслаждение от падения «железного занавеса», запах свободы и предвкушение светлого будущего. История кончилась, и Фрэнсис Фукуяма об этом написал — не без выгоды для издательства и собственной популярности. Кто б знал тогда, как он ошибся и насколько прав был осмеянный оптимистами-политологами за пессимизм Самуэль Хантингтон с его «войной цивилизаций».

Находившийся при советской власти под запретом Израиль стал Меккой для российской элиты, которая эшелонами летела на Святую землю — посмотреть, какая она на самом деле. Запретный плод сладок: летели все. Криминальные авторитеты в надежде оторваться и затеряться. Ночные бабочки за прибылью и фантастической мечтой удачно выйти замуж за миллионера. Либералы и западники потому, что для них Израиль был символом свободного мира.

Евреи ехали к родственникам и присмотреться «на будущее», ежели что. Поскольку Израиль — он для еврея что собою, собственно, представляет? Страховой полис он для еврея, из какой бы страны этому еврею ни пришлось делать ноги. Антисемиты и «патриоты» хотели взглянуть в «лицо врага». Мусульмане из чистого любопытства. Православные — причаститься благодати, пока её опять не закрыли на четверть века. Начальники — прогуляться на халяву. Именно в это время российские дипломаты начали повторять, как мантру: «Лучший визит — несостоявшийся визит».

Обратное движение было не менее активным. Россия, только-только начавшая оправляться от распада Советского Союза и ещё не думавшая о «вставании с колен», оказалась хлебным местом для высокопоставленных визитёров

с Запада в целом и из Израиля в частности. Терра инкогнита. Размером, ладно, не с одну шестую — чуть меньше, это когда ещё такое будет? Опять же можно посмотреть на город или местечко, откуда приехали в болотисто-пустынно-горную Палестину бабушки и дедушки, а то и более отдалённые предки. Ностальгия!

Огромные состояния, обладатели которых тратили свои деньги с лёгкостью, до них доступной разве что американцам, роскошные отели и красивые девушки, невероятно вкусная еда и демонстративное пренебрежение сухим законом и сегодня привлекают в Россию мировую элиту, а в 90-е упоение жизнью зашкаливало. Она ещё только-только начиналась и надежды на светлое будущее были колоссальными. Оно было уже здесь, за углом. Только шаг сделай и руку протяни.

Мэром Москвы уже был Лужков, и столицу более или менее привели в порядок после его предшественника-профессора, большого демократа, при котором город зарос грязью и пополнился уголовниками. Новоиспечённый Санкт-Петербург, ещё не опомнившийся от того, что перестал быть Ленинградом, сильно отставал, но музеи были хороши, виды на Неву прекрасны, а мэр Собчак элегантен и выглядел истинным европейцем. Словом, в Россию стоило ехать, тем более что израильских генералов и политиков там встречали как героев.

Ариэль Шарон и Эхуд Барак, Шимон Перес и Ицхак Рабин, Абба Эбан и Давид Бар-Лев были живыми легендами. Их имена знали все: сотрудники госбезопасности и военной разведки, бизнесмены и политики, журналисты и олигархи. Израильтяне, в конечном счёте, оказались в колоссальном выигрыше от всеобъемлющей работы советских идеологов: никто никогда ни в одной стране мира не создавал им такой рекламы, как ведомство Михаила Суслова в СССР.

Можно было только представить, как принимали бы в России Давида Бен-Гуриона, Зеэва Жаботинского, Голду Меир или Моше Даяна, если бы они дожили до восстановления отношений Иерусалима и Москвы! Однако их преемников принимали не хуже. Россия — щедрая душа не только в рекламе конфет. Благо шатает её от абсолютного отрицания к абсолютному признанию и приветствию гостей во всю мочь этой самой души. И тут был как раз второй случай.

Словно по контрасту с теми несколькими годами на рубеже 80-х и 90-х, когда израильская дипломатическая миссия при посольстве Нидерландов мариновалась отечественной бюрократией с плохо скрываемым чиновничьим садизмом и не могла попасть ни в одно официальное ведомство, перед израильтянами, особенно известными, открылись все двери. Тем более это касалось израильских генералов, против атак которых бывшие советские военпреды и военсоветники удерживали арабские фронты в Сирии и Египте, часто говоря себе, а иногда и окружающим, что они воюют абсолютно не на той стороне.

Последнее произошло в огромной мере из-за войн в Афганистане и Чечне. Можно было сколько угодно рассказывать армии байки о том, что настоящий враг русского солдата — это американский империализм, направляемый мировым сионизмом, или сионизм, управляемый мировым империализмом. Когда приходится отстреливаться от конкретного врага, завравшийся политпросвет перестаёт работать. А афганские «духи» и их преемники на Северном Кавказе были верующими мусульманами.

Они были пуштунами или таджиками, узбеками или арабами, чеченцами или жителями Дагестана — но не евреями и не израильтянами. Рассказывать о вредоносности Израиля и мирового сионизма Российской армии в 90-е было бесполезно и по большому счёту некому: бойцы

идеологического фронта искали спонсоров, устраивая собственное будущее, государственный заказ на антисионизм исчез вместе с Советским Союзом, а государственный антисемитизм вышел из моды и тихо загибался без поддержки свыше.

Те, кто понимал, что происходит в мире и стране, видели в Израиле союзника в борьбе с исламским терроризмом, и среди них было всё больше высокопоставленных военных и офицеров спецслужб. К Ирану они относились без большого восторга. Воспоминания о том, что для аятоллы Хомейни СССР был «малым Сатаной», не грели душу, контакты с его политическими преемниками убедили в том, что «персы» могут довести до белого каления и святого, а претензии на передел Каспия превращали Тегеран в вероятного противника.

Пакистан был однозначно врагом со времён афганской кампании, да и атомное оружие Исламабада было направлено против Индии — традиционного союзника России. Америке российские военные справедливо не доверяли и по привычке её недолюбливали, но Израиль — это было совсем другое дело! В конце концов, там уже не по Высоцкому, а на самом деле был «на четверть наш народ». И сколько у кого в еврейском государстве проживало друзей детства, однокашников и сослуживцев — это же было не сосчитать...

Как следствие, информация о пакистанском следе в иранской ядерной программе была отнюдь не дезинформацией, как полагал по обычной своей «гениальности» министр Щаранский. Эти сведения в случае, если бы он в порядке исключения напряг дополнительную извилину головного мозга, оценил их важность и передал по назначению, могли в корне изменить всю историю отношений «мирового сообщества» с Ираном в самом важном вопросе, который между ними когда-нибудь стоял.

История, однако, сослагательного наклонения не терпит и правильно делает. Щаранский принял другое решение и мгновенно выбросил беседу из головы. И то — в партии проблемы, соратники грызутся, деньги, полученные в мае 1990-го от экзальтированного миллиардера Гросса, чудесным образом куда-то испаряются, надо карьеру строить и учиться работать в правительстве… Не до того. С тех пор прошло два с лишним десятка лет, но автор, который пытался объяснить ему то, что тот отказывался понять и услышать в «Президент-отеле», периодически напоминает об этом разговоре при встречах.

Через 7 лет после того, как человек, отвечавший в первом правительстве Нетаньяху за международные дела, высокомерно отказался обращать внимание на какой-то там Пакистан, благодаря абсолютной случайности информация о заговоре Абдул Кадыр Хана, «отца пакистанской ядерной бомбы», стала достоянием общественности. Причём информация пришла с совершенно неожиданной стороны: ливийский лидер, революционер и диктатор Муаммар Каддафи сдал А. К. Хана с потрохами.

Изумлённые разведывательные службы всего мира выяснили, что дружно и благополучно все вместе взятые проспали создание «ядерного чёрного рынка» — разветвлённой сети, занимавшейся распространением в исламском мире ядерных технологий, материалов и оборудования. К этому времени было поздно останавливать активно шедшую в гору иранскую ядерную программу — оставалось лишь следить за тем, как она развивается и какие успехи делает.

Да и президентом Ирана вместо коррумпированного прагматика Хашеми Рафсанджани, занимавшего этот пост во времена беседы в Москве, и сменившего его на этом посту обаятельного либерал-реформатора Хатами был избран энергичный ставленник Корпуса стражей исламской

революции Махмуд Ахмади Нежад, человек, фанатично преданный двум главным идеям: уничтожения Израиля и получения Ираном ядерного статуса.

Кстати, АЭС в Бушере корпорация «Росатом» достроила и запустила — хоть и с большим опозданием, но-таки на самом деле под контролем Агентства ООН по ядерной энергии, МАГАТЭ. К военной ядерной программе Бушер действительно не имел никакого отношения — иранцы использовали этот объект для прикрытия настоящей программы, реализуемой в глубокой тайне под патронажем Корпуса стражей исламской революции, что им неплохо удалось. А также для того, чтобы стравить Запад и Россию, что удалось им ещё лучше.

Соглашение, которое отказался подписать Щаранский, так и не было заключено. Аналогичный документ между Россией и Израилем вряд ли будет подписан даже в отдалённом будущем. Введённые против Ирана из-за нарушений в ядерной сфере санкции ООН не дали, да и не могли дать результатов. «Ядерная сделка» президента Хасана Роухани, подписанная в 2015-м году с «шестёркой», представлявшей мировое сообщество, закрепила сохранение Ираном ядерного статуса.

Иранские лидеры, открыто заявляющие, что Израиль — страна одной бомбы, и, похоже, искренне полагающие, что в ходе будущего ядерного Апокалипсиса они, как единственно праведные, спасутся, а грешники, в том числе в исламском мире, очистятся, заменены прагматиками. Но режим нераспространения ядерного оружия трещит по швам и вот-вот останется в истории. При этом Иран явно не будет единственным государством, которое в ближайшее время получит на вооружение А-бомбу.

Да что там единственным. Если глядеть на вещи трезво, таких государств в мире в ближайшую четверть века может прибавиться десятка два — и как минимум некоторые из

них будут располагаться на Ближнем и Среднем Востоке. При этом им вовсе не обязательно иметь процветающую экономику и прямо противопоказан демократический режим. СССР при Сталине был истощён войной до предела и имел в качестве государственного режима тоталитарную диктатуру. Что не помешало его руководству обзавестись собственными ядерными арсеналами вопреки всем американским прогнозам.

Так что на повестке дня Ближнего Востока не просто масштабные региональные войны, но, в перспективе, войны ядерные. Причём совсем не обязательно имеющие какое-либо отношение к Израилю. Тем более что на момент написания автором этих строк Пакистан вовсю готовит тактическое ядерное оружие, которое в случае необходимости передаст Саудовской Аравии, а та как раз разорвала с Ираном дипломатические отношения. И что бы стоило маленькому, но амбициозному Щаранскому в «Президент-отеле» вовремя включить мозг?

Фактор личности в истории никто не отменял. И очень часто от того, правильный ли человек занимает тот или иной пост, зависят судьбы мира. Поскольку хоть режь политиков, хоть ешь их, хоть кол им на голове теши, какие они есть — такие есть. Мало кто из власть имущих способен не только слушать, но и слышать. А уж чтобы думать и анализировать — тут совсем дефицит. И что делать, если они на это генетически неспособны? Точнее, как раз тут всё понятно. Делать надо что должно, и будь что будет. Такая карма...

Выводы: о пользе умения не наступать на старые грабли

Что выиграл и что проиграл СССР, «входя в положение» всех «угнетённых» и всех революционеров, которые просили об этом? Стоит ли Москве дважды наступать на одни и те же грабли? Что делать Москве после развала режима нераспространения? Как России выстроить систему учёта региональных интересов, не забывая об интересах собственных? Что и почему перевешивает в приоритетах российской политики: личное или ведомственное, государственное или общечеловеческое?

Современная политика Российской Федерации на Ближнем и Среднем Востоке, как и её внешняя политика в целом, является результатом синтеза практически всех веяний, которые доминировали в стране на протяжении последних 100 лет: во времена Российской империи, «смутных времён» — то есть переходных периодов 20-х и 90-х годов XX-го века, эпоху СССР и в период современного «вставания с колен». Она как может и как умеет реагирует на внешнее лоб-

бирование, однако тремя её столпами являются: прагматический учёт реальности; догмы и стереотипы имперских, советских и постсоветских времён; персональные и ведомственные интересы отечественной бюрократии.

Российская империя на БСВ конкурировала в основном с Великобританией. СССР — с США. Россия в настоящий момент напрямую не конкурирует ни с кем, возможно, потому, что руководство страны отчётливо представляет себе её реальные экономические и военные возможности. С другой стороны, коль скоро никто не в состоянии контролировать брызжущий кровью и ядом котёл с ведьминым варевом, которым является этот регион, кому он вообще нужен? И стоит ли наступать на старые грабли столетней и полувековой давности, коль скоро ни американцы, ни европейцы сделать там ничего не смогли и вряд ли смогут?

Последнее является предметом критики со стороны ностальгирующей по временам соперничества сверхдержав околополитической общественности, однако гарантирует минимизацию участия России в региональных конфликтах, где миссию, традиционно выполнявшуюся Советским Союзом, в настоящее время выполняют Соединённые Штаты, с той разницей, что СССР распространял на БСВ социализм, а США — демократию. Хотя и с тем же успехом. Как продемонстрировала операция российских ВКС в Сирии в конце 2015 года, национальные интересы России в регионе можно защищать малыми средствами, с минимальными потерями и максимальной эффективностью.

Россия выдерживает баланс отношений с Ираном и Израилем, Турцией и странами арабского мира. Москва поддерживает мировое сообщество там, где это отвечает её интересам, как в отношении ядерной про-

граммы Ирана, или не имеет никакого значения, как проблема ближневосточного урегулирования. Воздерживается в вопросах, ради которых в данный момент не готова идти на конфликт, подобно голосованию по резолюции ООН в отношении Ливии (что оказалось стратегической ошибкой), и отстаивает свои интересы в Совете Безопасности ООН, когда речь идет о такой же резолюции по Сирии — в обоих случаях вместе с Китаем. Сотрудничество же с КНР в рамках ШОС позволяет избежать столкновения российско-китайских интересов в Центральной Азии.

Россия в настоящее время не имеет на БСВ противников, за исключением представителей экстремистских исламских группировок, полагающих Москву своим врагом со времён советской оккупации Афганистана. Она дистанцировалась от большинства региональных конфликтов, ограничив своё вмешательство в проблемы региона ситуациями, когда невмешательство является худшим выходом — как в Сирии, где смещение правительства Башара Асада означало бы победу исламистов с непредсказуемыми последствиями, минимальным из которых было бы уничтожение этой страны.

Основой отечественной политики в 2010-х годах является дипломатическое зондирование, умеренное миротворчество, унаследованное от СССР, как в палестино-израильском конфликте, или благоприобретённое, как в сирийской гражданской войне, и действия в рамках ШОС и Совета Безопасности ООН: в случаях с Афганистаном, Ираком, Ираном, Ливией или Сирией — в зависимости от ситуации. При этом временные альянсы, которые она заключает в тот или иной момент, не требуют от неё тех материально-финансо-

вых и кадровых жертв, которые требовали союзы советских времён.

Российская Федерация, в отличие от СССР, минимизировала военное присутствие в регионе, ограничиваясь участием в миротворческой миссии в Судане, контрнаркотических операциях в Афганистане и борьбе с сомалийскими пиратами в акватории Индийского океана. Незначительна, несмотря на внешнее давление и внутреннее лоббирование, и экономическая помощь России странам БСВ, в советский период дорого обошедшаяся стране. Исключением стало присутствие ВС РФ в Сирии, затраты на которое, как правило, значительно преувеличиваемые наблюдателями, несопоставимы со стратегическим выигрышем, который оно принесло.

В отличие от США, ЕС и монархий Персидского залива, ежегодно вбрасывающих в регион миллиарды, участие России сводилось в этой сфере до осени 2015 года к списанию советских долгов, поставкам вооружений и военной техники старых модификаций и гуманитарной помощи, направляемой в зоны природных катастроф и военных действий по линии МЧС. Сирийская операция принципиально изменила это, позволив испытать в боевых условиях новейшие разработки отечественного ВПК — что, помимо прочего, открыло для его продукции новые рынки. Косвенным следствием демонстрации использованных в Сирии систем наземного, морского и воздушного базирования стала переоценка рисков военного столкновения с Россией её потенциальных противников, что снизило вероятность их войны против неё до минимума.

Лоббируемая МИДом и госкорпорациями активизация на БСВ экономической политики России, в том числе открытие кредитных линий местным

правительствам, дублируя направления работы советских времён и повторяя все основные ошибки этого периода, обещает низкую эффективность, что продемонстрировала ситуация с контрактами РАО ЖД и поставками по линии ВТС в Ливии. В то же время ведомственные интересы в отечественной внешнеэкономической политике, как правило, доминируют над национальными, а юридическое и экспертное сопровождение лоббируемых на уровне правительства проектов оставляет желать лучшего.

По аналогии с критериями, принятыми в мировой практике, потенциальные угрозы безопасности России из БСВ можно оценивать как «три с половиной». Это Турция в долгосрочной, Иран и Пакистан в среднесрочной и радикальные исламистские организации и спонсирующие их государства региона в краткосрочной перспективе. При этом кампания сирийских ВКС, в ходе которой турецкими ВВС осенью 2015 года был сбит российский военный самолёт, минимизировала непосредственную угрозу России со стороны Ирана, но обострила ситуацию в российско-турецких отношениях.

Турция, на момент написания книги являющаяся крупнейшим ближневосточным экономическим партнёром России, находится на подъёме, реализуя стратегию создания «новой Оттоманской империи». Её геополитические интересы на Кавказе, в Причерноморье, Средней Азии и тюркских регионах России от Крыма до Якутии включительно, а также поддержка распространения на постсоветском пространстве так называемого «мягкого ислама», примером которого является американо-турецкий проект «Нурджулар», представляют серьёзную потенциальную угрозу сложившемуся в России образу жизни, этноконфессио-

нальному равновесию и территориальной целостности страны.

Вооружённые силы Турции многочисленны, оснащены современной техникой, высоко мотивированы и имеют боевой опыт противостояния с курдами. Если не учитывать российский ядерный потенциал, Турция, являющаяся частью НАТО, ведущей, хотя и слабеющей военно-политической силы мира, имеет на Северном Кавказе численный и технический перевес в регионе над Россией — в Причерноморье абсолютный. Не случаен повышенный турецкий интерес к крымско-татарскому вопросу при явном антироссийском настрое курирующего его премьер-министра страны Ахмеда Давутоглу.

Мы говорим об этом без учёта фактора Грузии и региональных исламистских террористических формирований, действия которых могут значительно осложнить положение на коммуникациях и в тылу Российской армии. Пока Турция не поддерживала Грузию и северокавказских исламистов в их противостоянии с Россией, однако интенсивные контакты с ними Анкары делают это при необходимости легко осуществимым. До атаки на самолёт ВКС РФ на турецко-сирийской границе прямое столкновение России и Турции не представлялось реальным вследствие усилий руководства обеих стран по развитию двустороннего экономического сотрудничества, однако это событие резко изменило ситуацию. При этом руководство НАТО категорически отказалось поддержать провокацию Анкары против России.

Заслуживают внимания последовательные, профессиональные и успешные действия турецкого руководства, добившегося в торговле с Россией ряда односторонних преимуществ. Любые инициативы,

которые в перспективе могут привести к возникновению двусторонних структур, неподконтрольных руководству правящей Партии справедливости и развития, торпедируются Анкарой, как это произошло с российско-турецкой межпарламентской комиссией по экономике. Ещё один инструмент политики такого рода — пересмотр достигнутых условий соглашений перед их подписанием на высшем уровне (АЭС «Аккую») или после реализации («Голубой поток»). Не следует забывать и о сохранении России в списке потенциальных внешнеполитических угроз, перечисленных в турецкой «Стратегии национальной безопасности» 2010 года.

На протяжении большей части последних 500 лет отношения России и Турции были враждебными. Русско-турецкие войны занимают почётное место в истории Российской империи, и в Турции помнят, что они стоили Оттоманской Порте Балкан и Кавказа, хотя часть северо-восточных провинций, входивших в состав России с 1878-го по 1917-й год, была потеряна Москвой после революции и возвращена в состав Турецкой Республики. При этом после Первой мировой войны Турция в её нынешних границах сохранилась не в последнюю очередь вследствие нормализации отношений правительств Кемаля Ататюрка и Владимира Ленина.

Преувеличивать значимость турецкого реваншизма, во многом являющегося проявлением личных особенностей президента Эрдогана с его авантюризмом, гиперактивностью и авторитарным стилем правления, не стоит, но и преуменьшать его опасно. Фактор военного, в том числе ядерного сдерживания имеет для России на турецком направлении основное значение, нейтрализуя возможность перерастания потен-

циального регионального конфликта в новую Крымскую войну, в которой Турция и Запад выступили бы против России. Конфликт России и Грузии 2008 года показал это со всей очевидностью.

Руководство Турции до осени 2015 года полагало, что Москва будет ослабевать параллельно с усилением Анкары. Оно видит свою страну международным центром по торговле углеводородами БСВ и Прикаспия и перекрёстком их транзита в ЕС в обход России. Реализация трансграничных трубопроводных проектов, призванных ослабить позиции Москвы на европейском газовом рынке, первым из которых стал «Баку — Тбилиси — Джейхан» и мог стать «Набукко», соответствует этой стратегии. В начале 2016 года, после того как реализация «Турецкого потока», который из-за конфронтационной политики Брюсселя в отношении Москвы должен был сменить «Южный поток», оказалась под сомнением, Анкара сделала ставку на транзит туркменского газа в Европу по транскаспийскому газопроводу ТКГ.

Отношения России с Ираном в историческом и геополитическом плане повторяют отношения с Турцией. Постсоветский Прикаспий, включая его российскую часть,— «северные территории» Персии, отторгнутые у неё Россией. Гилян и Мазандаран до 1726 года входили в империю Петра Великого. Заключённый в начале XX-го века российско-британский договор о разделе сфер влияния в Иране, Афганистане и Тибете был началом конца иранской государственности. Только революция 1917 года спасла Иран от раздела, точно так же, как принятая на Тегеранском совещании резолюция «Большой тройки» завершила период, когда советские войска могли быть введены на иранскую территорию, не нарушая норм международного права.

Современные претензии Ирана на 20% бассейна Каспийского моря затрагивают интересы Азербайджана и Туркменистана, касаясь России и Казахстана лишь косвенно, однако могут в перспективе послужить причиной регионального конфликта, сталкивающего Москву и Тегеран. Иран, в отличие от Турции, в потенциальном столкновении с Россией может рассчитывать только на собственные силы, имея «в тылу» конфликты с соседями по Персидскому заливу, Израилем и, несмотря на «ядерную сделку» 2015 года с Западом, в первую очередь с США и Великобританией. В то же время военное сотрудничество Ирана с Москвой по разблокированию сирийского кризиса, начиная с осени того же 2015 года, заложило основу многообещающего антитеррористического российско-иранского альянса.

Россия после снятия с Ирана санкций ООН, открывшего дорогу к вступлению этой страны в ШОС, заняла активную позицию на иранском рынке вооружений и военно-технического сотрудничества. Расширение сотрудничества Москвы и Тегерана в экономике, в том числе в вопросах грузового транзита, также стоит на повестке дня. В то же время, несмотря на открывающиеся перспективы двустороннего сотрудничества, опыт развития российско-турецких отношений, которые до столкновения интересов Москвы и Анкары в Сирии оценивались исключительно со знаком плюс, заставляет осторожно оценивать перспективы ирано-российского альянса. При всех его перспективах просчитывать возможность столкновения с Ираном России необходимо.

Иранская армия и силы Корпуса стражей исламской революции вооружены в основном устаревшим оружием, однако многочисленны, мотивированы

и имеют боевой опыт, полученный в войне с Ираком 80-х годов, борьбе с сепаратистами, террористами и наркоторговцами на собственной территории, в Сирии и в приграничных с Ираном районах Ирака, Афганистана и Пакистана. Помимо этого у Ирана есть опыт противостояния с Израилем и Саудовской Аравией.

Соответственно, как и в ситуации с Турцией, фактор ядерного сдерживания играет для России на иранском направлении ключевую роль. Получение ИРИ ядерного статуса в военной сфере снизит это преимущество. Появление у Ирана атомной бомбы обрушит режим нераспространения и спровоцирует гонку ядерных вооружений на БСВ и в мире в целом, осложняя отношения России с ИРИ.

Отметим, что в отличие от Турции, которая может только пытаться задействовать в случае конфликта с Россией потенциал исламистских радикалов, Иран имеет соответствующий опыт, включающий создание и поддержку военно-террористических структур, транспортировку для них вооружений и военной техники на дальние дистанции, реорганизацию после военных поражений («Хизбаллы» в 2006-м, ХАМАСа в 2009-м годах), теракты против посольств — в Аргентине, организацию массовых волнений — на Бахрейне и в Ливане, а также поддержку местных этнических формирований — в Ираке, Сирии, Ливане, Афганистане и Йемене. Этот послужной список заставляет серьёзно относиться к иранскому потенциалу «гибридной войны».

ИРИ, в случае принятия его руководством соответствующего решения, может за 4–6 месяцев создать в Дагестане и других регионах российского Северного Кавказа обстановку, близкую к ситуации в Южном Ли-

ване. Не стоит забывать, что практика использования «шахидов-самоубийц» была широко распространена в Иране в годы иракской войны. Не случайно вооружённые силы ИРИ имеют в своём составе на случай «асимметричной войны» подразделения «камикадзе», в том числе в составе ВВС и ВМФ.

Террористическое подполье Иран в России не поддерживает, однако инфраструктура его влияния в стране создана (в том числе в Новосибирске, Казани, Астрахани, Санкт-Петербурге и Москве), включая сеть культурных центров, стиль работы которых напоминает Совзарубежцентры. Тегеран может использовать влияние в этнических диаспорах России для доступа к закрытой информации политического и военно-технического характера.

Ослабление государственной власти в Пакистане и возможная в среднесрочной перспективе дезинтеграция этой страны обострят для Москвы проблемы нераспространения оружия массового уничтожения, афганского наркотрафика и радикального исламизма, проникновение которого в Россию идёт через центральноазиатские диаспоры.

Неизбежное после вывода американских войск из Афганистана возвращение к власти там талибов означает вытеснение из афгано-пакистанского приграничья в страны Центральной Азии и Россию исламистских вооружённых формирований, включая «Исламское движение Узбекистана» и другие радикальные группировки, вплоть до ячеек «Исламского государства». Процесс этот в 2015-м году начался — афганское пограничье от Туркменистана до Таджикистана занято исламистами, что чревато дестабилизацией Центральной Азии и попытками смены правящих там режимов (в первую очередь в Узбекистане).

Ядерная программа Пакистана для поддержания режима нераспространения опаснее иранской: в случае потери правительством контроля над страной высока вероятность попадания в руки исламистов или «на свободный рынок» расщепляющих материалов, оборудования, ядерных зарядов и их носителей. Альтернатива — перемещение пакистанского ядерного комплекса за пределы страны, на территорию Саудовской Аравии или ОАЭ.

Политических инструментов, позволяющих контролировать Пакистан извне, не существует. Задача эта в перспективе может быть решена только Индией, военным путём, что означает ядерную войну и геополитическую катастрофу, или Китаем. Усиление КНР в постсоветской Центральной Азии и Афганистане, экономическое и военно-политическое партнёрство этой страны с Пакистаном дают Китаю шанс на успешное вмешательство в зоне АфПака после ухода оттуда войск США с минимальным применением силы.

«Арабская весна» на определённый период времени привела исламистов к власти в Тунисе, Египте, Ливии и других странах БСВ и Африки, где они пытались, интегрировавшись во властные структуры, получить доступ к ресурсам этих государств. Именно в этом направлении эволюционировали «Братья-мусульмане». Синтез политического ислама и государственных институтов должен был произойти за счёт исламизации этих институтов, включая вооружённые силы, и радикализации политики стран, в которых исламистам удалось стать частью государственной системы.

В то же время результат этих действий для исламских радикалов неоднозначен. В большинстве стран «Арабской весны» они потеряли власть и пытаются вернуться к ней, используя государства, патронирую-

щие исламистов: Саудовскую Аравию, Катар, Турцию и Пакистан. Россия в Сирии вступила с ними в открытую войну, успешно встав на пути «террористической тройки»: Анкары, Дохи и Эр-Рияда.

Результативность экономических проектов России на БСВ, включая турецкое, арабское и иранское направления, сомнительна. Крупные совместные атомные и трубопроводные проекты, как правило, имеют политическую основу, и их реализация зависит от текущей конъюнктуры. Нефтегазовые и торговые проекты, рассчитанные на быструю прибыль, реализуются успешнее. В качестве компенсации проблем, которые Россия получает в рамках экономического сотрудничества с исламскими странами БСВ, можно рассматривать сотрудничество с Израилем, включая вопросы интеграции промышленности высоких технологий, борьбы с терроризмом и преодоления западных санкций.

Анализируя состояние дел в регионе, приходится признать провал большей части попыток мирового сообщества влиять на идущие там процессы. Происходящее в регионе не укладывается в принятые на Западе политологические теории. Степень влияния извне на идущие там процессы минимальна, последствия этого влияния контрпродуктивны. Проблема не только в том, что регион дестабилизирует международную политику и экономику, но и в том, что попытки сгладить это негативное влияние лишь ухудшают ситуацию. Международное сообщество на БСВ играет роль пресловутых семи нянек.

Российская политика, в отличие от советской, перестала использовать в каждом проблемном случае силовые сценарии и попытки финансового давления, исходя из ограниченности ресурсов и изменения

внешнеполитических задач: Москва не претендует на статус сверхдержавы, чреватый непосильными расходами и перенапряжением сил страны, применяя военную силу за пределами своих границ в исключительном случае — в Сирии. Особый вопрос, может ли она без применения ядерного оружия противостоять Ирану или Турции в случае полномасштабного конфликта с этими государствами. Проблема и в эффективности её борьбы с исходящим из региона наркотрафиком и исламистским терроризмом.

Вследствие понимания руководством страны сложившейся ситуации, Россия, как правило, придерживается политики минимальных осложнений с соседями и «равноудалённости» от региональных конфликтов. Именно это заставляет её поддерживать отношения с Ираном, не входя с ним в антизападный союз, но сотрудничая в борьбе с афганским наркотрафиком и терроризмом в Сирии. Присутствовать в качестве наблюдателя в Организации исламского сотрудничества и ОПЕК. Противостоять свержению правящего режима в Сирии и куда осторожнее стран Запада вести себя в отношении «Арабской весны» и её организаторов.

Отсюда же решения Москвы участвовать в борьбе с сомалийскими пиратами, сотрудничать с Западом в химическом разоружении Сирии и попытки инициировать его активность в борьбе с производством и распространением афганских наркотиков. Сохранение военно-технического сотрудничества с Индией при налаживании политических контактов с Пакистаном. Последовательное противостояние попыткам радикализации российских мусульман. Усилия по поддержанию ровных отношений со странами арабского мира, позиционируя себя как страну, лояльную к ис-

ламу — в том числе за счет активной поддержки хаджа, а также голосование в ООН за создание палестинского государства при прочных отношениях в сфере безопасности и борьбы с терроризмом с Израилем.

Эта политика далека по своему уровню от долгосрочной глобальной деятельности Китая или энергичных действий Турции, Ирана и Катара. Связано это не только с нехваткой средств и нежеланием повторять ошибки Советского Союза, но и с элементарной нехваткой кадров. Ещё большей проблемой для России является слабая координация звеньев государственной системы. Формально российские госкорпорации и ведомства действуют согласованно, в рамках регламента и прописанных в канонах процедур. Де-факто слабая мобильность, медлительность, незаинтересованность в конечном результате, нежелание брать на себя ответственность, волюнтаризм высшего и фаворитизм среднего управленческого звена, системная и личная коррупция — отличительные черты российских проектов на БСВ.

Это, за редким исключением, относится в равной мере к экономическим, политическим и военно-техническим программам. Непрофессионализм, склонность к воспроизводству штампов и теорий советских времён, готовность поступиться государственными интересами ради интересов корпоративных или личных осложняют продвижение российских интересов в регионе. Менеджеры старой школы играют в государственной элите всё меньшую роль. Сменившие их управленцы зачастую слабо подготовлены и не имеют практического опыта.

В то же время в России, в первую очередь в частном бизнесе, появились профессионалы, имеющие опыт работы в международных корпорациях миро-

вого уровня. Именно они, в случае получения полномочий и возможности работать с нужной степенью свободы, могут извлечь пользу из российского присутствия в регионе.

Мобильность не является отличительной чертой командно-административной системы, которая, выйдя на новый этап развития, восстановила позиции в российском управленческом аппарате. Именно поэтому в экономике Россия продвигает на БСВ громоздкие затратные проекты, рассчитанные на десятилетия — трубопроводы вместо терминалов сжиженного природного газа, атомные электростанции, железные дороги, поставки военной техники и вооружений. В политике же усилиями лоббистских групп, в том числе отечественного МИДа, Москва часто поддерживает инициативы с высоким имиджевым риском и минимальной осмысленностью для национальных интересов. Именно к этой группе относится активная поддержка российскими дипломатами фантомной идеи палестинского государства.

Как следствие, избегая потерь на уровне тех, которые понёс в регионе СССР, Россия не смогла выйти на уровень влияния не только США или Китая, но и Великобритании, Франции, Южной Кореи и Японии. Впрочем, потери в миллиарды долларов предпочтительнее убытков в десятки миллиардов, а открытость современной России миру и её вовлечённость в глобализационные процессы, вопреки наложенным на страну под предлогом воссоединения с Россией Крыма санкциям, предоставляют ей значительно больше потенциальных возможностей, чем изоляция советских времён. Что, несомненно, хорошая новость.

Заключение

Не всё то можется, что хочется

Настоящая книга — не справочник, не академическое издание, не учебник и не попытка кого-то в чём-то убедить или развлечь. Как ни трудно в это поверить, но причинами её написания стали не желание получить гонорар или увидеть своё имя на обложке — простительные слабости, которых автор напрочь лишён. Благо с гонорарами у нынешних российских издательств плохо, а с именем на обложке или чем-то куда более престижным у автора проблем не было никогда.

Когда семья видит ваш портрет и читает о муже и отце в прессе в первый раз — это приятно. Когда в сотый или тысячный, приятность проходит, тем более что ваши слова (не говоря уже о датах, цифрах, названиях, фамилиях, названии вашей организации и прочих важных для вас материях) сплошь и рядом перевирают, заставляя знакомых и родственников подозревать, что вы клинический идиот или не имеете понятия о теме, которую взялись обсуждать.

Получасовой разговор с корреспондентом (за ваш счёт, поскольку он звонит по мобильнику, удачно вы-

бирая момент, когда вы за границей и роуминг особенно разорителен), в итоге которого он долго и неискренне благодарит вас за то, что теперь ему наконец по поводу так интересовавшей его проблемы всё совершенно ясно, превращается в его статье в одну фразу. Из которой явствует, что связался он с этим-как-его-там, и хотя согласиться с этим типом трудно, но сказал тот такую-то и такую-то глупость, о чём корреспондент из профессиональной честности вынужден упомянуть.

Причём, что особенно обидно, вас сплошь и рядом вместо президента института (человека, который, не слишком напрягаясь, определяет общую линию и платит деньги) называют его директором (который деньги получает, хотя, отметим честно, несоизмеримые с количеством и качеством его труда, поскольку работает как каторжный), доводя настоящего директора до предынфарктного состояния. Не потому, что он опасается за своё место, нема дурных у него это самое место отбирать, но сколько ж можно?!

Сам Институт Ближнего Востока комментаторы часто и незаслуженно приписывают к Российской академии наук — структуре почтенной, хотя и поставленной в положение полукрепостного на оброке у чиновников ФАНО (сокращение, не заслуживающее расшифровки как недостойное упоминания в отечественной истории). Это же касается Российского государства, от которого ИБВ за четверть века своего существования гроша ломаного не просил, не получал и получать не намерен, Государства Израиль (то же самое в квадрате), США, Монголии и Ганы.

Тема денег волнует многих в «экспертном сообществе», поскольку, как сказал однажды вслед за Булатом Шалвовичем Окуджавой директор института

и главный его создатель Ефим Леонидович Жигун: «Всего мало, а всех много — и всего на всех не хватает». Желание отобрать у ближнего финансовый ресурс и перераспределить его в свою пользу и в свой карман в научных и политических кругах дело обычное. Чему автор многократно бывал свидетелем. Конкуренция в бизнесе по сравнению с нравами в общественной, государственной и научной среде — дело нравственно чистое, как слеза ребёнка.

Хотя кто сказал, что борьба за пищевую нишу должна быть ограничена животным царством? Человек, конечно, венец творения и звучит гордо, но остаётся зачастую порядочной скотиной. Тем горше разочарование периодически раскатывающих губу на чужой ресурс чиновников от науки и их приближённых, когда оказывается, что структура Института Ближнего Востока автономна, как атомная подлодка в кругосветном плавании, ни от кого, кроме собственного руководства и его, руководства, личных друзей и партнёров, не зависит и никаким бюрократам, с которыми можно было бы договориться «по понятиям» о её распиле или приватизации, не подчинена.

Как следствие, из комментариев «доброжелателей» автор постоянно с интересом узнаёт о себе много нового. Отечественная патриотическая общественность, иранская резидентура (включая тележурналистов) и ветераны палестинских террористических организаций среднего возраста полагают его сионистом, демократом, либералом, масоном, жидомасоном, агентом Запада (вариант — Моссада), врагом ислама и частью мировой закулисы или, напротив, частью правящей русской элиты — и постоянно пытаются о чём-нибудь договориться.

Русскоязычные интернет-исламисты (растущая на глазах в численности категория российского населения), левые израильские блогеры и американские пенсионеры двух основных типов: бывшие бандеровцы и отставные партийные работники, а также сторонники незалежности Украины в стиле «Правого сектора» — агентом Кремля (вариант — генерал-лейтенантом КГБ или, на худой конец, ФСБ), лоббистом русских интересов и голосом (вариант — советником) Путина, с которым им и говорить-то не о чем. Поскольку автор, по их сугубому мнению, «ватник», «колорад» и «путиноид».

Русскоязычные израильские правые антиглобалисты-евразийцы (есть в этом странном мире и такие) и отечественные раввины-ортодоксы импортного происхождения полагают автора чистой воды антисемитом, агентом влияния арабских спецслужб-мухабаратов и иранского Корпуса стражей исламской революции (одновременно, что особенно забавно), ярым защитником мусульман (вариант — христиан) и воинствующим атеистом (что до атеизма — это правда, но почему и где он был у автора воинствующим?!).

Российская демшиза, включая активистов сексменьшинств «патриотической» и феминистской направленности, — брутальным хамом (привет злобновато стареющим дамам с «Эха Москвы»), русофобом, проправительственным конформистом, антилибералом и антидемократом. Что, в конечном счёте, скорее всего означает, что автору пока удаётся оставаться самим собой, поскольку если вас ругают все фрики одновременно — значит, вы держитесь верного курса. Не дай Б-г, если бы кто-нибудь из них похвалил — хоть Джемаль с Рябцевой, хоть Альбац с Шевченко,

хоть Кеворкова с Магаршаком. Вот тут на самом деле впору было бы вешаться от стыда...

Портреты в прессе, увы, часто отражают лишь «концепцию фотографа», который «хотел бы уйти от тривиальных снимков», а не подлинный внешний облик автора — жизнерадостного толстяка, на шестом десятке лет смахивающего на Де Вито больше, чем на Де Ниро. При этом почему вы в вашем собственном офисе должны тратить час собственного времени, которого ни на что не хватает, на то, чтобы ваше лицо в газете, которую вы отродясь не читали и интервью которой дали из неизлечимой вежливости, появилось в таком виде, что вас родная мама не узнает, — вопрос философский, и ответа на него нет.

Скорее всего, потому, что Москва — порт 5-ти морей, согласно «Квартету И», давшему этот универсальный ответ на все вопросы, по определению не имеющие ответа. Кстати, это же объясняет, зачем, собственно, было потрачено время, которое потребовалось, чтобы изложить на бумаге кое-что из того, что автор хотел бы сказать по означенной в заглавии теме. Повторим, что точно не из-за денег — в правильных объёмах они зарабатываются другими способами. По крайней мере металлургами — а автор как им был, так и остался.

Говоря серьёзно, главная причина, почему эта книга написана, — любопытство. Человек вообще животное любопытное. Именно это чувство заставляет нас совать нос туда, куда, как говорится в неприличной, но точной русской пословице, умные люди чего куда более чувствительного и интимного не совали. Результат обычно плачевен, но иногда удовлетворителен, а изредка даже и более или менее удачен. Хотя соответствует ли этому показателю на-

стоящая книга судить не автору, а читателю. И только ему.

Автору с юности был интересен мир, в котором мы живём. Трудно судить, чего стоили усилия по развитию такого его хобби, как международные отношения, для прокатчика с завода «Серп и молот», безусловно, причудливого. Итог — тысячи статей на сайте Института Ближнего Востока, почти 3 сотни академических книг, изданных этой структурой, и несколько сотен экспертов, которые с ней сотрудничают. Их усилиями и была сохранена отечественная школа изучения современного Ближнего и Среднего Востока в 90-е и последующие годы.

Так что более чем добротная профессиональная база у всего, что автор изложил в максимально облегчённом виде для читателя, не склонного к продиранию сквозь дебри академического сленга, существует на самом деле. Желающие убедиться могут посетить помянутый сайт ИБВ. В огромной мере в этом заслуга экспертов института и его постоянных авторов — учёных и дипломатов, разведчиков и военных, политиков и бизнесменов. Низкий им всем за это поклон.

Мало кто мог представить четверть века назад, что именно к такому результату приведёт случайная встреча автора с Владимиром Рыбаковым — блестящим арабистом и дипломатом, работягой и оптимистом, безвременно ушедшим из жизни. Именно в результате этой встречи был создан Институт Ближнего Востока — сначала как Институт изучения Израиля, переименованный позже в Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. Притом, что легенды о причинах этих переименований, гуляющие по Интернету, имеют мало общего с действительностью.

Помимо прочего, одним из следствий этой встречи было то, что ближневосточный архив ИМЭМО не отправился на помойку, как отправились туда многие библиотеки и архивы страны, причём далеко не только в 90-е годы, но и куда позже — вплоть до нынешних времён, когда мелким чиновникам отданы на управление, а точнее, на поток и разграбление учёные, вне зависимости от чинов, степеней и заслуг. Но был оный архив сохранён, по мере сил приумножен и доступен специалистам. Автор вообще крайне отрицательно относился и относится к уничтожению и разбазариванию накопленных знаний. Оно противоречит его хозяйственной натуре. Да и вообще нехорошо.

Читатель не найдет в представленной его вниманию книге идеологии. Это не прозападная книга, прочитав которую, нужно омыться слезами и поползти на коленях просить прощения у человечества. Это не антизападная книга, где точно подсчитано, когда, как и каким именно образом мировой заговор (совершенно неважно, чей) захватит Россию, расчленит её и начнёт высасывать из страны последние соки. Автор вообще всю жизнь старается держаться подальше от сумасшедших. Хотя всё труднее найти место, где их нет. То ли скорбных умом больно много стало. То ли мест мало.

Читатель не найдёт на страницах книги подтверждения или опровержения теорий насчёт того, станет ли Россия исламской, останется православной (если полагать, что она когда-либо ею была на самом деле) или станет демократической (кто бы объяснил, что в данном случае имеется в виду — и зачем оно несчастной России нужно). Автор старается держаться подальше от жаждущих приобщить страну и его персонально к свету Б-жьему и к числу истинно верую-

щих, вне зависимости от того, к какой конфессии или идеологии они принадлежат. Хватает ему юродивых в средствах массовой информации, куда их несёт как мух на мёд.

Близкое знакомство с немалым числом иерархов всех трёх авраамических религий (иудаизма, ислама и христианства) не сделало его воинствующим атеистом только вследствие природного добродушия и наличия среди религиозных знакомых большого числа людей чрезвычайно достойных и приличных. Не менее близкое знакомство с фанатичными адептами внедрения демократии любой ценой заставило заподозрить в них особую разновидность религиозных фанатиков. Что до воровства, люди религиозные или светские, как выяснилось, им увлекаются столь часто и последовательно, что разница в мотивации стирается перед результатом: все они одним миром мазаны — или воруют, или нет.

Опять же читатель не найдет в данной книге апологетики той или другой национальности, хотя все, пусть внутри себя, относятся к какому-нибудь народу, какой-либо культуре и какой-то цивилизации. От этого они не лучше и не хуже. Не умнее и не образованнее. Не порядочнее. Не пристойней ведут себя на людях и в семье. Автор не исключение и никогда себя таковым не полагал. При этом читатели могут не стараться догадаться, к каким именно народу, культуре и цивилизации он относится — это было бы по отношению к ним нечестно. Чего издеваться над людьми?

Если то, что автор еврей, вырос в СССР, родился и прожил жизнь в Москве, корни его с Украины, а родственники живут не только в России, но и в США, Канаде, Израиле, Франции, Польше, Казахстане, Туркменистане и на той же Украине, в чём-то помешает

читателю, книгу нужно немедленно закрыть и поставить на полку. Или, если это мешает очень сильно, её можно купить и сжечь. Вольному воля, спасённому рай. Информация, которая в ней содержится, и оценки, которые даются, основаны на фактах. За это автор ручается. Всё прочее исходит от его, автора характера и взгляда на жизнь.

Ну и немного по делу. Общение с сотнями студентов Института стран Азии и Африки МГУ в ходе почти 2-х десятилетий преподавания в этой альма-матер современного российского востоковедения и огромным числом слушателей других российских, постсоветских, западных и израильских вузов показало, что у будущих международников есть масса вопросов, ответы на которые они не могут найти. В том числе потому, что ответы эти часто скрыты под напластованиями ведомственных мифов и стереотипов или противоречат политкорректности и толерантности.

Причём вопросы, которые задают профессора и миллиардеры, министры и конгрессмены, журналисты и религиозные лидеры, депутаты парламентов и просто читающая публика, отличаются от вопросов студентов только возрастом и социальным статусом интересантов. Как следствие, 2 академические монографии, несколько сотен статей и тысяч интервью пробудили в авторе большое раздражение по поводу того, что он вынужден раз за разом излагать интересующимся, повторяясь или, напротив, пытаясь остаться оригинальным.

Естественной была попытка суммировать накопившийся личный опыт, касающийся Ближнего и Среднего Востока, в надежде, что после этого все любопытствующие оставят его в покое и дадут возможность

заняться вещами, для него более интересными. Любезное, хотя и несколько неожиданное, предложение издательства «Эксмо» что-нибудь для этого издательства написать пришлось в этой связи очень кстати. Хотя, говоря по чести, в конечном счёте помогло автору как мёртвому припарки.

Скорее всего, такой поворот судьбы стал закономерным итогом длинной цепочки попыток удовлетворить любознательность автора в отношении мира людей, далёких от тяжёлой промышленности. Если бы его друг и выпускник того же Московского института стали и сплавов, известный телеведущий и радиожурналист Владимир Соловьёв не спровоцировал его участие в своих еженедельных передачах на Вестях FM, издательство, регулярно выпускающее книги самого В. Соловьёва, вряд ли узнало бы о существовании Института Ближнего Востока и его президента. Мало ли в Бразилии Педро?..

Опять-таки, если бы задолго до того, в 1995-м году, банкир и медиамагнат Владимир Гусинский не привлёк тогда ещё молодого и стройного автора, как видного еврейского общественника, к созданию Российского еврейского конгресса (что есть совсем другая, хотя и не менее интересная, но требующая отдельной книги — и, может быть, не одной, история), ему, не исключено, никогда не довелось бы встретиться с Володей Соловьёвым.

Да что там, если бы в 1982-м году московский разгильдяй и нынешний житель Израиля Сергей Луговской не втащил ещё совсем юного автора в свой кружок изучения иврита (результатом чего стала цепочка удивительных встреч и событий, описанных в соответствующих книгах, изданных тем же многотерпеливым «Эксмо»), ему не довелось бы участвовать в создании

большей части еврейских организаций СССР и России в 80–90-х годах прошлого века…

И наконец, если бы отец Луговского не занимался в МИСиС, где отучили своё Соловьёв, автор и множество других людей, как работающих по специальности, так и забросивших её ради чего-либо более увлекательного, непрерывной разливкой стали, одним из создателей которой был Ян Сатановский — гениальный конструктор металлургического оборудования и лучший на свете папа, с чего бы начался разговор у Московской хоральной синагоги, отдалённым итогом которого стала эта книга? Всё связано между собою в этом лучшем из миров…

Послесловие

Спасибо тем, которые...

Хорошо воспитанные авторы приличных книг, как правило, благодарят тех, на чью помощь или бездействие (отсутствие помех со стороны тех, кто мог бы их создать — лучшая поддержка) они могли опереться в своей работе. Не смея, да и не желая нарушать эту традицию, автор хотел бы поблагодарить всех, чей труд воплотился в эту книгу.

Жену Машеньку, которая стояла и стоит рядом, освещая и согревая жизнь всех окружающих, без которой автор бы никем не стал. Дочь Эмму, добрую и мудрую, и её мужа Костю. Сына Лёню, компьютерщика-сноубордиста, и его жену Ксюшу, чья улыбка подарила автору еще одну дочь. Малыша Яна, рождение которого обеспечило семью лучшим на свете внуком.

Маму — Александру (Шуру) Вагнер-Сатановскую и маму жены, которую язык не поворачивается назвать тёщей, — Римму Вепринскую, двух добрых ангелов семьи, родни, друзей, знакомых и всех окружающих. А также братьев, племянниц, внучатых племянников и племянниц и всех остальных родственников, дальних и ближних, — с обеих сторон.

Институтских друзей — Анатолия (Толика) Циоса, Сашу (Алекса) Иоффе и Сашу (Сахно) Спектора вместе с их жёнами, детьми и родителями. За то, что они есть, и в надежде, что они будут всегда.

Партнёров и коллег по «Ариэлю», корпорации, ставшей для автора ещё одной семьей, — Сергея Роленкова, Вадима Брайниса, Александра Жукова, Виталия Кузнецова и Сергея Хрущёва, без которых у него ничего бы никогда в жизни не получилось, и всех тех, кто четверть века строил и строит этот уникальный коллектив, равных которому автор не знает.

Ефима Жигуна, чья работоспособность и преданность делу не имеют равных, итогом чего стал Институт Ближнего Востока, три десятка лет дружбы и работы автора с которым превратили их в сиамских близнецов.

Ушедших несправедливо рано Владимира Рыбакова, открывшего для автора Палестину, и великого Сергея Старостина, сделавшего это же со сравнительным языкознанием, — да будет земля пухом им обоим!

Экспертов и авторов ИБВ, со многими из которых автора связывает искренняя дружба, талантливых востоковедов, на работы, рассказы и советы которых автор опирался и опирается, полагая их лучшей в мире командой ближневосточников, олицетворяющих лучшие традиции российской и советской академической школы.

Особая благодарность тем, кто участвовал в создании Института Ближнего Востока и формировал его политику на протяжении двух десятилетий: Владимиру Исаеву, Андрею Федорченко и Александру Филонику.

Не деля их на мэтров и представителей молодого поколения, представителей дипломатического кор-

пуса и академических структур, организаторов науки и высшего образования, граждан России и других государств, автор приносит признательность за всё, что они сделали для востоковедения: Махмуду Аббасу (Абу-Мазену), Айдару Аганину, Сергею Алейникову, Марианне Аруновой, Сергею Арутюнову, Владимиру Ахмедову, Сергею Бабкину, Вячеславу Белокриницкому, Юрию Бондарю, Юрию Бочарову, Алексею Воловичу, Валерию Воробьёву, Анатолию Вяткину, Амуру Гаджиеву, Зеэву Гейзелю, Надежде Глебовой, Евгению Говердовскому, Семёну Гольдину, Михаилу Гринбергу, Михаилу Гусеву, Аркадию Дубнову, Елене Дунаевой, Владимиру Евсееву, Ольге Жигалиной, Наталье Замараевой, Александру Игнатенко, Юлии Ильиной, Максиму Казанину, Сергею Каменеву, Татьяне Карасовой, Эльдару Касаеву, Анне Кашиной, Якову Кедми, Аркадию Ковельману, Николаю Кожанову, Станиславу Кожеурову, Григорию Косачу, Евгению Кудрову, Александру Кузнецову, Фёдору Лукьянову, Алексею Малашенко, Первину Мамед-заде, Нине Мамедовой, Анне Манафовой, Дмитрию Марьясису, Михаилу Мейеру, Александру Меламеду, Елене Мелкумян, Владимиру Месамеду, Александру Милитарёву, Нодару Мосаки, Владимиру Москаленко, Ирине Моховой, Дмитрию Нечитайло, Алексею Носкову, Владимиру Орлову, Филиппу Плещунову, Алексею Подцеробу, Владимиру Сажину, Марине Сапроновой, Ирине Свистуновой, Сергею Серёгичеву, Владимиру Сотникову, Ивану Стародубцеву, Петру Стегнию, Римме Субханкуловой, Нукзару Тер-Оганову, Владимиру Титоренко, Петру Топычканову, Наталье Ульченко, Александру Умнову, Владимиру (Зеэву) Ханину, Марии Ходынской-Голенищевой, Велвлу Чернину, Михаилу Чернину, Михаилу Членову, Валерьяну Шуваеву, Зеэву Элькину, Алеку

Эпштейну, Валентину Юрченко, Елизавете Якимовой и Михаилу Якушеву.

Искренняя благодарность людям, которые, входя в высшие эшелоны власти, остались профессионалами-востоковедами: премьер-министру Республики Казахстан Кариму Масимову, вице-президенту «Транснефти» и экс-председателю Комитета по международным делам Совета Федерации РФ Михаилу Маргелову и заместителю министра иностранных дел России Михаилу Богданову.

Низкий поклон великому практику и патриоту науки и своей страны академику Евгению Примакову, который никогда никому из своих сотрудников, где бы он ими ни руководил, не запрещал сотрудничать с Институтом Ближнего Востока — мир его памяти.

И перед тем, как «прекратить дозволенные речи», — спасибо тем, без кого этой книги не было бы. Михаилу Веллеру, у которого автор учился писать. Михаилу Жванецкому, у которого он учился говорить. Владимиру Соловьёву, журналисту, телеведущему и другу, отцу идеи «что-то написать». Наталье Бурцевой, экс-редактору «Эксмо», подстёгивание и долготерпение которой сделали это возможным, и многотерпеливой Эльвире Саляховой, унаследовавшей её дело.

Да сбудется всё то, что сами они хотели бы пожелать себе, своим родным и близким и всем своим и их, родных и близких, домашним питомцам!

Научно-популярное издание

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Сатановский Евгений Янович

КОТЁЛ С НЕПРИЯТНОСТЯМИ

Ближний Восток для «чайников»

Ответственный редактор *Э. Саляхова*
Младший редактор *А. Михеева*
Художественный редактор *Р. Фахрутдинов*
Технический редактор *Г. Романова*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*
Корректор *Э. Фадюшина*

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.
Тауар белгісі: «Э»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 28.04.2016. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «CharterITC». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж 5000 экз. Заказ № 906.

Отпечатано в ООО «Тульская типография».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.
Тауар белгісі: «Э»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251-58-12 вн. 107.
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department for their orders.

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.*

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса:
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел.: (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел.: (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО«РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3. Тел.: +7 (383) 289-91-42.
В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев,пр. Московский, 9 БЦ «Форум». Тел.: +38-044-2909944.

Полный ассортимент продукции Издательства «Э» можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру. Тел.: +7 (495) 745-89-14.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

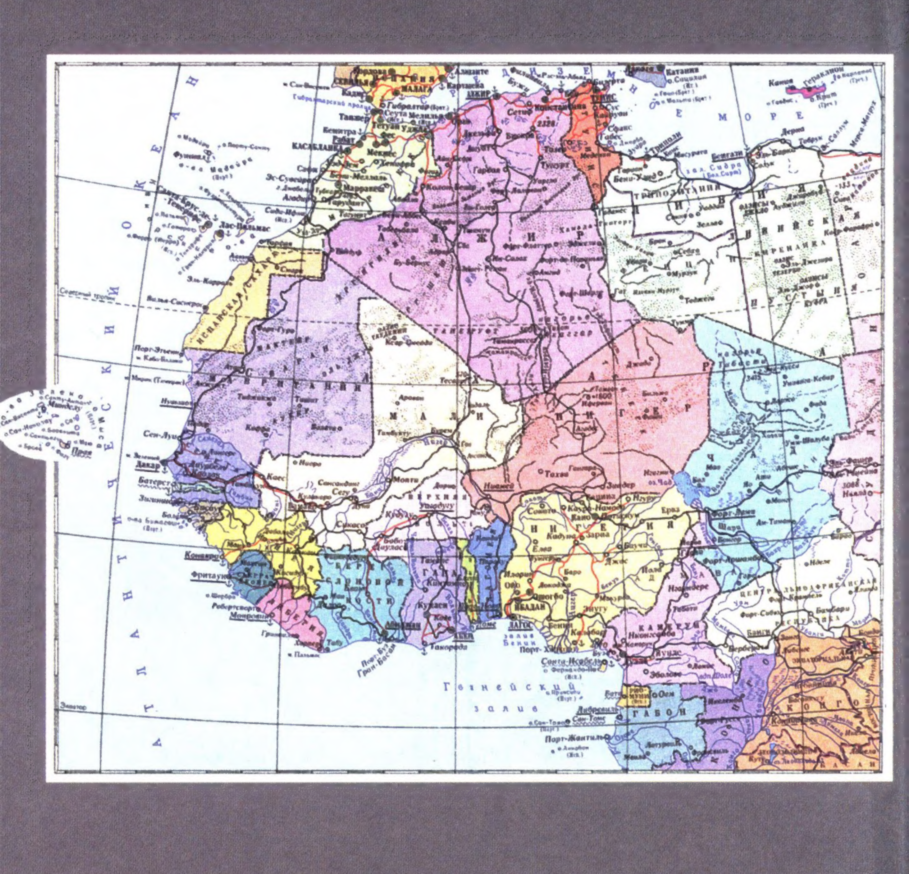
Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

ISBN 978-5-699-89774-2

ИСПАНИЯ
МАЛАГА
Аликанте
Картахена
Гибралтар (Брит.)
Сеута
Мелилья
Танжер
Тетуан
Уджда
Бенитра
Рабат
КАСАБЛАНКА
Мекнес
Марракеш
Тарудант
Сафи
Эс-Сувейра
Агадир
Сиди-Ифни
Лас-Пальмас
Санта-Крус-де-Тенерифе
Фуншал
Северный тропик
ИСПАНСКАЯ САХАРА
Вилья-Сиснерос
Эль-Аюн
Порт-Этьен
Нуакшот
Сен-Луи
Дакар
Батерст
Зигиншор
Конакри
Фритаун
Монровия
Робертспорт
Прая
МАВРИТАНИЯ
Фор-Гуро
Тиджикжа
Тишит
Кифа
Валата
М А Л И
Араван
Томбукту
Ниоро
Каес
Сансандинг
Сегу
Кулликоро
Бамако
Мопти
Сикасо
ВЕРХНЯЯ ВОЛЬТА
Уагадугу
Бобо-Диуласо
Тамале
Кумаси
Абиджан
Аккра
Такоради
Ломе
ЛАГОС
ИБАДАН
Илорин
Огбомошо
Кадуна
Зария
Кано
Сокото
Баучи
Джос
Енугу
Бенин
Калабар
Порт-Харкорт
Н И Г Е Р И Я
Ниамей
Тахуа
Зиндер
Агадес
Бильма
Н И Г Е Р
Ч А Д
оз. Чад
Форт-Лами
Ати
Абеше
Фада
Тибести
Форт-Аршамбо
Нгаундере
Яунде
Дуала
КАМЕРУН
Санта-Исабель
Гвинейский залив
Либревиль
Сан-Томе
ГАБОН
Порт-Жантиль
РИО-МУНИ
Банги
ЦЕНТРАЛЬНОАФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
КОНГО
Эль-Фашер
АЛЖИР
Константина
Сетиф
Бискра
Туггурт
Уаргла
Гардая
Колон-Бешар
Форт-Флаттер
Ин-Салах
Таманрассет
ТУНИС
Сфакс
Габес
Триполи
Мисурата
Бенгази
Тобрук
ТРИПОЛИТАНИЯ
КИРЕНАИКА
ЛИВИЙСКАЯ ПУСТЫНЯ
Себха
Мурзук
Куфра
о. Сицилия
о. Крит
С Р Е Д И З Е М Н О Е   М О Р Е
А Т Л А Н Т И Ч Е С К И Й   О К Е А Н
Экватор

ТУРКМЕНСКАЯ
ССР
ТЕГЕРАН
КАБУЛ
ХАЗАРАДЖАТ
КАРАЧИ
БЕЛУДЖИСТАН
МУЛТАН
РАДЖАСТАН
Самарканд
Душанбе
Бухара
Пешавар
Оманский залив
АРАВИЙСКОЕ МОРЕ

Евгений Сатановский *— один из самых востребованных экспертов, ученый с мировым именем, писатель, ведущий популярной программы «От двух до пяти» на радиостанции «Вести ФМ».*

Частый гость и участник наиболее значимых международных форумов и конференций, посвященных мировой политике и экономике.

Что представляет собой Ближний и Средний Восток?

***

Кто управляет регионом: династии и диктаторы?

***

Почему на мусульманском Ближнем Востоке демократия бывает только исламской?

***

О региональных сверхдержавах и имперских амбициях. Кто кого: новы… …ская Порта или новая …я?

Россия … …е в регионе друг,

Это не энциклопедия, не справочник и не сборник путевых рассказов. Но в этой книге можно найти сведения о регионе, который является источником основных угроз для всего мира. Ближний и Средний Восток – это нефть и газ, всемирно известные курорты и крупнейшие на планете рынки вооружений и военной техники. Это колыбель современной цивилизации и родина иудаизма, христианства и ислама. Но это и источник терроризма и наркоторговли, опасный для Евросоюза, Соединённых Штатов, Китая, Индии и России, – настоящий «котёл с неприятностями». Знать о нём всё невозможно, но понимать, что именно происходит на пространстве от североафриканского побережья Атлантики до границ Индии и от Сомали до российской границы, – полезно для выживания. Автор попытался дать читателю эту возможность. И только от самого читателя зависит, воспользуется ли он ею.

Евгений
САТАНОВСКИЙ

КОТЁЛ С НЕПРИЯТНОСТЯМИ

Ближний Восток для «чайников»